

ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского
государственного
педагогического
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**№ 4 (37)
2015**

ВЕСТНИК

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.

№ 4 (37) 2015 г.

Выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-29393 от 24 августа 2007 г.

Учредитель издания:
Сургутский государственный
педагогический университет

Адрес редакции:
628417, ХМАО – Югра,
Тюменская обл., г. Сургут,
ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, каб. 217,
редакция журнала «Вестник СурГПУ»

E-mail: vestnik@surgpu.ru

Сдано в печать 22.06.2015 г.
Формат 70x100/16
Авт. л. 17,1
Печать цифровая
Гарнитура DejaVu Serif
Тираж 1000
Заказ № 34
Техническая редакция, вёрстка – РИО СурГПУ
Отпечатано в РИО СурГПУ

© Сургутский государственный
педагогический университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ**НАУКА – ОБРАЗОВАНИЮ**

Лазарев В.С.	Проблема способности школ к развитию и программа ее улучшения	5
Захожая Т.М., Фролова Н.В.	Особенности практической подготовки будущих учителей в современных условиях	16
Носова Л.Н.	О формировании действия оценки у будущих учителей	26
Говорухина А.А., Мальков О.А., Новоселова А.А.	Оценка уровня мотивации и мотивационной доминанты школьников	34

НАУЧНЫЙ ПОИСК**СОЦИОЛОГИЯ**

Амбарова П.А.	Процессы темпоральной самоорганизации в научно-педагогическом сообществе	43
Антонов О.В., Андреева Ф.А., Мальков О.А.	Субъективная оценка школьниками безопасности влияния компьютера на их досуг и здоровье	53
Багирова А.П., Сапожникова К.А.	Тренерский труд в Российской Федерации: трудности и противоречия	60
Быкова Д.Г.	Формирование установок населения Свердловской области на осознанное родительство: опыт исследования и концепция информационно-пропагандистской кампании	66
Ваторопин А.С.	Социология и квантовая физика: поиск новой социологической парадигмы	72
Ворошилова А.И.	Диспозиционный подход к изучению мотивации родительского труда	81
Зборовский Г.Е.	Поколенческие общности сквозь призму темпоральных характеристик	87
Любчук В.В.	Внекультовые практики как актуализация гражданской направленности в деятельности современных христианских церквей	95
Певная М.В.	Общность российских волонтеров как ресурс социального управления	101
Силин А.Н., Чупашева Е.В.	Коммуникативная компетентность менеджера	111
Шуклина Е.А.	Massive Open Online Courses как актуальная модель самообразования информационной эпохи	115

**СОЦИОЛИНГВИСТИКА
И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА**

Дрига С.С.	Выявление стереотипного образа «русский», «мигрант» (опыт лексико-семантического эксперимента)	122
Сироткина Т.А., Бреусова Е.И.	Некоторые проблемы лингвистической экспертизы	132
Харламова М.А.	Реконструкция языковой картины мира как основной принцип нового лексикографического проекта	138

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Гололобов Е.И.</i>	Охрана окружающей среды на Севере Западной Сибири в XIX-XX вв.	143
<i>Мариупольский А.М.</i>	Развитие водочного производства в России во второй половине XIX – начале XX вв. на примере Западной Сибири	148
<i>Марковская Ю.Л.</i>	С.А. Рачинский и Л.Н. Толстой: к истории взаимоотношений	153
<i>Мауль В.Я.</i>	Российская историография начала XXI века о Пугачевском бунте (некоторые аспекты проблемы)	160
<i>Милевский О.А.</i>	В поисках «третьего пути»: Л.А. Тихомиров и Б. Муссолини (опыт сравнительного анализа концепций государственного строительства)	170
<i>Миронов В.В.</i>	Гроцианские ценности и основы международного общества в творчестве Х. Булла	182
<i>Мостовенко М.С.</i>	Проблемы традиционного природопользования на Севере Западной Сибири в 1950-1960-е годы XX века	190
<i>Приходько Ю.С., Гололобов Е.И.</i>	Методологические аспекты исторического исследования экологической политики государства (на примере Севера Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI вв.)	195
<i>Токтоньязова Ф.М.</i>	Начало публицистической деятельности О.А. Новиковой (вторая половина 1870-х гг.)	201
 <i>СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ</i>		209
 <i>ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ</i>		214

НАУКА – ОБРАЗОВАНИЮ

УДК 373.1(470+571)
ББК 74.244.3(2Рос)

В.С. ЛАЗАРЕВ

**ПРОБЛЕМА СПОСОБНОСТИ ШКОЛ К РАЗВИТИЮ
И ПРОГРАММА ЕЕ УЛУЧШЕНИЯ**

V.S. LAZAREV

**THE PROBLEM OF SCHOOLS' CAPACITY TO DEVELOP
AND THE PROGRAMME OF ITS IMPROVEMENT**

Введение новых ФГОС общего образования требует от школ радикально модернизировать свою образовательную деятельность, осуществив переход от ЗУНовской модели построения учебно-воспитательного процесса к модели, построенной на системно-деятельностных принципах. В статье показывается, что существенным ограничением для успешного решения этой задачи является низкая способность основной массы школ к развитию. Предлагается программа улучшения этой способности, посредством выращивания в школе новой практики инновационной деятельности.

Introduction of new FSES (Federal State Educational Standards) of compulsory education requires from schools to bring up to date their educational activities by the way of transition from the knowledge-and-skills model of organisation of education-and-bringing-up process to the model based on system-activity principles. In the article it is emphasized that the low level of capacity of the greater part of schools to develop prevents from realising this task. The programme of the capacity increase by means of implementation of new innovation activity process is offered in the article.

Ключевые слова: развитие педагогической системы, инновационная деятельность, качество инновационной деятельности, способность школы к развитию, инновационный потенциал педагогической системы, модернизация инновационной деятельности.

Key words: pedagogical system development, innovation activity, the quality of innovation activity, school's capacity to develop, innovation potential capacity of pedagogical system, innovation activity modernization.

1. Понятие способности школы к развитию

Практический опыт и специальные исследования свидетельствует, что образовательные учреждения в разной степени успешности выявляют объективные потребности улучшения своей образовательной деятельности и с разной интенсивностью и эффективностью осуществляют изменения в ней. То есть они демонстрируют разную способность к развитию.

Развитие образовательного учреждения – это процесс качественных изменений в структуре и компонентах его педагогической системы (образовательных программах, технологиях, кадрах, материально-технической базе и др.), вследствие чего она приобретает способность достигать более высоких, чем прежде, результатов образования.

Целенаправленные изменения в педагогических системах производятся путем введения в них каких-то новшеств. *Новшество* – это любая педагогическая разработка, организационная форма, техническое средство и др.

введение которых в педагогическую систему, при соответствующем использовании способно улучшить результаты ее работы. Новшество – это средство *возможного* повышения эффективности образовательной системы. Но возможное не всегда становится действительным.

Реализованное изменение называют *нововведением*. Его также называют *инновацией* (лат. in – в, novus – новый). Новшество и нововведение (инновация) существуют в разных пространствах. Новшество находится одновременно на *внешней границе* многих педагогических систем, оно как бы предлагает им себя. Нововведение существует *внутри* конкретных педагогических систем, освоивших новшество.

Деятельность, в ходе осуществления которой производятся целенаправленные изменения в образовательной и управленческой системах образовательного учреждения, приводящие к повышению его эффективности, называют *инновационной*.

В содержание инновационной деятельности входит:

- выявление актуальных потребностей изменений в образовательной деятельности (выявление проблем);
- выявления существующих разработок, использование которых потенциально могло бы повысить качество образовательной деятельности на каких-то ее участках (выявление *возможностей развития*);
- самостоятельная разработка новшеств;
- проектирование желаемого будущего и способа движения к нему;
- проектирование частных нововведений;
- практическое осуществление нововведений.

Способность образовательного учреждения к развитию, или иначе – его *инновационный потенциал* я понимаю как такое его (образовательного учреждения) качество, которое определяет, насколько оно эффективно выявляет проблемы своей образовательной деятельности, находит и использует возможности для их решения.

Способность образовательного учреждения к развитию – это интегративное качество. Я выделяю в ней четыре составляющие:

- 1) чувствительность образовательного учреждения к проблемам;
- 2) его восприимчивость к возможностям развития;
- 3) продуктивность целеполагания;
- 4) внедренческая продуктивность.

Составляющую инновационного потенциала, проявляющуюся в качестве выявления проблем образовательной деятельности, будем называть *чувствительностью к проблемам*.

Составляющую инновационного потенциала, проявляющуюся в качестве выявления возможностей развития повышения эффективности образовательной деятельности, будем называть *восприимчивостью к возможностям развития*.

Составляющую инновационного потенциала, проявляющуюся в качестве проектирования целей ее развития (проектирования желаемого будущего), будем называть *продуктивностью целеполагания*.

Составляющую инновационного потенциала, проявляющуюся в качестве планирования и осуществления нововведений, будем называть *внедренческой продуктивностью*.

Если представить себе, что существует некоторое множество объективно необходимых изменений (которые субъект инновационной деятельности может знать или не знать), то та часть, которую он знает, характеризует качество выявления проблем. Точно так же можно выделить множество объективно существующих возможностей улучшения педагогической системы образовательного учреждения и ту часть этих возможностей, которая известна субъекту. Пересечение выявленных субъектом недостатков и известных ему возможностей для их устранения образует пространство потенциальных возможностей улучшения педагогической системы образовательного учрежде-

ния. То, какая часть этой потенциальной возможности используется, характеризует инновационный потенциал образовательного учреждения.

Исходя из этого, *уровень инновационного потенциала* образовательного учреждения (уровень его способности к развитию) можно определить как отношение между необходимыми, потенциально возможными и фактически реализуемыми изменениями в его педагогической системе.

2. Необходимость повышения инновационного потенциала школ

Опыт 90-х годов прошлого и первого десятилетия нынешнего столетий, а также специальные исследования показывают, что в массе школы демонстрируют не высокую способность к развитию, и что механизмы инновационной деятельности в них нуждаются в существенной модернизации. Назову основные проблемы качества инновационной деятельности в системе общего образования.

Проблема адекватности стратегической ориентации школ. Сегодня обнаруживается четыре основных типа стратегии поведения образовательных учреждений в изменяющейся среде их существования: *пассивно-приспособительная, активно-приспособительная (ситуативная), опережающая (лидерская) и преобразующая.*

Образовательные учреждения, реализующие *пассивно-приспособительный* стиль адаптационного поведения характеризуются запаздывающей реакцией на изменяющиеся требования к их деятельности и проводят изменения лишь тогда, когда не реагировать уже нельзя. Как правило, эти учебные заведения не ведут самостоятельных разработок новшеств и не проявляют активности в их поиске. Изменения в педагогической системе, которые они производят, либо навязываются им «сверху», либо это разработки, идеи, хорошо зарекомендовавшие себя во многих других образовательных учреждениях, и для массовой практики уже давно не обладающие новизной. Эти изменения в подавляющем большинстве случаев не предполагают глубоких преобразований в учебно-воспитательной деятельности.

Образовательные учреждения, реализующие *активно-приспособительный* стиль адаптации, стремятся выделиться среди других учебных заведений. Основное их отличие от школ с пассивно-приспособительным типом стратегической ориентации состоит в том, что они ищут и внедряют новшества по собственной инициативе, стараясь уловить запросы различных групп населения, создать свой имидж как учебного заведения не похожего на других. Это достигается за счет введения различных усовершенствований в педагогическую систему, учитывающих интересы учащихся и их родителей. Такие образовательные учреждения ориентируются, в основном, на запросы сегодняшнего дня. Внедряемые ими новшества призваны усовершенствовать педагогическую систему школы на каких-то участках, но не предполагают системных и радикальных изменений.

Опережающий или *лидерский* стиль адаптации к будущему реализуют школы, ориентированные на создание новой педагогической системы, учитывающей прогнозные оценки будущего профессионального образования. Педагогические коллективы этих учебных заведений внимательно следят за всеми новыми идеями и тенденциями развития образования, критически относятся к практическому опыту и различным способам частных усовершенствований. При построении своей педагогической системы такие школы тесно сотрудничают с наукой. Ориентация на требования будущего, наличие концепции целостной педагогической системы развития, основанной на современных достижениях педагогической и других наук, системность в осуществлении инновационной деятельности – главные признаки учебного заведения с опережающим, лидерским типом адаптации к будущему.

Образовательные учреждения с *преобразующим* стилем адаптации к будущему во многом схожи с теми, кто реализует лидерский стиль. Они также ориентированы на требования будущего и осуществляемые в них преобра-

зования имеют системный и глубокий характер, хотя и не всегда столь же радикальны, как у учебных заведений с лидерским стилем адаптации. Их главное отличие в том, что они не только адаптируются к изменениям в среде, а стремятся воздействовать на свое окружение и, по возможности, сделать его более благоприятным для своей деятельности. Такие учебные заведения проводят глубокий и многоаспектный анализ не только своей педагогической системы, но и социальной ситуации в ближайшем окружении. Меры, которые они планируют и реализуют, направлены на изменения как в своем учебном заведении, так и в окружающей его социальной среде. Они становятся социокультурными центрами развития территорий, на которых они действуют.

Основная масса российских школ реализуют стратегии поведения двух первых типов.

Проблема чувствительности образовательных учреждений к актуальным потребностям развития своей педагогической системы (чувствительности к проблемам). Уровень чувствительности к проблемам определяется качеством аналитической работы в образовательных учреждениях. В большинстве школ функция анализа выполняется формально, и он оказывается малополезным. Анализ образовательной деятельности фрагментарен. Не анализируются причинно-следственные связи недостатков в результатах образования и недостатков педагогической системы. Проблемы, если и выделяются, то в большинстве случаев связываются с действием внешних факторов, не зависящих от образовательного учреждения (недостаток финансирования, дети не хотят учиться, родители устраняются от воспитания своих детей, и т.п.). Проблемы определяются неконкретно.

Проблема восприимчивости образовательных учреждений к возможностям своего развития. В способности образовательных учреждений находить и адекватно оценивать разработки, использование которых потенциально может улучшить результаты их образовательной деятельности, также существуют сегодня существенные различия. Многие учреждения не проявляют активности в поиске разработок, внедрение которых могло бы повысить эффективность образовательной деятельности, слабо информированы о тех возможностях для своего развития, которые существуют вовне.

Проблема планирования развития образовательных учреждений. Часть (хотя и небольшая) образовательных учреждений вообще не имеет планов своего развития. У основной массы образовательных учреждений, имеющих планы (программы) развития, они обладают существенными недостатками, не позволяющими им быть эффективным инструментом управления изменениями педагогической системы. Основной недостаток большинства программ развития – их *несистемность*. Разработчики программ еще до проведения всякого анализа принимают одну-две идеи и вокруг них выстраивают концепцию будущего своего образовательного учреждения. Причины этого – размытость целей образования, отсутствие серьезного анализа состояния педагогической системы; слабая информированность о существующих научных разработках и передовом опыте; неумение планировать и проектировать. Наряду с несистемностью, самыми распространенными недостатками программ развития образовательных учреждений являются *неконкретность и нереалистичность их целей*.

Проблема мотивации участия педагогов в инновационной деятельности. Без активного участия педагогов в решении задач развития образовательного учреждения невозможно рассчитывать на успех в этом деле. Сегодняшняя ситуация дает достаточно поводов, чтобы признать ее неблагоприятной.

Введение нового стандарта образования ставит школы перед необходимостью принципиального изменения своей образовательной деятельности.

В отличие от действовавшего прежде, новый стандарт устанавливает требования к:

- результатам освоения основной образовательной программы: личностным, метапредметным и предметным;

- структуре основной образовательной программы;

- условиям реализации основной образовательной программы, в том числе кадровым, финансовым, материально-техническим и иным условиям.

Как справедливо отмечается в [3], лежащий в основе ФГОС общего образования системно-деятельностный подход обуславливает изменение общей парадигмы образования, которая находит отражение в переходе от:

- определения цели школьного обучения как усвоения знаний, умений, навыков к определению цели как умения учиться;

- изолированного от жизни изучения системы научных понятий, составляющих содержание учебного предмета, к включению содержания обучения в контекст решения учащимися жизненных задач, т.е. от ориентации на учебно-предметное содержание школьных предметов к пониманию учения как процесса образования и порождения смыслов;

- стихийности учебной деятельности ученика к стратегии ее целенаправленной организации и планомерного формирования;

- индивидуальной формы усвоения знаний к признанию решающей роли учебного сотрудничества в достижении целей обучения.

Стандарт ориентирует на достижение качественно иных результатов образования и переход от ассоциативно-репродуктивной модели обучения к модели, построенной на деятельностных принципах.

Уже требования к предметным результатам качественно отличаются тем, что устанавливают необходимость приобретения учащимися опыта специфической для каждой предметной области деятельности по получению нового знания, его преобразованию и применению. Требования же к достижению метапредметных результатов в большей части устанавливаются впервые.

Введение нового стандарта образования требует взаимосвязанных качественных изменений во всех компонентах образовательной системы школы, т.е. необходимость ее системной модернизации. Но наличие названных, и других проблем качества инновационной деятельности в школах свидетельствует о необходимости модернизации ее механизмов. Инновационная деятельность нуждается в изменениях не менее, чем образовательная. Проблема повышения качества инновационной деятельности сегодня не менее актуальна, чем проблема повышения качества самого образования. Более того, без решения первой невозможно решить вторую.

3. Программно-целевая модель системного развития школы

Для улучшения способности образовательного учреждения к развитию требуется модернизировать его механизмы инновационной деятельности. Чтобы рационально решать эту задачу, необходимо опираться на некую обобщенную теоретическую модель, на основе которой будет строиться новая практика. Такая модель 7П (Прогнозирование. Переоценка. Проблематизация. Проектирование. Планирование. Побуждение. Преобразование.) была разработана автором на основе синтеза идей организационного развития, системного анализа и программно-целевого управления [1], [2]. Модель 7П предполагает циклическую структуру инновационного процесса в образовательном учреждении. На каждом цикле разрабатывается и реализуется целевая программа развития. Логическая структура ее разработки и реализации включает в себя выполнение следующих этапов:

1. Системный анализ образовательной деятельности и выявление ее актуальных проблем (проблемно-ориентированный анализ).

2. Обсуждение состояния педагогической системы образовательного учреждения и выбор проблем, подлежащих решению в планируемый период.

3. Проектирование желаемой педагогической системы.

4. Разработка стратегии программы развития.

5. Формирование рабочих групп решения частных проблем.

6. Разработка проектов решения частных проблем.
7. Обсуждение и принятие проектов решения частных проблем. Принятие программы развития в целом.
8. Реализация программы.
9. Оценка результатов реализации программы. Институализация изменений в педагогической системе.

Хотя этапы перечислены в линейной последовательности, реальный инновационный процесс имеет не линейный характер.

Процесс развития школы в модели 7П понимается как процесс выявления и решения проблем. Прежде, чем какие-либо изменения станут вводиться, нужно определить, что не удовлетворяет в существующей образовательной системе, что следует изменить? Выявление и обоснование актуальной потребности в изменениях – необходимое условие осуществления всяких преобразований.

Необходимость развития образовательной системы школы возникает тогда, когда достигнутые результаты образования не соответствуют желаемым. Если такого несоответствия нет, то нет и необходимости в изменениях. Но выявлением несоответствия между целями и результатами на выходе образовательной системы или какой-то ее подсистемы, процесс проблематизации не завершается. Неудовлетворительные результаты чем-то порождаются, что-то является их причиной. Как нельзя эффективно лечить болезнь, обнаружив только ее симптомы, и не поставив диагноз, так и нельзя развивать педагогическую систему школы, не установив причин неудовлетворительности результатов. *Выявить проблемы образовательной системы – значит не только выявить наличие несоответствия между фактически и желаемыми результатами образования, но и установить причинно-следственные связи в системе, обуславливающие это несоответствие.*

Проблемы могут быть определены системно и не системно. Введению локальных и модульных изменений предшествует выявление проблем, но это частные проблемы. *Системное развитие школы требует системного определения проблемы.*

Системно определить проблемы образовательной деятельности школы – значит установить несоответствие между существующей образовательной системой и желаемой образовательной системой (рис. 1).

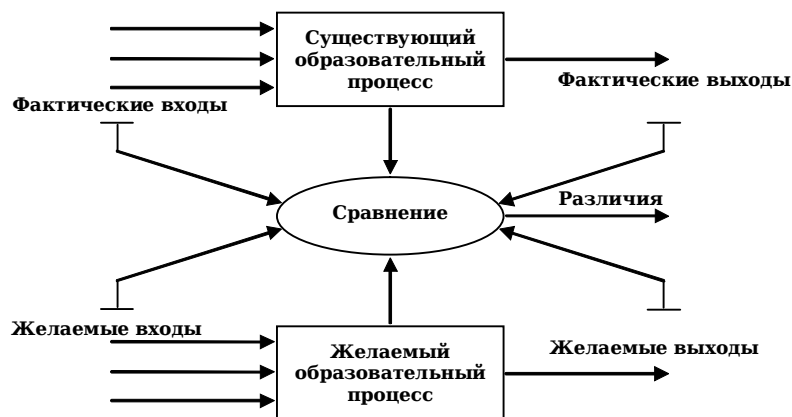

Рис. 1. Системная модель проблемы

Решением такой проблемы будет приведение действующей педагогической системы в соответствие с желаемой. Для этого нужно найти и реализовать способ устранения несоответствия между тем, что есть и тем, что требуется. Применительно к развитию педагогической системы это означает,

во-первых, спроектировать такую систему, которая будет способна достигать желаемых результатов образования, во-вторых, спланировать процесс перехода от фактической к желаемой системе, в-третьих, реализовать действия по построению желаемой системы.

Образ желаемой педагогической системы и план действий по переходу от существующей системы к желаемой представляет собой *модель решения проблемы* (рис. 2).

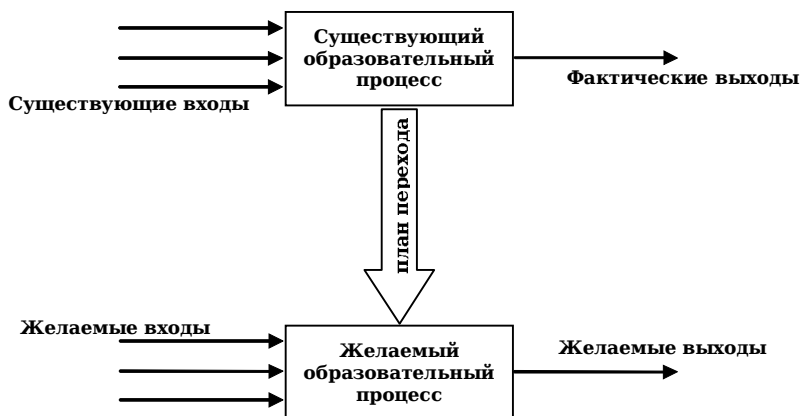

Рис. 2. Модель системного решения проблемы

Фактическое решение проблемы (или собственно решение) – это реальный процесс изменения существующей системы с целью перевода ее в желаемое состояние. Фактическое решение может в какой-то момент перестать соответствовать модели решения и это породит новую проблему. Ее устранение потребует разработки скорректированной модели развития образовательной системы.

Модель 7П содержит описание технологий реализации каждого этапа процесса выявления и решения проблем образовательной деятельности школы.

4. Программа модернизации инновационной деятельности школы

Предлагаемая программа улучшения способности школы к развитию на основе освоения ею модели инновационной деятельности 7П предусматривает выполнение следующих действий.

1. Анализ состояния инновационной деятельности в образовательном учреждении и обсуждение его результатов в педагогическом коллективе.
2. Подготовка к введению новой модели системы инновационной деятельности.
3. Проведение анализа образовательной деятельности школы на основе технологии проблемно-ориентированного анализа.
4. Рефлексия проделанной работы: обсуждение полученных результатов, выявление достоинств и недостатков. Анализ причин недостатков.
5. Корректировка способа и результатов анализа.
6. Проектирование желаемой педагогической системы.
7. Рефлексия проделанной работы: обсуждение полученных результатов, выявление достоинств и недостатков. Анализ причин недостатков.
8. Корректировка способа и результатов проектирования.
9. Разработка стратегии перехода от существующей образовательной системы к желаемой.
10. Рефлексия проделанной работы: обсуждение полученных результатов, выявление достоинств и недостатков. Анализ причин недостатков.

11. Корректировка способа и результатов стратегического планирования.

12. Разработка частных внедренческих проектов.

13. Рефлексия проделанной работы: обсуждение полученных результатов, выявление достоинств и недостатков. Анализ причин недостатков.

14. Корректировка способа и результатов разработки частных внедренческих проектов.

15. Осуществление преобразований.

16. Рефлексия проделанной работы: обсуждение полученных результатов, выявление достоинств и недостатков. Анализ причин недостатков.

17. Корректировка способа осуществления преобразований.

Анализ состояния инновационной деятельности в образовательном учреждении призван дать ответ на вопрос: что необходимо изменить в механизмах этой деятельности, чтобы образовательное учреждение было способно решать задачи своего развития на более высоком уровне. Анализ выполняется консультантами (внешними агентами изменений), либо специально подготовленными сотрудниками образовательного учреждения (внутренними агентами изменений).

Предметами анализа служат:

- стратегическая позиция и стратегическая ориентация образовательного учреждения;
- механизмы проблематизации;
- механизмы поиска и оценки новшеств во вне;
- механизмы планирования развития образовательного учреждения;
- механизмы контроля и регулирования осуществления нововведений;
- готовность персонала учреждения к участию в инновационной деятельности;
- мотивационная среда инновационной деятельности;
- степень участия общественных органов управления в решении задач развития образовательного учреждения.

В результате анализа должны быть выявлены сильные и слабые стороны каждого из обследуемых предметов.

Стратегическая позиция и стратегическая ориентация школы выявляется в процессе изучения программы ее развития, интервьюирования его руководителей, опроса персонала. Результатом этого должен стать вывод о том, какую позицию занимает образовательное учреждение в конкуренции с аналогичными образовательными учреждениями, в какой мере реализуемая им стратегия движения в будущее соответствует объективно существующим потребностям и возможностям развития образовательного учреждения.

Способность школы выявлять объективно существующие актуальные проблемы учебно-воспитательной деятельности и адекватно оценивать их значимость оценивается в ходе изучения следующих аспектов:

- существуют ли регламентированные процедуры анализа состояния образовательной деятельности и определены ли ответственные за их выполнение;
- по отношению к каким целям оцениваются результаты образования;
- операционально ли определяются недостатки в результатах образования;
- обосновано ли ограничивается анализ по широте;
- операционально ли определяются недостатки компонентов педагогической системы образовательного учреждения;
- как обосновываются выделяемые причины недостатков в результатах образования;
- какое участие принимают педагоги и общественность в анализе состояния педагогической системы образовательного учреждения.

Способность школы качественно реализовать функцию поиска возможностей оценивается в ходе изучения следующих аспектов:

- активность педагогов в разработке предложений по улучшению работы образовательного учреждения;
- доступность для педагогов профессиональной литературы и объема времени, который они тратят на ее изучение;
- интенсивность участия педагогов в организованных формах обмена информацией о новых разработках;
- интенсивность обсуждения в образовательном учреждении педагогических новшеств, разработанных наукой, передового опыта;
- полезность проводящихся обсуждений новых научных разработок, передового опыта;
- степень участия педагогов в поиске решений проблем образовательного учреждения;
- методическая оснащенность оценок предложений о внедрении новшеств.

Качество планирования нововведений – это характеристика инновационной деятельности, отражающая ее способность формировать образ своего желаемого будущего (с учетом выявленных проблем и возможностей их решения), а также разрабатывать структуры действий, выполнение которых приведет к достижению желаемых результатов. Качество планирования нововведений оценивается в ходе изучения следующих аспектов:

- наличие и определенность целей развития образовательного учреждения и проекта желаемой в будущем педагогической системы;
- информированность педагогов о перспективах изменений педагогической системы образовательного учреждения;
- методическая оснащенность перспективного планирования (планирования развития);
- наличие у разрабатываемых планов внедрения новшеств и планов экспериментальной работы свойств, необходимых, чтобы служить средством управления инновационным процессом;
- обоснованность оценок инновационных проектов, программ экспериментов;
- степень участия персонала в планировании изменений.

Качество мотивации участия персонала в инновационной деятельности – это характеристика того, в какой мере существующие в образовательном учреждении условия способны побуждать его сотрудников активно участвовать в решении задач развития его педагогической системы. Качество мотивации участия персонала в инновационной деятельности оценивается в ходе изучения следующих аспектов:

- наличие четко определенных результатов, ожидаемых руководством от участия каждого педагога в инновационной деятельности
- наличие форм материального и морального поощрения инновационной деятельности персонала;
- информированность персонала о формах, условиях и порядке поощрения за продуктивную инновационную деятельность;
- ценность для педагогов используемых поощрений;
- субъективные оценки педагогами справедливости распределения поощрений за участие в инновационной деятельности;
- субъективные оценки педагогами заинтересованности руководства в их участии в инновационной деятельности;
- отсутствие значительных перегрузок при занятиях инновационной деятельностью;
- отношение коллег к инноваторам.

Качество исполнения планов – это характеристика способности коллектива школы организовать согласованное выполнение действий по реализации запланированных изменений и обеспечивать своевременное и квали-

фицированное исполнение этих действий. Качество исполнения планов оценивается при изучении следующих аспектов:

- способа координации действий исполнителей;
- дисциплины исполнения;
- согласованности действий исполнителей;
- способов разрешения разногласий между исполнителями;
- объема контроля со стороны руководства;
- соответствия квалификации исполнителей задачам, решаемым в инновационной деятельности.

После обсуждения результатов анализа и оценки состояния инновационной деятельности в педагогическом коллективе начинается этап подготовки к введению новой модели инновационной деятельности.

Задача этого этапа - создать условия для запуска цикла разработки и реализации программы развития образовательного учреждения.

Подготовка к введению новой модели инновационной деятельности включает в себя выполнение следующих действий:

- представление руководству, педагогическому коллективу и органам общественного самоуправления результатов анализа состояния инновационной деятельности в образовательном учреждении и оценки его способности к развитию;
- планирование мер по совершенствованию механизмов развития образовательного учреждения;
- представление плана руководству образовательного учреждения на утверждение;
- формирование органов общественного управления образовательным учреждением (при их отсутствии);
- реализация учебных программ для персонала с целью повышения информированности педагогов о возможностях улучшения их образовательной деятельности;
- разработка новых положений о порядке и формах стимулирования участия персонала в инновационной деятельности.

Освоение новых способов решения задач инновационной деятельности в образовательном учреждении будет происходить в ходе разработки и реализации программы развития школы. На каждой стадии этого процесса будут решаться две задачи: во-первых, получение результата соответствующего модели 7П, во-вторых, освоение участниками способов выполнения каждой стадии инновационной деятельности.

Реализация каждой стадии начинается с предварительного обучения персонала методам ее выполнения. На каждой стадии разработки и реализации программы развития школы реализуется следующая логическая схема:

1. Постановка практической задачи на выполнение соответствующей стадии разработки или реализации программы развития образовательного учреждения.
2. Представление исполнителям способа решения практической задачи.
3. Решение практической задачи.
4. Представление рабочими группами результатов решения практической задачи.
5. Критическая оценка результатов работы групп, другими участниками инновационной деятельности.
6. Рефлексия способа получения результатов и причин их недостатков.
7. Корректировка способов и результатов решения практических задач.

Литература

1. Лазарев, В.С. Системное развитие школы [Текст] : практическое пособие для руководителей / В.С. Лазарев. - М. : Педагогическое общество России, 2002.
2. Лазарев, В.С. Управление инновациями в школе [Текст] : учебное пособие / В.С. Лазарев. - М. : Центр педагогического образования, 2008.
3. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий [Текст] : пособие для учителя / А.Г. Асмолов [и др.] ; под ред. А.Г. Асмолова. - М. : Просвещение, 2010. - 158 с.

УДК 378.016
ББК 74.489.026

Т.М. ЗАХОЖАЯ,
Н.В. ФРОЛОВА

T.M. ZAKHOZHAYA,
N.V. FROLOVA

ОСОБЕННОСТИ
ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ
БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

PECULIARITIES
OF FUTURE TEACHERS' TRAINING
AND PRACTICAL PREPARATION
IN THE PRESENT CONTEXT

В статье рассматривается вопрос соотношения теоретической и практической подготовки будущих учителей в условиях реализации ФГОС ОО и профессионального стандарта педагога. Представлены общие требования к построению содержания практической подготовки студентов в структуре модульного учебного плана на основе компетентностной модели и деятельностного подхода.

The article considers the relation question between theoretic and practical preparation of future teachers' in the context of FSES (Federal State Education Standards) of the general education and Professional Teaching Standards. Some general requirements for building the context of students' practical preparation in the structure modular construction curriculum are presented in terms of the competence-based model and activity-oriented approach in teaching.

Ключевые слова: деятельностный подход в обучении, компетентностная модель, педагогическая практика студентов, модульное построение учебного плана.

Key words: activity-oriented approach in teaching, competence-based model, students' teaching practice, curriculum of modular construction.

Современные условия подготовки педагогических кадров в системе высшего образования по многим позициям не соответствуют требованиям, предъявляемым к кадровому составу в соответствии с ФГОС ОО и профессиональным стандартом педагога (2013 г.) [8]. Эти нормативные документы определяют систему организации обучения в соответствии с деятельностным подходом, четким определением результатов образования и новыми требованиями к квалификации педагогических кадров, что не соотносится по многим показателям с содержанием образовательных программ высшей школы [2]. Все это требует изменения подходов к организации образовательного процесса в вузе.

Анализ же учебных планов и основных образовательных программ в системе высшего педагогического образования показывает, что обучение построено традиционно, в соответствии с предметно-дисциплинарным подходом, несмотря на предлагаемую ФГОС ВПО систему модульного учебного плана. До сих пор остается разделение обучения на так называемую «теоретическую» и «практическую» части [7]. Как отмечают многие авторы, сохраняется «подчиненное положение» практической подготовки будущих педагогов к профессиональной деятельности по отношению к теоретическому обучению [5]. В современном педагогическом опыте представлены только отдельные примеры перестройки учебного процесса по модульному принципу на основе решения профессиональных педагогических задач [6, 9].

В частности, А.А. Марголис отмечает, что модернизация образовательных программ по подготовке учительских кадров должна проходить в направлении модуляризации ООП с учетом требований ФГОС и профессионального стандарта педагога. Модульный принцип необходимо строить не на формаль-

ном подходе включения нескольких дисциплин, объединенных одними целями в так называемый модуль, где основным является содержание дисциплины. Модуль должен быть направлен на формирование определенного набора профессиональных действий [6]. Для этого необходимо согласование содержания компетенций, формируемых в разных дисциплинах, и структурное включение в модуль различных видов практической деятельности студента от практикумов в лабораторно-учебной среде до практики на базе образовательной организации. При этом автор выделяет этапы освоения модуля – от знакомства с определениями трудовыми функциями через теоретическое освоение содержания этих функций и отработки определений умений для реализации этих функций на практике до непосредственной апробации освоенного профессионального действия в условиях реальной образовательной организации. В качестве отдельной составляющей предлагается включение в структуру модуля НИРС. В этом случае психолого-педагогическое исследование становится полноправной частью и в том числе практической подготовки, и собственно практики. Оно должно быть направлено на постановку конкретной педагогической проблемы и решение конкретной педагогической задачи в рамках определенной (реальной или смоделированной) педагогической ситуации. Любое мини-исследование в профессиональной детальнойности учителя должно быть связано с оценкой реального образовательного процесса. В рамках модуля необходимо освоение и в том числе исследовательских умений, учебное исследование должно направлено как на выявление специфических проблемных вопросов в обучении и развитии школьников, так и на выявление затруднений в реализации собственной деятельности, в том числе и в рамках прохождения различных этапов практики. Кроме того, отдельной составляющей модуля становится рефлексия – анализ освоения профессионального действия, контроль правильности его выполнения и оценка его сформированности [6].

Действительно, при освоении определенного способа деятельности необходимо оценить не только как он реализуется, но и то, верно ли он выстроен и как его можно или необходимо совершенствовать. Рефлексия может осуществляться через систему индивидуальных заданий или групповой деятельности (возможно и рамках учебной конференции или в рамках педагогических практикумов и т.д.).

Подобная трансформация и содержания образования и технологий организации обучения в модульном построении учебного плана возможна при понимании компетенции – основной единицы федерального стандарта высшего образования – с точки зрения деятельностного подхода (В.С. Лазарев). В этом случае образовательный процесс ориентируется на развитие студента в качестве субъекта профессиональной деятельности, стремящегося к саморазвитию [4].

По мнению В.С. Лазарева, компетенция – это функциональное состояние психики, обеспечивающая человеку способность решать задачи определенного типа на уровне предъявляемых к их решению требований. Это интегративное психическое образование, включающее в себя как знания, необходимые для решения соответствующего типа задач, так и умения ставить задачи данного типа, планировать их решение, выбирать и применять адекватные средства решения, оценивать результаты действий [3]. По мнению В.С. Лазарева основные результаты образования представляются в компетентностной модели выпускника, одним из пунктов которой должно быть содержание компетенций, сформулированное через основные компоненты: знаниевый, ориентировочный, операциональный и опыт [4].

Когнитивный компонент компетенции – это комплекс знаний, владение которыми необходимо для решения соответствующего типа задач. Ориентировочный компонент включает в себя способы постановки, планирования решения этого типа задач и оценки результатов решения. В операциональный компонент входят методы выполнения действий, требующихся для решения

задач данного типа. Опыт – это компонент компетенции, благодаря которому другие ее компоненты оказываются интегрированными в способ решения задач соответствующего типа [3].

Одним из вариантов определения содержания структурных компонентов модели выпускника может выступать следующий алгоритм – соотнесение трудовых функций, приписанных в Профессиональном стандарте педагога, и профессиональных задач, представленных в ФГОС высшего образования, определение содержания профессиональных задач через описание на уровне знания, ориентировочной основы, операциональных умений и опыта решения данных задач, дальнейшее формулирование содержания каждой компетенции, соотнесенной с профессиональными задачами, в модели выпускника через четыре основных компонента (табл. 1, 2, 3).

Таблица 1

Соотношение трудовых функций педагога профессиональных задач и компетенций ФГОС

<i>Трудовые действия (профессиональный стандарт педагога)</i>	<i>Профессиональные задачи (ФГОС ВПО)</i>	<i>Профессиональные задачи: педагогическая деятельность (ФГОС ВО, проект)</i>	<i>Компетенции (ФГОС ВПО)</i>	<i>Компетенции (ФГОС ВО, проект)</i>
1	2	3	4	5
Разработка и реализация программ учебных дисциплин в рамках основной общеобразовательной программы	Организация обучения и воспитания в сфере образования с использованием технологий, соответствующих возрастным особенностям обучающихся и отражающих специфику предметной области знаний	Осуществление обучения и воспитания в сфере образования в соответствии с требованиями образовательных стандартов. Использование технологий, соответствующих возрастным особенностям обучающихся и отражающих специфику предметной области	ПК-1 – способен реализовывать учебные программы базовых и элективных курсов в различных образовательных учреждениях; ПК-2 – готов применять современные методики и технологии, в том числе и инновационные, для обеспечения качества учебно-воспитательного процесса на конкретной образовательной ступени конкретного образовательного учреждения; ПК-3 – способен применять современные методы диагностирования достижений обучающихся и воспитанников, осуществлять педагогическое сопровождение процессов социализации и профессионального самоопределения обучающихся, подготовки их к	ПК-1 – готов реализовывать образовательные программы по предмету в соответствии с требованиями образовательных стандартов; ПК-2 – способен использовать современные методы и технологии обучения и диагностики; ПК-4 – способен использовать возможности образовательной среды для достижения личностных, метапредметных и предметных результатов обучения и обеспечения качества учебно-воспитательного процесса средствами преподаваемого предмета
Планирование и проведение учебных занятий				
Систематический анализ эффективности учебных занятий и подходов к обучению				
Организация, осуществление контроля и оценки учебных достижений, текущих и итоговых результатов освоения основной образовательной программы обучающимися	Изучение возможностей, потребностей, достижений обучающихся в области образования и проектирование на основе полученных результатов индивидуальных маршрутов их обучения, воспитания, развития.	Изучение возможностей, потребностей, достижений обучающихся в области образования.		
Объективная оценка знаний обучающихся на основе тестирования и других методов контроля в соответствии с реальными учебными возможностями детей	Использование возможностей образовательной среды для обеспечения качества образования, в т.ч. с применением информационных технологий			

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Участие в разработке и реализации программы развития образовательной организации в целях создания безопасной и комфортной образовательной среды			сознательному выбору профессии; ПК-4 – способен использовать возможности образовательной среды, в том числе информационной, для обеспечения качества учебно-воспитательного процесса	

Таблица 2

Соотношение содержания профессиональной задачи и компетенций (ФГОС ВПО)

Профессиональная задача (ФГОС ВПО)	Компетенция	Знает	Умеет	Владеет способами
1	2	3	4	5
Изучение возможностей, потребностей, достижений обучающихся в области образования и проектирование на основе полученных результатов индивидуальных маршрутов их обучения, воспитания, развития	Способен применять современные методы диагностики достижений обучающихся и воспитанников, осуществлять педагогическое сопровождение процессов социализации и профессионального самоопределения обучающихся, подготовки их к сознательному выбору профессии (ПК-3)	специфику обучения, воспитания и развития в современных условиях реализации ФГОС; условия социализации школьников, их педагогического сопровождения и профессионального самоопределения; современные методы диагностики достижений обучающихся и воспитанников; способы реализации индивидуального образовательного маршрута	определять возможности, потребности и достижения обучающихся на основе выбора методов, адекватных цели диагностики; осуществлять выбор современных психолого-педагогических методов диагностики достижений обучающихся и воспитанников; осуществлять диагностирование достижений обучающихся и воспитанников на основе выбранных методов исследования; разрабатывать индивидуальные маршруты обучения, воспитания и развития	изучения возможностей, потребностей, достижений обучающихся; проектирования индивидуальных маршрутов обучения, воспитания, развития; оценки собственной деятельности по решению данной задачи
Организация обучения и воспитания в сфере образования с использованием технологий, соответствующих возрастным особенностям	Способен реализовывать учебные программы базовых и элективных курсов в различных образовательных учреждениях (ПК-1)	основные способы организации обучения и воспитания в сфере образования; современные технологии обучения и воспитания,	формулировать цель и задачи организации обучения и воспитания в сфере образования на основе технологий, соответствующих	организации обучения и воспитания; выбора методов и технологий обучения в соответствии с требованиями и условиям;

1	2	3	4	5
<p>обучающихся и отражающих специфику предметной области знаний</p>		<p>условия применения информационных технологий; обеспечение качества учебно-воспитательного процесса; возрастные особенности обучающихся; специфику образовательных учреждений; нормативную базу системы образования Российской Федерации</p>	<p>возрастным особенностям обучающихся и отражающих специфику предметной области знаний; выбирать формы, методы, приемы, средства и технологии организации обучения и воспитания в сфере образования в соответствии с возрастными особенностями обучающихся и с учетом специфики предметной области знаний; выбирать современные методики и технологии, в зависимости от конкретной образовательной ступени и конкретного образовательного учреждения; проектировать, планировать и организовывать образовательный процесс в соответствии с возрастными особенностями обучающихся и в соответствии с современными условиями образования; оценивать собственную деятельность по решению профессиональной задачи</p>	<p>проектирования учебной и внеучебной деятельности школьников; оценки собственной деятельности по решению профессиональной задачи</p>
<p>Использование возможностей образовательной среды для обеспечения качества образования, в том числе с применением информационных технологий</p>	<p>Готов применять современные методики и технологии, в том числе и информационные, для обеспечения качества учебно-воспитательного процесса на конкретной образовательной ступени конкретного образовательного учреждения (ПК-2)</p>	<p>сущностные характеристики понятий «образовательная среда»; «качество образования»; «информационные технологии»; условия для обеспечения качества образования</p>	<p>изучать возможности образовательной среды, в том числе с применением информационных технологий для обеспечения качества образования на основе логической схемы; использовать возможности образовательной среды для обеспечения</p>	

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
			<p>качества образования, в том числе с применением информационных технологий;</p> <p>выбирать современные методик и технологии, в том числе и информационные для обеспечения качества образования;</p> <p>в зависимости от конкретной образовательной ступени и конкретного образовательного учреждения;</p> <p>оценивать уровень применимости образовательных технологий для обеспечения качества образования;</p> <p>оценивать собственную деятельность по решению профессиональной задачи</p>	<p>оценки возможностей образовательной среды для обеспечения качества образования;</p> <p>проектирования, планирования и организации собственной деятельности по обеспечению качества образования в условиях разнообразия образовательной среды;</p> <p>оценки собственной деятельности по решению профессиональной задачи</p>

Таблица 3

Функциональная карта компетенции
«Способен к реализации учебных программ базовых и элективных курсов
в различных образовательных учреждениях (ПК-1)»

<i>Знаниевый</i>	<i>Ориентировочный</i>	<i>Операциональный</i>	<i>Опыт</i>
1	2	3	4
Знание существенных характеристик понятий «обучение», «воспитание», «развитие» в структуре ФГОС ОО в соответствии с требованиями системно-деятельностного подхода	Владение общим способом построения процесса обучения на разных уровнях образования с учетом требований ФГОС ОО и системно-деятельностного подхода (проектирование, планирование, целеполагание)	Проектировать, планировать и организовывать образовательный процесс в соответствии с возрастными особенностями обучающихся и в соответствии с современными условиями образования	Иметь опыт применять методы педагогического исследования в процессе изучения возрастных особенностей обучающихся
Знание возрастных особенностей обучающихся	Владение общей схемой выбора и оценки содержания образования на определенном уровне образования	Выбирать формы, методы, приемы, средства и технологии организации обучения и воспитания в сфере образования в соответствии с возрастными особенностями обучающихся и с учетом специфики предметной области знаний;	Иметь опыт разработки и реализации процессов обучения с учетом требований ФГОС ОО

1	2	3	4
Знание основных нормативных документов, отражающих требования к содержанию, результатам образования на конкретной образовательной ступени в соответствии с ФГОС второго поколения	Владение общей схемой выбора и оценки образовательных технологий для достижения определенных образовательных результатов	выбирать современные методики и технологии, в зависимости от конкретной образовательной ступени и конкретного образовательного учреждения	Иметь опыт осуществления оптимального выбора содержания, методов обучения и контроля в соответствии с ФГОС ОО
Знание принципов организации обучения и воспитания в структуре системно-деятельностного подхода	Владение общей схемой выбора и оценки методов для обучения и контроля		Иметь опыт оценки собственной деятельности по решению профессиональной задачи и оценки деятельности учителей и сокурсников (оценка рабочей программы, методического обеспечения, содержания и т.д.)
Знание форм, средств, способов организации и реализации учебных программ базовых и элективных курсов в системе деятельностного подхода	Владение общей схемой формирования предметных, мета-предметных (и т.д.) результатов образования в соответствии с ФГОС ОО		
Знание основных понятий ФГОС ОО (учебный результат, мета-предметность, УУД и т.д)	Владение общей схемой оценки собственной деятельности по решению профессиональной задачи		

Содержание компетентностной модели отражает не только содержание дисциплин на уровне так называемых дидактических единиц, но и представляет собой систему организации обучения, так как операциональный и опытный компоненты формируют выбор технологии обучения, их невозможно реализовать только на практических и семинарских занятиях в рамках университета и только в условиях так называемого теоретического обучения. Все это определяет именно единство содержания на уровне теоретического и практического обучения.

При разработке модели и реализации деятельностного подхода меняется основная цель обучения. В этом случае она заключается в том, что выпускник при освоении содержания образования осваивает не столько конкретные знания, сколько способы решения профессиональных задач, постановки целей, отбора средств и методов, содержания деятельности и ее рефлексии. Это невозможно при разделении на теоретическую и практическую части обучения, практика должна рассматриваться как полноценная составляющая учебного процесса, которая органично в него вписана.

Основными требованиями к организации образования в структуре системно - деятельностного подхода могут быть следующие [1]:

1. Образовательная программа носит модульный характер. Выделяется деятельностное построение содержания (содержание образования выстраивается от общего к частному, происходит формирование универсальных учебных действий, студент становится субъектом учебной деятельности). В рамках модуля предлагается объединение в единой структуре теоретической и практической части на основе опыта решения конкретной педагогической задачи, где теория и практика выступают как равноправные и объ-

единенные во времени части учебного процесса. На теоретических курсах осваивается ориентировочная основа решения задачи, в рамках практикумов представляются варианты освоения практических умений и на практике в реальной ситуации образовательной организации решаются вопросы качества и уровня освоения профессиональной деятельности.

2. При разработке содержания образования и требований к практической подготовке учителя необходимо постоянное взаимодействие с работодателями для непрерывного повышения качества образовательного процесса в целом.

3. Необходимо осуществлять программно - целевое планирование результатов образования с учетом требований компетентностной модели подготовки будущего учителя в соответствии с требованиями профессионального стандарта.

Представляется, что основными требованиями к организации содержания в рамках модуля как единицы учебного плана должны быть следующие:

1. Формирование содержания дисциплин модуля не по предметному циклу, а по содержанию разработанной карты компетенции (сформированной на основании обобщенных формулировок содержания ФГОС ВПО (ВО) и профессионального стандарта педагога). Соответственно в рамках модуля происходит распределение содержания образования и контроля по всем составляющим модуля - практикам и дисциплинам на паритетной основе (знаниевый компонент, ориентировочный, операциональный и опыт). Содержание практики в рамках модуля определяется таким образом, чтобы студент мог реализовать в полной мере ориентировочный компонент определенной профессиональной задачи (компетенции), что включает в себя постановку цели, планирование деятельности, реализация поставленной задачи и оценка собственной деятельности в соответствии с предъявляемыми требованиями в условиях реального учебного процесса образовательной организации (с учетом специфики конкретной основной образовательной программы).

2. Организация содержания образования должна выстраиваться на деятельностной основе. Цель образования формулируется как овладение способами профессиональной деятельности, способами решения профессиональных задач через освоение содержание всех компонентов модуля. Модуль может включать в себя - основные дисциплины (базовые для формирования данной компетенции); курсы по выбору (подкрепляющие содержание базовых); практикумы для отработки умений, как в системе вуза, так и на базе профессиональной деятельности; практики (на базе предприятий). Цель практик - определение уровня сформированности способности решения определенных профессиональных задач через наблюдение, демонстрации опыта, оценки деятельности учителей, выполнения специальных заданий и учебных исследований. Эти организационные компоненты объединяются единым содержанием и контролем.

3. Использование современных технологий, обеспечивающих деятельностный характер освоения содержания образования и контроля - групповые формы работы, решение задач, модульный принцип построения дисциплины, рейтинговый контроль качества и т.д. При реализации практической подготовки на основаниях деятельностного подхода необходимо, чтобы студенты начинали приобретать опыт профессиональной деятельности в моделируемых условиях на семинарских и практических занятиях, на практикумах, тренингах и т.д., имитирующих реальный педагогический процесс и продолжали этот процесс на базе профессиональной деятельности.

4. Разработка нового методического обеспечения, обеспечивающего деятельностный характер освоения содержания - рабочая программа, определяющая результаты обучения, рекомендации по организации СРС, рабочие тетради, модульные пособия, задания по учебному исследованию и т.д.

5. Осуществление взаимодействия с базой производственной деятельности - решение реальных практических задач в ходе учебного процесса в

вузе, привлечение практиков, использование базы для организации учебного процесса при освоении содержания модуля в целом, а не только его практической части.

6. Формирование инновационной развивающей среды вуза для создания условий для реализации квазипрофессиональной деятельности студента. Формирование и развитие профессиональных компетенций у студентов возможно не только на базе образовательных организаций в ходе практики и практикумов, но и в стенах вуза, где могут быть целенаправленно созданы условия для формирования у студентов профессиональных компетенций, не сводимые к собственно предметному обучению. Это может специально спроектированные профессиональные ситуации, обеспечивающие вхождение студентов в образ мышления и профессионального поведения будущего учителя – деятельность учебных лабораторий, руководство студентами старших курсов подготовкой выступлений на учебных конференциях студентов младших курсов, сокураторство, организация студенческих кафедр, организация студентами различных мероприятий воспитательного характера, олимпиад, конкурсов и т.д. Потенциал образовательной среды вуза необходимо использовать с первых дней пребывания студентов в стенах университета. Раннее погружение студентов в практическую деятельность создаст необходимые условия для формирования у будущих педагогов основных профессиональных компетенций.

При подобном построении учебного процесса практическая подготовка не определяется только педагогической практикой, она получает новое содержание, определенное целями и задачами, в соответствии с компетентностной моделью выпускника.

Литература

1. Захожая, Т.М. Построение системы педагогической практики для формирования профессиональных компетенций будущего учителя [Текст] / Т.М. Захожая, Н.В. Фролова // Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 22 мая 2015 г.) / редкол. О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2015.
2. Каспржак, А.Г. Приоритет образовательных результатов как инструмент модернизации программ подготовки учителей [Текст] / А.Г. Каспржак, С.П. Калашников // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 19. – № 3. – С. 88-90.
3. Коноплина, Н.В. Развитие педагогического вуза: методология, теория, опыт [Текст] : монография / Н.В. Коноплина, В.С. Лазарев. – 2-е изд. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2010. – 288 с.
4. Круглый стол «Реализация компетентностного подхода в образовательном процессе» [Текст] // Педагогика. – 2013. – № 3. – С. 100-112.
5. Марголис, А.А. Проблемы и перспективы развития педагогического образования в РФ / А.А. Марголис // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 19. – № 3. – С. 50-5.
6. Марголис, А.А. Требования к модернизации основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) подготовки педагогических кадров в соответствии с профессиональным стандартом педагога: предложения к реализации деятельностного подхода в подготовке педагогических кадров [Электронный ресурс] / А.А.Марголис // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2014. – № 1. – Режим доступа: <http://psyedu.ru/journal/2014/2/Margolis.phtml> (дата обращения: 15.02.2015).
7. Осипова, И.В. Совершенствование содержания педагогической практики как условие развития творческой активности профессионально-педагогической деятельности студентов [Текст] / И.В. Осипова, О.Н. Шульц // Высшее образование сегодня. – 2014. – № 10. – С. 88-91; Левгерова, А.В. Педагогическая практика студентов и проблемы адаптации в период ее прохождения / А.В. Левгерова // Технологическое образование и устойчивое

- развитие региона. - 2012. - Т. 2. - № 1 (8). - С. 104-107; Малащенко, Ю.М. Опыт организации и поведения профессиональных практик в Новосибирском государственном педагогическом университете / Ю.М. Малащенко // Сибирский педагогический журнал. - 2013. - № 4; Тарасова, С.М. Педагогическая практика как условие успешной социальной адаптации студентов к профессии [Текст] / С.М. Тарасова, Е.М. Тарасова // Путь науки. - 2015. - № 1 (11). - С. 140-143; Крюкова, Т.А. Организация педагогической практики студентов вуза в современных условиях [Текст] / Т.А. Крюкова, В.Г. Малахова // Вестник высшей школы. - 2015. - № 2.
8. Профессиональный стандарт. Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель) // Утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н.
 9. Яковлев, Е.В. Организация педагогической практики при модульном построении основной профессиональной образовательной программы [Электронный ресурс] / Е.В. Яковлев, Н.О. Яковлева, М.В. Потапова // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 6. - Режим доступа: www.science-education.ru/120-15896 (дата обращения: 04.06.2015).

А.Н. НОСОВА

L.N. NOSOVA

О ФОРМИРОВАНИИ ДЕЙСТВИЯ ОЦЕНКИ
У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙON FORMING ASSESSMENT SKILLS
IN INTENDING TEACHERS

В статье представлен подход к организации учебных занятий, направленных на освоение действия оценки студентами педагогического вуза. Автор опирается на теоретические положения о формировании умственного действия П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова, В.С. Лазарева. Через построение ориентировочной основы действия оценки раскрывается содержание образовательного процесса в части формируемого действия, его логическая последовательность. Предлагаются подходы к выявлению степени освоения студентами действия оценки. Описывается общая схема организации учебной деятельности, включающая следующие этапы: построение ориентировочной основы действия оценки (образ результата и способ действия), выполнение действия на конкретно – практической задаче, рефлексия способа действия.

In the article a model of organizing lessons aimed at acquiring assessment skills by students of a pedagogical university is presented. The author grounds his ideas on the fundamental theses made by P.Y. Galperin, V.V. Davydov, V.S. Lazarev. The operational contents of the educational process and its logical succession are revealed through elaborating the orientational basis of the action of assessment. Approaches to defining the degree of acquisition of the action of assessment by the students are suggested. The general pattern of organizing learning activity is described. It includes the following stages: elaborating the orientational basis of the action of assessment (the image of the result and the mode of action), performing the action on a practical task, reflecting on the mode of the action.

Ключевые слова: профессиональная деятельность педагога, учебная деятельность, учебная задача, ориентировочная основа действия, оценка, измерительные шкалы, рефлексия, совместная учебная деятельность.

Key words: teacher's professional activity, learning activity, learning objective, orientational basis of action, assessment, reference scales, reflection, cooperative learning activity.

Образовательные программы на всех ступенях школьного образования в соответствии ФГОС содержат программу по формированию универсальных учебных действий. Ранее такой задачи в системе образования не ставилось, а это значит, что программы профессиональной подготовки будущих учителей не содержали соответствующее содержание.

В перечень регулятивных УУД входит действие оценки. Это действие играет ключевую роль в освоении человеком разных видов деятельности. Именно оценка позволяет человеку выявить несоответствия в результатах действия и способах его достижения, а значит, и определить пути дальнейшего саморазвития. Учитель сможет научить своих учеников хорошо оценивать объекты действительности, если он сам освоит культурные способы этой деятельности.

С одной стороны, образовательные программы подготовки будущих учителей всегда содержали учебные дисциплины, направленные на формирование оценочных умений. Но, как правило, в рамках этих курсов предлагались готовые модели оценки для конкретных аспектов профессиональной деятельности учителя. Например, формализованные показатели оценки учебных достижений учащихся (количество ошибок в диктанте, количество правильных ответов в вычислениях и т.п.), схемы анализа урока или воспи-

тательного мероприятия. К деятельности педагога предъявляются все новые и новые требования, при этом отсутствуют разработанные нормативные модели. В этих условиях учитель должен научиться самостоятельно их строить.

В предлагаемой статье будут рассмотрены подходы к формированию действия оценки у студентов педагогического вуза с позиций деятельностной научной школы.

Организация учебного процесса начинается с построения содержания осваиваемого действия. Ориентировочная основа действия ООД)¹ определяет его содержательную сторону. При построении ООД действия оценки мы опирались на ориентировочную основу проектирования действия, предложенную В.С. Лазаревым.

Формировать умственное действие – значит формировать соответствующие понятия средства его выполнения. Сформировать понятие оценки – значит сформировать понимание того, что такое оценка и какую функцию она выполняет в деятельности педагога, научить студентов отличать, чем хорошее оценивание отличается от плохого, что и в какой последовательности нужно делать, чтобы хорошо оценить объект деятельности. Все это образует ориентировочную основу действия оценки. Она определяет, каким должен быть результат действия, как оно должно выполняться и как оцениваться.

В профессиональной деятельности педагога оценка выполняет функцию выявления степени соответствия либо несоответствия ее результатов (процессов) некоторой норме, идеалу. Полученные отклонения должны быть выражены количественными и качественными характеристиками, что позволит педагогу внести коррективы в свою деятельность и в дальнейшем достичь более высоких результатов. Реализация действия оценки предполагает наличие, во-первых, критериальной нормы для оцениваемого результата (процесса), во-вторых, способа сопоставления объекта с нормой (критерием).

Для отдельных аспектов педагогической деятельности нормы заданы и учитель должен уметь осуществлять их поиск. Например, СанПиН, процедуры проведения итоговой аттестации выпускников и т.п. В случае их отсутствия ему необходимо самостоятельно разработать критерии оценки. Дальнейшая детализация этого действия позволила выявить его структурные компоненты: выделение существенных признаков – свойств (описание объекта) и выявление для этих признаков идеальных /нормативных показателей.

Сопоставление полученного результата с желаемым осуществляется через процедуру измерения результата по определенным параметрам и их сравнения с заданным образцом. К самому измерению предъявляются такие требования: валидность, точность. *Валидность* – характеристика способности метода измерения давать результаты, адекватно отражающие изучаемое явление, т.е. давать именно те результаты, для получения которых он предназначен. *Точность измерения* – характеристика метода измерения, отражающая степень близости даваемых им результатов к истинному значению измеряемой величины.

Пооперационный состав действия оценки может иметь следующую последовательность:

- 1) определить параметры оценки – существенные признаки объекта;
- 2) выбрать инструмент измерения. Построить измерительные шкалы;
- 3) измерить этими инструментами реальные свойства объекта;
- 4) задать критерии оценки (норму). Обосновать эту норму;
- 5) сопоставить реальные показатели оцениваемых свойств с нормой, выявить между ними несоответствия.

Студенты вуза – недавние выпускники школы. На протяжении всего периода обучения они постоянно сталкивались с оценочными процедурами

¹ Термин «ориентировочная основа действия» введен П.Я. Гальпериним и означает совокупность ориентиров, направляющих действие субъекта и обеспечивающих возможность оценки промежуточных и конечных его результатов.

ми. Прежде чем организовать учебный процесс по формированию у студентов первого курса действия оценки, мы провели исследование по выявлению уровня сформированности этого действия. Нами был разработан диагностический материал, который содержал несколько практических задач и инструменты – шкалы для выявления степени освоения действия оценки. При построении шкал мы исходили из следующих позиций: качество выполнения действия определяется освоенностью ориентировочной основы действия, ООД характеризуются степенью полноты и обобщенности. Описание наивысшего уровня сформированности действия оценки содержит полный перечень компонентов этого действия в обобщенных характеристиках.

Пример задачи:

«Если бы Вам нужно было оценить по пятибалльной шкале полезность для себя прослушанной лекции (5 – очень полезна... 1 – практически бесполезна), как бы Вы давали такую оценку?»

Пример соответствующей шкалы:

Высокий уровень

Все признаки – критерии полезности имеют психолого-педагогическое обоснование, для каждого уровня предложено описание, все уровни различаются по степени выраженности показателей, все предложенные в описании признаки могут быть выявлены в оцениваемом объекте.

Выше среднего

Не все признаки – критерии полезности имеют психолого-педагогическое обоснование, для каждого уровня предложено описание, все уровни различаются по степени выраженности показателей, все предложенные в описании признаки могут быть выявлены в оцениваемом объекте.

Средний

Признаки – критерии полезности определены на основе существующей практики, для каждого уровня предложено описание, все уровни различаются по степени выраженности показателей, все предложенные в описании признаки могут быть выявлены в оцениваемом объекте.

Ниже среднего

Признаки – критерии полезности определены на основе существующей практики, для каждого уровня предложено описание, все уровни различаются по степени выраженности показателей, не все предложенные в описании признаки могут быть выявлены в оцениваемом объекте.

Низкий уровень

Отсутствует обоснование при определении признаков – критериев полезности, для отдельных уровней предложено описание, уровни различаются по степени выраженности показателей, большая часть предложенных в описании признаков не может быть выявлена в оцениваемом объекте.

В опросе участвовали студенты первого курса бакалавриата по профилю «Начальное образование». Из 32 опрошенных только у 6 из них выявлен уровень – «ниже среднего», остальные проявили «низкий уровень» выполнение действия оценки. Результат более чем закономерен. В процессе школьного обучения ученики, как правило, очень редко включаются в оценочную деятельность: ранее не ставилась задача освоения содержания этой деятельности. Действие оценки не осваивалось учащимися на уровне цели.

Оценка – это умственное действие. В психологической науке существует несколько подходов к формированию умственных действий, наиболее целостно разработаны две теории: теория поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, теория учебной деятельности В.В. Давыдова. В.С. Лазарев, развивая идеи П.Я. Гальперина и В.В. Давыдова, предложил свою модель формирования умственных действий.

Качество подготовки студентов определяется способностью выполнять действия, направленные на решение профессиональных задач.

Важнейший принцип формирования всяких действий состоит в том, что люди могут освоить действия, только выполняя их. Это условие необходимое, но недостаточное для эффективного освоения новых способов действий.

Предложенная В.С. Лазаревым схема накопления опыта действий (рис. 1) позволяет выделить необходимые и достаточные условия формирования умственных действий.

Рис. 1. Схема накопления опыта

Чтобы опытным путем человек мог совершенствовать способ действий, он должен знать, каким должен быть результат. Знание требований к результату позволяет выявить недостатки в результате действия, в способе его выполнения и затем, скорректировать их. Если требования к результату не определены, человек не сможет оценить его качество, то сколько бы раз действие не выполнялось, это не приведет к выработке «правильного» способа, так как оказывается разорванной обратная связь.

Другое необходимое условие выработки «правильного» способа действия – его рефлексия в случае несоответствия желаемого и фактического результатов, т.е. ответ на вопрос: почему получен неудовлетворительный результат и как это связано со способом действия.

Включенность студентов в практическую деятельность (решение профессиональных задач), проблемность и рефлексивность учебного процесса – основные принципы, посредством реализации которых возможно развитие их способности быть субъектом деятельности. Но образование предполагает не простое накопление опыта, а освоение культурных способов выполнения соответствующих профессиональных действий.

Основной формой организации учебного процесса является коллективная учебная деятельность. В каких бы условиях и формах не протекала деятельность, она всегда представляет собой систему, включенную в общественные отношения, вне их она не существует. Совместное выполнение деятельности является ее первичной формой. Только в совместной деятельности с другими людьми, являясь активным участником этой деятельности, человек может присваивать способы решения различных задач. Все психические функции человека, определяющие его деятельность, имеют свои корни в общении индивидов, в их отношениях друг с другом, в их совместной деятельности. В.В. Давыдов отмечает, что «единица или клеточка сознательной деятельности состоит из первоначального своего пункта – коллективного характера выполнения этой деятельности коллективным субъектом или командой». Коллективный субъект выступает начальным субъектом всех форм

деятельности. Индивидуальная деятельность может существовать лишь как единичная форма родовой деятельности, вырасти она может только из совместной деятельности.

В Сургутском государственном педагогическом университете эта модель построения учебных занятий проходит апробацию на отдельных учебных дисциплинах. Процесс освоения студентами способов выполнения профессиональных действия включает следующие этапы:

- 1) введение студентов в ситуацию, требующую выполнения действия;
- 2) выработка критериев (способа) оценки результата;
- 3) планирование выполнения действия (построение модели действия);
- 4) выполнение действия;
- 5) оценка результата и обсуждение способа выполнения действия;
- 6) корректировка способа действия;
- 7) повторное выполнение действия;
- 8) оценка результата и обсуждение способа повторного выполнения действия.

В учебный план первого курса бакалавриата включена дисциплина «Основы учебной деятельности» для всех направлений подготовки. Наряду с формированием познавательных универсальных учебных действий (описание, сравнение, подведение под понятие, классификация и др.) ставится и задача формирования действия оценки. Каждое действие имеет свое понятийное содержание. Действие оценки включает в себя понятия: существенные признаки, норма на результат (критерий), измерение, измерительная шкала. С позиций деятельности научной школы иметь понятие о каком-либо объекте действительности – это значит действовать с ним. Иметь понятие нормы на результат – значит уметь эту норму выделять. Иметь понятие об измерении – значит уметь измерять свойства объектов действительности. Иметь понятие об измерительных шкалах – значит уметь их строить. Действие построения нормы на результат включает понятие – существенные признаки объектов.

Если какое-либо из этих понятий ранее студентами не осваивалось, то в учебном процессе необходимо выделить время на его изучение.

Выделение существенных признаков входит в структуру множества как предметных, так и метапредметных умений. В школе на разных учебных предметах педагоги учили школьников их выделять. Мы провели небольшое исследование. В ходе курсов повышения квалификации учителям предлагалось выделить существенные признаки для отдельных объектов образовательной системы, а затем ответить на вопросы: «Как Вы выделили признаки?», «Почему Вы выделили именно эти признаки?», «Какие Вы можете доказать, что именно эти признаки существенные?» Как правило, учителя перечисляли существенные, а вместе с ними и несущественные признаки предлагаемого объекта. В большинстве случаев испытывали затруднения с ответами на вопросы.

В курсе «Основы учебной деятельности» были включены для изучения следующие темы: «Формирование понятия существенные признаки», «Формирование понятия измерения и измерительных шкал», «Формирование понятия критерия оценки – нормы на результат», «Формирование понятия оценки».

Первоначально была поставлена задача формирования культурного способа выделения существенных признаков объекта (описания).

Первый этап предполагает введение студентов в ситуацию, требующую выполнения действия описания.

В практической деятельности педагога существует множество различных средств обучения. Но как различить какие из них хорошие, а какие не очень? Для этого учитель должен уметь выделять в этом объекте существенные признаки. Сегодня существует целый ряд школьных учебников. Возникает необходимость отличить более качественные из них. Мы предложили

студентам выделить существенные признаки учебника, т.е. поставили перед ними предметную задачу. Учебная же задача – это освоение способа описания объектов действительности – выделение существенных признаков.

Следующий этап – построение ориентировочной основы этого действия. Студенты в совместной деятельности с преподавателем осуществляют поиск ответов на следующие вопросы: «Что получится в результате действия описания?» «Как отличить существенные признаки от несущественных?» «Какие шаги необходимо осуществить для выделения существенных признаков?»

Чтобы ответить на первые два вопроса необходимо найти в науке ответ на вопрос «Какие признаки называются существенными?».

Известны два варианта выделения существенных признаков.

Первый основывается на том, что для описания различных объектов в соответствующей науке существуют культурные нормы, определяющие, что должно содержать такое описание. В педагогической науке также существуют схемы, которые и определяют содержание хорошего описания. Чтобы получить в результате существенные признаки объекта педагогической деятельности, необходимо обратиться к научным разработкам, которые были направлены на его изучение.

Если же культурной нормы не существует, то необходимо самостоятельно выделить существенные признаки объектов профессиональной деятельности. Исходя из диалектической логики развития понятия (обозначение объекта), можно определить последовательность шагов, позволяющих выделить для него существенные признаки: 1) определите, в какую большую систему входит описываемый объект; 2) определите назначение (функции) описываемого объекта в этой системе; 3) определите, какими качествами должен обладать данный объект, чтобы выполнять свое назначение.

На следующем этапе студентам предлагается выделить существенные признаки учебника с использованием первого варианта. Работа осуществляется в группах. После получения результата группе необходимо обосновать, что выделенные признаки являются существенными для учебника.

На этапе обсуждения каждая группа представляет свой результат – выделенные существенные признаки учебника и свое обоснование, аргументируя свою точку зрения. Преподаватель предлагает студентам ответить на вопросы: «Позволяет ли выявленный способ получить качественный результат?», «С какими трудностями Вы встретились при реализации первого варианта способа выделения существенных признаков?»

С какими же трудностями столкнулись будущие учителя? Разные авторы, занимающиеся разработкой данного понятия, выделяют различные признаки учебника. Возникает необходимость, искать ответ на вопрос: «Какие основания были у авторов при выделении этих признаков?» Зачастую в учебной и научной литературе студенты не могут найти эти основания. После анализа причин недостатков в результатах действия студенты предложили внести коррективы в способ действия: включить шаг выявления оснований для выделения существенных признаков.

Позже студентам было предложено выделить существенные признаки учебника с использованием второго варианта способа действия. Группы представляли свои результаты.

При обсуждении двух этих способов описания студенты отмечали трудности при реализации первого варианта и эффективность второй схемы действия. При выполнении каждого задания от студентов требовалось высказать суждение о качестве полученных результатов.

Для индивидуальной самостоятельной работы студентам предлагалось выделить существенные признаки для других объектов педагогической деятельности.

Дальнейшая работа в рамках рассматриваемого курса направлена на формирование понятий: измерение, измерительная шкала, критерий оценки

как норма на результат, оценка. Построение учебных занятий осуществлялось в соответствии с ранее описанной моделью.

На первом этапе студентам предлагается оценить учебник математики 2 класс (автор Л.Г. Петерсон) – задача практическая. Учителю, как правило, приходится постоянно что-то оценивать. Освоение действия оценки – задача учебная, направленная на формирование универсального учебного действия.

Следующий этап предполагает построение образа результата оценки. Студенты должны ответить на вопросы: «Что получится в результате оценивания?» и «Когда можно будет считать, что этот результат качественный?». В ходе групповой работы вырабатывается собственная точка зрения. Каждая группа представляет свои результаты. Другим группам предлагается занять экспертную позицию.

Практика показывает, что студенты приходят к выводу, о том что результат оценивания – это несоответствие между некоторым идеалом – нормой и реально существующим объектом. Качество выявленных недостатков определяется их качественными и количественными показателями, которые позволяют достаточно конкретно определить, что необходимо изменить.

На этапе планирования действия возможны различные варианты организации учебной деятельности студентов.

Возможен вариант самостоятельного выделения студентами способа действия оценки в ходе работы группы.

Часто студенты не обладают развитой способностью самостоятельно учиться, и поэтому их необходимо учить планировать выполнение действия. Рассмотрим один из таких вариантов организации учебного процесса на этом этапе. Преподаватель ставит перед студентами вопрос: «Какой первый шаг мы должны будем сделать, выполняя действие оценки?».

Он записывает каждое предложение, после чего, необходимо перейти к их обсуждению.

Преподаватель последовательно зачитывает предложения и задает вопрос: «Может ли с этого начинаться действие или что-то должно быть сделано раньше?».

На следующем шаге работы преподаватель ставит вопрос: «Что мы должны будем сделать после того, как сделаем предыдущий шаг?» Повторяется процедура выдвижения предложений и их обсуждения.

В заключение этой фазы преподаватель совместно со студентами строит ориентировочную основу действия оценки, разворачивая логику ее построения. План действия должен быть детализирован таким образом, чтобы каждая операция была понятна исполнителю – студенту.

Этап выполнения действия предполагает самостоятельную работу группы по оценке учебника математики 2 класс (автор Л.Г. Петерсон) в соответствии с разработанным планом. Завершается работа группы ответом на вопрос «Что необходимо изменить в учебнике, чтобы он стал лучше?»

Следующий этап – обсуждение результата и способа его достижения (рефлексия способа). На этом этапе предлагается всем учащимся занять позицию эксперта.

Группы как исполнители докладывают о полученных результатах, а эксперты сообщают о том, выполнено ли действие в соответствии с планом или были выявлены какие-то недостатки. «Исполнителям» предоставляется право принять заключение «экспертов» или высказать аргументированное несогласие.

Если будет установлено, что результат действия не соответствует предъявляемым к нему требованиям, преподаватель обращается к студентам с вопросом: «Почему это произошло?». Все варианты объяснений должны быть обсуждены, приняты или отвергнуты.

В ходе обсуждения возникает множество вопросов: «Откуда берется норма, если она не определена нормативными документами?», «Как можно измерить качественные свойства объекта?»

При выявлении недостатков в способе действия, он корректируется. И студенты повторно оценивают учебник математики 2 класса (автор Л.Г. Петерсон). Схема обсуждения результатов аналогична.

Формирование действия оценки не может быть завершено в рамках одной учебной дисциплины. Необходимо, чтобы освоенная ориентировочная основа действия применялась студентами при освоении содержания других учебных дисциплин. С этой целью в Сургутском государственном педагогическом университете ведется разработка программы формирования универсальных учебных действий, которая будет включена в основную профессиональную образовательную программу.

Литература

1. Давыдов, В.В. Теория развивающего обучения [Текст] / В.В. Давыдов. – М. : ИНТОР, 1996. – 554 с.
2. Давыдов, В.В. Виды обобщения в обучении [Текст] : монография / В.В. Давыдов. – М. : Педагогическое общество России, 2000. – 480 с.
3. Лазарев, В.С. Концептуальная модель формирования профессиональных умений у студентов [Текст] / В.С. Лазарев // Вестник СурГПУ. – 2011. – № 2. – С. 5-14.
4. Лазарев, В.С. Понятия умственного действия и его формирование в теориях Я.П. Гальперина и В.В. Давыдова [Текст] / В.С. Лазарев // Вопросы психологии. – 2010. – № 4. – С. 119-128.
5. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность : учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / А.Н. Леонтьев ; науч. ред. и предисл. Д.А. Леонтьева. – М. : Смисл. Академия, 2004. – 352 с.
6. Носова, Л.Н. Деятельностный подход к формированию субъектной позиции студента высшего учебного заведения [Текст] : монография / Л.Н. Носова ; под ред. Н.Н. Ставриновой. – Сургут, 2011. – С. 24-32.
7. Носова, Л.Н. Развитие личности будущего учителя как субъекта педагогической деятельности // Вестник СурГПУ. – Сургут, 2013. – № 3 (24). – С. 139-144.

А.А. ГОВОРУХИНА,
О.А. МАЛЬКОВ,
А.А. НОВОСЕЛОВАA.A. GOVORUKHINA,
O.A. MALKOV,
A.A. NOVOSELOVA**ОЦЕНКА УРОВНЯ МОТИВАЦИИ
И МОТИВАЦИОННОЙ ДОМИНАНТЫ
ШКОЛЬНИКОВ****EVALUATION LEVEL OF MOTIVATION
AND MOTIVATION DOMINANTS
OF SCHOOLCHILDREN**

Занятия внеурочной деятельностью по основам безопасности жизнедеятельности повышают уровень учебной мотивации школьников, усиливают заинтересованность предметом, кроме того мотивационной доминантой учащихся становится ориентация на приобретение знаний.

Classes extracurricular activities on the basics of health and safety increase the level of schoolchild's learning motivation, enhance the interest of the subject, besides the motivation of students is becoming a dominant focus on knowledge acquisition.

Ключевые слова: мотивация, мотивационная доминанта, внеурочная деятельность, основы безопасности жизнедеятельности.

Key words: motivation, motivational dominant, extracurricular activities, the basics of life safety.

Одним из важнейших условий улучшения качества образовательного процесса является осознание учеником мотивации к учению, к освоению новых способов деятельности, к приобретению нового знания. В настоящий момент приоритетной задачей для современного образовательного процесса является формирование активной, целеустремленной, высоко мотивированной и грамотной личности. Выпускники школ должны не только обладать достаточным запасом знаний, умений и навыков, но и быть способными к самообразованию, дальнейшему развитию и росту. Недооценивание роли мотивационной составляющей образовательного процесса наравне с содержательной и операционной, а также индивидуальных особенностей учащихся приводит к неоправданным и безрезультатным затратам усилий со стороны педагога [2, 4]. Становление учебных мотивов зависит от множества факторов, педагогических условий и структуры учебной деятельности, в которую вовлечен школьник. Изменяя ее формы и содержание, можно влиять на учебную мотивацию, перестраивать ее.

Одним из педагогических условий формирования учебной мотивации является организация внеурочной деятельности. Внеурочная работа в сочетании с учебной деятельностью открывает широкие возможности не только для осуществления гуманистического воспитания и формирования мировоззрения школьников, но и для мотивации учащихся к освоению новых знаний, достижению высоких результатов в обучении [1]. Внеурочная работа по основам безопасности жизнедеятельности способствует развитию у учащихся активной гражданской позиции, и вносит большой вклад в успешную социализацию школьников.

Цель настоящего исследования: изучить уровень мотивации к изучению предмета ОБЖи возможность ее повышения средствами внеурочной деятельности.

Организация и методы исследования

Работа выполнена на кафедре медико-биологических дисциплин и безопасности жизнедеятельности Сургутского государственного педагогиче-

ского университета. В исследование были включены школьники, занимающиеся в МОУ ДОД «ЦДОД» внеурочной деятельностью по основам безопасности жизнедеятельности 4 дня в неделю (экспериментальная группа), а также обучающиеся в МБОУ СОШ № 5 «Многопрофильная» (контроль) г. Нефтеюганска. Всего нами было обследовано 36 человек, обучающихся в 10 классе.

С целью повышения уровня достоверности все методики проводились анонимно. При заполнении анкет указывались только пол и возраст респондентов.

Уровень мотивации оценивали с помощью методики «Диагностика мотивации учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах школы», разработанной А.М. Прихожан [5].

Данная методика диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению основана на опроснике Ч.Д. Спилбергера, направленном на изучение уровней познавательной активности, тревожности и гнева, как актуальных состояний и как свойств личности. Модификация опросника для изучения эмоционального отношения к учению для использования в России осуществлено А.Д. Андреевой. Настоящий вариант дополнен шкалой переживания, успеха (мотивации достижения), новым вариантом обработки.

Методика состоит из сорока суждений, которые составляют 4 шкалы (по 10 суждений): познавательная активность, мотивация достижения, тревожность и гнев. Минимальная оценка по каждой шкале – 10 баллов, максимальная – 40 баллов. Нормативные значения по каждой шкале представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Нормативные показатели для каждой шкалы,
определяющие уровень мотивации [5]**

Шкала	Уровень	Половозрастные группы, интервал значений					
		10-11 лет		12-14 лет		15-17 лет	
		дев.	мал.	дев.	мал.	дев.	юн.
Познавательная активность	Высокий	31-40	28-40	28-40	27-40	29-40	31-40
	Средний	21-26	22-27	21-27	19-26	18-28	21-29
	Низкий	10-25	10-21	10-20	10-18	10-17	10-20
Тревожность	Высокий	27-40	24-40	25-40	26-40	25-40	23-40
	Средний	20-26	17-23	19-24	19-25	17-24	16-22
	Низкий	10-19	10-16	10-18	10-18	10-16	10-15
Гнев	Высокий	21-40	20-40	19-40	23-40	21-40	18-40
	Средний	14-20	13-19	14-19	15-22	14-20	12-18
	Низкий	10-13	10-12	10-13	10-14	10-13	10-11

Для определения уровня мотивации учения подсчитывается суммарный балл опросника. Суммарный балл может находиться в интервале от -60 до +60.

Выделяются следующие уровни мотивации учения [5]:

I уровень – продуктивная мотивация с выраженным преобладанием познавательной мотивации учения и положительным эмоциональным отношением к нему;

II уровень – продуктивная мотивация, позитивное отношение к учению, соответствие социальному нормативу;

III уровень – средний уровень с несколько сниженной познавательной мотивацией;

IV уровень – сниженная мотивация, переживание «школьной скуки», отрицательное эмоциональное отношение к учению;

V уровень – резко отрицательное отношение к учению.

Для определения направленности мотивации учения старших школьников мы использовали методику Е.П. Ильина и Н.А. Курдюковой «Направленность на оценку», «Направленность на приобретение знаний» [3].

Анкета состоит из двух разделов: «Направленность на приобретение знаний», «Направленность на оценку», в каждом из которых представлено 12 утверждений.

В первом разделе дается ряд утверждений-вопросов с парными ответами. Из двух ответов нужно выбрать один и рядом с позицией вопроса написать букву («а» или «б»), соответствующую выбранному ответу. За каждый ответ в соответствии с ключом начисляется 1 балл. Сумма баллов (от 0 до 12) свидетельствует о степени выраженности мотивации на приобретение знаний. Направленность на приобретение знаний представляет собой стремление рассматривать полученные знания в качестве главных результатов учебной деятельности.

При обработке результатов второго раздела начисляется по 1 баллу за ответы «да» на вопросы по позициям 1-9 и за ответы «нет» - по позициям 10-12. Подсчитывается общая сумма баллов. Чем больше набрана сумма баллов, тем в большей степени у учащегося выражена направленность на отметку. Сопоставление баллов по этой методике и методике «Направленность на приобретение знаний» показывает преобладание той или иной тенденции у данного ученика: на знания или на отметку.

С целью выявления отношения учащихся к предмету «Основы безопасности жизнедеятельности» нами была выбрана методика «Изучение отношения к учебным предметам» (Г.Н. Казанцевой) [6].

Первый раздел анкеты составлен с целью выявления предпочитаемых учебных предметов, второй - причин предпочтительного отношения к ним. Учащимся было необходимо назвать из всех изучаемых в школе предметов самые любимые и нелюбимые, а затем выбрать причину такового отношения к предмету. На основе анализа ответов по двум разделам делается соответствующий вывод о ведущих мотивах, лежащих в основе положительного или отрицательного отношения к отдельным предметам и к учению в целом.

С целью выявления уровня знаний учащихся по предмету «Основы безопасности жизнедеятельности» был проведен текущий контроль, который состоял из тестирования и ситуационных задач. Вопросы и задания текущего контроля, были подобраны с учетом возрастных особенностей школьников и соответствовали пройденным темам, согласно календарно-тематическому планированию предмета ОБЖ в 10 классе.

Для определения успеваемости школьников по Основам безопасности жизнедеятельности анализировали оценки за 1-3 четверти и определяли среднюю оценку.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенное нами исследование позволило определить особенности мотивационной сферы учащихся 10-х классов, а именно уровень и характер учебной мотивации, мотивационную доминанту учебной деятельности, характер учебных предпочтений школьников (отнесение предмета ОБЖ к числу предпочитаемых либо не предпочитаемых учебных дисциплин), и причин отнесения предмета ОБЖ к тому или иному разряду.

Опросник, выявляющий уровень учебной мотивации, состоял из четырех шкал. Степень выраженности каждой шкалы вносила свой вклад в формирование общей мотивации учения. Показатели шкал, составляющих общий уровень учебной мотивации, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели шкал, составляющих общий уровень учебной мотивации учащихся, $M \pm m$

Показатель	Девушки		Юноши	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Познавательная активность	31±0,91	26±0,37***	33,38±1,71	29,33±0,76*
Мотивация достижения	35±4,11	29,09±1,48*	30,63±1,28	28,11±2,01
Тревожность	19,5±2,5	20,45±0,99	15,13±1,53	20±1,77
Гнев	14,38±1,84	16±1,26	12,63±0,92	17,44±2,23

Примечания: различия между экспериментальной группой и группой контроля статистически достоверны * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,005$; *** - $p \leq 0,001$.

Установлено, что обе группы обследуемых лиц, имели высокие значения по шкале «Познавательная активность» и «Мотивация достижения». Следует отметить, что значения отмеченных параметров в экспериментальной группе превышали аналогичные в группе контроля. Это свидетельствует о том, что учащиеся, занимающиеся внеурочной деятельностью по ОБЖ, характеризуются позитивным эмоциональным отношением к учению, и нацелены на получение высокого уровня знаний.

Полученные результаты по шкале «Познавательная активность» сопоставили с нормативными значениями, с учетом гендерных и возрастных особенностей, которые были ранее представлены в таблице 1.

Частота встречаемости различных уровней познавательной активности учащихся представлена на рисунке 1.

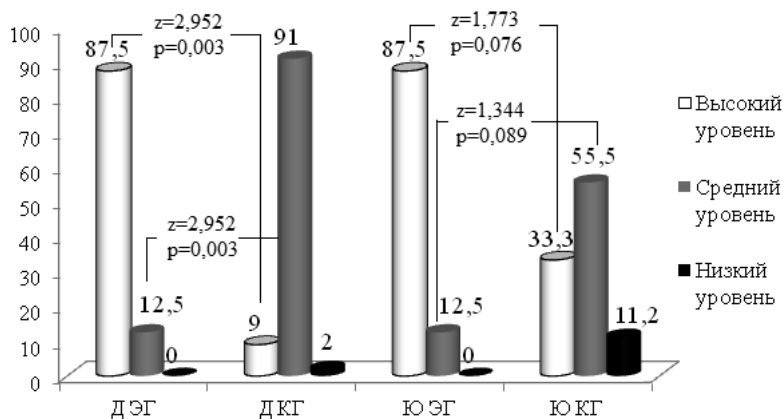

Рис. 1. Частота встречаемости различных уровней познавательной активности учащихся

(Д ЭГ - девушки экспериментальная группа; Д КГ - девушки контрольная группа; Ю ЭГ - юноши экспериментальная группа; КГ - юноши контрольная группа)

Распределение учащихся по уровню познавательной активности показало, что, как у девушек, так и у юношей, экспериментальной группы, наибольшее число лиц характеризовались высоким уровнем познавательной активности, в свою очередь, у школьников контрольной группы, преобладал средний

уровень познавательной активности. Низкий уровень по данной шкале выявлен у 11,2% обследуемых юношей и у 2% девушек контрольной группы.

С целью выявления отношения учащихся к процессу обучения мы определили уровень учебной мотивации школьников (рис. 2, 3).

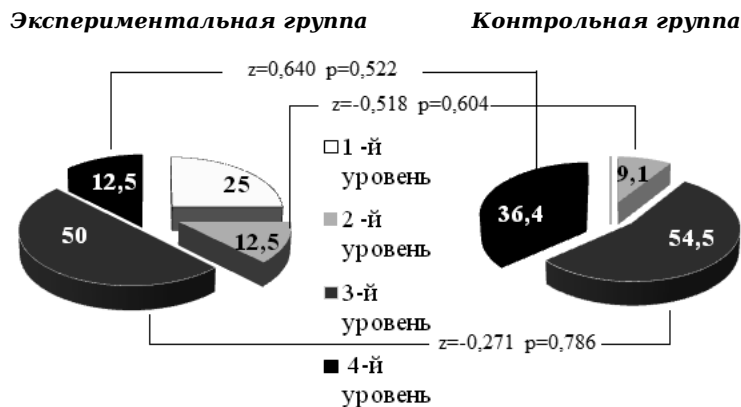

Рис. 2. Частота встречаемости различных уровней мотивации девушек, %

Обнаружено, что среди девушек обеих групп, наиболее часто встречались лица, имеющие 3-й (средний) уровень мотивации.

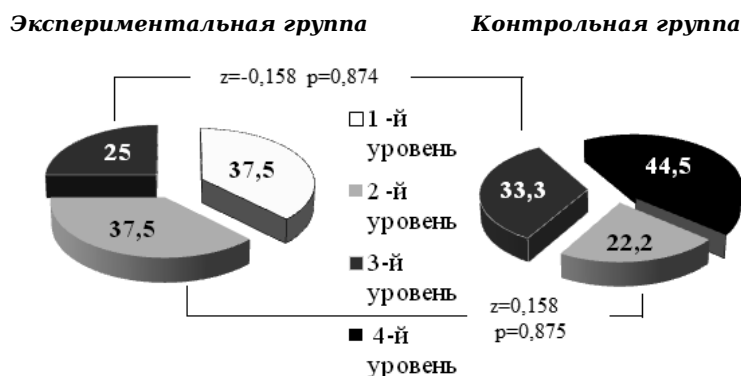

Рис. 3. Частота встречаемости различных уровней мотивации юношей, %

Однако частота встречаемости девушек с 1-м уровнем учебной мотивации была выше в экспериментальной группе. У учащихся с таким уровнем мотивации обнаруживается продуктивная мотивация с выраженным преобладанием познавательной мотивации учения и положительным эмоциональным отношением к нему.

В отличие от девушек, у юношей экспериментальной группы в чаще наблюдались лица, имеющие 1-й и 2-й уровни мотивации. При 2-м уровне наблюдается продуктивная мотивация, позитивное отношение к учению, соответствие социальному нормативу.

Установлено, что юноши, не занимающиеся внеурочной деятельностью по основам безопасности жизнедеятельности, имели сниженную мотивацию, характеризовались переживанием «школьной скуки», у них имело место отрицательное эмоциональное отношение к учению.

Таким образом, установлено, что учащиеся, занимающиеся внеурочной деятельностью по ОБЖ в МОУ ДОД «ЦДОД» имели высокий уровень учебной мотивации с выраженным преобладанием познавательной сферы и мотивации достижения.

С целью определения мотивационной доминанты учения у школьников, мы проанализировали результаты анкеты на выявления направленности процесса обучения учащимися 10-х классов (рис. 4, 5).

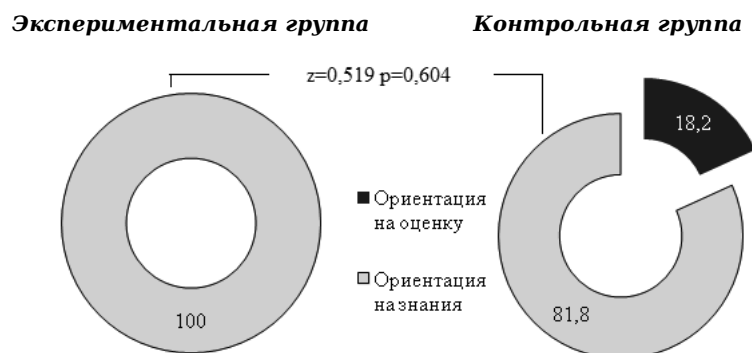

Рис. 4. Распределение девушек по мотивационной доминанте изучения ОБЖ, %

Установлено, что все опрошенные девушки экспериментальной группы в процессе обучения ориентировались на приобретение знаний, в свою очередь, у 18,2% обследуемых представительниц контрольной группы наблюдалась ориентация на оценку.

Распределение юношей по направленности процесса обучения показало, 33,3% юношей контрольной группы характеризовались преобладанием направленности на получение высокой оценки, тогда как абсолютно все юноши экспериментальной группы были нацелены на получение высокого уровня знаний.

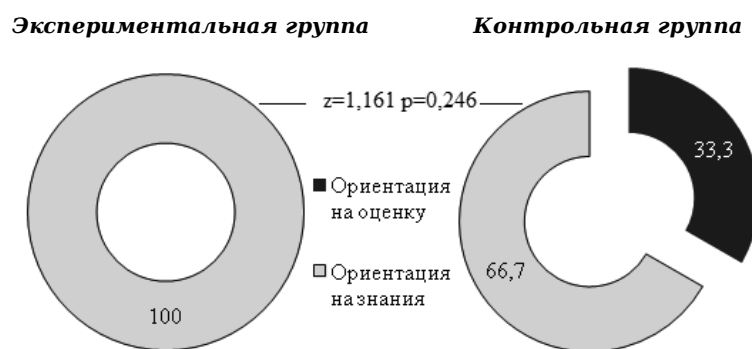

Рис. 5. Распределение юношей по мотивационной доминанте изучения ОБЖ, %

Таким образом, установлено, что основной мотив учения школьников, занимающиеся внеурочной деятельностью по основам безопасности жизнедеятельности, был связан с получением знаний, тогда как в контрольной группе все же встречались лица, чьей доминирующей доминантой служила оценка по учебной дисциплине.

Для того, чтобы определить отношение учащихся 10-х классов к предмету «Основы безопасности жизнедеятельности» мы провели методику, направленную на выявление предпочитаемых и не предпочитаемых учебных предметов, а также причин, по которым школьники их распределяли в то или иную группу. Результаты представлены на рисунке 6.

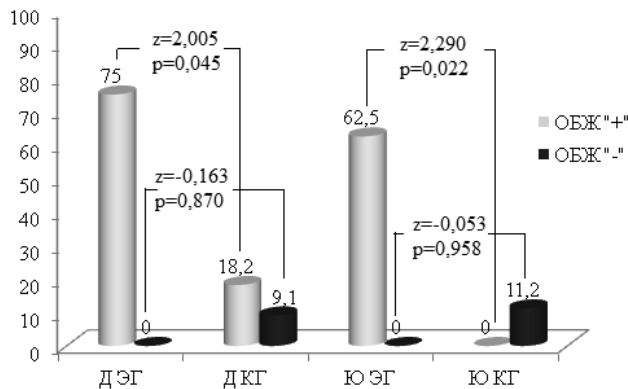

Рис. 6. Распределение учащихся по отношению к предмету ОБЖ, %
 (Д ЭГ - девушки экспериментальная группа; Д КГ - девушки контрольная группа;
 Ю ЭГ - юноши экспериментальная группа; КГ - юноши контрольная группа;
 ОБЖ «+» - ОБЖ в числе предпочитаемых предметов;
 ОБЖ «-» - ОБЖ в числе не предпочитаемых предметов)

Установлено, что 75% девушек и 62,5% юношей контрольной группы относят предмет ОБЖ к числу «любимых предметов». Наиболее встречающимися причинами включения предмета ОБЖ в список «любимых» были: предмет интересен, получаю удовольствие при изучении, нравится, как преподает учитель, предмет заставляет думать, помогает развивать будущую культуру, предмет занимательный, предмет нужно знать всем, предмет необходим для будущей профессии, интересны отдельные факты.

Необходимо отметить, что 9,1% девушек и 11,2% юношей определили предмет ОБЖ в группу «нелюбимых» дисциплин, что свидетельствует о низкой заинтересованности учащихся, не занимающихся внеурочной деятельностью, в освоении курса ОБЖ.

Чаще всего школьники аргументировали свой выбор следующими причинами: данный предмет не интересен, предмет не нужно знать всем, не получаю удовольствие при его изучении, не нравится как преподает учитель.

Таким образом, установлено, что занятия внеурочной деятельностью по основам безопасности жизнедеятельности способствуют большей заинтересованности школьников к изучению предмета ОБЖ, а также содействуют осознанию учащимися его роли, значимости и необходимости изучения.

Для того, чтобы определить влияние занятий внеурочной деятельностью на качественный показатель усвоения учебного материала по курсу ОБЖ, мы оценили уровень знаний и успеваемость учащихся 10 классов (рис. 7).

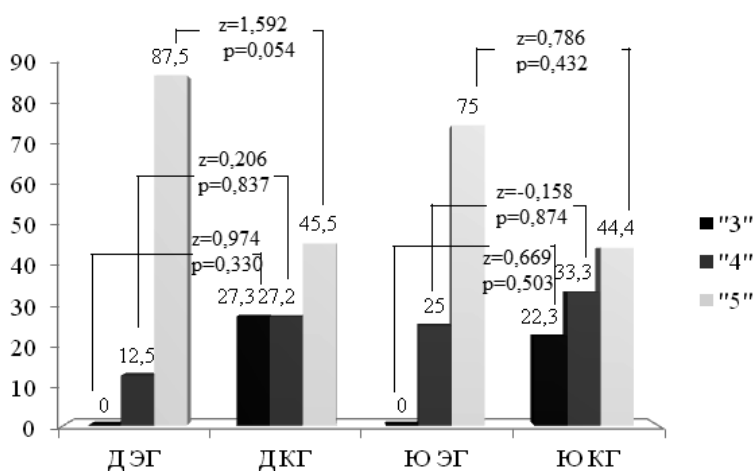

Рис. 7. Успеваемости учащихся 10-х классов по основам безопасности жизнедеятельности
(Д ЭГ - девушки экспериментальная группа; Д КГ - девушки контрольная группа;
Ю ЭГ - юноши экспериментальная группа; КГ - юноши контрольная группа)

Установлено, что в экспериментальной группе, учащиеся по ОБЖ чаще всего успевали на оценки «отлично» (87,5% девушек и 75% юношей) и «хорошо» (12,5% и 25% соответственно). В свою очередь, в контрольной группе школьников встречались лица имеющие среднюю оценку по ОБЖ «удовлетворительно» (27,3% девушки и 22,3% юноши).

Для выявления уровня знаний по основам безопасности жизнедеятельности мы провели контрольный срез, состоящий из ситуационных задач и тестирования. Максимальной оценкой являлось 100%, которую школьники получали в случае правильного ответа на обе части контрольного среза. Анализируя результаты, мы распределили учащихся по уровню знаний по ОБЖ (рис. 8).

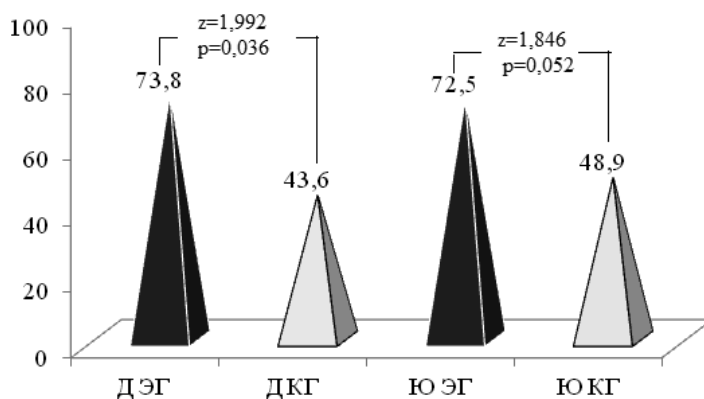

Рис. 8. Распределение учащихся по уровню знаний по ОБЖ, %
(Д ЭГ - девушки экспериментальная группа; Д КГ - девушки контрольная группа;
Ю ЭГ - юноши экспериментальная группа; КГ - юноши контрольная группа;
ОБЖ «+» - ОБЖ в числе предпочитаемых предметов;
ОБЖ «-» - ОБЖ в числе не предпочитаемых предметов)

Результаты показали, что уровень знаний школьников, занимающихся внеурочной деятельностью по основам безопасности жизнедеятельности, превышал 70%, тогда как уровень знаний учащихся контрольной группы, находился ниже 50%, что свидетельствует о низком уровне знаний по курсу ОБЖ.

Таким образом, установлено, что занятия внеурочной деятельностью по основам безопасности жизнедеятельности повышают уровень учебной мотивации школьников, усиливают заинтересованность предметом, кроме того мотивационной доминантой учащихся становится ориентация на приобретение знаний. Уровень знаний и успеваемость учащихся, занимающихся внеурочной деятельностью по основам безопасности жизнедеятельности, были выше, чем у школьников контрольной группы.

Литература

1. Батяева, Т.А. Средства обучения ОБЖ – фундамент качественного образования [Текст] / Т.А. Батяева // Основы безопасности жизни. – 2011. – № 4. – С. 13-14.
2. Грачева, М.М. Индивидуализация формирования учебной мотивации школьников [Текст] / М.М. Грачева, А.К. Осин // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 7. – С. 114-116.
3. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы [Текст] / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2006. – 512 с.
4. Мартемьянова, А.А. Мотивация: взгляд вчера и сегодня [Текст] / А.А. Мартемьянова, А.К. Осин // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 7. – С. 124-126.
5. Прихожан, А.М. Применение методов прямого оценивания в работе школьного психолога [Текст] / А.М. Прихожан // Научно-методические основы использования в школьной психологической службе конкретных психологических методик. – М., 1988. – С. 110-118.
6. Психодиагностические методики. Диагностика детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.psyoffice.ru.

НАУЧНЫЙ ПОИСК

Социология

УДК 316.3
ББК 60.5

П.А. АМБАРОВА | **ПРОЦЕССЫ ТЕМПОРАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ
В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ**

P.A. AMBAROVA | **PROCESSES OF TEMPORAL SELF-ORGANIZATION
IN THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL COMMUNITY**

*Публикация подготовлена в рамках гранта РГНФ № 14-03-00072
«Нелинейная динамика социального времени в зеркале
темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей»*

В статье раскрывается значение процессов темпоральной самоорганизации в жизнедеятельности научно-педагогического сообщества, показаны конкретные проявления этих процессов. Выявлены темпоральные противоречия между институциональным управлением социальным временем и темпоральными стратегиями поведения преподавателей вуза и темпоральной самоорганизацией и саморегуляцией, присущей этой социальной общности.

The article reveals the importance of processes of temporal self-organization in the life of scientific and educational community, it shows the concrete forms of these processes. It was revealed temporal contradictions between institutional management of social time and temporal behavior strategies of professors and temporal self-organization and self-regulation inherent in this social community.

Ключевые слова: научно-педагогическое сообщество, управление социальным временем и темпоральными стратегиями поведения, темпоральная самоорганизация и саморегуляция.

Key words: scientific and educational community, the management of social time and the temporal behavior strategies, temporal self-organization and self-regulation.

В контексте современного социологического знания о природе социального управления различные его виды получают расширительное толкование, включающее как традиционные трактовки, так и новое понимание его форм, свойств и функций. Важным видом социального управления выступает управление социальным временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей.

Одной из главных его особенностей является многосубъектность. В практику темпорального регулирования жизнедеятельности социальной общности включаются многие управленческие структуры – органы власти и управления всех уровней, администрация различных организаций, руководство общественных объединений и т.д., а также сама социальная общность, выступающая активным актором в пространстве социальных взаимодействий.

Исходя из этого положения, мы включаем в понятие управления временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей два элемента: 1) управление в его традиционном понимании, заключающееся в управленческом воздействии или влиянии на темпоральные процессы социальной общности, 2) самоуправление, проявляющееся в *темпоральной самоорганизации и саморегуляции* социальной общности. Рассмотрению темпоральной самоорганизации научно-педагогического сообщества, представляющей собой специфические социальные практики, сформированные повседневным жизненным и профессиональным опытом представителей этой общности, будет посвящена наша статья.

Исследование темпоральных стратегий поведения научно-педагогического сообщества [1, 2] показало, что в жизнедеятельности этой социальной общности процессы темпоральной самоорганизации и саморегуляции имеют большое значение. Возникновение и развитие общности преподавателей высшей школы охватывают значительный исторический период и связаны с длительным процессом институционализации их профессии и формирования их профессиональной культуры. Эта общность способна сама регулировать отношения внутри себя и взаимоотношения (взаимодействия) с субъектами внешнего социального окружения. В длительном процессе своего исторического развития научно-педагогическим сообществом выработаны сложные механизмы темпоральной самоорганизации и саморегуляции.

Особенностью научно-педагогического сообщества является взаимодействие профессиональной и иных социальных ролей, выполняемых ее членами, взаимопроникновение личной и профессиональной жизни, личных и профессиональных интересов. На наш взгляд, этими факторами во многом обусловлен сложный в темпоральном отношении, ненормированный и напряженный по времени труд преподавателя, большая продолжительность его рабочего времени, достаточно поздний выход на пенсию.

Темпоральная самоорганизация научно-педагогического сообщества представляет собой социальный процесс, осуществляемый им по поиску наиболее оптимальных темпоральных параметров и режимов его функционирования, обеспечивающих выполнение основных социальных функций, ролей, а также его развитие. Результатом темпоральной самоорганизации является сконструированная система темпоральных установок, ценностных ориентаций, целей, структур, правил, алгоритмов деятельности и взаимодействий, упорядочивающая и обеспечивающая жизнедеятельность научно-педагогического сообщества во временном аспекте.

Темпоральная саморегуляция представляет собой упорядочение жизнедеятельности исследуемой общности с помощью выработанных ею самой темпоральных норм и правил. Этот процесс направлен на выстраивание такой темпоральной стратегии поведения и такого темпорального режима функционирования, которые конгруэнтны самой социальной общности (органически связаны с различными видами ее жизненной стратегии, интегрированы в них) и позволяют соответствовать общественным ожиданиям.

В процессах темпоральной самоорганизации и саморегулирования научно-педагогического сообщества, которые служат не только его сохранению, но и развитию, проявляется субъектность этой социальной общности и степень ее социальной активности. В ходе этих процессов она вырабатывает новые темпоральные качества, которые повышают ее адаптивность и позволяют переходить из старого состояния в новое.

Рассмотрим, в каких формах развиваются процессы темпоральной самоорганизации и саморегуляции в научно-педагогическом сообществе, и определим возможности управления темпоральными стратегиями их поведения с учетом этих процессов.

Самоорганизация научно-педагогического сообщества проявляется в большинстве *процессов его развития*. Такие темпоральные характеристики развития, как скорость, направление и устойчивость изменений общности

сти в качестве самоуправляющегося субъекта, задаются не извне (например, государством, органами управления), а самой общностью, исходя из ее потребностей, целей, возможностей. Во многом эти ориентиры возникают как реакция на общественные потребности и формируются во взаимодействии общности с внешней средой. Для научно-педагогического сообщества – это студенты, их потенциальные работодатели, партнеры по научным и образовательным проектам, конкуренты. Во взаимодействии с ними формируются не только повседневные темпоральные структуры, например, режим трудовой деятельности, правила темпорального взаимодействия. Содержание социального взаимодействия общности с окружением определяет *темпоральные характеристики стратегии развития*: скорость реакции на изменившиеся требования и запросы, временную перспективу (среднесрочную или долгосрочную), темпоральную модель изменений (ускорение, мгновенный переход в новое состояние, сохранение преемственности) и др.

В темпоральном отношении стратегия развития научно-педагогического сообщества отличается от стратегий других социальных общностей, например, бизнес-сообщества (для которого процессы темпоральной самоорганизации характерны в меньшей степени). Если для бизнес-сообщества возможен (а иногда и необходим) качественный, почти мгновенный переход к новым организационным формам, моделям поведения на рынке, принципиально новым стандартам деятельности, то для научно-педагогической общности предпочтительна модель развития с сохранением преемственности, гармоничное сочетание инноваций, ускорения и научных, образовательных традиций. Мы видим, что специфика темпоральности развития общностей зависит от той социальной роли, которую они выполняют в обществе: бизнес выступает локомотивом общественного развития, определяет его тренд, а образование есть связующее звено между динамичными сферами экономики, рынка труда и более стабильными подсистемами общества (культурой, семьей и т.д.).

Социальное окружение научно-педагогического сообщества сегодня становится в высшей степени динамичным, неопределенным и нелинейным. Следовательно, и развитие этой социальной общности становится «ломанным», трудно предсказуемым. Для его описания больше всего подходит термин «флуктуации», означающий колебания и нестабильность. Исходя из результатов анализа существующих в системе образования механизмов управления временем, мы можем утверждать, что управлять развитием такой сложно организованной общности исключительно с помощью институциональных механизмов, ориентированных на жесткие методы воздействия, становится невозможно.

Управление, которое поддерживает один альтернативный путь развития научно-педагогического сообщества и ставит барьеры на пути реализации другого, искусственно прерывает процессы его самоорганизации и саморазвития (что противоречит самой природе этой общности) и, как следствие, снижает ее потенциал и возможности реализовать свои социальные функции и предназначение. Позитивная роль управления в системе образования как социального института заключается в создании благоприятных условий, в которых научно-педагогическое сообщество само выстраивает темпоральную модель (т.е. систему темпоральных характеристик и параметров) стратегии своего развития.

Темпоральная самоорганизация и саморегуляция проявляются в структурировании и гибком изменении бюджета времени, который отражает структуру жизнедеятельности научно-педагогического сообщества и приоритетные направления и цели его деятельности. Как показало наше эмпирическое исследование, право на свободное и самостоятельное планирование и изменение бюджета времени рассматривается представителями научно-педагогического сообщества как привилегия, привлекательная сторона их профессиональной деятельности и как ресурс, обеспечивающий гибкость в подходах к решению профессиональных задач.

Между тем, в современных условиях у научно-педагогического сообщества возможности самостоятельного регулирования бюджета времени ограничены. Образовательные практики требуют более интенсивного включения в темпоральные структуры, регулирующие деятельность и взаимодействие больших групп – лекционных потоков, академических групп, институтов, кафедр, департаментов. Темпоральная координация, осуществляемая системой управления вузом посредством различных планов, графиков и учебного расписания, создает некие темпоральные «границы» и «точки», с учетом которых научно-педагогическое сообщество уже самостоятельно распоряжается временными ресурсами. Однако это традиционные, привычные ограничения, связанные с особенностями временной организации вузовской жизни.

Мы уверены, что существуют и другие ограничения «темпоральной свободы» научно-педагогического сообщества, более серьезные по своему влиянию и связанные с теми негативными организационными и социально-экономическими процессами, которые происходят в системе высшего образования в последние годы. Остановимся далее на них и тех предпосылках, которые способствовали их появлению.

Возможность быть свободным в выстраивании своего графика работы, в планировании рабочей нагрузки и отдыха, бюджетировании времени различных видов деятельности всегда было привлекательной стороной педагогической профессии. Наше исследование показывает, что фактор темпоральной свободы по-прежнему остается значимой ценностью для научно-педагогического сообщества. Начиная с 1990-х гг., в условиях резкого падения уровня жизни преподавателей вузов их ресурс времени (достаточное количество времени и гибкий график) обеспечил многим представителям данной общности вторичную занятость и, соответственно, позволил поддерживать более или менее достойный уровень и качество жизни.

Исследования профессиональной деятельности педагогов высшей школы, проводившиеся в 2000-е гг., четко показали снижение уровня их научно-исследовательской активности и педагогической продуктивности в связи с ухудшением материального положения и перегруженностью дополнительными заработками, а значит, сокращением доли времени на научную, научно-методическую и креативную педагогическую работу [6, 17 и др.]. Корреляция интенсивности и объема научной деятельности с фактором времени была опосредована мотивацией преподавателей на научную работу: те из них, кто сохранил интерес к серьезным научным исследованиям, либо уменьшили объем научной работы и количество публикаций, либо «вывели» этот вид работы в зону свободного времени, либо за счет коммерциализации науки превратили ее в источник доходов [13]. В любом случае альтернативные стратегии профессионального поведения формировались благодаря сохранявшейся в определенной степени темпоральной свободе вузовских преподавателей.

Современная ситуация, на наш взгляд, выглядит не лучше, а скорее хуже: в условиях нового витка социально-экономического кризиса при сохраняющейся необходимости дополнительной занятости интенсифицируется внутривузовская работа преподавателей. Следовательно, институциональные темпоральные структуры в вузе становятся все более жесткими и создают больше барьеров для осуществления темпоральной самоорганизации внутри научно-педагогического сообщества.

Этот процесс образно можно назвать «темпоральным кальцинированием» (закостенением) вузовской среды, снижением ее темпоральной подвижности и свободы. Причиной тому служит резкое увеличение рабочей нагрузки преподавателей. Оно приводит к уменьшению доли рабочего времени, которым они могут самостоятельно распоряжаться, одновременно происходит резкое уменьшение их свободного времени. Социологические исследования показывают, что 92% преподавателей вузов недовольны своим бюджетом времени (прежде всего из-за увеличивающегося объема работы) [15, с. 120], 66% преподавателей не успевают заниматься научной работой и читать ли-

тературу [9, с. 115]. Наше собственное исследование (а его результаты подтверждаются и другими работами [15]) показывает, что большинству представителей научно-педагогического сообщества катастрофически не хватает времени на отдых, восстановление физических и психических сил, общение с родными, удовлетворение культурных потребностей, что является необходимым условием их личностного роста и развития профессиональной культуры. Хотя дополнительную занятость имеет большое количество преподавателей (от 57 до 88% в различных вузах [9, с. 112; 11, с. 93]), в этих условиях определенная их часть отказывается от нее, поскольку для этого уже отсутствуют физические, психические и временные возможности.

Разрастание учебной нагрузки приводит к профессиональному выгоранию и проблемам здоровья, конфликтам в семье, оно сужает темпоральную свободу преподавателей, «закрепощает» их в рамках «образовательного конвейера», лишает возможности темпорального балансирования. В условиях «закальцированного времени» дорогостоящие временные ресурсы научно-педагогического сообщества используются нерационально, «сжигаются», вместо того, чтобы быть конвертируемыми в другие виды капитала – интеллектуального, человеческого, профессионального и т.д.

Особенно это заметно в отношении механизмов темпоральной самоорганизации научной работы преподавателя-исследователя. Они разрушаются, потому что принципиально невозможно нормативно рассчитать и предписать временные нормы на создание научной идеи, концепции, написание статьи, монографии. С позиций темпорального подхода научная деятельность является ресурсоемкой и темпорально ненормируемой. Никто и никогда не может точно определить, сколько времени потребуется молодому преподавателю для написания серьезной статьи. Зачастую то, на что опытному ученому нужна неделя, аспиранту нужен месяц. Многое зависит от степени разработанности и фундаментальности проблемы и других факторов.

Следовательно, темпоральная неопределенность и ненормируемость научной работы по необходимости предполагают использование «темпорального балансира», т.е. свободы и гибкости в распоряжении временными ресурсами. Между тем, бюджет времени представителей научно-педагогического сообщества сегодня представляет собой обросший ракушками киль корабля, настолько он сковывает деятельность преподавателей «разрастающимися» рутинными учебными практиками. Из-за этого скорость, производительность, качество их профессиональной деятельности катастрофически снижаются.

Темпоральная самоорганизация научно-педагогического сообщества проявляется в выборе темпоральных ориентиров его жизнедеятельности. И в этом вновь проявляется специфика этой социальной общности. Если бизнес-сообщество преимущественно ориентировано на будущее и развивается в логике опережения, что порой вызывает противоречия во взаимодействии с другими социальными общностями¹, то для научно-педагогического сообщества характерна ориентация одновременно и на прошлое, и на будущее. Говоря о темпоральных ориентирах как элементе темпоральной стратегии поведения научно-педагогического сообщества, мы вновь обращаем внимание на специфику социальной роли науки и образования как особых социальных институтов-медиаторов, соединяющих ориентации на будущее (инновации) и на прошлое (традиции) и использующих это сочетание как источник развития.

Эта особенность темпоральной стратегии поведения представителей научно-педагогического сообщества лежит в основе другого темпорального

¹ Яркий пример темпоральных противоречий между социальными общностями – это борьба городского сообщества с бизнесом за сохранение исторического и культурного архитектурного наследия города. Заметим, что среди представителей городского сообщества, выступающего за максимальное сохранение культурного наследия, велика доля представителей науки, культуры и образования.

противоречия – между формально-инновационным управлением в сфере образования, ориентированным на быстрое достижение целей модернизации высшего образования в среднесрочной перспективе, и научно-педагогическим сообществом, очень взвешенно относящимся к соотношению старого и нового и ориентированного на достижение целей в долгосрочной перспективе.

Близость представлений об ориентирах развития и модернизации образования, складывающихся на уровне управления и научно-педагогического сообщества, представляет собой только видимость. Проводимые правительством и министерством науки и образования реформы на самом деле перечеркивают значение многих традиций российского образования и науки. Они снижают роль преподавателя как носителя и создателя уникального образовательного и научного знания, гуманитарной и воспитательной составляющей образования, доступности качественных образовательных услуг широким слоям населения и многие другие традиции, за сохранение которых выступает научно-педагогическое сообщество.

Конфликт между структурами управления образования и социальной общностью преподавателей вузов – это конфликт между «быстрым рынком» и механизмом долгосрочных инвестиций в образовательный и интеллектуальный капитал вузов. Рыночная модель, в состоянии которой была переведена российская высшая школа, требует отдачи «здесь и сейчас» (в краткосрочной, в лучшем случае среднесрочной перспективе). Она породила различные стратегии рыночного поведения вузов, основанные на использовании известной ресурсной диады «время – деньги»: время на получение образования стало конвертироваться в доходы, получаемые вузами от предоставления «быстрых» платных услуг.

Изданный в 2002 г. Приказ Минобрнауки РФ № 1725 «Об утверждении условий освоения основных образовательных программ высшего профессионального образования в сокращенные сроки» позволил ввести в вузовскую практику программы сокращенного и ускоренного обучения (система «колледж – вуз»), которые дали одним возможность реализовать нелинейную траекторию обучения, другим гибко сочетать работу и учебу, третьим – просто сэкономить время на получении диплома (некоторые недобросовестные вузы, пользуясь правовой неотрегулированностью этой формы обучения, сокращали обучение до одного года).

Однозначную оценку возникшему феномену сокращенного или ускоренного обучения в вузе дать трудно. С одной стороны, студентам такая форма обучения позволила выстроить нелинейную стратегию поведения благодаря гибкому использованию времени, которое распределялось между работой и учебой (при резком сокращении продолжительности обучения). С другой стороны, в образовании сложилась не самая лучшая рыночная модель «быстрых денег», хорошо работающая в логике потребительского рынка, но плохо в сфере образования.

Российская высшая школа не может усвоить и реализовать эту идеологию «быстрых денег», по крайней мере в том варианте, который ей навязывается системой управления. Эта идеология, во-первых, противоречит традициям российского образования, а, во-вторых, ее создатели не учитывают темпоральных рисков, которые она порождает уже сейчас – девальвацию ценности «быстрого образования», снижения качества и, соответственно, престижа высшего образования «в ускоренном варианте», потерю его конкурентоспособности. Таким образом, темпоральные ориентиры, заложенные в современной образовательной политике, приводят к противоположным результатам, а, значит, свидетельствуют о неэффективности управленческой системы в области образования.

В этом смысле ценным представляется опыт Китая, перед которым стоят примерно те же задачи, что и перед Россией и который также пытается решить их путем модернизации образования. Между тем, подход к выстраиванию темпоральной модели модернизации высшего образования в Китае

иной. Он базируется на следующих принципах: 1) стратегия реформирования образования строится на основе *преемственности, национальных традиций и исторического опыта*; 2) сохраняется *традиционная патерналистская* роль государства по отношению к вузам; 3) реформирование идет *постепенно*, поэтапно и притом, что *управление очень быстро, оперативно реагирует* на появление ошибок, рисков, просчетов в образовательной реформе [14].

Приведенный пример показывает положительный опыт ориентации управления в разработке реформ образования на такие темпоральные ценности, как традиции (в формировании которых значительную роль сыграли традиции советского образования), преемственность и разумное их сочетание с инноватикой, а самое главное – скоростью и гибкостью управленческой деятельности, сопровождающей этот процесс.

В сочетании с другими управленческими подходами и инструментами, обеспечивающими прежде всего благоприятные финансовые и временные условия (зарплата преподавателя китайского вуза равна зарплате менеджера среднего звена, аудиторная нагрузка примерно 30–40 часов в семестр [7]), это обеспечивает китайским университетам высокие позиции в международном образовательном пространстве. Не случайно 5 китайских университетов сегодня входят в рейтинг QS (Quacquarelli Symonds) 200 лучших университетов мира (университет Цинхуа – 47 место, Пекинский – 57, университет Фудань – 71, Шанхайский – 104, Нанкинский – 162 места) [18]. По уровню публикационной активности в 2009 г. они уступали только США и Великобритании, в 2012 г. вышли уже на второе место [12, с. 83–84]. При этом 20% публикаций китайских исследователей приходится на национальные журналы, 80% – на международные [10].

Рассмотрим еще один аспект темпоральной самоорганизации и саморегулирования, который находит отражение в выстраивании темпоральности (временные границы, ритмы, повторы, скорости) научно-исследовательской деятельности и бизнес-проектов.

Существуют определенные закономерности осуществления научно-исследовательской работы во времени. Не случайно разработаны даже классификации научных открытий по критерию темпоральности (повторные, одновременные, своевременные, преждевременные, запоздалые и т.д.) [5, 8]. Что же касается собственно процесса научной работы, то его темпоральные особенности определяются сочетанием в ней творческой составляющей и алгоритмизированной деятельности. Понятно, что темпоральные характеристики научного творчества в большей степени неопределенны, динамичны, зависят от индивидуальных особенностей преподавателя-исследователя. По выражению Д. Зербино, научное творчество – «это работа без времени» [4].

Другая составляющая научной работы – ее алгоритмы – характеризует коллективные практики, отражает социальный опыт научно-педагогической общности по наработке технологий ее деятельности. Темпоральные характеристики этой составляющей научно-исследовательской работы программируются, а, следовательно, сравнительно легко поддаются управлению.

Управление научно-исследовательской работой преподавателя вуза опирается на знание и понимание, прежде всего, технологии научной работы и на основе этого устанавливает определенные сроки выполнения НИР – в рамках подготовки кандидатской и докторской диссертаций (3 и 5 лет), выполнения исследования по грантам (1, 2 или 3 года). Но, как правило, научно-исследовательский проект не укладывается в отведенные организационные рамки: чаще всего он охватывает этап интенсивной работы, а так называемый «задел» и «продолжение» темы выходят за его границы.

Темпоральная самоорганизация научно-исследовательской работы, основанная на сочетании двух названных компонентов – научном творчестве и научном рутинном, алгоритмизированном труде – выработала темпоральную норму *систематической научной работы*. Исследователь должен осу-

ществлять научную работу постоянно, изо дня в день, по принципу «ни дня без строчки». Для академических научных работников время, отводимое на исследования, должно составлять примерно 80% от бюджета рабочего времени (остальное занимает организационная и прочая работа), для преподавателя вуза объем времени на научную работу, конечно, меньше.

Однако дело не только в объеме, но и в качественной темпоральной организации научной работы. Она может быть *рекурсивной, повторяющейся*, может иметь уникальный, *разовый характер*, но в любом случае она должна быть *постоянной*. «Если "бросить науку" на один день», – писал физик и философ М. Бунге, – то она тебя бросит на два, если ты ее оставишь на два дня, то она тебя может бросить вовсе» [3]. Придерживаются ли современные российские преподаватели-исследователи этого принципа или нет, зависит не только от их индивидуальных устремлений, мотивации к научной работе, но и тех объективных условий, в которых они работают.

Современный преподаватель оказывается в роли буриданова осла, который скончался, так и не решив, за какую еду приняться. В условиях жесточайшего дефицита времени, на причины которого мы не раз указывали в нашей работе, им очень сложно сделать выбор: зарабатывать на жизнь, беря дополнительную работу? совершенствовать, «модернизировать» свое педагогическое мастерство, осваивая новые стандарты, технологии, подходы? переписывать на десятый раз по новому шаблону учебные программы? заняться диссертационным исследованием? написать монографию или, по крайней мере, серьезную статью? Выбор делается, но не в пользу систематической научной работы.

«Урывками, но *постоянно*», – так определяется «хронотоп» научной работы преподавателя [16]. В таком «рваном» темпоральном режиме работали и работают практически все преподаватели вузов, поэтому подсчитать точно, сколько времени уходит на тот или иной вид научной работы, достаточно трудно, нормировать время научной работы практически невозможно.

Другой принцип научной работы, отраженный в латинской поговорке «*Festina lente*» – «поспешай медленно», также не выдерживается в современных вузовских условиях. Во-первых, объективно увеличилась и продолжает увеличиваться скорость обновления научной информации, что заставляет более интенсивно отслеживать и осваивать новое научное знание. Во-вторых, быстро меняются количественные и качественные критерии оценки научных достижений, что связано с попыткой ускоренными темпами вписать российскую науку в европейское научное пространство (количество публикаций в журналах списка ВАК, в журналах, индексируемых в международных базах цитирования, увеличение публикаций в журналах с высоким импакт-фактором и др.).

Высокий темп, скорость развития научной работы, обусловленные как внешним фактором – естественной динамикой развития науки, так и целевыми установками реформы российского образования и науки, нарушают традиционные нормы и принципы темпоральной самоорганизации научной деятельности. Но если первый фактор задан объективно и позитивно стимулирует изменение темпоральной организации научно-исследовательской работы преподавателей и ученых, то влияние второго – управленческих установок на ускорение – можно оценить как противоречивое.

Искусственное введение таких критериев оценки научных достижений, как библиометрические показатели, объемы привлеченного финансирования, количество грантов (особенно в условиях резкого сокращения финансирования научных фондов в 2014–2015 гг.), к которым добавлен критерий возрастающей динамики этих показателей, вряд ли можно назвать эффективным управленческим механизмом стимулирования развития российской науки. В условиях ресурсной необеспеченности этот процесс разрушает механизмы темпоральной самоорганизации науки и сопровождается рисками «научных махинаций», «вымывания» научной проблематики, не вписывающейся в издательскую политику высокорейтинговых зарубежных журналов.

Таким образом, проведенный анализ выветил те противоречивые ситуации, которые складываются в зонах пересечения институциональных механизмов управления временем и темпоральными стратегиями поведения и процессов темпоральной самоорганизации и саморегуляции, происходящих в научно-педагогическом сообществе. Причины выявленных противоречий видятся нам, с одной стороны, в несовершенстве механизмов управления временем, сложившихся на уровне формальных управленческих структур, в их ориентации на методологические принципы парадигмы «жесткого» управления, недооценке значимости фактора времени в регулировании жизнедеятельности этой социальной общности. С другой стороны, причиной сложившейся ситуации служит отсутствие в системе управления механизмов обратной связи, позволяющей быстро и адекватно реагировать на особенности темпоральной самоорганизации научно-педагогической общности.

Выявленные противоречия требуют не только своего теоретического и эмпирического исследования, но и определения путей их регулирования и минимизации рисков, связанных с ними. Это означает, что в практике управления темпоральными стратегиями поведения научно-педагогического сообщества должен учитываться его «темпоральный профиль», обусловленный историей его возникновения и развития, социальными ролями, которые оно выполняет в современном обществе. Управленческие структуры, представляющие вертикаль власти в системе высшего образования, должны ориентироваться на имеющийся у социальной общности опыт и способности к темпоральной самоорганизации и в зависимости от этого определять подходы, конкретные социальные технологии и методы регулирования ее темпоральных стратегий.

Литература

1. Амбарова, П.А. Время в жизни преподавателя вуза глазами социологов [Текст] / П.А. Амбарова, Г.Е. Зборовский // Высшее образование в России. – 2015. – № 2. – С. 70-79.
2. Амбарова, П.А. Темпоральные стратегии поведения горожан: опыт качественного исследования [Текст] / П.А. Амбарова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 1. – С. 13-24.
3. Бунге, М. Интуиция и наука [Текст] / М. Бунге. – М. : Прогресс, 1967. – 188 с.
4. Зербино, Д. Научное творчество: неразгаданный феномен [Электронный ресурс] / Д. Зербино. – Режим доступа: http://gazeta.zn.ua/SCIENCE/nauchnoe_tvorchestvo_nerazgadannyy_fenomen.html (дата обращения 29.04.2015).
5. Кынин, А. Эти неслучайные «случайные» открытия [Электронный ресурс] / А. Кынин. – Режим доступа: <http://www.metodolog.ru/01200/01200.html> (дата обращения 28.04.2015).
6. Назарова, И.Б. Преподаватели экономических дисциплин: профессиональный потенциал, особенности занятости и трудовой мотивации [Текст] / И.Б. Назарова. – М. : МАКС Пресс, 2005. – 279 с.
7. Научно-педагогическая работа в китайском университете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inel.stu.cn.ua/forum/index.php?topic=527.0> (дата обращения 28.04.2015).
8. Новиков, А.С. Научные открытия: повторные, одновременные, своевременные, преждевременные, запоздалые [Текст] / А.С. Новиков. – М. : УРСС, 2003. – 112 с.
9. Попова, О.И. Преподаватель вуза: современный взгляд на профессию. Опыт социологического исследования [Текст] / О.И. Попова // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 6. – С. 112-119.
10. Публикационная активность: практические аспекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unkniga.ru/vishee/1719-publikacionnaya-aktivnost-prakticheskie-aspekty.html> (дата обращения 28.04.2015).
11. Римская, О.Н. Мотивация преподавателей вузов в системе менеджмента качества образования [Текст] / О.Н. Римская. – Томск, 2006. – 121 с.

12. Родионов, Д.Г. Гонка за лидером: правительственная программа «5-100-2020» [Текст] / Д.Г. Родионов, Е.В. Ялунер, О.А. Кушневa // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. - 2014. - № 2. - Т. 6. - С. 69-86.
13. Рощина, Я.М. Факторы исследовательской деятельности преподавателей вузов: политика администрации, контрактная неполнота или влияние среды? [Текст] / Я.М. Рощина, М.М. Юдкевич // Вопросы образования. - 2009. - № 3. - С. 203-228.
14. Сачко, Г.В. Почему сходные реформы высшего образования в России и Китае ведут к разным результатам? [Текст] / Г.В. Сачко // Вестник Челябинского государственного университета. - 2012. - № 12. - С. 48-55.
15. Филатова, Е.В. Жизненный баланс преподавателя университета [Текст] / Е.В. Филатова // Идея и идеалы. - 2012. - № 3 (13). - Т. 2. - С. 116-123.
16. Харченко, В.К. Как заниматься наукой [Текст] / В.К. Харченко. - Белгород : Изд-во Белгородск. гос. пед. ун-та, 1996. - 208 с.
17. Эфендиев А.Г. Профессиональная деятельность преподавателей российских вузов: проблемы и основные тенденции [Текст] / А.Г. Эфендиев, К.В. Решетникова // Вопросы образования. - 2008. - № 1. - С. 87-119.
18. 200 лучших университетов мира в 2014 году [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ria.ru/abitura/20140916/1023640713.html> (дата обращения 28.04.2015).

УДК 371.72
ББК 51.28

**О.В. АНТОНОВ,
Ф.А. АНДРЕЕВА,
О.А. МАЛЬКОВ**

**O.V. ANTONOV,
F.A. ANDREEVA,
O.A. MALKOV**

**СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ШКОЛЬНИКАМИ
БЕЗОПАСНОСТИ ВЛИЯНИЯ КОМПЬЮТЕРА
НА ИХ ДОСУГ И ЗДОРОВЬЕ**

**SCHOOLCHILDREN SUBJECTIVE ASSESSMENT
OF THE INFLUENCE OF COMPUTER SECURITY
ON THEIR LEISURE**

В статье представлен обзор литературы о комплексном воздействии компьютера на психическое и физическое состояние обучающихся, а также анализ результатов опроса школьников 4-х классов городской средней школы о том, как, по их мнению, компьютер влияет на их здоровье и насколько он необходим для учебного процесса и досуга. В результате анализа установлено, что у обучающихся среднего школьного возраста не сформированы основы безопасного поведения по отношению к использованию компьютера для различных видов деятельности.

The article provides an overview of the literature on the impact of computer integrated mental and physical condition of the schoolchild's, as well as analysis of the results of the survey of schoolchildren in grades 4 City High School about how, in their view, the computer effects on their health and how it is necessary for the educational process and leisure activities. The analysis found that among students of secondary school age not form the basis of safe behavior in relation to the use of the computer for various activities.

Ключевые слова: компьютер, школа, дети, компьютерные игры, здоровье школьников.

Key words: computer, school, children, computer games, health schoolchild's.

XX век дал много «технических чудес». Никто не мог и предположить, что компьютер войдет в каждый дом. Его освоили различные слои населения, большую часть которых составляют дети. Но вместе с пользой многие школьники стали проводить за компьютером огромное количество времени, не замечая ничего вокруг себя. Компьютер заменил им общение с друзьями, занятия в кружках, и просто сократилось время на подготовку домашних заданий. Дети и подростки зачастую предпочитают общение с ним любым другим видам развлечений, они стали проводить меньше времени на свежем воздухе, меньше играть в подвижные игры, что может отрицательно сказаться на их здоровье [3]. Людям, «живущим» в Интернете, зачастую необходима социальная поддержка: они испытывают большие трудности в общении, неудовлетворенность, им свойственна низкая самооценка в реальной жизни, закомплексованность, застенчивость.

Еще одной проблемой, с которой человечество столкнулось результате компьютеризации, являются расстройства психики. К таким расстройствам относятся, в первую очередь, интернет-зависимость и компьютерная игромания. На Западе детская компьютерная зависимость по своим масштабам уже приравнивается к алкоголизму и наркомании [7].

Все выше изложенное определило проблему исследования: сформированность безопасного поведения у обучающихся по отношению к компьютерам, и каким образом можно правильно организовать работу по профилактике компьютерной зависимости среди детей и подростков.

Целью работы явилось изучение субъективной оценки обучающимися среднего школьного возраста влияния компьютера на досуг и здоровье школьников.

Материалы и методы исследования

Изучена специальная литература и электронные ресурсы, разработана собственная анкета, проведен опрос и составлена база данных обучающихся 4¹, 4² и 4³ классов средней образовательной школы № 33 г. Омска (ул. Туполева, 1).

В опросе принял участие 81 ребенок в возрасте от 9 до 11 лет, в том числе мальчиков – 46, девочек – 35 человек.

При анализе анкет рассчитывали процентное соотношение детей в зависимости от пола и выбранного варианта ответа.

Результаты исследования

Вопросы компьютеризации, влияние компьютера на здоровье человека являются одной из важных проблем современности. Сказочный монитор буквально манит к себе детей и взрослых [5]. По данным литературы, около 80% школьников, буквально, теряют голову от компьютерных игр, причем, больше половины детей знакомы с ними с 2-3 летнего возраста [6].

Основные вредные факторы, действующие на человека за компьютером [5]:

1. Воздействие электромагнитного излучения монитора.
2. Утомление глаз, нагрузка на зрение.
3. Сидячее положение в течение длительного времени.
4. Перегрузка суставов кистей и плечей.
5. Стресс при потере информации.

Компьютерная зависимость – пристрастие к занятиям, связанным с использованием компьютера, приводящее к сокращению всех остальных видов деятельности. Признаком компьютерной зависимости является не только время, проводимое за компьютером, а сосредоточение вокруг компьютера всех интересов ребенка, отказ от других видов деятельности [9].

Признаки зависимости:

- ребенок ест, пьет чай, готовит уроки у компьютера;
- вечернее засыпание у компьютера;
- прогулял школу – сидел за компьютером;
- приходит домой, и сразу - к компьютеру;
- забыл поесть, почистить зубы (раньше такого не наблюдалось);
- пребывает в плохом, раздраженном настроении, не может ничем заняться, если компьютер сломался;
- конфликтует, угрожает, шантажирует родителей в ответ на запрет сидеть за компьютером;
- ребенок теряет чувство реального времени, зачастую уходя в мир виртуальной реальности от настоящей действительности.

Нередко при дефиците общения или, наоборот, при утомлении ребенка от излишнего внимания компьютерная игра становится механизмом бегства определенной части детей и подростков от реальности [1, 2, 4].

Симптомы зависимости могут быть психические, социальные и духовные.

Психические признаки:

- появление чувства радости при контакте с компьютером или даже при ожидании;
- отсутствие контроля времени пребывания за компьютером;
- желание увеличить время взаимодействия с компьютером;
- появление чувства раздражения, либо грусти при отсутствии контакта с компьютером;
- использование компьютера для снятия тревоги; эмоциональная неустойчивость;
- стремление постоянно проверять электронную почту, открывать разные сайты.

Социальные признаки:

- возникновение проблем с родителями, в школе или на работе;
- проблемы экономические, т.к. много денег приходится платить за такое удовольствие;
- проблемы с правоохранительными органами при совершении правонарушений для добычи денег;
- пренебрежение личной гигиеной, неряшливость.

Духовные признаки - потеря смысла реальной жизни, жизнь становится ненужной, пустой, лишенной всякого смысла.

Почти каждый ребенок в возрасте от 4 до 12 лет хотя бы один раз пробовал играть в компьютерную игру. Мальчики занимаются компьютерными играми гораздо более интенсивно, чем девочки.

По исследованиям психологов наиболее сильное отрицательное влияние на психику ребенка оказывают игры с элементами насилия, жестокости, сцены убийств, кровь. В основном принцип их таков, что нужно дойти до финала, уничтожив соперников. Отсюда возникает агрессия у детей, жестокость в отношениях со сверстниками, педагогами. Кроме того, дети склонны переносить в реальность все увиденное на экране монитора или телевизора. И если герой игры прыгает с высоты, не разбиваясь, или погибает и воскресает, имея в запасе несколько жизней, ребенок может попробовать повторить это в реальности, поставив себя на место неуязвимого героя [4].

Результаты собственных исследований по анализу субъективной оценки обучающимися среднего школьного возраста влияния компьютера на их досуг и здоровье

80 из 81 опрошенного нами школьника отметили наличие компьютера в доме (98,7%), из них у 28,2% мальчиков и 20,0% девочек было 2 и более компьютера в семье. Отвечая на вопрос для чего тебе нужен компьютер в семье, большинство детей ответили, что компьютер нужен для поиска нужной информации (60,8% - мальчики, 68,5% - девочки), в первую очередь, для поиска правильных ответов на домашнее задание в сети Интернет; далее 58,7% мальчиков компьютер нужен для просмотра кино и мультфильмов, и лишь 20,0-и процентам девочек компьютер нужен для этой цели (рис. 1).

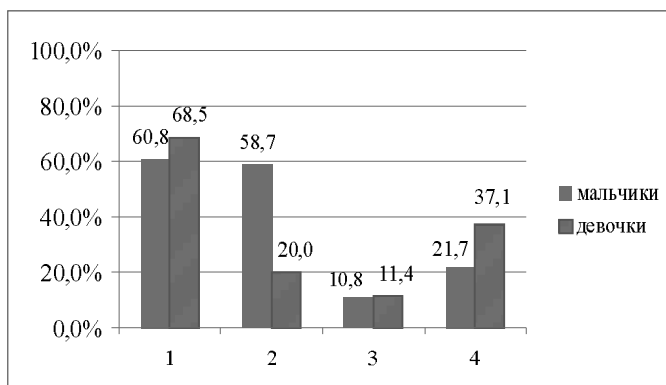

Рис. 1. Результаты ответов на вопрос № 4 анкеты:
«Для чего тебе нужен компьютер?» (%), где:

- 1 - компьютер помогает мне найти нужную информацию для подготовки домашнего задания;
- 2 - мне очень нравится смотреть кино и мультфильмы на компьютере;
- 3 - я часто слушаю интересные радиоспектакли, музыку из кинофильмов;
- 4 - могу спокойно обойтись и без компьютера, так как нужную информацию беру из книг, учебников или спрашиваю у родителей.

Практически одинаковое количество детей (10,8% мальчиков и 11,4% девочек) на компьютере слушают интересные радиоспектакли и музыку. Спокойно обойтись без компьютера для выполнения домашнего задания могут 37,1% девочек, и меньшее количество мальчиков – 21,7%.

Опрос показал, что большинство детей (54,3% девочек и 45,6% мальчиков) просматривают монитор 30 минут в день, однако, среди остальных, 36,9% мальчиков и меньший процент девочек (17,1) ежедневно просматривают кино или играют в компьютерные игры в течение 1,0-1,5 часов в день. 8,6% детей отметили, что засиживаются за компьютером, пока их не прогонят родители.

Работая за компьютером, 56,8% детей делали перерывы через каждые 15-20 минут, 25,9% – через час работы. 16,0% отметили, что сидят за компьютером пока не надоест без перерыва, это были преимущественно мальчики (23,9%, против 5,7% девочек). 1 мальчик (2,1%) отметил, что в выходной день может просидеть за компьютером до глубокой ночи (рис. 2).

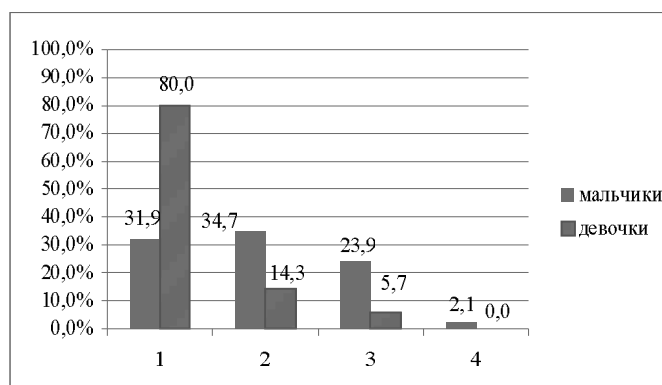

Рис. 2. Результаты ответов на вопрос № 6 анкеты:
«Делаешь ли ты перерывы, когда работаешь за компьютером?» (%), где:

- 1 – делаю перерывы через каждые 15-20 минут;
- 2 – делаю перерывы через час;
- 3 – не делаю перерывов и сижу, пока не надоест;
- 4 – в выходной день могу просидеть за компьютером до глубокой ночи.

Большинство детей – 82,8% девочек и 56,5% мальчиков сообщили, что если дома компьютер занят, они играют в компьютерные игры на планшете или телефоне. 32,6% мальчиков и 11,4% девочек скучают и не могут найти себе занятие, если компьютер сломан или за ним кто-то работает.

19,5% мальчиков и 17,1% девочек отмечали, что когда сидят за компьютером, у них появляется хороший аппетит.

2,4% детей (2,8% девочек, 2,1% мальчиков) отмечали, раздражение и злость в случае запрета играть в компьютерные игры или просматривать мультфильмы.

На вопрос, какие реакции или ощущения возникают у тебя при работе за компьютером (рис. 3), мальчики ответили, что чувствуют себя просто замечательно (54,3%), иногда режет глаза (30,4%), сидя за компьютером, они могут пропустить обед и ужин (23,9%), иногда болит спина и шея (21,7%) и 6,5% мальчиков отметили головную боль и головокружение.

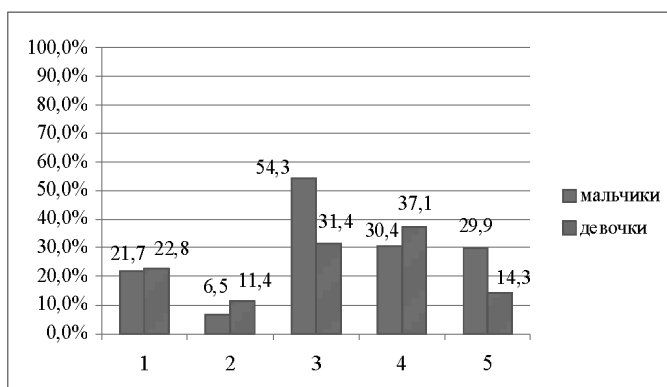

Рис. 3. Результаты ответов на вопрос № 10 анкеты о физических ощущениях при работе за компьютером (%), где:

- 1 – иногда болит спина и шея;
- 2 – у меня может болеть или кружиться голова;
- 3 – я чувствую себя просто замечательно;
- 4 – иногда у меня режет глаза;
- 5 – сидя за компьютером, я могу пропустить обед или ужин.

Девочки в первую очередь отмечали резь в глазах (37,1%), хорошо себя чувствовали при работе за компьютером 31,4%, боль в спине и шее отмечали 22,8% девочек, 11,4% детей отмечали головную боль или головокружение.

На вопрос: пользу или вред приносит компьютер в доме, большинство мальчиков однозначно ответили – «пользу» (43,4%). Девочки же, наоборот, в своем большинстве (60,0%) отметили вред компьютера в семье, преимущественно для здоровья (рис. 4).

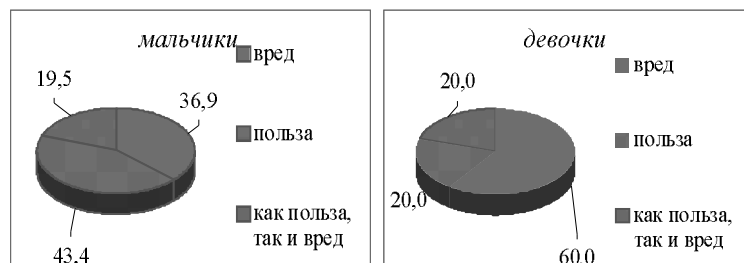

Рис. 4. Результаты ответов на вопрос № 11 анкеты: «По твоему мнению, пользу или вред приносит компьютер в доме?» (%)

В заключение опроса мы предложили ребятам выбрать из предложенных соответствующие их интересам увлечения. Большинство детей, а это – 73,9% мальчиков и 85,7% девочек выбрали утверждение: «мне нравится спорт, физкультура и прогулки с друзьями или родственниками на свежем воздухе, – это лучше, чем сидеть за компьютером!». У мальчиков на втором месте по удельному весу среди опрошенных (26,1%) оказалась доля мальчиков, утверждавших, что они любят ходить в гости к друзьям, потому что там они все время играют в компьютерные игры, а дома родители негативно относятся к подобным занятиям. Напротив, девочки на второе место (14,3%) выбрали утверждение: «я люблю ходить в театры, на концерты и принимать участие в конкурсах и викторинах, мне не хватает времени, чтобы сидеть за компьютером».

В заключение, нам бы хотелось напомнить педагогам и родителям некоторые правила профилактики нарушений здоровья у детей при работе за компьютером.

Правила техники безопасности при работе за компьютером.

1. Глазам, работающего за компьютером помогут очки с перфорацией – это своего рода тренажер для глаз. Их надо надевать несколько раз в день на 5–7 минут. Отсидев 0,5 часа перед компьютером, необходимо сделать гимнастику для глаз.

2. Надо научиться правильно держать «мышку»: не зажимая, не сдавливая ее руками, так как это может вызвать сильную боль, тяжесть в руках, дрожание, онемение пальцев. Стол должен быть широким, позволяющий рукам располагаться на нем, а не свешиваться, что вызывает усталость и напряжение в мышцах.

3. Монитор должен находиться 60–70 см от пользователя и чуть выше уровня глаз.

4. Для детей 7–12 лет ограничение пребывания за компьютером – 30 минут в день, но не ежедневно!

5. 12–14-летние могут проводить за компьютером 1 час в день.

6. С 14 до 17 лет максимальное время работы за компьютером 1,5 часа.

7. Взрослым нежелательно работать за компьютером более 5 часов в день.

Выводы

На основании изучения специальной литературы по вопросу воздействия компьютера на физическое и психическое здоровье школьников, установлено, что поисковая работа за компьютером при соблюдении гигиенических норм и правил оказывает положительное влияние – развивает память, мышление, математические способности, заставляет думать, анализировать и прогнозировать различные ситуации, помогает ориентироваться в потоке информации.

В результате опроса установлено, что обучающиеся 4-х классов средней образовательной школы, особенно мальчики, не могут объективно оценить негативное психологическое воздействие компьютерных игр или длительного пребывания за монитором. Что свидетельствует о недостаточном формировании безопасного поведения по отношению к влиянию компьютера на жизнь и здоровье обучающихся.

Отрицательное влияние длительной работы или просто игр за компьютером вызывает сильную зависимость, что может привести к нарушению психики, развитию игромании, а при несоблюдении гигиенических правил работы за компьютером страдает физическое здоровье – ухудшается зрение, осанка, появляются головные и мышечные боли преимущественно в области спины, кистей и плечевых суставов.

Литература

1. Кулаков, С.А. На приеме у психолога подросток. [Текст] / С.А. Кулаков. – СПб. : Союз, 2001. – 350 с.
2. Никитина, Н.И. Методика и технология работы социального педагога [Текст] / Н.И. Никитина, М.Р. Глухова. – М., 2005. – С. 86.
3. Новосельцев, В.И. Компьютерные игры: детская забава или педагогическая проблема? [Текст] / В.И. Новосельцев // Директор школы. – 2003. – № 9. – 13–18 с.
4. Хухлаева, О.В. Психология подростка [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / О.В. Хухлаева. – 2-е изд., испр. – М. : Академия, 2005. – 160 с.
5. Влияние TV и компьютеров на душу ребенка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.litedigit.ru/up_menu/theory/vliyanie/dusha_rebenka.

6. Майерс, Дэвид. Вред компьютерных игр [Электронный ресурс] / David Myers «Social Psychology», 7th ed., 2002/ - Режим доступа: <http://www.usinfo.ru/igry.htm>.
7. Зависимость от компьютера - разновидность наркомании [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://tv.ukr.net/fotor/16012008/14251>.
8. Нормы работы за компьютером [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.pashadasha.ru/quiz/parents/normativ>.
9. Признаки компьютерной - игровой зависимости у детей [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://avk-tv.ru/viza1245/igromaniab_avk.php.

А.П. БАГИРОВА,
К.А. САПОЖНИКОВАA.P. BAGIROVA,
K.A. SAPOZHNIKOVAТРЕНЕРСКИЙ ТРУД
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОДЕРЖАНИЕ И ПРОТИВОРЕЧИЯCOACHER'S LABOR IN RUSSIAN FEDERATION:
CONTENT AND CONTRADICTIONS

В статье характеризуются особенности труда тренера, анализируются его основные элементы, раскрываются содержание и характер тренерского труда. Описываются ключевые аспекты тренерского труда в России, связанные с его целями, реализуемыми операциями, организацией рабочих мест, нормированием труда и т.д. На основании результатов анализа выявляются противоречия современной системы организации тренерского труда в России.

In the article features of coacher's labor are characterized, general elements, content and nature of coacher's labor are considered. Key aspects of coacher's labor in Russian Federation connected with labor's purposes, operations, working places organization, standardization of labor ect. are described. On the base of analysis results contradictions of coacher's labor in Russia are discovered.

Ключевые слова: тренерский труд, характер труда, содержание труда, организация труда, социально-трудовые противоречия.

Key words: coacher's labor, nature of labor, content of labor, labor organization, social and labor contradictions.

В настоящее время спорт является одним из важнейших звеньев социальной политики государства. Спортивные победы на международной арене оказывают непосредственное влияние на становление внешнеполитического имиджа страны, олицетворяют силу государства. Данное положение определяет необходимость обеспечения эффективной системы воспитания спортсменов высокого класса. Одним из важнейших элементов такой системы являются тренеры.

По мере прохождения многолетней подготовки, разделенной на этапы и имеющей различные уровни реализации, спортсмен испытывает на себе ряд различных влияний, большинство из которых опосредованы (например, действия администрации физкультурно-спортивной организации, направленные на улучшение материально-технической базы). Тренеры же находятся в непрерывном контакте со спортсменом, тем самым оказывая непосредственное, а, следовательно, наибольшее влияние на процесс его подготовки.

Социальная значимость, целесообразность и многоаспектность работы тренера позволяют рассматривать тренерскую деятельность в качестве трудовой. Тренерский труд определяется как специфическая подсистема совокупного общественного труда, сознательная, целесообразная деятельность человека, имеющего соответствующую профессиональную подготовку и квалификацию, направленную на обучение и воспитание спортсменов. Эта деятельность осуществляется в интересах государства и обусловлена высокой общественной значимостью. Таким образом, тренерский труд, во-первых, имеет общую с трудом «затратную» основу (хотя и не относится к сфере материального производства); во-вторых, что наиболее важно, обладает признаками целесообразности и общественной необходимости.

Рассмотрим основные элементы тренерского труда, раскрывающие его сущность.

Согласно экономической теории, *предметом труда* выступают вещи или явления, на которые человек оказывает влияние в процессе своей трудовой деятельности. В ходе тренерского труда обеспечивается достижение и удержание наилучшего физического и психологического состояния спортсмена, иными словами, речь идет о его спортивной подготовленности. Именно за формирование уровня всесторонней подготовленности спортсменов отвечает тренер, что и является основным предметом его труда.

В процессе воздействия на предмет труда тренер использует различные *средства*, среди которых можно выделить оборудование, инвентарь и технические средства, обусловленные конкретным видом спорта. Средства тренерского труда преобразуются, обновляются соответственно изменениям правил по виду спорта, а также в результате технического прогресса.

Субъектами труда выступают тренеры, осуществляющие деятельность в рамках системы профессионального спорта, имеющие соответствующую подготовку (образование) в сфере спорта.

Цели тренерского труда в России зависят от уровня, на котором он осуществляется: муниципальный, уровень субъекта РФ или всероссийский. С переходом на более высокую ступень в административно-территориальной иерархии возрастают требования к предмету тренерского труда – уровню спортивной подготовленности, и в основном эти требования касаются конкурентоспособности спортсменов. Если на муниципальном и региональном уровнях тренерский труд можно считать эффективным, когда атлет конкурентоспособен внутри страны, то на федеральном уровне этот труд должен быть организован таким образом, чтобы российские спортсмены не только могли конкурировать с равными по подготовленности спортсменами из других стран, но и становиться лидерами в каждом отдельном виде спорта. Обобщенно цели тренерского труда на каждом отдельном уровне осуществления подготовки спортсменов представлены на рис. 1.

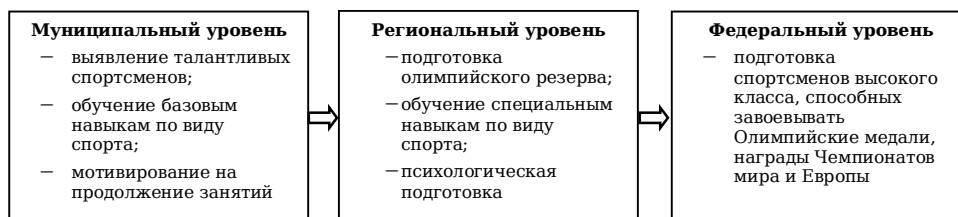

Рис. 1. Целеполагание на трех уровнях осуществления тренерского труда

Как видно из рис. 1, существуют различия в подготовке спортсменов на каждом отдельном уровне. Вместе с тем, прослеживаются преемственность, последовательность данной подготовки от уровня к уровню. Высокие показатели подготовленности спортсменов достигаются при системном подходе, что справедливо как в краткосрочной перспективе при подготовке к определенному старту, так и в долгосрочном становлении спортсмена – от воспитанника муниципальной спортивной школы до лидера международных спортивных рейтингов.

Таким образом, тренерский труд должен рассматриваться во взаимосвязанной, взаимозависимой системе, где предмет труда – уровень подготовленности спортсменов – находится в постоянной динамике, и достижение общегосударственной цели невозможно без выполнения задач на более низких этапах.

Далее, с учетом предмета, средств, субъектов и целей тренерского труда, рассмотрим особенности его содержания и характера. При этом под содержанием труда будет пониматься совокупность элементов, функций, используемых в процессе трудовой деятельности тренерами с целью подготовки спор-

тсменов высокого класса. Характер же труда определяется нами как взаимодействие между субъектами тренерского труда (тренерами) и субъектами общества (например, спортивные федерации), возникающее в процессе тренерской деятельности, а также отношение тренеров к организации своего труда.

Содержание тренерского труда достаточно динамично и обусловлено уровнем профессионализма субъекта труда, увеличением доли интеллектуального труда и совмещением нескольких функций (в том числе управленческой). Усиление роли профессионализма и специализации тренерского труда обусловлено необходимостью для претендента на должность тренера иметь профильное образование в области спорта, а также системой обязательных аттестаций на протяжении всей профессиональной деятельности тренера. Технологизация спорта ставит перед субъектами тренерского труда задачи постоянного саморазвития через овладение новыми компетенциями по использованию технических средств и технологий образовательного процесса для подготовки спортсменов высокого класса, что способствует расширению объема интеллектуального труда в области спорта. Вообще отметим, что в процессе подготовки спортсменов современный тренер совмещает в своей деятельности несколько профессиональных ролей – педагога, психолога, техника, администратора и др. Функция управления является отличительной особенностью тренерского труда и характеризуется необходимостью планирования, организации, регулирования и контроля за тренировочной деятельностью спортсмена.

Характер тренерского труда в современной России определяется напряженностью, превалированием доли бюджетного финансирования в общем фонде заработной платы, особенностями взаимоотношений в системе «тренер – семья», условиями карьерного роста. Отличительной чертой характера тренерского труда является его цикличность, связанная с особенностью организации ежегодной подготовки спортсменов. Напряженность тренерской деятельности обусловлена стрессовыми условиями труда, возникающими в результате высокой плотности тренировочной и соревновательной активности спортсменов.

Стимулирование тренерского труда за счет бюджетных источников определяет приоритет его финансирования – количество спортсменов, но не качество спортивной подготовки. Именно такая тенденция превалирует при выборе критериев оплаты тренерского труда на муниципальном и региональном уровнях. В связи с многочисленными командировками на соревнования, спортивные сборы и ненормированным рабочим днем профессия тренера можно определить как неблагоприятную с точки зрения соблюдения норм семейно-брачных отношений. Карьерный рост тренеров четко не регламентирован и в основном зависит от способности воспитать спортсмена высокого класса. Критерием оценки тренерского труда чаще всего выступает результативность спортсменов. Иными словами, происходит в некотором смысле «отчуждение» результата тренерского труда, ведь заключение о работе тренера делается на основании оценки деятельности другого человека (выступления его воспитанника).

Рассмотрев сущностные характеристики тренерского труда, проанализируем особенности его организации на территории Российской Федерации.

Несколько выше мы уже отмечали уровневый характер организации тренерского труда в России. В настоящее время последовательное достижение целей каждого отдельного уровня в административно-территориальной иерархии затруднено. Это связано, во-первых, с несовершенством организационной системы. Например, специализированные детско-юношеские спортивные школы олимпийского резерва (СДЮСШОР), согласно цели своего создания – подготовки спортсменов высокого класса (а также в соответствии с методическими рекомендациями по организации спортивной подготовки в Российской Федерации) [1], должны относиться к ведению органов исполнительной власти субъектов РФ в области физической культуры и спорта.

Иными словами, они должны быть направлены на достижение целей уровня субъекта РФ. Однако многие СДЮСШОРы принадлежат муниципалитетам, что порождает проблемы целеполагания в таких учреждениях, связанные с тем, что школы должны одновременно выполнять цели двух уровней: увеличения массовости занимающихся спортом и повышения результативности спортсменов – членов сборных команд субъектов РФ. Во-вторых, требования к детско-юношеским спортивным школам (ДЮСШ), которые являются первым уровнем многолетней подготовки спортсменов, не ограничиваются критериями массовости и результативности на официальных городских соревнованиях. Коэффициенты эффективности деятельности ДЮСШ, а также критерии различных конкурсов подразумевают достижения всероссийского и международных уровней.

Таким образом, отметим первое противоречие организации тренерского труда в РФ: необходимость последовательности подготовки спортсменов в зависимости от уровня, на котором такая подготовка осуществляется, в условиях дезорганизации системы учреждений, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта.

Вне зависимости от уровня, на котором реализуется подготовка спортсменов, тренер в рамках своей трудовой деятельности осуществляет множество операций, которые можно разделить на пять групп: научно-познавательные (написание собственных учебных программ, участие в семинарах), операции текущей тренерской работы (действия тренера при ведении стандартного тренировочного занятия), аналитические (моделирование тренировочных занятий, определение динамики развития спортсмена), организационные (оформление документов) и коммуникационные (взаимодействие с различными контрагентами, мотивация спортсменов).

При данном объеме трудовых операций для наиболее эффективной организации труда необходимы его кооперация и разделение. В настоящее время в системе спорта высших достижений кооперация и разделение тренерского труда реализуется преимущественно на федеральном уровне в рамках работы сборных команд страны, где администратор команды берет на себя организационные функции, а различные ассистенты и дополнительный персонал – часть операций текущей тренерской работы и аналитических операций. На уровне физкультурно-спортивных организаций тренерский труд менее специализирован и включает в себя практически весь перечень вышеперечисленных операций. Тренеры работают с большим числом спортсменов различного возраста и подготовки, численность вспомогательного персонала не велика, поэтому тренер вынужден совмещать в своей деятельности множество функций. Отсюда следует выделить второе противоречие – требование повышения качества подготовленности спортсменов как основного предмета тренерского труда при наличии множества иных функций тренерской деятельности, лишь косвенно влияющих на результаты спортсменов.

В качестве следующих компонентов организации тренерского труда рассмотрим организацию рабочих мест и их обслуживание. Тренер осуществляет свою деятельность в спортивном зале или сооружении, предназначенном для проведения тренировочных занятий по видам спорта. Необходимые для занятий объекты находятся в оперативном управлении у достаточно небольшого числа физкультурно-спортивных организаций; кроме того, численность обучающихся во многих случаях превышает пропускную способность того или иного спортивного объекта, что обуславливает недостаточность или отсутствие оптимальных условий для осуществления тренерского труда.

В части обслуживания рабочих мест можно выделить две проблемы технического и информационного характера. Тренерский труд нуждается в технических средствах в зависимости от культивируемого вида спорта и информационном обеспечении для реализации научно-познавательных функций. Если расширение информационного пространства в спортивном учреждении возможно осуществить с помощью электронных средств связи, собраний пе-

дагогического коллектива, то технические средства, необходимые для реализации тренерского труда, требуют от физкультурно-спортивных организаций значительных финансовых вложений. Поэтому третье выделяемое нами противоречие организации тренерского труда связано с влиянием средств тренерского труда (техническое оборудование, инвентарь) на его эффективность в условиях ограниченности финансовой и материально-технической базы организации, где такой труд осуществляется.

После того, как цели, содержание и условия тренерского труда определены, рассмотрим особенности нормирования этого вида труда и систему его оплаты. Нормирование и система оплаты труда тренеров регламентируется федеральным и местным законодательством. На федеральном уровне устанавливаются общие положения по нормированию тренерского труда, на региональном и муниципальном уровнях определяются особенности оплаты труда тренеров (должностной оклад, повышающие коэффициенты и т.д.)

Спорт на протяжении многих лет являлся одним из направлений сферы образования. С принятием в 2007 году Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [2] наметилась тенденция формирования спортивной сферы в отдельную структуру. Однако до сих пор большинство физкультурно-спортивных организаций на местах продолжают считаться образовательными, их деятельность контролируют, в том числе, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области образования, и действуют спортивные школы на основании Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [3].

В то же время Министерство спорта Российской Федерации разработало Федеральные стандарты спортивной подготовки по видам спорта с требованием перевести на работу по ним в ближайшее время 10% обучающихся (для ДЮСШ) и 30% обучающихся (для СДЮСШОР и специализированных отделений ДЮСШ). Деятельность в рамках федеральных стандартов регламентируется только законодательством в сфере физической культуры и спорта. Иными словами, ДЮСШ и СДЮСШОР по всей России оказываются под действием двух федеральных законов одновременно: «Закона об образовании в РФ» и «Закона о физической культуре и спорте в РФ».

Введение Федеральных стандартов можно считать реформой в сфере тренерского труда. Такое решение выглядит как шаг к переходу ДЮСШ и СДЮСШОР из сферы образования в область физической культуры и спорта. Часть обучающихся, которая продолжает работать по дополнительным предпрофессиональным программам, останется объектом контроля министерства образования субъектов РФ; другая же часть, которая перейдет на обучение по программам спортивной подготовки, станет объектом контроля для субъектов исполнительной власти в области физической культуры и спорта. Однако статус физкультурно-спортивных организаций как образовательных учреждений не изменяется, увеличивается лишь количество программ, реализуемых такими организациями. Это обуславливает несколько противоречий в организации тренерского труда в Российской Федерации: во-первых, декларирование различий сферы спорта и образования в то время, как спортивные школы продолжают находиться в статусе образовательных учреждений; во-вторых, внедрение спортивной подготовки, наряду с подготовкой по дополнительным предпрофессиональным программам, в условиях отсутствия отработанных механизмов по ее организации и контролю в субъектах и муниципалитетах.

Подобно условиям нормирования труда, система заработной платы тренеров также зависит от законодательной базы. Существующая сегодня система такова, что основной оклад, выплаты компенсационного характера и размеры повышающих коэффициентов к окладам устанавливаются нормативным актом муниципалитета. В целом система оплаты труда тренера является повременно-премиальной: оплачиваются не только отработанные часы с определенными группами, но и качество труда – результативность спортсменов, квалификация тренера.

Дальнейшие исследования тренерского труда должны быть направлены на поиск путей преодоления охарактеризованы выше противоречий. Это, в свою очередь, будет способствовать повышению социальной и экономической эффективности тренерского труда в Российской Федерации.

Литература

1. Методические рекомендации по организации спортивной подготовки в Российской Федерации от 12.05.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minsport.gov.ru/upload/docs/metodirekomendac12052014.pdf>.
2. Федеральный закон от 04 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/11/07/nko-dok.html>.
3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>.

Д.Г. БЫКОВА

**ФОРМИРОВАНИЕ УСТАНОВОК
НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
НА ОСОЗНАННОЕ РОДИТЕЛЬСТВО:
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ И КОНЦЕПЦИЯ
ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ КАМПАНИИ**

D.G. BYKOVA

**FORMATION OF PUBLIC FACILITIES ON CONSCIOUS
PARENTHOOD IN SVERDLOVSK REGION:
RESEARCH AND CONCEPT OF AWARENESS CAMPAIGN**

В статье представлены результаты исследования информационной политики по продвижению идей родительства и родительского труда в Свердловской области. Контент-анализ материалов «Областной газеты» за 2014 г. показал, что в информационном пространстве родительство обсуждается преимущественно в контексте помощи социально незащищенным детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, и многодетным семьям. В ходе проведенного исследования выявлена необходимость продвижения установок осознанного родительства и родительского труда. В качестве одного из способов такого продвижения предложена информационно-пропагандистская кампания.

The article presents the results of the research on information policy that promotes the ideas of parenthood and parental labor in the Sverdlovsk region. Content analysis of the «Oblastnaya newspaper» materials for 2014 showed that parenthood discussed mainly in the context of assistance to vulnerable orphans as well as children left without parental care and families with many children. The research highlighted the necessity of promotion conscious parenthood facilities and parental labor. Awareness campaign is offered as one of the ways of such a promotion.

Ключевые слова: родительство, осознанное родительство, родительский труд, установки, контент-анализ, информационно-пропагандистская кампания, Свердловская область, «Областная газета».

Key words: parenthood, conscious parenthood, parental labor, attitudes, content analysis, awareness campaign, Sverdlovsk region, «Oblastnaya newspaper.»

Развитие, а не просто рождение, ребенка, достижение качественного результата родительского труда невозможны без установки на осознанное родительство. В настоящее время в семейной и демографической политике акцент сделан на росте количественных результатов родительского труда, а не на повышении их качества и формировании осознанного отношения к родительству. Между тем, именно такое отношение является условием повышения качества результатов родительского труда. В современных условиях существует острая необходимость информационного продвижения идеи осознанного отношения к родительству.

Нами был проведен контент-анализ, целью которого стали диагностика (описание) и анализ продвижения установок осознанного родительства на территории Свердловской области в 2014 г. со стороны органов государственной власти. Предполагалось, что результаты нашего исследования станут основой подготовки проекта по продвижению установок сознательного родительства на территории Свердловской области от лица органов государственной власти субъекта Федерации (например, отдел программ демографического развития и приоритетных национальных проектов Департамента комплексных вопросов развития человеческого капитала Министерства экономики Свердловской области).

Объектом исследования выступали материалы официальной газеты «Областная газета» за 2014 г. «Областная газета» – ежедневная региональная общественно-политическая газета, тираж которой составляет более 77 000 экземпляров. Ее учредителями являются органы государственной власти Свердловской области: Губернатор и Законодательное Собрание [1]. У газеты также есть официальный сайт, где можно ознакомиться с ее электронной версией. Официальные группы газеты созданы в социальных сетях. В процессе анализа учитывались тираж, частота выхода, рубрики.

При проведении контент-анализа были рассмотрены следующие смысловые единицы: коэффициент рождаемости, многодетность, пособие по беременности и родам, материнский капитал, рост числа детей; условия, благоприятные для рождения; улучшение жилищных условий молодых семей; бэби-бум; осознанное родительство; осознанное отцовство; осознанное материнство; ответственное отцовство; ответственное материнство; ответственность за ребенка. Также в круг смысловых единиц были включены: активная жизненная позиция, здоровый образ жизни, бережное отношение к семье, планирование семьи, подготовка к родам, развитие ребенка, круг общения ребенка, воспитание на своем примере, общение в семье.

В качестве гипотезы исследования было взято следующее положение: исходя из того, что на федеральном уровне демографическая политика, в первую очередь, ориентирована на рост числа детей в семье и продвижение установок родительства, можно предположить, что установки осознанного родительства в Свердловской области будут продвигаться не комплексно (приоритет отдельным компонентам) и на нерегулярной основе. Приоритет будет отдан продвижению установок родительства.

Анализ полученных данных позволяет сделать ряд значимых выводов. Частота упоминаний единиц анализа в рамках категории «родительство» почти в три раза больше, чем частота упоминаний единиц анализа категории «осознанное родительство» (1011 и 341 соответственно). В первую очередь, родительство рассматривается в контексте социальных выплат, выделения земли, улучшения жилищных условий многодетных семей; статистических показателей, достигнутых Свердловской областью; примеров из жизни многодетных семей.

Понятия «осознанное родительство», «ответственное родительство», которые широко применяются в научной литературе, в дискурсе практически не используются. Изредка применяются словосочетания «осознанное материнство» и «ответственное отцовство».

В большей степени единицы анализа применяются в заметках и интервью, связанных с:

1) проектами и программами: «Профилактика социального сиротства и формирования ответственного родительства», «Профилактика заболеваний и формирование здорового образа жизни»; «Живая память» (школьники не просто поздравили ветеранов, но и привели в порядок памятники ВОВ);

2) организациями: «Семья XXI века», «Школа ответственного родительства», «Школа равнодушных родителей», «Институт охраны материнства и младенчества», «Сохранение»;

3) лицами: Губернатор Свердловской области в своих выступлениях упоминает программу «Профилактики социального сиротства...»; поздравляет женщин и матерей с женским днем. Опубликован доклад Уполномоченного по правам ребенка и его предложения для Свердловской области по защите прав ребенка и формированию осознанного материнства. Приводятся цитаты из В.В. Путина о том, что «приоритеты развития России – здоровая семья и безопасность»; рассказывается о том, как он наградил семью из Ирбита орденом «Родительская слава»;

4) мероприятиями: выставка «Путь женщины», конкурс «Семья года», мотопробег «Отцы России за многодетную семью», акция фотографа Белоглазова по передаче игрушек, турнир по футболу, организованный депутата-

ми Законодательного Собрания Свердловской области, в котором принимает участие уже не одно поколение детей.

В целом можно отметить два основных контекста, в которых обсуждается родительство: помощь и поддержка социально незащищенных детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и многодетных семей.

Планирование семьи обсуждается в контексте многодетных семей. Публикуется множество историй из жизни, например история о матери девяти детей, о ее сильном характере, преодолении жизненных трудностей и желании завести десятого ребенка. Очень много статей и заметок посвящено здоровому образу жизни детей и молодежи, однако практически нет прямой связи с семьей. Круг общения детей рассматривается в контексте различных преступлений и правонарушений. Упоминаются школа, сверстники, Интернет и их плохое влияние на ребенка. Планирование семьи и подготовка к родам рассматривается в контексте существующих возможностей с точки зрения медицины: появление однодневного диагностического стационара, трехуровневая система оказания медицинской помощи матери и ребенку.

В целом можно отметить, что элементы осознанного родительства упоминаются достаточно редко. Они фигурируют в различных контекстах, отсутствует связь между ними, они представлены как отдельные самостоятельные направления. Таким образом, наша гипотеза об отсутствии комплексного характера продвижения установок на родительство и его нерегулярности в Свердловской области подтвердилась. Отсутствие комплексности и единства всех компонентов осознанного родительства позволяет говорить о том, что это явление как целостный феномен в Свердловской области в 2014 г. «Областной газетой» не продвигалось.

Одним из способов продвижения установок осознанного родительства и родительского труда может стать информационно-пропагандистская кампания, поскольку ее информационная составляющая позволит привлечь внимание широкого слоя целевой аудитории, а формирование установок осознанного родительства будет выступать ее пропагандистской составляющей. Пропаганда преимущественно построена на внушении. При внушении сознание меняется без внешнего принуждения и рационального размышления. Таким образом, происходит изменение установки бессознательного, что может привести в перспективе к изменению поведенческой модели на осознанное родительство. Наиболее успешные информационно-пропагандистские кампании такого рода строятся на использовании социальной рекламы [2].

В качестве целей информационно-пропагандистской кампании по продвижению установок осознанного родительства можно выдвинуть:

- привлечение внимания широкого слоя целевой аудитории к проблеме «осознанного родительства»;
- декларация и трансляция ценностей осознанного родительства;
- создание положительного образа осознанного родительства;
- формирование устойчивых установок к осознанному родительству.

Такого рода информационно-пропагандистская кампания должна быть направлена на потенциальных родителей Свердловской области, то есть лиц в репродуктивном возрасте, не имеющих детей. В данную группу входит преимущественно молодежь – мужчины и женщины в возрасте от 16 до 30 лет. Их отличает гибкость, мобильность, адаптивность и восприимчивость, а также отсутствие опыта родительского труда. У данной аудитории проще сформировать установки, чем у людей более старшего поколения, которые уже имеют ребенка и представление о том, как нужно воспитывать детей.

Сегментирование целевой аудитории в зависимости от целевых установок и жизненной ситуации позволяет выделить следующие группы:

- 1) студенты образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования (16-21 год);
- 2) выпускники – молодые специалисты, ориентированные, в первую очередь, на трудоустройство и построение карьеры (21-26 лет);

3) специалисты с опытом работы от 3-5 лет, планирующие создание семьи и рождение детей (26-30 лет);

4) молодые люди в трудной жизненной ситуации – для них характерно отсутствие жилья, финансовых возможностей, поддержки (16-30 лет).

Такая информационно-пропагандистская кампания может включать в себя использование различных по стилю и мотивам рекламных сообщений в различных средствах распространения рекламы в зависимости от сегмента целевой аудитории.

Тональность обращения должна быть преимущественно мягкой и позитивной, без отрицаний. Основные категории, которым следует уделить внимание, таковы: «планирование семьи», «воспитание на своем примере», «необходимость воспитания и обучения ребенка» и «общение в семье». Однако для разных сегментов преобладающей должна стать одна из данных категорий.

Рассмотрим особенности кампании для каждой выделенной группы более подробно.

1. Студенты образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования (16-21 год)

Поскольку данный сегмент целевой аудитории проводит большую часть времени в образовательной организации и в Интернете, основными средствами распространения рекламы могут выступать: 1) экранная реклама с использованием мониторов в коридорах учебных заведений; 2) реклама в студенческих газетах (эссе-рассуждения, фотографии и картинки-комиксы); 3) серия картинок-комиксов, картинок-лозунгов на последней странице учебной литературы; 4) массовая акция в День защиты детей; 5) реклама в компьютерных сетях.

Предлагается следующая серия рекламных обращений:

- «Будь лучшим, чтобы быть примером» (серия слайдов: 1. Демонстрация успеха в учебе или спортивного достижения; 2. Стоп-кадр, указывающий на то, что это фотография; 3. Фотографию держит в руках ребенок, который улыбается и говорит «Хочу как папа/мама»).

- «Семья – смысл жизни. Включи ее в свои планы» (серия пиктограмм на фоне ежедневника).

- «Планируй свое будущее. Планируй семью» (совместно со школами будущих мам и центрами планирования семьи).

- «Ребенок – твоё будущее. Создай его правильно. Или подумай об этом заранее».

- «Родитель = педагог (педагог от др. греч. «ведущий ребенка»)».

- «Его родители ценят традиции. Они думали о будущем» (В качестве примера можно использовать модель поведения известной успешной личности. Д.В. Паслер вместе со своим ребенком участвует в субботнике).

- «Хочу такую семью», или «Я так хочу». (Фотоконкурс в Инстаграме – примеры «идеальной семьи»).

- Массовая акция: Сбор puzzle с образом семьи и как семейная традиция.

Основное внимание должно быть уделено категории «воспитание на своем примере».

2. Выпускники-молодые специалисты, ориентированные, в первую очередь, на трудоустройство и построение карьеры (21-26 лет)

Данный сегмент целевой аудитории проводит большую часть времени на рабочем месте и в Интернете, поэтому основными средствами распространения рекламы могут выступать: 1) наружная реклама (баннеры, которые будут «мелькать» на пути с работы домой); 2) реклама в общественном транспорте; 3) реклама на радио (по пути с работы домой, на рабочем месте); 4) массовая акция в День защиты детей; 5) реклама в компьютерных сетях; 6) размещение видеороликов на телеканале «Соль».

Предлагается следующая серия рекламных обращений:

- «Карьера не будет ждать тебя дома». или «Любовь – это... Никто не будет любить тебя больше».
- «Семья – смысл жизни. Включи ее в свои планы» (серия пиктограмм на фоне ежедневника или бизнес-план).
- «Планируй свое будущее. Планируй семью» (совместно со школами будущих мам и центрами планирования семьи).
- «Ребенок – твоё будущее. Создай его правильно. Или подумай об этом заранее».
- «Родитель = педагог (педагог от др. греч. «ведущий ребенка»)».
- «Его родители ценят традиции. Они думали о будущем» (пример известной успешной личности. Д.В. Паслер вместе со своим ребенком участвует в субботнике).
- «Хочу такую семью». или «Я так хочу». (Фотоконкурс в Инстаграме – примеры «идеальной семьи»).
- Массовая акция: Сбор puzzle с образом семьи и как семейная традиция.

Основное внимание должно быть уделено категории «планирование семьи».

3. Специалисты с опытом работы от 3-5 лет, планирующие создание семьи и рождение детей (26-30 лет)

Данный сегмент целевой аудитории проводит большую часть времени на рабочем месте и в Интернете, поэтому основными средствами распространения рекламы могут выступать: 1) наружная реклама (баннеры, которые будут «мелькать» на пути с работы домой); 2) реклама в общественном транспорте; 3) реклама на радио (по пути с работы домой, на рабочем месте); 4) массовая акция в День защиты детей; 5) реклама в компьютерных сетях; 6) размещение видеороликов на телеканале «Соль».

Предлагается следующая серия рекламных обращений:

- «Карьера не будет ждать тебя дома». или «Любовь это... Никто не будет любить тебя больше»;
- «Приди с работы на час раньше» (серия слайдов или пиктограмм сравнения «до» и «после»).
- «Родитель = педагог (педагог от др. греч. «ведущий ребенка»)».
- «Его родители ценят традиции. Они думали о будущем» (пример известной успешной личности. Д.В. Паслер вместе со своим ребенком участвует в субботнике).
- «Хочу такую семью». или «Я так хочу». (Фотоконкурс в Инстаграме – примеры «идеальной семьи»).
- Массовая акция: Сбор puzzle с образом семьи и как семейная традиция.

Основное внимание должно быть уделено категории «необходимость воспитания и обучения ребенка» и «общение в семье».

4. Молодые люди в трудной жизненной ситуации – отсутствие жилья, финансовых возможностей, поддержки (16-30 лет)

Данный сегмент целевой аудитории проводит большую часть времени на улице и в Интернете, поэтому основными средствами распространения рекламы могут выступать: 1) наружная реклама (баннеры, которые будут «мелькать» на пути с работы домой); 2) реклама в общественном транспорте; 3) реклама в компьютерных сетях; 4) размещение видеороликов на телеканале «Соль».

Предлагается распространение рекламных сообщений по следующим тематическим блокам:

- Временное проживание в государственных социальных центрах и общественных объединениях.
- Финансовая поддержка – в форме государственных пособий.

- Юридическая помощь.
- Психологическое сопровождение.
- Бесплатная медицинская помощь матери и ребенку.

Основное внимание должно быть уделено профилактике отказа от детей в связи с трудной жизненной ситуацией, посредством информирования о той поддержке, которую оказывают семье с ребенком.

На наш взгляд, регулярное проведение подобных комплексных сегментированных информационно-пропагандистских кампаний позволит сформировать установки осознанного родительства и продвигать идею родительского труда.

Литература

1. Областная газета. Архив за 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oblgazeta.ru/> (дата обращения: 01.06.2015).
2. Сороченко, В. Энциклопедия методов пропаганды [Электронный ресурс] / В. Сороченко. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/propaganda.htm> (дата обращения 15.02.2015).

А.С. ВАТОРОПИН	СОЦИОЛОГИЯ И КВАНТОВАЯ ФИЗИКА: ПОИСК НОВОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ
A.S. VATOROPIN	SOCIOLOGY AND QUANTUM PHYSICS: RESEARCH OF A NEW SOCIOLOGICAL PARADIGM

В статье ставится проблема поиска новой социологической парадигмы в условиях кризиса социологического знания. Предлагается обратить внимание на несоответствие современных социологических представлений об обществе научной картине мира, которая базируется на основных постулатах квантовой физики.

The problem of finding a new sociological paradigm in crisis sociological knowledge. It is proposed to pay attention to the discrepancy of modern sociological concepts of society to scientific picture of the world, which is based on the basic postulates of quantum physics.

Ключевые слова: квантовая социология, квантовая физика, современная научная картина мира, субъективно-объективный характер социальной реальности, общественное сознание, «квантовое» общество.

Key words: Quantum sociology, Quantum physics, modern scientific picture of the world, subjective-objective character of social reality, the public consciousness, «quantum» society.

Развитие любой науки – это всегда сложный, нелинейный процесс, который характеризуется как теоретическими прорывами, так и тупиками. Это в полной мере относится и к социальным наукам, таким, как социология. Сегодня многие социологи открыто говорят о кризисе своей науки и ищут пути его преодоления (например, А. Турен) [2]. Здесь возможны разные варианты, в том числе и связанные с выходом за границы социологии в поиске новых идей, способных придать импульс ее развитию. Данная статья находится в русле этих поисков.

Социология – мультипарадигмальная наука, теоретическими предпосылками возникновения которой являются философские и идеологические концепции, антропология, социальная статистика, демография, этнография, естественные науки и т.д. [5, с. 15]. Именно это в значительной степени определило многообразие социологических подходов к изучению общества. Социология плодотворно использовала теоретический багаж других наук, получая от них импульс для своего развития. Естественно, она опиралась и продолжает опираться и на собственный потенциал, но при этом остается открытой и для научных идей из других областей.

Сегодня многие социологи пытаются по-новому осмыслить, что есть общество, каковы его движущие силы, факторы, которые определяют его развитие. Конечно, подобные попытки далеко не всегда можно оценить как успешные, например, желание некоторых социологов опереться на естественные науки. Следует согласиться с Ж.Т. Тощенко, что социология не может «слепо копировать то, что происходит в естественных, точных науках» [15, с. 9].

В то же время социология не должна полностью изолироваться от естественных наук. Ведущие западные социологи (например, Д. Урри) говорят о необходимости интеграции естественных и социальных наук [20]. Ряд отечественных социологов разделяют эту точку зрения. Так, С.А. Кравченко пишет: «Мы принципиально исходим из того, что для анализа сложного социума необходим синтез естественнонаучного, социального и гуманитарного знания, результатом которого явилась бы парадигма сложности, имеющая социологический стержень» [9, с. 28].

В этой связи, по нашему мнению, имеет смысл обратиться к такой науке, как физика. Последняя, как известно, сыграла важнейшую роль в возникновении социологии (напомним, что вплоть до 1838 года О. Конт называл социологию «социальной физикой»). Считается, что с тех пор социологическая наука «встала на ноги», преодолела зависимость от естественных наук. Однако, на наш взгляд, это не совсем так: дело в том, что практически любая социологическая парадигма так или иначе, чаще имплицитно, опирается в своей интерпретации общества на так называемую научную картину мира, а физика играет очень существенную роль при ее формировании. Следовательно, социология по-прежнему в определенном смысле зависит от физики.

Возникает вопрос: соответствуют ли сегодня представления социологов современной научной картине мира (нас, в первую очередь, интересует ее физическая составляющая)? Чтобы ответить на него, надо обратиться к доминирующим в настоящее время в физике теориям и концепциям и сравнить их с классической парадигмой (условно ее можно назвать «ньютоновской»). Прежде всего, речь пойдет о квантовой физике.

Пожалуй, именно квантовая физика вызвала в XX веке наиболее глубокие расхождения среди ученых-физиков при интерпретации ее результатов (автор теории относительности А. Эйнштейн считал, что «если квантовая механика права, то мир сошел с ума» [8]). Дискуссии не утихают и в наше время. Все это во многом следствие т.н. квантовых парадоксов, которые совершенно не вписываются в классическую картину мира. Мы в самом общем виде рассмотрим лишь некоторые положения квантовой теории, которые, как нам кажется, *могут представлять интерес для социологов.*

1. Одна из базовых концепций квантовой физики обосновывает *корпускулярно-волновую природу* элементарных частиц. Есть математическое обоснование (например, уравнение де Бройля, связывающее массу и длину волны [3]) и результаты экспериментов [6]. Один из самых интересных опытов – это опыт с прохождением электронов сначала через одну, а затем через две щели и регистрация полученной картины на экране напротив щелей. В первом случае электрон ведет себя как корпускула (твердая частица – вещество), во втором – как волна. Это само по себе интересно, так как ставит вопрос о субстанциальной природе материи: все-таки это вещество или энергия? Но настоящий парадокс возникает тогда, когда у второй щели ставят т.н. наблюдателя (регистратора), задача которого определить, через какую щель проходит электрон. При этом на экране меняется картина: электрон снова ведет себя, как корпускула. Напрашивается вывод, что «поведение» электрона зависит от наблюдателя, т.е. от сознания. Более того, опыты, которые проводились в последнее время, позволяют сделать еще более радикальный вывод: *сознание не просто влияет на материю, а формирует один из ее модусов – вещество (корпускулу), которое возникает только, когда за ним наблюдают.*

Такое радикальное опровержение классической – *объективной* – картины мира, разумеется, не могло быть принято всеми физиками (мы уже упоминали А. Эйнштейна). Делались и делаются попытки опровергнуть не только результаты этого опыта, но и саму корпускулярно-волновую концепцию, однако, ни одна из этих попыток не была признана мировым физическим сообществом в качестве удовлетворительной. Таким образом, зависимость одного из модусов материи – вещества от сознания выглядит вполне теоретически обоснованной (уже в течение почти ста лет).

Следует заметить, что этот странный для многих физиков вывод давно обоснован в классической немецкой философии: И. Кант, например, считал, что опыт складывается не только из апостериорного материала, но и добавляемой самим субъектом априорной формы [17, с. 352]. Подобные мысли высказывают и современные психологи, исследователи человеческого мозга [16].

Здесь, впрочем, встают два важных вопроса для социологов: 1) квантовая физика рассматривает микромир; распространяются ли ее выводы на макромир, которому принадлежат люди и их объединения? 2) человек может формировать вещественный мир произвольно, потому что так устроены его органы чувств и сознание; а может ли он волевым образом, осознанно, *прямо* влиять на вещество в макромире (не прибегая к действию в его традиционном понимании)?

Другие опыты физиков позволяют ответить на эти вопросы утвердительно. Так, японский ученый Масару Эмото проводил эксперименты с водой и доказал, что ее кристаллическая структура (не химический состав) может быть обусловлена прямым воздействием мысли и эмоций человека [10]. Подобных опытов сегодня проводится достаточно много (в том числе и в России).

Нельзя, впрочем, не сказать об одной проблеме, которую квантовая физика решить не может: непонятно, *что* есть сознание? Только ли человек им обладает? Является ли мозг источником сознания или это всего лишь некий приемник, а сознание является самостоятельной субстанцией (что утверждают представители физики *торсионных полей*)? К этой проблеме далее мы еще вернемся.

2. Квантовая физика открыла явление, которое получило название «квантовой запутанности». Суть его состоит в том, что «когерентные частицы обладают какой-то глубинной связью» [7, с. 99]. Это означает, что если два электрона изначально когерентны (запутаны), то воздействие на один из них мгновенно (т.е. выше скорости света) будет воспринято другим электроном, где бы он не находился. Практическим результатом квантовой запутанности явилась возможность осуществить *телепортацию* микрочастиц (фотонов, атомов цезия) во время опытов, проведенных учеными из ИВМ. Существуют реальные предпосылки для осуществления телепортации молекул ДНК и вирусов [7, с. 102].

Явление запутанности обнаруживается и в макромире, причем как в неживой, так и в живой природе. Например, проведены опыты с водой, налитой в две колбы, одна из которых поставлена возле работающего телевизора, а другая в стороне от него. Предварительно зафиксирована их структура. ТВ-информация меняет структуру воды в колбе возле телевизора (это показывает соответствующее измерение); в другой колбе структура воды также тождественно изменяется [14]. Отечественные ученые проводили опыты и с людьми, которые находились на разных континентах, и состояние которых можно характеризовать, как запутанное. Исследовалось состояние их мозга. Опыты показали, что изменение этого состояния у одного человека (возбуждались определенные участки мозга) приводило к аналогичному изменению состояния у другого человека [14].

Безусловно, явление запутанности требует определенной социологической рефлексии, и ниже мы попытаемся ее осуществить.

3. Существенную роль в квантовой физике играет *принцип неопределенности*, который фактически подрывает сами основы классической ньютоновской теории. Этот принцип связан с именами таких известных физиков, как М. Борн, Э. Шредингер, В. Гейзенберг. Последний и сформулировал принцип неопределенности: это «постулат о том, что невозможно знать точную скорость и точное положение электрона в один и тот же момент» [7, с. 96]. Американский физик М. Каку по этому поводу пишет следующее: «На квантовом уровне нарушаются все фундаментальные законы здравого смысла: электроны могут исчезать и вновь возникать в другом месте, а также находиться одновременно в нескольких местах» [7, с. 96].

Из данного принципа можно вывести два важных положения квантовой физики: 1) вещественный мир имеет *вероятностный* характер; 2) принципиально возможно существование *параллельных миров*. Второе положение наиболее последовательно и однозначно выражено в т.н. *эвереттовской*

(многомировой) интерпретации квантовой физики. Она разделяется не всеми учеными-физиками. Большинство поддерживает другую – копенгагенскую – интерпретацию с ее принципом редукции, который отрицает параллельные миры. Однако, сторонники Х. Эверетта указывают на теоретические и прикладные преимущества своей интерпретации. Теоретические связаны с ее математическим обоснованием (линейностью квантово-механической эволюции, которая не соблюдается в копенгагенской интерпретации [11, с. 97]), прикладные – с возможностью создания, например, квантового компьютера, который может одновременно выполнять фактически бесконечное число операций. Косвенным подтверждением правильности эвереттовской интерпретации служит новейшая физическая «теория М», которая также основана на идее параллельных миров (вселенных) [7, с. 325–330].

По сути, эвереттовская интерпретация заявляет о том, что человек одновременно находится в неопределенном количестве параллельных миров. С учетом сделанного ранее вывода о влиянии сознания на вещественную «реальность» получается, что человек способен делать выбор одного из этих миров. Это может быть как сознательный выбор (если человек научится управлять своим сознанием), так и неосознанный (подавляющее большинство людей сегодня делают именно такой выбор).

Подобного рода идеи до относительно недавнего времени можно было найти только в фантастических романах, в философских рассуждениях или религиозных верованиях. Но к настоящему времени накопилась такая критическая масса квантово-физического (парадоксального) знания и такое количество феноменов в макром мире, которые коррелируют с данными квантовой физики, что, вероятно, имеет смысл обратить на это внимание и представителям СОЦИО гуманитарных наук, в том числе и социологам.

Однако здесь есть определенная проблема. Дело в том, что проведенные нами индивидуальные и групповые интервью с учеными-гуманитариями (философами, социологами, филологами, юристами), представителями технических профессий, студентами социологического факультета Гуманитарного университета и факультета государственного и муниципального управления Уральского института РАНХиГС показали, что абсолютное большинство опрошенных либо вообще не имеет представления об основных положениях квантовой физики, либо эти представления очень расплывчаты. Есть и такие, кто категорически отрицает саму возможность квантовых парадоксов. При этом практически все респонденты придерживаются в своих воззрениях «научной картины мира» (как они ее понимают). Более терпимо к квантовым парадоксам относятся те, кто разделяет верования и мировоззрение восточных религий (буддизма, даосизма и т.д.). В этих условиях, разумеется, сложно привлечь внимание гуманитариев (социологов в том числе) к проблеме пересмотра общепринятых представлений об обществе, которые по-прежнему базируются на *ньютон*овской физической картине мира. Последняя, как известно, предполагает существование абсолютно объективной материально-вещественной реальности и производного от нее сознания, однозначно определяемых причинно-следственных связей и т.п. Квантовая физика, фактически, существенно корректирует подобную картину мира (не отвергая ее полностью, но ставя границы ее применения).

Впрочем, следует заметить, что в современной социологии есть парадигмы и подходы, которые вполне могли бы соответствовать тому, что называется квантовой реальностью. Сюда можно отнести феноменологию (взгляды А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана об интерсубъективной реальности), концепцию социального поля П. Бурдьё, теорию структуризации Э. Гидденса, неинституциональный подход, некоторые социальные идеи постмодернистов и т.д. Но все эти авторы вряд ли готовы были обосновывать свои воззрения постулатами и принципами квантовой физики, хотя, судя по всему, они сумели почувствовать общий тренд, задаваемый естествознанием (невозможность существования абсолютно объективной реальности).

Так или иначе, видимо, пришло время социологии, которая будет опираться на новую научную картину мира. Она может иметь разные названия, например, «*квантовая социология*». Такой термин уже используется западными социологами, правда, последних, похоже, еще очень мало. Здесь мы можем сослаться на работу У. Шарифа «Генезис квантово-социологической перспективы» (2000 г.) [19], а также на обучающую программу одного из колледжей Аризоны (США) под названием «Квантовая социология» [18]. На взглядах У. Шарифа мы остановимся несколько подробнее.

Американский социолог не претендует на авторство термина «квантовая социология». В XX веке физики, удивленные «умным» поведением квантов, попытались применить социологические методы к исследованию своего объекта [19]. Нас, разумеется (так же, как и Умара Шарифа), такая квантовая социология не интересует. У. Шариф видит цель новой социологии в том, чтобы выявить и сформулировать квантовый опыт человека и открыть способы применения квантовых социальных сил для улучшения жизни людей. Что он под этим понимает?

У. Шариф (сторонник бихевиористской парадигмы в социологии) вводит понятия «квантовых социальных взаимодействий» – связей между двумя или более лицами, которые выходят за рамки механического (по-видимому, ньютоновского) взгляда на социальный мир; «квантового поля» – хранилища мирового сознания (напоминает ноосферу или «информационное поле Земли»); «Ogi» – эквивалента «шестого чувства», посредника между человеком и квантовым полем и т.д. Он предлагает несколько аксиом, которые, если их обобщить, сводятся к следующему. При взаимодействии двух и более лиц возникает квантовый объект, или Квантовая Личность, которая зависит от квантового поля. Это некое синергетическое образование, превосходящее составляющие его части. Этот объект может быть разным по силе, и чем больше эмоционально насыщено взаимодействие людей, тем прочнее будет Квантовая Личность (например, семья). Человеческие отношения не могут быть объяснены без учета влияния Квантовых Личностей (квантовых сил). В свою очередь, человек может через намерение влиять на квантовое поле и, таким образом, изменять свою жизнь. Фактически, У. Шариф предлагает социологам обратить внимание на паранормальные, сверхъестественные, эзотерические явления как важные социальные силы [19].

На наш взгляд, то, что американский социолог рассматривает в качестве содержания квантовой социологии, по сути, не противоречит положениям квантовой физики, где также важную роль играет сознание, присутствуют квантовые парадоксы и «чудеса» и т.п. Однако его интерпретация квантовой социологии все же выглядит несколько оторванной от принципов квантовой физики, произвольной, более близкой к восточной философии и религии или западной эзотерике (примером может служить идея существования эгрегоров, которые как раз тождественны «Квантовой Личности» У. Шарифа).

В России также проявляют интерес к квантовой социологии, например, такие авторы, как В.Е. Анисимов, Т.К. Гречко, Н. Ногонова [1, 4, 12]. Но пока каких-то полноценных подходов, концепций не предложено: есть лишь некие более или менее релевантные рассуждения и квазинаучный анализ (вроде «Применение квантовой социологии к деятельности государственного служащего») [4]. Пожалуй, гораздо большее развитие получила у нас квантовая психология [13].

В целом, вероятно, мы не ошибемся, если сделаем вывод, что формирование квантово-социологической парадигмы – и в России, и на Западе – находится в начальной стадии. Это позволяет и нам предложить свое видение квантовой социологии.

На наш взгляд, вполне очевидно, что в центре внимания квантовой социологии должно находиться *сознание* (индивидуальное и общественное) – как главный социальный фактор (здесь мы согласны с У. Шарифом). Проблема, однако, в том, что в квантовой физике, как уже говорилось, нет четкого

понимания, что это такое, кто является его носителем и источником. Если сознание в процессе измерения каким-то образом (это тоже вопрос) формирует *вещественную* реальность, то тоже самое относится и к мозгу человека, который также есть вещество. Человек не может сам наблюдать свой мозг (не вмешиваясь в его деятельность), это могут делать только другие люди. Получается, что главный орган, который продуцирует сознание какого-либо индивида, «объективно» существует (может наблюдаться) лишь в сознании других людей. Это очередной квантовый парадокс: мозг, продуцирующий сознание, является сам продуктом другого сознания. Напрашивается логический вывод: люди существуют только в сознании друг друга (выражаясь языком квантовой физики, «в запутанном состоянии»). В данном случае вполне релевантен и вопрос, не является ли сознание самостоятельной субстанцией, а мозг лишь приемо-передаточным устройством, необходимым для сознательной деятельности человека. Впрочем, это уже выходит за рамки квантовой физики.

Что касается определения самого сознания, то здесь, наряду с его способностью продуцировать вещество, можно добавить и другие способности: 1) рефлексировать по поводу обнаружения вещества (как наблюдатель); 2) непосредственно влиять на это вещество (об этом свидетельствуют опыты, проводимые в макромире, но коррелирующие с квантовыми опытами – см. выше). По поводу последнего свойства необходимо подчеркнуть, что речь идет только о способности *увеличить вероятность* получения нужного результата; однозначный результат квантовая физика не допускает (по существу, это исключение солипсизма). Все остальные известные свойства сознания (например, существование подсознательного, бессознательного, сверхсознательного) обосновываются другими науками и, разумеется, не исключаются квантовой социологией, хотя и требуют постоянной рефлексии.

Попытаемся описать некоторые основные характеристики «квантового» общества – объекта исследования квантовой социологии. Прежде всего, социальная реальность уже не может рассматриваться как абсолютно объективная, существующая вне сознания людей. Ее характер можно определить как *субъективно-объективный*. Человеческое сознание формирует эту реальность, оказывает на нее решающее влияние, но результат этого влияния не однозначный, а вероятностный. Чем сильнее человек желает какого-либо результата, тем больше шансов, что он его получит. Например, проводились опыты с бросанием монетки (в течение 28 лет, 1,7 млн тестов, 340 млн бросков монетки), которые подтвердили влияние сознания – пусть и не очень заметное – на результат (орел-решка) [7, с. 139]. Другие опыты показали, что объединение сознания людей значительно повышает вероятность достижения нужного результата [14]. Очевидно, что верно и обратное: противодействие сознаний снижает данную вероятность. Как уже говорилось, механизм этого явления пока не открыт, но практический результат получен.

Соответственно, можно сделать следующие предположения, касающиеся факторов, определяющих функционирование и развитие социума, и проблемы эффективности последнего. Так, судя по всему, субъективные факторы (идеи, желания, интересы и т.д.) выходят на первый план, тогда как объективные структуры (социальные институты) занимают подчиненное положение. Современная социология вполне может это принять, если вспомнить о неинституциональном подходе, связывающем субъективные действия и социальные институты. Действительно, отказ людей следовать институционально заложенным нормам делает эти нормы бесполезными (это хорошо иллюстрирует российская политическая и экономическая действительность: заимствованные на Западе институты часто просто не работают). Лозунг «Идеи правят миром!» снова актуален, и социология должна это учитывать при анализе факторов, определяющих социальную эволюцию.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание. Общество может эффективно функционировать, достигать нужного результата, если

люди, сознательно (свободно) объединившись, активно стремятся к его достижению. Напротив, разногласия, конкуренция, конфликты снижают вероятность успеха и чреваты серьезными социальными потрясениями. Например, сегодня многие рассуждают о возможности Третьей мировой войны. С точки зрения квантовой социологии, решающими здесь будут не объективные факторы (ограниченность энергетических и продовольственных ресурсов, борьба за территорию и т.п.), а интересы и желания людей. Чем больше будет тех, кто выступает против войны, тем менее вероятно ее развязывание. Разумеется, речь идет об *активном сознательном* противостоянии (не обязательно *действию*), а не о пассивно-негативном наблюдении.

Ясно, что такое понимание общества противоречит господствующей ныне буржуазно-демократической модели. Очевидно, что сохраняется ориентация на либерализм (свободу личности): только свободная личность может активно проявлять свои сознательные устремления. Однако подрываются основы индивидуализма, и реабилитируется *социальность* (единение людей), фактически, ее высшее проявление – социализм. Возникает еще один квантовый парадокс – «*либеральный социализм*» как наиболее эффективная форма организации общества (здесь речь идет о главных принципах этого общества, разработка модели не входит в задачи данной статьи). Кстати, квантовая социология противоречит и марксистской социологии с ее социальным детерминизмом и трактовкой объективных законов развития социума. Само существование этих законов ставится под сомнение. Впрочем, пока с позиции квантовой социологии дать однозначный ответ на этот вопрос довольно сложно, нужен дополнительный анализ.

Буржуазный индивидуализм опровергается еще одним положением квантовой теории – *запутанным* состоянием квантовых объектов. Выше мы уже показали, что проведенные опыты подтвердили наличие этого состояния и в макром мире, в том числе и человеческом. Человек как некий отдельный, изолированный «атом» существовать не может, он всегда находится в *запутанном* состоянии с разными людьми. Степень этой *запутанности* в том или ином случае, вероятно, может быть разной, но это сути дела не меняет.

Запутанное состояние поднимает еще одну важную для социологов проблему. Если люди так сильно зависят друг от друга, что при определенных условиях влияние на мозг одного человека приводит к тождественной реакции мозга другого человека, то мы обнаруживаем *научное* основание морали и нравственности. Главный этический принцип «Не делай другому того, чего не желаешь себе» с точки зрения квантовой физики фактически означает: то, что ты сделаешь другому (добро, зло), неизбежно вернется к тебе. Квантовая теория, таким образом, дополняет религиозное обоснование морали естественнонаучным. Соответственно, «*квантовое*» общество должно быть в своей основе нравственным, а мораль должна рассматриваться, как один из важнейших факторов, обуславливающих социальную реальность.

Теперь мы переходим к одному из самых сложных – с точки зрения восприятия современным человеком – положений квантовой теории: эвереттовской многомировой интерпретации. Вообще, пока не очень ясно, как социологи должны воспринимать наличие параллельных миров. Непонятен механизм перехода от одного мира к другому, неясно, почему наше сознание фокусируется на этом, а не на другом мире. М.Б. Менский дает этому определенное объяснение, но это не более чем гипотеза [11].

Пожалуй, наибольший интерес здесь может представлять концепция т.н. *суперпозиции* – сочетания всех возможных параллельных миров. Обычное сознание человека в суперпозицию попасть не может, это доступно только в измененных состояниях сознания, т.е. сверхсознанию. В человеческом обществе существуют люди, обладающие таким сверхсознанием – экстрасенсы (Э. Кейси, В. Мессинг, Ванга и др.). Предполагается, что они могут войти в суперпозицию и благодаря этому делать предсказания на будущее.

Социологи, однако, этими способностями пренебрегают, считая, что это не имеет никакого отношения к науке. Но квантовая теория не исключает подобной возможности (как и других квантовых «чудес»), и, следовательно, вхождение в суперпозицию и предсказания не противоречат науке. Поэтому квантовая социология, когда это касается перспектив социального развития, должна учитывать подобного рода «прогностическую» (именно к этому призывает и У. Шариф) – разумеется, с учетом того, насколько можно доверять тому или иному экстрасенсу, не забывая также о *вероятностном* характере любого предсказания.

Таковы наиболее абстрактные представления о «квантовом» обществе как объекте изучения квантовой социологии. Конечно, необходимы более детальные проработки этого общества, но общее направление исследований, на наш взгляд, достаточно очевидно.

Остается вопрос об эмпирических исследованиях. Пока сложно однозначно определить их содержание и характер (а возможно, и методику). Ясно только, что должно быть уделено больше внимания изучению сознания как отдельных людей, так и социальных групп, а также факторов, формирующих это сознание. Кстати, представляет интерес исследование довольно странного факта, почему при общем декларировании приверженности современного общества «научной картине мира» последняя попросту не соответствует новейшим достижениям естественных наук. Еще одно направление – это исследование экстрасенсорных способностей человека, разумеется, в социальном контексте.

Следует заметить, что существует серьезная проблема, которая ставит под вопрос достоверность и значимость результатов конкретно-социологических исследований. Дело в том, что квантовая физика (эксперименты А. Аспекта и теорема Д. Белла) утверждает: «...обычное, и обязательное для классической физики, представление, что свойства, наблюдаемые при измерении, фактически существуют и до измерения, и что измерение просто устраняет нашу неосведомленность относительно того, какое конкретно свойство существует, оказывается неправильным... свойства, обнаруженные при измерении, могут не существовать до измерения» [11 с. 74–75]. Очевидно, что социология, так или иначе, должна отреагировать на этот вывод квантовой физики. Может быть, речь может идти об активной роли социологии в формировании сознания респондентов (Турен, например, писал о «социологической интервенции» [2])

Итак, мы попытались обосновать необходимость привести социологию в соответствие с новой научной (квантовой) картиной мира и представить в самых общих чертах, как может выглядеть «квантовая» социальная реальность и какие изменения в предмет социологии могут быть внесены. При этом подчеркнем: так же, как квантовая физика не отрицает полностью физику классическую, квантовая социология создается не на пустом месте, она должна базироваться на богатом наследии традиционной социологии. Только тогда можно рассчитывать, что новая – квантовая – парадигма получит должное развитие в рамках социологической науки.

Литература

1. Анисимов, В.Е. Путь к квантовой социологии [Электронный ресурс] / В.Е. Анисимов. – Режим доступа: <http://www.b17.ru/article/428/> (дата обращения: 02.06.2015).
2. Антипов, А.Г. А. Турен о причинах кризиса социологии и путях выхода из него [Электронный ресурс] / А.Г. Антипов, Ю.С. Маркова. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-555400.html?page=10> (дата обращения: 02.06.2015).
3. Волны де Бройля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.vlab.wikia.com/wiki> (дата обращения: 02.06.2015).

4. Гречко, Т.К. Применение квантовой социологии к деятельности государственного служащего [Электронный ресурс] / Т.К. Гречко. - Режим доступа: <http://www.rusnauka.com/GIP/All/Gosuprav/3.html> (дата обращения: 02.06.2015).
5. Зборовский, Г.Е. Теоретическая социология XX - начала XXI века [Текст] / Г.Е. Зборовский. - Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2007. - 364 с.
6. Знаменитый эксперимент [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://simoronist.ru/fizika2.php> (дата обращения: 02.06.2015).
7. Каку, М. Физика невозможного [Текст] / М. Каку ; пер.с англ. - М. : Альпина нон-фикшн, 2012. - 456 с.
8. Квантовая теория [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.buket.ru/fizika/kvantovaya_teoriya.html (дата обращения: 02.06.2015).
9. Кравченко, С.А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии [Текст] / С.А. Кравченко // Социол. исслед. - 2012. - № 5. - С. 19-29.
10. Масару Эмото - Послания воды. Тайные коды кристаллов льда [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.scorcher.ru/art/mist/lively_water/messages_water.htm (дата обращения: 02.06.2015).
11. Менский, М.Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания - из квантовой реальности) [Текст] / М.Б. Менский. - Фрязино : Век 2, 2011. - 320 с.
12. Ногинова, Н. Попытка квантовой социологии [Электронный ресурс] / Н. Ногинова. - Режим доступа: <http://www.port-folio.org/part162.htm> (дата обращения: 02.06.2015).
13. Пузиков, А. Теория Бытия или фундаментальная часть квантовой психологии [Электронный ресурс] / А. Пузиков. - Режим доступа: <http://www.zovnet.ru/science/science7.htm#0> (дата обращения: 02.06.2015).
14. Структурированная вода, уникальные свойства [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://video.yandex.ru/search?filmId=QSYrvRAys3M&where=all&text> (дата обращения: 02.06.2015).
15. Тощенко, Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социол. исслед. - 2013. - № 4. - С. 3-13.
16. Уилсон, Р. Квантовая психология: Как вытащить себя за волосы и пройти сквозь стену... [Текст] / Р. Уилсон ; пер. с англ. - М. : София, 2012. - 224 с.
17. Философия: Энциклопедический словарь [Текст] / под ред. А.А. Ивина. - М. : Гардарика, 2004. - 1072 с.
18. Quantum Sociology [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www2.pvc.maricopa.edu/~sharif/quantumsoc.html> (дата обращения: 02.06.2015).
19. Sharif, A.S. Umar. The Quantum Sociologist. Genesis of The Quantum Sociological Perspective. ABSTRACT [Электронный ресурс] / A.S. Sharif. - Режим доступа: http://sharif-enterprizes.com/newquant_soc_gist.pdf (дата обращения: 02.06.2015).
20. Urry, J. The Complexities of the Global [Text] / J. Urry // Theory, Culture & Society. - Sage Publications, 2005. - P. 235-254.

УДК 316.628.5
ББК 88.5

А.И. ВОРОШИЛОВА

A.I. VOROSHILOVA

ДИСПОЗИЦИОННЫЙ ПОДХОД
К ИЗУЧЕНИЮ МОТИВАЦИИ
РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА

DISPOSITIONAL APPROACH
TO STUDYING OF MOTIVATION
OF PARENTAL WORK

В статье впервые представлены возможности изучения поведения в родительском труде с позиций диспозиционного подхода на макро-, мезо-, микроуровне организации этого труда. Изучение формирования трудового поведения в сфере родительства с учетом предложенной схемы анализа позволит более глубоко исследовать этот феномен и разработать основы его регулирования.

The paper first introduce the possibility of studying the behavior of the parent labour from the standpoint of dispositional approach at the macro, meso, micro levels of the parent labor organization. The studying the formation of labor behavior in the field of parenting with the proposed scheme will enable deeper analysis to investigate this phenomenon and to develop a basis of its regulation.

Ключевые слова: родительский труд, уровни исследования, трудовое поведение, диспозиционная теория личности, мотивация.

Key words: parent labour, levels of study, labour behavior, dispositional theory of personality, motivation.

Относительно новым и актуальным направлением изучения репродуктивного поведения человека в настоящее время является концепция родительского труда. Суть данной концепции состоит в том, что человеческая деятельность в сфере воспроизводства рода рассматривается в качестве особого вида родительского труда. Изначально авторы данной концепции рассматривали родительский (репродуктивный) труд в основном как категорию экономического анализа [1, 4, 7, 9]. В то же время становится очевидным, что сфера изучения родительского труда имеет точки соприкосновения со многими отраслями социологической науки – социологией семьи, социологией культуры, социологией труда и т. д. Связь с последней особенно актуальна при изучении процессов формирования мотивации родительского труда. Известно, что поведение человека, в том числе и трудовое – в какой бы то ни было сфере – во многом определено внутренними мотивационными процессами. Изучение мотивации родительского труда имеет практическую значимость, особенно в условиях затяжного демографического кризиса, существующего на данный момент в Российской Федерации, так как в определенной мере позволяет прогнозировать репродуктивное поведение населения.

Родительский труд в связи с его протяженностью во времени занимает значительное место в жизни личности. Однако, мы можем говорить о его значимости только в том случае, если он выступает сферой самореализации личности, ее потребностей и интересов. Чем выше уровень реализации личности в данном процессе, тем выше уровень ее мотивации. Согласно Н.И. Дряхлову, мотивационная структура личности выражает взаимосвязь диспозиционных уровней и тех реальных условий, в которых человек вынужден действовать [6, с. 169].

Мотивы в структуре личности также имеют свою иерархию. Изменения в этой системе означают смену интересов, ценностей, позиций личности. В сфере родительского труда мотивы, соответственно, тесно связаны с репро-

дуктивными мотивами человека вообще. А.И. Антонов выделяет три группы репродуктивных мотивов (экономические, социальные и психологические), при этом их соотношение в структуре репродуктивной мотивации не остается неизменным [2].

Иная группа исследователей (во главе с В.Н. Архангельским) также рассматривает условия жизнедеятельности (куда включаются жилищные условия и уровень жизни в целом) как определенный «фактор рождаемости» [3].

Мотивы формируются в тесной взаимосвязи с существующими потребностями. Применимы наиболее распространенные их классификации в связи с потребностями в сфере родительского труда.

Так, с точки зрения иерархической классификации А. Маслоу в мотивационной структуре родительского труда можно выделить стремление к удовлетворению следующих групп потребностей:

1. Физиологические (физиологическая репродуктивная потребность и опосредованная возможность обеспечивать удовлетворение физиологических нужд в получении пищи, одежды, жилища за счет результата родительского труда, например, в старости).

2. Экзистенциальные (потребность в обеспечении безопасности вследствие увеличения размера семьи, постоянстве условий жизнедеятельности за счет обеспечения непрерывности поколений).

3. Социальные (потребности в социальных связях, любви, идентификации себя с непосредственным окружением – семьей, потребности в родственных взаимосвязях).

4. Потребности в самоуважении (признании, достижении и одобрении за счет выстраивания взаимоотношений с детьми, их высокий социальный статус, обеспечивающий соответствующий уровень признания в обществе).

5. Личностные (потребности в самоактуализации, самовыражении, передаче накопленного опыта в воспитании детей).

Если руководствоваться классификацией У. Макдугалла, то можно говорить о том, что родительский труд удовлетворяет основные виды инстинктов (стадный, продолжения рода, родительства, инстинкт самосохранения себя в потомстве). Отечественный ученый Б.М. Генкин делит потребности на потребности существования (физиологические, собственно существования, причастности) и потребности достижения целей жизни (материальные блага, власть и слава, знания и творчество, духовное совершенствование) [5, с. 79]. В структуре родительского труда это означает, что первые группы потребностей по Б.М. Генкину удовлетворяются на начальных стадиях родительского труда (т.е. их удовлетворение обеспечивается зачатием и последующим наличием ребенка как такового), что характеризует количественный результат родительского труда. Стремление к удовлетворению потребностей достижения целей жизни характеризует качественный результат родительского труда, так как процесс их удовлетворения – это процесс воспитания и социализации ребенка.

Существует несколько уровней регуляции психической активности личности в зависимости от удовлетворения потребностей [8, с. 89]:

1. Уровень непосредственного удовлетворения потребностей, на котором происходит переработка чувственно данных потребностей.

2. Уровень осознания, мышления, где формируется практическое поведение и осуществляется объективация потребностей.

3. Само социальное поведение личности, ее психологический портрет, социальный образ действий.

Конкретные способы удовлетворения потребностей заданы условиями деятельности на трех уровнях организации общества: микро-, мезо- и макроуровне [10, с. 34]. Родительский труд, являясь обширной сферой жизнедеятельности людей, на каждом из уровней имеет свои особенности организации, формы проявления и масштабы социальных последствий. Так, макроуровень

организации родительского труда в основном содержит институциональные основы родительства как социального института; мезоуровень предполагает наличие совокупности социальных взаимодействий – тиражируемых моделей поведения в семье; микроуровень организации родительского труда подразумевает вопросы его индивидуальной организации, обусловленной физической и психической активностью индивида в сфере родительства. Таким образом, на макроуровне организации родительского труда заданы устойчивые условия деятельности в той или иной социальной сфере, к мезоуровню применимы устойчивые условия группового общения, а микроуровень диктует условия поведения в изменчивых предметных ситуациях.

Промежуточным элементом, определяющим форму и способ удовлетворения потребности, выступают структура личности, ее ценности. Согласно подходу Н.И. Дряхлова, ценностно-нормативная основа определяет приемлемые для индивида способы и методы реализации трудового поведения, т.е. фактические проявления той или иной деятельности. В концепции В.А. Ядова регулятором поведения служат социальные установки, диспозиции личности – фиксированные в ее социальном опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия деятельности, а также действовать в них определенным образом [10, с. 10].

Диспозиции личности проявляются при столкновении потребностей и условий их удовлетворения. Соединяя два этих компонента, можно выделить следующие уровни диспозиций личности:

1. Микроуровень, образующий **элементарные фиксированные установки**. Они формируются в результате столкновения потребностей физического существования и предметных ситуаций. Элементарные фиксированные установки закреплены опытом и лишены модальности, доведены до автоматизма, не осознаваемы. Они представляют собой стереотипную поведенческую готовность определенным образом реагировать на ситуацию.

В сфере родительского труда данные диспозиции (готовность действовать тем или иным образом) распространены в ежедневных бытовых действиях по уходу за ребенком.

2. Мезоуровень означает наличие **социально фиксированных установок**. Они содержат в себе эмоциональный (или оценочный), когнитивный (рассудочный) и поведенческий (поведенческая готовность) аспекты.

На этом уровне производится оценка определенных социальных объектов и ситуаций, в соответствии с которыми формируются поведенческие планы и программы. В сфере родительского труда на этом уровне устанавливаются представления о конкретных методах реализации родительских потребностей. Имеющаяся потребность осознается, соотносится с распространенным социальным (а не просто бытовым, как на предыдущем уровне) опытом, оценивается индивидом и сравнивается с оценкой непосредственного социального окружения (как одобряемый или неодобряемый способ поведения), а затем реализуется. Вероятно, на этом уровне выбирается «стиль» родительства – авторитарный, авторитетный, либеральный, безразличный и т.д. (для примера использована классификация, предложенная американским психологом Дианой Бомринд) [11].

3. Макроуровень диспозиций образует **система ценностных ориентаций** на цели жизнедеятельности и средства их достижения. На нем определяется место родительства в системе жизненных целей личности и выстраивается приоритетность видов деятельности и ресурсов человека. Этот уровень соотносится с макроуровнем организации родительского труда. Авторы диспозиционной концепции приписывают этому уровню решающее значение в саморегуляции поведения [10, с. 36].

В соответствии с уровнями диспозиции формируются и уровни поведения личности:

1. Реакция субъекта на актуальную предметную ситуацию, выступающая как отдельный поведенческий акт.

2. Системное установление соответствия между социальной ситуацией и социальной потребностью (потребностями) субъекта, выражающееся как поступок.

3. Складывающееся из системы поступков поведение личности [10, с. 37].

Создатель диспозиционной концепции В.А. Ядов отмечал, что «механизм взаимосвязи между различными элементами диспозиционной структуры и ситуацией поведения следует рассматривать именно **как механизм мотивации**, обеспечивающий целесообразное управление поведением личности, его саморегуляцию» [10, с. 45].

Таким образом, диспозиционная концепция предполагает следующую схему формирования конкретного действия человека, представленную на рисунке 1: 1) возникновение определенной «конфигурации» внешних и внутренних условий должно быть достаточное количество информации, для эмоционального компонента – соотнесение знания с потребностью); 2) актуализация диспозиций; 3) поведенческий акт.

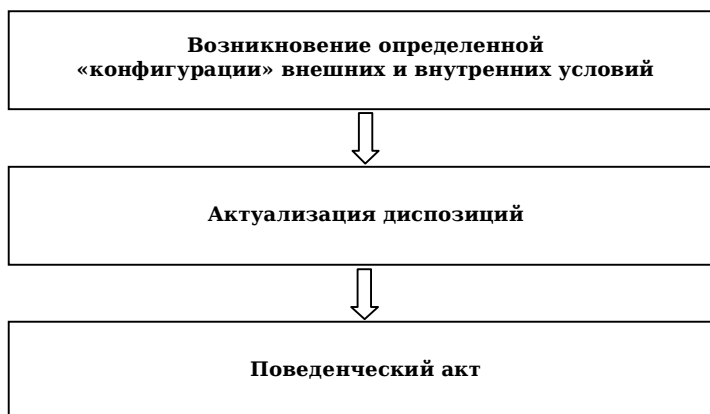

Рис. 1. Формирование действия с позиций диспозиционной концепции

Соответствие всех представленных элементов формирования поведения личности с позиций диспозиционного подхода представлено в таблице 1.

Таблица 1

Уровни поведения в родительском труде

Уровень организации родительского труда	Условия реализации родительского труда	Уровни регуляции психической активности	Уровни диспозиций личности	Уровни поведения личности
1	2	3	4	5
Макроуровень	Устойчивые условия в той или иной социальной сфере	Само социальное поведение личности, ее психологический портрет, социальный образ действий	Система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства их достижения	Система поступков – поведение личности

Окончание табл. 1

1	2	3	4			5
Мезоуровень	Устойчивые условия группового общения	Уровень осознания, мышления, где формируется практическое поведение и объективация потребностей	Социально фиксированные установки			Установление соответствия между социальной ситуацией и социальной потребностью (потребностями субъекта - поступок
			Эмоциональный (оценочный) аспект	Когнитивный (рассудочный) аспект	Поведенческий (поведенческая готовность) аспект	
Микроуровень	Изменчивые условия поведения в предметных ситуациях	Уровень непосредственного удовлетворения потребностей, на котором происходит переработка чувственно данных потребностей	Формируются элементарные фиксированные установки. Закреплены опытом и лишены модальности, доведены до автоматизма, не осознаваемые. Стереотипные поведенческие готовности определенным образом реагировать на ситуацию			Реакция субъекта на актуальную предметную ситуацию - поведенческий акт

С точки зрения диспозиционной концепции можно утверждать, что мотивация родительского труда через систему внешних точечных стимулов или удовлетворения потребностей представляется крайне зауженной. Фактически, реализация личности в этом виде труда более других зависит от социальной системы ценностей.

Соответственно, для того, чтобы человек реализовывал определенные формы родительского поведения, прежде всего, необходимо, чтобы он осознавал, каким образом и какие именно его потребности это удовлетворит. Более того, он должен иметь четкое представление о том, как изменится его собственное состояние в результате выбранной формы поведения. Если знания об этом нет в непосредственном опыте индивида, он берет его либо из непосредственного окружения, либо из общих социально-культурных образов, тиражируемых в данном обществе. Это возвращает нас к пониманию первейшей роли макроуровня организации родительского труда как источника формирования грамотного информационного контента, потенциально являющегося основой поведения личности. С учетом того, что интенсивность информационного воздействия на личность с течением времени усиливается, резонно предположить, что роль этого фактора будет только возрастать.

Литература

1. Абилова, М.Г. Методы и инструменты стимулирования репродуктивной активности [Текст] : дис. ... канд. экон. наук / М.Г. Абилова. - Екатеринбург, 2011. - 145 с.
2. Антонов, А.И. Социология семьи [Текст] : учебник / под ред. А.И. Антонова. - 2-е изд., испр. - М. : ИНФРА-М, 2010. - 636 с.
3. Архангельский, В.Н. Репродуктивное поведение населения Свердловской области на современном этапе демографического развития [Текст] / В.Н. Архангельский // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения : сборник материалов IV Уральского де-

- мографического форума с международным участием ; ред.-сост. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2013. – С. 142-150.
4. Багирова, А.П. Теоретико-методологические проблемы управления репродуктивной активности : монография [Текст] / А.П. Багирова. – Екатеринбург : Федеральное агентство по образованию ; Уральский гос. технический ун-т – УПИ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – 220 с.
 5. Генкин, Б.М. Экономика и социология труда [Текст] : учеб. для вузов. – 7-е изд., доп. / Б.М. Генкин. – М. : Норма, 2007. – 448 с.
 6. Дряхлов, Н.И. Социология труда : учебник [Текст] / под ред. Н.И. Дряхлова, А.И. Кравченко, В.В. Щербины. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993. – 368 с.
 7. Илышев, А.М. Введение в репродуктивистику. Становление науки о воспроизводстве человека [Текст] / А.М. Илышев, А.П. Багирова. – М. : Финансы и статистика, 2010. – 304 с.
 8. Надирашвили, Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии [Текст] / Ш.А. Надирашвили. – Тбилиси : Мецниереба, 1974. – 170 с.
 9. Полушкина, И.В. Репродуктивный труд и стимулирование популяционной активности населения [Текст] : дис. ... канд. экон. наук / И.В. Полушкина. – Екатеринбург, 2010. – 160 с.
 10. Ядов, В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция [Текст] / В.А. Ядов. – 2-е расширенное изд. – М. : ЦСПиМ, 2013. – 376 с.
 11. Baumrind, D. Effects of Authoritative Parental Control on Child Behavior [Текст] / D. Baumrind // Child Development. – 1966. – № 37 (4). – PP. 887-907.

УДК 316
ББК 60.5

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ

G.E. ZBOROVSKY

**ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕМПОРАЛЬНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК**

**GENERATIONAL COMMUNITIES
IN THE LIGHT OF TEMPORAL CHARACTERISTICS**

В статье доказывается, что среди многих социальных общностей особое место занимают те, для которых темпоральные характеристики являются определяющими. Именно в таком качестве рассматриваются поколенческие общности. Наряду с широко распространенными общностями в статье анализируются поколения социологического сообщества, в том числе исследователей социального времени.

It is proved that among the many social communities special place is occupied by those whose temporal characteristics are crucial. It was in this capacity are considered generational communities. In the article analyzes the generation of the sociological community, including researchers of social time.

Ключевые слова: социальная общность, поколенческая общность, темпоральные характеристики, социальное время, поколения социологов.

Key words: social community, generational community, temporal characteristics, social time, generations of sociologists.

Как известно, социальные общности обладают целым рядом характеристик [3, с. 109–110, 86–89]. Одни из основных среди них – темпоральные, или временные. Любая социальная общность, взятая как порознь, так и во взаимосвязи с другими общностями, локализует свою историческую и актуальную деятельность в социальном времени. Однако среди большого многообразия социальных общностей есть такие, для которых темпоральные характеристики выступают не просто важными, но определяющими. К числу таковых мы относим, наряду с возрастными и когортными, поколенческие общности.

Особенность поколенческих общностей (и людей, к ним относящихся) состоит в том, что в течение жизни человек может относиться к разным поколениям (как формам социальной общности), переходя последовательно от одного к другому и приобретая темпоральные характеристики каждого нового поколения (это же касается возраста и когорт).

По существу любая социальная общность включает в себя одновременно представителей нескольких поколений (равно как возрастных и когортных общностей). В этом случае время людей несет на себе особенности и того поколения, возраста, когорты, в которых они находятся в какой-то период своей жизни, и той (тех) социальной общности, представителями которой (которых) они выступают в этот период. Другими словами, происходит известное наложение на время жизни людей темпоральных особенностей и их конкретного поколения (возраста, когорты), и тех социальных общностей, в рамках которых они функционируют в данный хронологический отрезок.

Тогда справедлива и иная постановка вопроса: происходит ли подобное наложение темпоральных характеристик поколенческой жизни людей на время их социальной общности (социальных общностей)? Думается, что ответ на поставленный вопрос должен быть утвердительным.

Представим демографическую ситуацию, характеризующуюся резким численным ростом молодого поколения, будь то школьники, студенты или выпускники учебных заведений, в большем количестве, чем совсем недав-

но, заполняющие рабочие места, а также места в образовательных организациях. Первое следствие этого процесса сразу бросается в глаза: школы в этот период нуждаются в новом притоке учителей. Это означает для данной социально-профессиональной общности, государственных структур, связанных с образованием, необходимость ее пополнения и поиска ресурсов для такого процесса.

Но это далеко не все последствия поколенческих изменений. Мы затронули лишь их количественную характеристику. Однако каждое новое поколение несет в себе глубокие качественные особенности, связанные с мировоззренческими, ценностными, культурными и иными аспектами деятельности, приобретающими подчас стратегическую для данной общности направленность. Последняя не может не быть связанной с темпоральными проблемами поведения генерационной (поколенческой) общности, которые, как мы уже отмечали, накладываются на деятельность любой иной социальной общности. Ибо каждое новое поколение несет с собой не просто ветер перемен, это ветер нового времени, нового восприятия времени, нового отношения к нему. Время меняет поколения, а поколения меняют время, рождают новые темпоральные способы деятельности и взаимоотношений между людьми, новые способы его восприятия.

Как верно пишет В.В. Семенова, «поколения представляют собой особые временные общности. Их жизнь рассматривается как целая локальность во временной протяженности движения обществ от прошлого к настоящему и будущему. Исходя из этого, складывается специфически узкий фокус отношения к социальной реальности и определенным событиям прошлого, что ведет к становлению схожих коллективных ориентаций относительно опыта своей жизни и формированию их *отношения к своему времени*. Это и является первичным основанием внутренней солидарности поколений или дифференциации взглядов разных поколений» [7, с. 29]. Отсюда следует, что интерпретация поколения как временной общности требует специального внимания, выходящего за пределы генерационной проблематики.

Работ в социологии, связанных с осмыслением поколений, особенно молодежных, их смены, роли многих из них в жизни общества и т.д. за историю этой науки накопилось немало. Среди тех, кто ставил и рассматривал эти проблемы, – все без исключения классики социологии, начиная с О. Конта, практически все крупные зарубежные и отечественные социологи XIX–XX вв. Многие посвятили анализу этих проблем (как, например, К. Мангейм), специальные работы [6, с. 16–47]. Но крайне редко в них ставились вопросы, которые напрямую касались поколения как временной общности.

В процитированной нами выше работе В.В. Семеновой поколение как временная общность рассматривается с точки зрения ее отношения к своему времени (исследовательница выделила последние два слова разрядкой букв, подчеркнув тем самым свое стремление обратить особое внимание читателя на это положение). Что это значит – свое время для поколенческой общности? По всей видимости, это специфические характеристики своей эпохи как социального контекста жизни данного конкретного поколения.

Рассмотрим в качестве примера две эпохи – перестройки и постперестроечную эпоху. И та, и другая хорошо укладываются в хронологические рамки поколения, занимающие в среднем 15 лет. Речь идет о том, что поколенческие общности, вступившие в каждую из них и прожившие и первую, и вторую эпохи, с одной стороны, испытали на себе их самое разнообразное влияние, с другой – оставили свой след, свою печать на этих эпохах. Отсюда и отношение к своему времени как времени данной эпохи, его восприятие поколенческой общностью. В нашем конкретном примере речь идет о восприятии соответствующими поколениями эпохи перестройки и постперестроечной эпохи.

Время поколенческих общностей в данном случае – не фон, не хронологический интервал протяженностью в 10–15–20 лет, не календарные годы.

Это тесно сопряженные с поколенческой общностью способ и форма ее деятельности, ее образ жизни. Это существование одних и тех же ценностей, потребностей, поколенческих установок в качестве доминирующих. Это появление особого культурного кода поколения (поколение шестидесятников как образец) и языка поколенческой общности (в том числе его сленговых форм). Это коллективные представления и общественное мнение, выражающие состояние общественного сознания поколения, что для социологии особенно важно, поскольку составляет предмет эмпирического изучения.

Именно так мы понимаем трактовку своего времени поколенческой общности и отношения к нему в упомянутой выше работе В.В. Семеновой. Подчеркнем специально, что это наша интерпретация ее научной позиции. Между тем, время поколенческой общности можно трактовать и не столь широко, т.е. как время – эпоху (или какой-то важный этап эпохи). Под более узкой трактовкой мы имеем в виду темпоральные характеристики поведения поколенческих социальных общностей, его модели, стратегии.

Речь идет о непосредственном отношении к времени своей жизни и деятельности, его тесной связи с повседневным, регулярным, типичным поведением, в котором само время, темпоральность как таковая, их качества, свойства, черты, ценности могут занимать различное место – от наиболее значимого до наименее значимого в жизни общности. Наибольшая значимость означает при этом превращение времени и темпоральных характеристик деятельности в доминанту какой-то поколенческой общности (ее части, слоя), наименьшая значимость – ситуацию обратного порядка, когда фактор времени как таковой никакой реальной роли в деятельности общности (ее части, слоя) не играет. Конечно, между этими двумя полюсами могут находиться и промежуточные социальные слои, группы людей, выделяемые по такому критерию, как их отношение к времени.

Теперь необходимо пояснить наш интерес к времени социальной общности и к общностям, имеющим темпоральную природу, интересом к поколенческой общности и последующему за ее характеристикой рассмотрению исторического времени. Дело в том, что на «стыке» этих двух концептов – поколения и исторического времени – появилась теория исторических поколений, или исторический анализ поколенческой проблематики, данный К. Мангеймом в его эссе «Проблема поколений» [11]. В этой работе предпринята одна из наиболее значимых в социологии попыток осуществить поколенческий анализ – как с теоретико-методологических, так и конкретных эмпирических позиций.

Для достижения своей цели Мангейм использует два подхода к историческому анализу поколений – позитивистский, объективный, берущий начало у О. Конта и продолжающийся в творчестве Э. Дюркгейма («французский след»), и субъективный (субъективистский), идущий от В. Дильтея и продолжающийся у М. Хайдеггера («немецкий след»). В рамках позитивистского подхода Мангейм рассматривает поколение как определенный временной интервал, необходимый для измерения социальных изменений в любом обществе. Этот интервал охватывает период в 15–30 лет. Именно к данному возрасту заканчивается период подготовки человека к зрелой и продуктивной социальной жизни (ее верхнюю границу Мангейм видел в 60-летнем возрасте). Сам социолог считает такой подход линейным, упрощенным, лишенным глубокого осмысления общественного прогресса, осуществляющегося при таком рассмотрении путем хронологической смены поколений и на этой основе социального обновления.

К. Мангейм характеризует и иной подход, который предлагает В. Дильтей. Суть его в том, что исторический опыт поколения, в отличие от первого, количественного подхода, не может быть четко измерен. Исследователи должны описывать его качественное своеобразие на основе того, как этот опыт поколения воспринимается и переживается современниками. Стало быть, дело не в единицах измерения объективного времени (годы, часы

и т.д.), но в его субъективном переживании. И здесь нужна не хронологическая фиксация, а познание и понимание времени поколения.

Такой подход приводит к иному осмыслению реальной темпоральной ситуации, согласно которой несколько поколений, живущих в одно и то же реальное время, воспринимают и переживают его по-разному. Следовательно, объективно реальное время становится с этой точки зрения субъективным, оно специфично в его переживании для разных социальных субъектов (общностей) – поколений. Как пишет В.В. Семенова, «возникает полифония разных субъективных времен в рамках одного реального времени, где можно слышать индивидуальные голоса нескольких поколений, представляющих различные моменты их жизненного цикла» [7, с. 38].

Для нас в этом подходе важно отметить, что его приверженцы рассматривают поколение как определенную социальную общность, обладающую присущими ей пространственно-временными характеристиками. Каждое поколение отличается историческим своеобразием, соответствующим историческому времени их «проживания». Тем самым провозглашается нелинейная концепция общественного прогресса.

Следует отметить, что второй подход был ближе К. Мангейму, чем первый, хотя и его он не отрицал. Рассматривая поколение как феномен социального обновления, он отмечал присущее ему общее сознание, чувство причастности (идентификацию) к поколенческой общности. Все это способствовало превращению поколения в политического актора.

Приведем краткую обобщающую оценку взглядов К. Мангейма на поколение, даваемую В.В. Семеновой: «Социологичность его [Мангейма. – Г.З.] концепции состоит в дифференцированном подходе к отдельным поколениям как относительно автономным социальным общностям, объединенным общей исторической судьбой и соответственно общим историческим опытом» [7, с. 39].

Поколенческий подход, связанный с выявлением темпоральных характеристик тех или иных социальных общностей, может играть определенную методологическую роль, когда мы пытаемся использовать его для рассмотрения конкретных субъектов социального действия. С этой точки зрения большой интерес для нас представляет поколенческий подход, примененный к анализу развития социологического сообщества в нашей стране. Речь идет о поколениях ученых, с которыми было связано второе рождение отечественной социологии (в конце 1950-х – начале 1960-х гг.), а затем и ее развитие.

Эта проблема вызвала живой интерес в последние полтора десятилетия и неоднократно рассматривалась отечественными авторами. Так, В.В. Семенова на основе такого критерия, как субъективная самопрезентация социологов, выделила четыре их поколения: околвоенное, доперестроечное, переходного периода и постпереломное [8, с. 157–170]. А.Г. Здравомыслов выделял два поколения: социологов-«шестидесятников» и тех, кто примерно на 20 лет моложе [4, с. 2–10]. Л.А. Козлова писала о трех поколениях, отличавшихся периодами рождения, – старшем (вторая половина 1920-х – 1930-е гг.), среднем (1940–1960-е гг.), младшем (1970 г. и позже). В первом поколении она выделяла два пласта – «шестидесятников», представлявших исследовательское крыло российской социологии, и тех, кто составлял идеологическое крыло, т. е. социологов партийно-идеологического направления. Во втором поколении автором выделялись старшие, средние и младшие, в третьем – старшие и младшие. Другими словами, здесь основным был возрастной критерий [5].

По нашему мнению, наиболее глубокий анализ «лестницы поколений российских социологов» дал Б.З. Докторов [1, с. 135–161]. Прежде всего, сошлемся на понятие поколения социологов, им предложенное. Под ним он понимает достаточно однородную по возрасту группу ученых, удовлетворяющую двум условиям: 1) их первичная социализация происходила в сходных

исторических и социально-политических обстоятельствах; 2) их вхождение в социологию происходило в рамках одной и той же фазы развития отечественной социологии [1, с. 136-137].

Базовым принципом построения системы поколений социологов у Докторова (на основании проведенных интервью с отечественными социологами) стала равная временная продолжительность каждого из них. В результате поиска алгоритма и использования целого ряда процедур расчета была найдена оптимальная «длина» поколения – 12 лет. Затем она была «привязана» к жизненным траекториям социологов, связанным с датами их рождения и включением в деятельность социологического сообщества. Определялся также центр интервала рождения поколения. Каждое поколение получило свое социально-хронологическое название. Все это нашло отражение в специальной таблице «Лестница поколений в постхрущевской российской социологии» [1, с. 141]. В ней представлены 8 поколений: «шестидесятники» (первая волна) – 1923-1934 гг. рождения; «шестидесятники» (вторая волна) – последние годы 1920-х – 1934; военное – 1935-1946; первое послевоенное – 1947-1958; постоттепельное – 1959-1970; предперестроечное (годы застоя) – 1971-1982; дети перестройки – 1983-1994; первое поколение постсоветской России – 1995-2006.

«В чем эвристическая сила и аналитическое удобство поколенческого подхода? Скорее всего, в том, что он позволяет рассматривать влияние эпохи, социального времени на группы социологов; становится понятнее, что прорывы в науке делаются единицами, а сама наука – поколениями» [1, с. 150-151]. Благодаря поколенческому подходу мы можем обнаружить не только единство социологического сообщества, но и его внутреннюю дифференциацию в отношении и к научной проблематике, и к тому, что происходит в обществе, и к власти, точнее, взаимодействию с ней.

По мнению Докторова, при конструировании «лестницы» (2006-2007 гг.) и в первые последующие годы, пока количество проведенных им интервью оставалось относительно небольшим, рано было говорить об эвристичности поколенческого расслоения сообщества социологов. В первые пять лет исследования (2005-2009 гг.) было проведено лишь 26 интервью, причем основная масса собеседников Докторова представляла два первых поколения, социализация которых проходила в одно и то же время.

И лишь в 2010-2011 гг., когда количество респондентов достигло 40, открылись возможности для межпоколенческого и внутривоколенческого изучения биографий и деятельности социологов в рамках целостного историко-социологического проекта. Причем все направления таких поисков априори могли быть лишь намечены, но в большей степени они были «подсказаны» эмпирией, т.е. содержанием интервью. Вместе с тем, и сейчас Докторов не переоценивает познавательную силу поколенческого подхода, полагая, что его возможности и границы могут быть точнее выявлены лишь по мере накопления данных, увеличения числа изучаемых профессиональных когорт и расширения перечня аналитических задач.

Поколенческий подход позволяет также сравнить, сопоставить авангардные группы исследователей и социологов, занятых в партийно-идеологическом направлении деятельности. Количество последних увеличивалось от поколения к поколению в связи с ростом интереса к занятиям социологией. В партийном и государственном аппарате становилось все больше кандидатов и даже докторов наук, защищавших или подготавливавших диссертации социологической направленности.

Благодаря поколенческому подходу появляется возможность рассмотреть проблему преемственности «внутри» отечественной социологии. Зачастую ситуация преемственности выступает как вовлечение новых, чаще всего молодых (хотя это не является главным и обязательным требованием) людей в социологическую науку и передача им уже имеющихся знаний, умений, навыков, опыта со стороны лидеров поколений, как правило, первого и второго.

Другими словами, поколенческий подход становится межпоколенческим. «То обстоятельство, – пишет Б. Докторов, – что за решение новых задач принимаются молодые специалисты одного возраста, с одной стороны, создает предпосылки для формирования групп ученых, которые потом в течение многих лет будут исследовать эту проблему. С другой стороны, именно это обстоятельство создает условия для возникновения внутригрупповых и внутрипоколенческих лидеров. Таким образом, отдельные ученые обгоняют свое «профессиональное» поколение» [1, с. 151].

На второй этап развития отечественной социологии (конец 1950-х – конец 1980-х гг.) падает активная деятельность первых трех поколений (отчасти и четвертого), все остальные получили возможность проявить себя уже в условиях перестройки и последующего за ней развития общества, т.е. третьего этапа (с конца 1950-х г. до нашего времени). В этом смысле Б. Докторов верно отмечает, что представители первых трех и преобладающей части четвертого поколения сначала были советскими социологами, а затем – после 1991 г. – стали российскими, остальные – уже изначально были «чисто» российскими.

Обратим внимание читателя, что в нашей статье не представлены содержательные характеристики упомянутых поколений отечественных социологов. Подробно они рассматриваются в названном выше и иных трудах Б.З. Докторова, в первую очередь, в шеститомном электронном издании его интервью с более чем 100 социологами России [2].

Следует особо подчеркнуть проводимую Б.З. Докторовым многолетнюю, поистине гигантскую работу на основе успешно примененного им историко-биографического метода, причем он последовательно продолжает начатый более 10 лет назад процесс изучения «поколенческой» проблематики. Исследователем представлена впечатляющая характеристика первых шести (из восьми названных) поколений отечественных социологов. Насколько нам известно от самого автора, он приступил к анализу седьмого поколения социологов (дети перестройки), родившихся в годы застоя (1971–1982). По существу создается новый вариант истории отечественной социологии, существенно отличающийся от имеющих в нашей литературе ее исследований.

Глубинные интервью, взятые Б. Докторовым у представителей семи поколений, помогают нам понять бывшие, настоящие и будущие возможности отечественных социологов в процессе борьбы за становление новой социологии и гражданского общества в нашей стране – с учетом тех темпоральных характеристик, которые существенно влияли и влияют на деятельность различных групп социологов в рамках всего социологического сообщества.

Аналогичные изменения «поколенческого» характера происходят и среди социологов, изучающих время. Известный специалист по теориям времени Барбара Адам в своих работах 1990-х гг. [9, 10] говорит по существу о трех поколениях теорий социального времени, имевших место в прошлом столетии. Первое поколение составляли трактовки времени как количественного интервала в бюджетных исследованиях 1920-х гг., когда время рассматривалось в качестве ресурса, измеряемого в часах и используемого для всех основных видов деятельности. Во втором поколении теорий время характеризовалось как ресурс, наполненный событиями и анализируемый под углом зрения социологии организаций в понятиях социального порядка и контроля. В рамках третьего поколения теорий – последние десятилетия XX в. – социологи рассматривают восприятие и «переживание» времени в обществе его структурами, в первую очередь классами и группами, в этой связи исследуют символическое время на основании изучения отношения к прошлому и ожидания от будущего.

Мы показали, как Б. Адам характеризует поколенческие изменения в западных теориях социологии времени. Нечто похожее, но далеко не тождественное происходило и происходит сейчас (последнее не нашло отражения у Адам в силу того, что ее трактовки ограничились лишь последним

десятилетием прошлого столетия) в нашей стране. Действительно, первое поколение отечественных теорий времени было связано с исследованиями его бюджета в 1920-х гг. (пионером их стал С.Г. Струмилин). А следующего поколения социологических теорий времени пришлось ждать довольно долго. Причиной этой длительной задержки стал запрет на развитие социологической науки, ставший следствием господства культа личности Сталина и нежелания режима получать объективные научные данные об экономических и социальных процессах в стране.

Осуществляя дальнейшее сравнение поколенческих этапов развития зарубежных и отечественных теорий времени, необходимо отметить, что если на Западе второе поколение было представлено теориями 1930-х гг., возникшими под влиянием развития индустриальной социологии, социологии менеджмента, социологии организации, то в Советском Союзе это оказались вновь теории, касавшиеся бюджетов времени. Исследования бюджета времени, проводившиеся на рубеже 1950–1960-х гг. (Г.А. Пруденский, В.Д. Патрушев), были одними из первых в рамках второго рождения отечественной социологии. Именно эти работы дали мощный толчок появлению и развитию нового поколения отечественных теорий времени, появившихся в период с середины 1960-х гг. вплоть до 1990-х гг. (В.А. Артемов, Я.Ф. Аскин, П.П. Гайденок, А.Я. Гуревич, Г.Е. Зборовский, В.А. Канке, Л.Н. Коган, Г.П. Орлов, Н.Н. Трубников, В.П. Яковлев, В.Н. Ярская и др.). В рамках данного поколения впервые начинается разработка понятия социального времени.

Однако это поколение социологических теорий времени, в отличие от третьего «поколенческого» этапа на Западе, существенно отличалось от него. Оно существовало в основном в рамках марксистской парадигмы, было связано исключительно с признанием объективного характера времени, а отдельные попытки выйти за пределы такого подхода, рассматривать восприятие людьми (социальными группами) времени, его «переживание» разными социальными субъектами, исследовать «символическое» время (то, что имело место на Западе) подвергались «научному остракизму».

Постперестроечный этап в развитии отечественной социологии (с 1990-х гг. до наших дней) не мог не сказаться и на изменениях в теоретических исследованиях времени. Появилось новое поколение его теорий. Определенной границей перехода к новому подходу в изучении социального времени стало формирование особого исследовательского направления. В центре внимания его представителей оказались проблемы времени поколений, биографического и когортного времени, жизненного пути, коллективной и исторической памяти и др. (Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Ю.А. Левада, Е.Ю. Рождественская, В.В. Семенова и др.).

Несмотря на появление нового поколения концепций времени, прежние трактовки социального времени и сегодня сохраняют свой теоретико-эмпирический потенциал. Их научный капитал далеко не исчерпан и по-прежнему используется в социологических исследованиях. Однако уже далеко не все современные темпоральные явления и процессы можно трактовать с их помощью. Современная социологическая наука, как зарубежная, так и отечественная (З. Бауман, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, С.А. Кравченко, Дж. Урри, П. Штомпка и др.), открывая новые формы, виды, свойства, функции социального времени, постепенно переходит к созданию нового поколения его теорий.

Литература

1. Докторов, Б.З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории [Текст] / Б.З. Докторов. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
2. Докторов, Б.З. Современная российская социология: историко-биографические поиски [Текст] : в 6 т. / Б.З. Докторов. – М. : ЦСПиМ, 2014. Электронное издание.

3. Зборовский, Г.Е. Теория социальной общности [Текст] / Г.Е. Зборовский. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009.
4. Здравомыслов, А.Г. «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» [Текст] / А.Г. Здравомыслов // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. – 2006. – № 5.
5. Козлова, Л.А. Карьерно-профессиональные модели современных поколений российских социологов в исторической динамике [Электронный ресурс] / Л.А. Козлова. – 2010. – Режим доступа: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kozlova_inst.pdf.
6. Манхейм, К. Очерки социологии знания. Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции [Текст] / К. Манхейм. – М., 2000.
7. Семенова, В.В. Социальная динамика поколений [Текст] / В.В. Семенова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
8. Семенова, В.В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства [Текст] / В.В. Семенова // Россия реформирующаяся: ежегодник. – М. : Изд-во ИС РАН, 2004.
9. Adam, V. Time and Social Theory [Text] / V. Adam. – Cambridge : Polity Press, 1994.
10. Adam, V. Generational Time. Time and Society [Text] / V. Adam. – Cambridge : Polity Press, 1999.
11. Mannheim, K. The Problem of Generations. In: Essays on the Sociology of Knowledge [Text] / K. Mannheim. – London : Routledge and Kegan Paul LTD, 1952.

УДК 316.334:21
ББК 86.37-6

В.В. ЛЮБЧУК

V.V. LYUBCHUK

**ВНЕКУЛЬТОВЫЕ ПРАКТИКИ
КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ
ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ**

**EXTRA CULT PRACTICIANS
AS UPDATING OF THE CIVIL ORIENTATION
IN ACTIVITY OF MODERN
CHRISTIAN CHURCHES**

В статье рассматривается характер, содержание и направленность внекультовых практик современных христианских церквей. На основе изучения социальных документов (концепций и доктрин) и анализа сайтов православных, католических и некоторых протестантских церквей автором раскрываются особенности внекультовых практик. Делается вывод, что внекультовые практики современных христианских церквей отвечают на общественные вызовы, в своей направленности отражают ценности гражданского общества, в частности такие, как толерантность и субсидиарность.

The article discusses the nature, content and direction of out-cultic practices of modern Christian churches. The author distinguishes the features of out-cultic practices which basis of social documents (Concepts and Doctrine) and analyzing the websites of the Orthodox, Catholic and Protestant churches. It is concluded that out-cultic practice of contemporary Christian churches respond to social challenges in their orientation reflect the values of civil society, including tolerance and subsidiarity.

Ключевые слова: внекультовые практики, культовые практики, гражданская направленность внекультовых практик, гражданское общество.

Key words: the out-cultic practices, the cultic practices, the civil orientation of out-cultic practices, the civil society.

В условиях становления гражданского общества христианские церкви, функционирующие сегодня в Украине, пересматривают свой подход к собственной деятельности. Это находит свое отражение в построении партнерских отношений с государством, негосударственными и общественными организациями, в частности в формировании системы внекультовых практик. Их реализацию христианские церкви пытаются воплотить в жизнь как в теоретической, так и практической плоскости. Теоретическая плоскость представлена в создании социальных концепций и доктрин, а практическая – в реализации различных программ, проектов внекультовых практик.

Отметим, что интерес к внекультовым практикам христианских церквей проявляют, например, такие российские исследователи, как И.В. Шарыпова [17], Г.А. Кукушкина [7], Т.П. Белова [1], А.П. Забияко [2] и др.

Среди украинских ученых, в основном религиоведов, обращающихся к анализу отдельных видов внекультовых практик тех или иных христианских конфессий, назовем таких, как Н. Гаврилова, Ю. Решетников, А. Колодный и др. Социологический анализ религиозных практик представлен в публикациях Л. Рязановой [16], М. Парашевина [13, 14], А. Николаевской [11].

Раскрывая избранную нами проблему, прежде всего, приведем авторские определения главных понятий данной публикации – «культовые практики» и «внекультовые практики». Отметим, что поиски теоретических оснований интерпретации данных понятий привели нас к феноменологической методологии. В наших предыдущих публикациях мы достаточно подробно описыва-

ли преимущества и возможности данной методологии в контексте изучения культовых и внекультовых практик [8, 9]. Здесь же мы только приведем сформулированные нами дефиниции названных выше понятий.

Под культовыми практиками мы понимаем совокупность общепринятых действий в рамках христианских обрядов, которые актуализируются благодаря религиозным ценностям, мотивам, установкам, поведению и ориентированы на решение христианских задач Церкви как религиозного и социального института. Внекультовые практики мы рассматриваем как когнитивно-ментальный феномен, который также актуализируется благодаря религиозным ценностям, мотивам, установкам, поведению человека и ориентирован на решение христианских задач Церкви, но формируется в ходе взаимных типизаций общепринятых действий в контексте повседневности как intersubъективной реальности.

Цель данной публикации состоит в раскрытии характера, содержания и особенностей гражданской направленности внекультовых практик современных христианских церквей.

Отметим, что духовность, ее формирование, забота о верующих всегда были прерогативой церкви, однако в условиях общественной трансформации, которая коснулась и Церкви, происходит активный поиск методов ее деятельности, направленной на развитие гражданских качеств как верующих, так и тех, кто пока еще на пути к вере. Кроме форм богослужения (культовых практик), христианские церкви развивают разнообразные направления внекультовых практик, ориентированных на разрешение всевозможных социальных проблем.

Культовые практики являются признаком сохранения христианскими церквями своей неповторимости и самобытности. Что касается внекультовых практик, то они ориентированы на реализацию тех или иных общественных проектов Церкви, на ее участие в решении проблем общесоциального значения. Нередко в адрес Церкви звучат обвинения в том, что она перестает быть таковой, поскольку вмешивается в те сферы жизнедеятельности, которые для нее не характерны, то есть выходит за пределы формирования духовности и морали и переключается на текущие проблемы, существующие в различных сферах общественной жизни. Но это лишь взгляд с одной стороны. По нашему мнению, такая переориентация связана с тем, что Церковь стремится активно участвовать в общественных процессах, не ограничиваясь только культовыми практиками как инструментом воздействия на людей. Сегодня этого недостаточно. Именно внекультовые практики, на наш взгляд, могут стать мощным средством обновления церкви, укрепления ее позиций в обществе, способствовать формированию новых и закреплению старых социальных связей. Тем более, что внекультовые практики могут быть одним из достаточно эффективных способов миссионерской деятельности, на что обратили внимание прежде всего протестанты. Хотя, как отмечает А. Колодный, опыт Украины показывает, что традиционные церкви все же достаточно холодно относятся к таким практикам, более того, провоцируют государство к ограничению такой деятельности других конфессий [6, с. 56].

В основе внекультовых практик, как подчеркивалось выше, лежат определенные религиозные мотивы, ценности, благодаря которым такие практики не являются чем-то необычным, непонятным для тех, кто принимает в них участие. Это отличает их от культовых практик, которые для верующих (тем более для тех, кто только приходит к вере) не всегда понятны (язык богослужения, определенные действия священников и др.). Во внекультовых практиках действия их участников (верующих, священников и вовлеченных в них невоцерковленных индивидов) понятны для всех сторон.

Как мы уже отмечали, в современных социокультурных реалиях, в частности в условиях становления гражданского общества, христианские церкви в своей деятельности вынуждены обращаться к демократическим принципам. В этом контексте такие социальные ценности, как субсидиарность, то-

лерантность, свобода выбора, права человека и т.д., приобретают для христианских церквей новый смысл, отличный от того, каким они наполнялись ранее. Скажем, толерантность общества актуализируется в его готовности обеспечить всем своим членам свободу совести, свободу выбора, равноправие и равные возможности самореализации. В религиозной сфере толерантность также означает отсутствие какой-либо дискриминации. В то же время, современное понимание религиозной толерантности предполагает не только уважение к взглядам представителей другой религии или конфессии, но и умение услышать и воспринять другую точку зрения как имеющую право на существование.

Толерантность является основным условием нормализации нынешней религиозной ситуации в Украине. О причинах, актуализирующих проблему религиозной толерантности, пишет В. Климов [5, с. 30-31]. Мы свели их к двум основным группам – общественные и личностные причины. К общественным можно отнести распространение плюрализма, расширение прав и свобод церквей; политизацию многих социальных проблем и отношений; необходимость решения проблемы, связанной с противоречием между соблюдением Украиной демократических принципов, характерных для Европы, и сохранением ее национальной, этнической, а также религиозной идентичности. Существенные изменения общественного климата в Украине в условиях возрастания социального неравенства, конфликтности, правового нигилизма на всех уровнях, абсолютизации собственной точки зрения путем пренебрежения другими взглядами, безусловно, не могли не сказаться и на религиозной сфере. К личностным причинам, которые, конечно, имеют и общественный характер, можно отнести все более широкое распространение самодекларации религиозности в украинском обществе.

В контексте межконфессионального соперничества за верующих во многих случаях стороны не ориентируются на толерантность. В начале 1990-х гг. это насаждалось и среди верующих, порождало межконфессиональные конфликты. Безусловно, проявления нетерпимости существуют в украинском обществе и сегодня, но позиции самих церквей, а также других участников (например, государства) могут свести эти проявления к минимуму. В этом контексте именно развитие внекультовых практик может предотвратить межконфессиональные и межрелигиозные конфликты, побудить к внедрению правовых норм, которые минимизировали бы основания для религиозной дискриминации. Как представляется, именно внекультовые практики могут послужить основой для решения важных проблем во взаимоотношениях между Церковью и государством, между Церковью и обществом, будут способствовать повышению уровня сотрудничества между ними.

Как показало проведенное нами исследование, в современных условиях значительное внимание внекультовым практикам уделяют протестантские и католические церкви. Внекультовые практики украинских православных церквей еще не приобрели систематический характер.

В этом контексте важно подчеркнуть, что протестантская церковь отличается добровольностью объединений, хотя добровольность для религиозных организаций, по меткому выражению британской исследовательницы М. Харрис, характерна только для западноевропейской цивилизации. Обычно это объединения, которые создаются внутри конфессии на основе общих убеждений, ради достижения общих целей. Такими сообществами, как правило, руководят волонтеры [13, с. 121]. И хотя украинские религиозные организации еще не достигли такого уровня, все же есть основания говорить об активизации деятельности христианских церквей по развитию внекультовых практик. Мы видим в этом не только попытки христианских церквей пересмотреть свои приоритеты, но и признаки формирования в украинском социуме гражданского общества.

Еще одной важной причиной и одновременно особенностью внекультовых практик, по нашему мнению, является тенденция к «индивидуализа-

ции веры», которая заключается в том, что верующие сами решают, какую религиозную веру выбрать, как соблюдать Божьи заповеди и т.д. (хотя заметим, что для православных верующих это не характерно). Как свидетельствуют результаты исследования, проведенного в США – одной из весьма религиозных стран, каждый четвертый американец в возрасте от 18 до 29 лет не верит в Бога, среди тех, кому за 70, верующих в три раза больше, четвертая часть взрослого населения США, считающего себя верующим, не идентифицирует себя ни с одной из религий. Кроме того, в 2007 году 45% американцев поменяли верования. В этой связи американский социолог Г. Смит говорит о несерьезности отношения к религии, когда то или иное, порой абсолютно незначительное обстоятельство приводит к изменению вероисповедания [15, с. 27].

Вернемся к анализу внекультовых практик современных христианских церквей. Изучив сайты православных, католических и некоторых протестантских конфессий, мы смогли идентифицировать следующие особенности современных внекультовых практик:

- 1) ориентация на определенную группу населения с учетом социально-демографических характеристик;
- 2) применение технических, информационных средств для проведения практик;
- 3) расширение сфер и направлений деятельности;
- 4) работа с людьми из проблемных групп (пожилые люди, те, кто находится в местах лишения свободы, люди с особыми потребностями и др.);
- 5) сотрудничество с общественными организациями, органами власти;
- 6) межрелигиозное и межконфессиональное сотрудничество.

Как видим, выявленные нами особенности касаются не только сугубо содержательных характеристик внекультовых практик, но и той роли, которую эти практики могут играть и уже играют в актуализации гражданской направленности в деятельности христианских церквей. Кроме того, перечисленные особенности, с одной стороны, указывают на самоорганизационные формы внекультовых практик, с другой – свидетельствуют о возможности развития партнерских отношений в системе «церковь-общество».

Итак, внекультовые практики современных христианских церквей осуществляются с учетом социально-демографических характеристик тех, на кого они направлены. Учитывая значительные различия в потребностях и стремлениях различных социальных общностей, христианские церкви в своих внекультовых практиках ориентируются на социально-групповой подход. В условиях формирования гражданского общества в Украине вне религии данный подход воплощается в жизнь благодаря деятельности многочисленных общественных организаций различного направления. В последнее время в Украине получило широкое распространение волонтерское движение, активное участие в котором принимают и представители различных религиозных конфессий.

Сегодня появляются новые направления актуализации внекультовых практик. Христианские церкви не ограничиваются только предоставлением помощи (благотворительностью). В настоящее время основной задачей таких практик становится создание условий для самореализации личности. В частности, для безработных создаются специальные рабочие места. Кроме того, учреждаются различные центры духовной жизни, школы искусства и спорта и т.п. [4, с. 53]. Благодаря этому существенно расширяется круг общения представителей той или иной религиозной общины, формируются общественные организации по религиозно-конфессиональному признаку, которые могут стать и уже становятся важным элементом гражданского общества в Украине.

Одним из важнейших направлений работы для всех христианских церквей является помощь так называемым проблемным группам, к которым относят прежде всего пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями.

ми, детей-сирот, лиц, находящихся в местах лишения свободы, и др. Некоторые проблемные группы становятся еще и группами риска, прибегая к чрезмерному употреблению алкоголя, наркотиков, противоправному поведению и т.д. Работе с проблемными группами особое внимание уделяют в протестантских церквях, которые ведут свою деятельность на постоянной основе, создавая соответствующие центры реабилитации, учреждения отдыха, воскресные школы, лечебные учреждения и т.п.

В контексте внекультовых практик осуществляется сотрудничество церкви с другими социальными институтами, органами власти, общественными организациями. Отметим, что такое сотрудничество особенно эффективно именно в сфере работы с проблемными группами. Так, Украинская греко-католическая церковь осуществляет свою внекультовую деятельность в тесном контексте с Международным благотворительным фондом «Каритас-Украина», который в свое время был основан именно этой церковью. Причем, не будучи религиозной организацией, этот фонд осуществляет свою работу на христианских началах. Здесь нет места национальной или религиозной дискриминации. Особенностью «Каритас-Украина» является наличие ряда программ, касающихся здравоохранения, помощи «детям улицы», сиротам и др. [12].

Взаимодействие с органами власти в сфере внекультовых практик, как отмечалось выше, также является одной из приоритетных задач христианских церквей. Такое взаимодействие осуществляется как в рамках конференций, семинаров, так и в практической плоскости.

Таким образом, внекультовые практики как общественно значимая деятельность, осуществляемая христианскими церквями, играют значительную роль в распространении духовности, религиозного просвещения, в формировании ценностей гражданского общества, в осуществлении межконфессионального и межрелигиозного сотрудничества, взаимодействия с другими социальными институтами. Анализ направлений внекультовых практик христианских церквей свидетельствует о постоянном расширении этой сферы, совершенствовании методов осуществления различных программ, реализуемых в рамках внекультовых практик христианских церквей. Выявленные нами особенности внекультовых практик позволяют говорить о стремлении различных христианских церквей к межконфессиональной толерантности и сотрудничеству, об их желании участвовать в решении актуальных проблем современного общества, в оказании реальной помощи всем, кто в ней нуждается.

Литература

1. Белова, Т.П. Киберрелигиозные практики как объект социологического исследования [Электронный ресурс] / Т.П. Белова. – Режим доступа: all-russia-sc.ru/netcat_files/File/Part14.pdf.
2. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций [Текст] : монография / А.П. Забияко [и др.]. – Благовещнск : Изд-во АмГУ, 2012. – 208 с.
3. Свангелізація Римо-Католицької Церкви в Україні [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://catholicmedia.org.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=10&Itemid=37.
4. Кисельов, О. Урізноманітнення виявів соціального служіння релігійних спільнот України [Текст] / О. Кисельов // Релігійна панорама. – 2007. – № 12. – С. 50-56.
5. Климов, В. Толерантність міжконфесійних відносин як культура нового тисячоліття [Текст] / В. Климов // Релігійна панорама. – 2010. – С. 30-31. – С. 29-33.
6. Колодний, А. Свобода місіонерської діяльності в Україні [Текст] / А. Колодний // Релігійна панорама. – 2007. – С. 56. – С. 52-56.
7. Кукушкина, Г.А. Церковь саентологии: основы вероучения, культовая и внекультовая практика (социально-философский анализ) [Текст] : дис. ...

- канд. филос. наук : 09.00.13 / Г.А. Кукушкина ; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. - М., 2003. - 152 с.
8. Любчук, В.В. Позакультові практики християнських церков як тип повсякденних практик: теоретичний аспект аналізу [Текст] / В.В. Любчук // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства* : [збірник наукових праць]. - Випуск 16. - Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. - С. 164-167.
 9. Любчук, В. Типологічні особливості позакультових практик сучасних християнських церков [Текст] / В. Любчук // *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна*. - 2013. - № 1053. - С. 141-146.
 10. Нове бачення евангелізації в Україні [Електронний ресурс]. - Режим доступу: http://ecbua.info/index.php?option=com_content&task=view&id=288&Itemid.
 11. Ніколаєвська, А. Релігійні ідентичності в системі соціальних ідентичностей українського студентства [Текст] / А. Ніколаєвська // *Українське студентство у пошуках ідентичності* ; за заг. ред. В.Л. Арбеніної, Л.Г. Сокурянської. - Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2012. - С. 225-246.
 12. Отець Андрій Нагірняк: Добро й милосердя будуть потрібні завжди [Електронний ресурс]. - Режим доступу: www.ugcc.ua/ukr/library/zmi/article;4905.
 13. Паращевін, М. Інтегративна роль релігії: історико-соціологічний нарис. [Текст] / М. Паращевін. - К. : Інститут соціології НАН України, 2004. - 115 с.
 14. Паращевін, М. Релігія та релігійність в Україні [Текст] / М. Паращевін ; за ред. С. Макеєва ; передне слово О. Іваненка. - К. : Інститут політики, Інститут соціології НАН України, 2009. - 68 с.
 15. Релігія і світ [Текст] // *Релігійна панорама*. - 2008. - № 4. - С. 27-30.
 16. Рязанова, Л.С. Релігійне відродження в Україні: соціокультурний контекст [Текст] / Л.С. Рязанова. - К. : Інститут соціології, вид-во «Біла криниця», 2004. - 240 с.
 17. Шарыпова, И.В. Внекультовая деятельность новых религиозных движений: социально-философский анализ [Текст] : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / И.В. Шарыпова. - М., 2005. - 156 с.

УДК 316.453
ББК 60.561.7

М.В. ПЕВНАЯ

M.V. PEVNAYA

ОБШНОСТЬ РОССИЙСКИХ ВОЛОНТЕРОВ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

THE RUSSIAN COMMUNITY OF VOLUNTEERS AS A RESOURCE OF SOCIAL ADMINISTRATION

Статья посвящена рассмотрению оптимальных условий для развития волонтерства в РФ, определению возможностей для осуществления управленческого воздействия на российских добровольцев с учетом специфики их деятельности. Российское волонтерство анализируется как ресурс общества и структур власти. В работе рассмотрены различные направления, где сегодня задействованы российские волонтеры; охарактеризована общность в целом, обозначены ключевые аспекты деятельности ее членов; выделены отдельные характеристики их ресурсов.

The article is dedicated to considering optimal conditions for volunteering development in Russia and finding opportunities for having an impact on Russian volunteers, taking into account specifics of their activity. Russian volunteering is analysed as a resource of society, governmental administration and management. This work reviews various spheres where Russian volunteers are engaged nowadays; the community is characterized in general, key aspects of its members' activity are designated; certain characteristics of their resources are mentioned.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, социальное управление, ресурс общности волонтеров.

Key words: volunteering, volunteerism, volunteering activity, volunteer's community resource, social administration.

Постановка проблемы

Волонтерство – социальный феномен российской действительности, так как деятельность добровольцев сегодня представлена в различных сферах общества. Стихийные процессы объединения людей для добровольчества происходят в разных секторах экономики: государственном, некоммерческом и коммерческом. Очень часто добровольцы оказываются включенными в социальные практики межсекторного взаимодействия, их труд приобретает не только социальную, но и экономическую ценность для общества в целом, определенных социальных институтов, организаций и отдельных людей.

В связи со своим позитивным потенциалом волонтерство привлекает внимание большого числа исследователей, которые рассматривают отдельные его аспекты, ставят в своих работах проблемные вопросы. Как правило, ученые подходят к изучению социального взаимодействия волонтеров с различных методологических позиций, они делают попытки охарактеризовать самих волонтеров, проанализировать особенности их труда в различных условиях, дать оценку его целям, содержанию и последствиям. Все существующие сегодня исследования волонтерства, на наш взгляд, посвящены двум ключевым задачам: понять природу отдельных проявлений добровольчества как социального явления и найти оптимальные механизмы его использования в различных целях – социальных, экономических, политических, военных.

Однако, социально значимый характер самого феномена, его аполитичность и альтруистические сущностные основания, с одной стороны, и повсеместная включенность в систему политических и экономических отношений, с другой, сегодня требуют применения к его изучению комплексного исследовательского подхода. По нашему мнению, волонтерство можно си-

ственно рассматривать как социальный институт, общность и деятельность, что в практическом плане позволит понять потенциал его управляемости в целом, а не в отдельных частностях. Суть данного подхода заключается в понимании общности волонтеров, независимо от выделения ее уровня (международный, национальный, региональный, локальный) как общности факторов, которая реализует в определенной институциональной среде специфическую преобразовательную деятельность, способствующую сохранению различных институциональных структур, а также влияющую на создание новых. Включенность добровольцев в различные практики институционального взаимодействия объективно требует регулирования, как внешнего, так и внутреннего. Деятельность волонтеров как акторов не может обходиться без целенаправленного воздействия на них различных социальных институтов.

Таким образом, ключевым исследовательским вопросом данной статьи является поиск оптимальных условий для развития волонтерства в национальных границах, определение возможностей для осуществления управленческого воздействия на российских добровольцев с учетом специфики их деятельности, которая предполагает свободу выбора, а также некоторую свободу действий и безвозмездность. Для решения обозначенной проблемы рассмотрим сферы и направления, где сегодня задействованы российские волонтеры, чтобы представить волонтерство как ресурс общества и власти. Кратко охарактеризуем общность в целом, обозначим ключевые аспекты деятельности ее членов, а также отдельные характеристики их ресурсов в контексте реализованного и нереализованного потенциала управляемости волонтерства.

Некоторые методологические замечания

При изучении значимости общности российских волонтеров как ресурса социального управления важны следующие аспекты методологии его исследования. Во-первых, отметим смысловую нагрузку дуальности используемого в статье понятия «ресурс». С одной стороны, мы рассматриваем волонтерство как ресурс общества, в первую очередь, гражданского, а также структур власти государственного, регионального и муниципального уровней, органов местного самоуправления. С другой стороны, волонтерская общность сама обладает существенными социальными ресурсами, что позволяет представлять ее в качестве субъекта и объекта социального управления. Ресурсы волонтерской общности могут стать ресурсами общества и структур власти. При определенных условиях, в том числе грамотно выстроенном социальном управлении, они могут конвертироваться в разные аспекты социального капитала общества.

Во-вторых, подчеркнем, что под социальным управлением мы понимаем «форму информационного взаимодействия людей, характеризующуюся тем, что одна из сторон вырабатывает решения, доводит их до исполнителя, контролирует их исполнение, а другая сторона эти решения исполняет ...Социальное управление выступает “сквозным” видом всех уровней управления в обществе» [9, с. 392]. Ситуативно такой подход к трактовке социального управления волонтерством на макро-, мезо- и микроуровнях позволяет, с учетом специфики межсекторного взаимодействия, выделить задачи, субъект и объект управления, рассмотреть прямые и опосредованные управленческие воздействия на общность волонтеров и их деятельность.

На макро-, мезо- и микроуровнях социального управления российским волонтерством в качестве его объекта могут выступать волонтерские организации, общность волонтеров и ее отдельные подобности. На макроуровне управляющее воздействие на них может осуществляться со стороны государства опосредованно через третий сектор в условиях, когда «правила игры» диктуются извне, централизованно и унифицировано с целью контроля гражданской активности и использования в государственных интересах ее потенциала. В другом случае управленческая активность рождается в самоу-

правления волонтеров, благодаря чему могут реализовываться гражданские инициативы, «снизу» развиваться третий сектор, формироваться институциональные структуры гражданского общества.

В этих условиях возможно говорить об ограниченном числе альтернатив, где управленческое воздействие на волонтерскую общность осуществляется уже на мезо- и микроуровнях социального управления. В первой из них волонтеры являются как объектом, так и субъектом управления, благодаря чему становится возможным институциональное оформление их деятельности, появление новых НКО, добровольческих движений, инициативных групп. В рамках второй альтернативы управленческое воздействие реализуют сотрудники некоммерческого сектора в границах функционирования отдельных организаций, выступающие субъектом управления волонтерами и их деятельностью. Очень часто за пределами внимания исследователей остается еще один субъект социального управления волонтерством на мезо- и микроуровнях - организации коммерческого сектора. Они могут опосредованно осуществлять управленческое воздействие на волонтеров через выделение ресурсов на организацию их деятельности в некоммерческом секторе, а также как субъект управления реализовывать прямое управленческое воздействие на общность волонтеров через включение в нее своих сотрудников посредством развития корпоративного волонтерства в собственных целях.

Ключевой задачей социального управления в пределах межсекторного взаимодействия должно являться достижение баланса между рычагами внешнего управления и процессами самоорганизации членов волонтерской общности. По нашему мнению, это возможно и достижимо, если на различных уровнях социального управления появится возможность учитывать потребности всех участников такого взаимодействия. Одинаково важными в этом случае оказываются запросы населения (как потенциальных волонтеров, так и тех, кто нуждается в их помощи), органов местного самоуправления, региональных и федеральных властей, интересы коммерческих и некоммерческих организаций, а также желания и возможности, определяющие потребности и интересы самих волонтеров.

В-третьих, ресурсы российских волонтеров, характеризующиеся как объективными, так и субъективными аспектами, составляют капитал общности и ее членов. В основе этого капитала заложена деятельность добровольцев, ее содержание, конкретные результаты, иными словами, то, что волонтеры делают для других людей. Кроме того, важнейшими ресурсами общности являются субъективные и объективные характеристики самих волонтеров, их ориентации, мотивация, возраст, образование, занятость, время, потраченное на волонтерство.

Следует отметить, что деятельность волонтеров (затраченное на нее время и содержание труда), их ориентация и мотивация - это потенциальный ресурс управления. Он становится реальным, когда система управления его использует, вторгается во взаимодействие общества и волонтеров, и сферы, где сегодня задействован труд добровольцев, наглядно это демонстрируют. Таким образом, ресурсами общности российских волонтеров субъективного плана являются их мотивация, удовлетворенность жизнью. Ресурсы, которые объективируют волонтерскую деятельность, - возраст, занятость, образование, время, потраченное на добровольчество, характеризуются тем, что добровольцы могут их не только безвозмездно отдавать обществу, но и большинство из них развивать и накапливать в процессе волонтерского труда. Конкретные ресурсы общности и те ресурсы общества и структур власти, в которые они могут конвертироваться благодаря грамотному социальному управлению деятельностью российских волонтеров, представлены в таблице 1.

Ресурсы общности волонтеров, ресурсы общества и структур власти

Ресурсы общности	Ресурсы общества и структур власти			
	Ресурс частного сектора (общества)	Ресурс государственного сектора	Ресурс коммерческого сектора	Ресурс некоммерческого сектора
<ul style="list-style-type: none"> - Время, потраченное на волонтерский труд. - Возраст. - Мотивация к добровольческому труду. - Знания, умения, навыки, которыми волонтер обладает и может наращивать у себя и делиться с другими. - Образование. - Занятость. - Удовлетворенность жизнью 	<ul style="list-style-type: none"> - Реальная помощь конкретным людям, труд добровольцев. - Развитие некоммерческого сектора. - Общественный контроль за функционированием государственных структур 	<ul style="list-style-type: none"> - Социальная стабильность в обществе (социальный капитал). - Услуги, экономия материальных средств (экономический капитал). - Контролируемость гражданской активности 	<ul style="list-style-type: none"> - Имидж социально-ориентированного бизнеса, механизм или инструмент продвижения на разные рынки. - Наращивание нематериальных активов организации, в частности ее человеческого капитала 	<ul style="list-style-type: none"> - Доверие общества и коммерческих организаций к деятельности НКО. - Человеческий ресурс

Итак, как нам кажется, в рамках описанной выше структуры социального управления волонтерством следует рассмотреть сферы реализации деятельности добровольцев, потенциал роста волонтерской общности и характеристики третьего сектора как ресурса общества, который может быть при определенных условиях конвертирован из ресурсов самой общности российских волонтеров. Также дадим характеристику ключевым ресурсам российских волонтеров с целью описания возможных условий для их конвертации в ресурсы общества и структур власти на разных уровнях социального управления ими.

Основываясь на результатах всероссийских опросов общественного мнения и исследовательских проектов добровольчества (ФОМ, НИУ ВШЭ), а также данных опроса волонтеров Свердловской области (N=604, 2014) и экспертных интервью руководителей ведущих НКО Свердловской области различных типов (N=22, 2013), рассмотрим ключевые ресурсы общности российских волонтеров, охарактеризуем отдельные аспекты их деятельности, которые, на наш взгляд, необходимо учитывать на всех уровнях социального управления волонтерством.

Волонтерство как ресурс общества и структур власти

Сложно четко определить качественные и количественные характеристики общности российских волонтеров. В РФ официальная статистика по волонтерству отсутствует. В последнее время все попытки чиновников официально «пересчитать» добровольцев не приводят к желаемому результату. Данные же различных исследовательских организаций, проводивших опросы общественного мнения среди населения, имеют отличия, объяснимые, как правило, особенностями исследовательской методологии, объединением волонтерства с другими формами благотворительности, обобщением различных видов «помогающего поведения», рассмотрением разных периодов (от 1 месяца до 5 лет) для подсчета волонтерской активности и т.д. По самым последним данным телефонного опроса ФОМ в 2013–2014 гг. работали волонтерами, добровольцами в общественных организациях за последний год 9% россиян. Оказывали какую-либо помощь незнакомым людям 72% от числа всех опрошенных [5]. Исследователи Левада-центра в оценке гражданской

активности в стране выявили, что в 2014 году строго в негосударственных добровольческих инициативах и организациях принимали участие 2% россиян старше 18 лет [4, с. 28]. По результатам различных социологических исследований в течение последних двух лет около 2–3% всего населения страны старше 18 лет хотя бы один раз работали добровольцами в некоммерческих организациях, неформальные добровольческие инициативы проявляли от 66 до 89% россиян [10].

В России организованное, формальное добровольчество уступает по размерам и степени охвата населения неформальным, неорганизованным формам (индивидуальному, в дружеском кругу, в рамках инициативных групп). По нашему мнению, это связано с рядом следующих причин: неразвитостью третьего сектора и низким уровнем доверия населения к его деятельности, отсутствием в российском обществе культуры добровольчества, а также с тем, что сотрудники наших НКО не рассматривают волонтеров как один из приоритетных ресурсов своей организации.

Исследования показывают, что деятельность волонтеров как ключевой ресурс их общности при определенных условиях может способствовать росту в обществе представленности и реальной активности третьего сектора, а также повышению доверия населения к его деятельности. Включенность волонтеров в третий сектор, опыт работы в НКО мы маркируем «формальным волонтерством» и отмечаем, что он существенно влияет на добровольческую активность населения. Например, исследователи НИУ ВШЭ выявили, что «россияне, за последний год принимавшие участие в деятельности хотя бы одной НКО, гораздо чаще занимались добровольчеством много или несколько раз (23 и 36% против 5 и 15% среди тех, кто в деятельности НКО не участвовал)» [11, с. 48]. По данным наших исследований каждый третий (32%) «формальный волонтер» регулярно занимается добровольчеством. Среди «неформальных волонтеров» таковых в шесть раз меньше (5,5%). Каждый второй респондент (48,5%) с опытом работы в НКО работает волонтером время от времени, каждый пятый (19,5%) участвовал в волонтерских проектах 1–2 раза за последний год, в то время как среди неформальных волонтеров таких 51% респондентов. Среди тех волонтеров, кто имеет опыт работы в НКО, практически в два раза больше тех, кто рассматривает для себя возможность работать на добровольных основаниях в некоммерческих организациях в будущем.

С другой стороны, преобладание неформальных форм активности россиян в добровольческих инициативах демонстрирует и наиболее вероятные перспективы внешнего управления ими через активизацию солидарности как базового условия построения социальных сетей в российском обществе на основе межличностных отношений и межличностного группового доверия россиян к своему близкому окружению. Многие виды совместных действий граждан нашей страны в каких-либо сообществах или группах (профессиональных, досуговых, образовательных, трудовых и т.д.) основаны на зависимости их членов друг от друга, а выстроенные системы отношений и институциональные структуры, где эти отношения реализуются, формируют благоприятную среду не только для популяризации волонтерства, но и реализации реальных волонтерских проектов. В этом случае ресурсы общности волонтеров могут конвертироваться в коммерческом секторе в имидж социально-ответственного бизнеса, а также способствовать наращиванию нематериальных активов организации, в частности ее человеческого капитала. В государственном секторе речь идет о безвозмездных услугах населению и экономии ресурсов, в некоммерческом секторе – о ресурсе специалистов, сотрудников, а также о ресурсе повышения доверия к своей деятельности.

Несмотря на то, что данные разных исследований отличаются друг от друга, численность волонтерской общности в России все равно довольно значительна, хотя потенциал волонтерской активности населения не реализован в полной мере. Так, в 2013 г. результаты опроса ФОМ показали, что до

пускали для себя возможность в будущем заниматься добровольчеством 39% россиян, исключали – 41% респондентов, затруднился дать ответ практически каждый пятый россиянин (19%) [7].

Если же речь заходит о конкретном событии или стихийном бедствии, о котором знает вся общественность, замеры общественного мнения фиксировали более высокий уровень готовности населения помогать нуждающимся. В частности, исследователи ФОМ приводят следующие данные: «Если бы к людям обратились с предложением оказать помощь пострадавшим от наводнения на Дальнем Востоке, то пожертвовать одежду или необходимые вещи были готовы 48% респондентов, оказать материальную помощь – 28%, участвовать в организации акции по сбору одежды, необходимых вещей был готов каждый четвертый россиянин (24%), организовать сбор денег – каждый десятый (10%), собирать и организовывать волонтеров изъявили желание 6%, оказать реальную помощь, быть волонтером, помочь в ликвидации последствий наводнения – 6% из числа всех опрошенных. Россиян, не готовых участвовать в каких-либо акциях или поддерживать их материально, оказалось 19%, 8% затруднились дать ответ на этот вопрос» [6].

Осенью 2013 г. исследователи ФОМ изучали установки россиян на благотворительную активность. Они измеряли намерения людей принять участие в разных ситуациях, когда требуется конкретная помощь детям. Результаты опроса продемонстрировали, что 54% респондентов готовы организовывать сбор денег или сами вносить средства на дорогостоящее лечение детей. Выступить в роли волонтеров и помочь коллективу детей готовы 38% респондентов, оказать содействие одному ребенку – 18% опрошенных. В 2014 г., по данным ФОМнибуса, 37% россиян готовы были стать организаторами деятельности по очистке лесопарковой зоны около их дома, 88% респондентов – были согласны принять непосредственное участие в этом мероприятии [5].

Опросы фиксируют значительный нереализованный потенциал волонтерства среди россиян. Однако данные ФОМ и реальная жизненная ситуация, по нашему мнению, несколько отличаются. Во-первых, несмотря на активность государства в популяризации волонтерства, реальная численность общности так и не увеличивается. Во-вторых, по заключению практиков третьего сектора желания и намерения многих россиян существенно расходятся с их реальными действиями. Как нам кажется, потенциал роста общности есть, однако, он не столь значителен по численности вовлеченного в добровольчество населения.

Направления и сферы деятельности добровольцев четко показывают, где сегодня востребованы и реально используются ресурсы волонтеров, а также демонстрируют, где есть управленческий потенциал для их конвертации в разные виды общественных благ, в ресурсы общества и структур власти. По данным ФОМ событийным волонтерством (участие в организации или проведении мероприятий, досуговых, культурных, благотворительных, оздоровительных акций) занимались 7% респондентов, фандрайзингом (собирали денежные пожертвования) – 5%; профессионально помогали сотрудникам НКО в их работе 2% от числа всех опрошенных; участвовали в ликвидации последствий аварий, пожаров и других чрезвычайных ситуаций 2% респондентов; экологическим волонтерством (участие в субботниках, мероприятиях по благоустройству дома, территории) занимался практически каждый третий россиянин (32%); принимали участие в ремонте, уборке подъезда силами жильцов 18% респондентов; участвовали в наблюдении за порядком в составе ДНД или инициативных групп 2%; ухаживали за животными в приютах, охотничьих хозяйствах и др. 3% россиян [12]. По данным ВЦИОМ в 2014 году событийным волонтерством занимались 6% от числа всех россиян старше 18 лет, помогали сотрудникам НКО 5% респондентов [13]. Представленные данные – лишь вершина айсберга тех сфер, где реально сегодня задействованы российские волонтеры и их труд востребован.

В теоретическом плане следует отметить, что количественные исследования не в состоянии охватить и изучить весь спектр видов деятельности добровольцев сегодня, однако, они показывают в каких сферах больше всего волонтеры решают проблемы государства, где ресурсы общности конвертируются в экономию ресурсов и реальную помощь людям. В практическом смысле важно учитывать, что российские СМИ освещают только наиболее привлекательные в информационном плане виды волонтерской деятельности (социальное волонтерство, направленное на помощь детям, спортивное волонтерство и т.д.). Ресурсно поддерживается донорами и государством также очень ограниченное число направлений, как правило, либо нужных государству, либо привлекательных для освещения в масс-медиа.

По результатам наших исследований в Свердловской области 60% волонтеров оказывают помощь нуждающимся, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (социальным сиротам, инвалидам, одиноким пенсионерам и т.д.); 43% занимаются событийным волонтерством, 46% оказывают профессиональную помощь сотрудникам НКО (бухгалтерскую, юридическую, фандрайзинг, ведут работу с документами), 18% добровольцев помогают в организации политических акций и выборных кампаний, 17% задействованы в экологических проектах, 15% охраняют общественный порядок, 11% помогают бездомным животным.

Рейтинг направлений или видов волонтерства, популярных среди московских добровольцев, возглавляет помощь детям-сиротам (65%). На втором месте – развлекательные мероприятия (45%), на третьем – спортивные мероприятия (41%), больным людям помогает практически каждый третий волонтер нашей столицы (35%), помощь престарелым людям оказывают 28% московских волонтеров, экологическое волонтерство популярно среди 22,3% респондентов, донорство – среди 21%, помощь людям в чрезвычайной ситуации оказывают 14%; защитой гражданских и политических прав занимаются 7% московских добровольцев [15, с. 66]. В России сегодня особенно распространено и развито социальное и событийное волонтерство, хотя специфика каждого из существующего множества видов волонтерства во многом накладывает определенные особенности на содержание труда волонтеров, на требования к ним, к их знаниям, умениям, навыкам, желаниям и возможностям.

Итак, большинство членов общности российских волонтеров реализуют себя в ограниченном числе направлений или видов волонтерской деятельности. Популярность среди населения приобретают только те из них, которые доступны для большинства россиян благодаря своему институциональному закреплению, поддержке со стороны государства, коммерческого сектора и масс-медиа, либо связаны с проблемами социальной безопасности, когда волонтеры защищают не только других людей, но и решают свои собственные проблемы (пожарное добровольчество, волонтерство в кризисных ситуациях и т.д.).

Если прогнозировать перспективы развития рассматриваемого феномена в контексте социального управления, где объектом выступает общность волонтеров, члены которой реализуют разные виды добровольческой деятельности, то следует говорить о необходимости создания в стране таких условий, при которых число видов волонтерской деятельности может постоянно расширяться на базе уже созданных институциональных структур (образовательных, досуговых, спортивных, трудовых и т.д.), что, в свою очередь, даст определенный толчок развитию третьего сектора в стране. По нашему мнению, это позволит большинству россиян находить для себя именно такие виды добровольчества, которые в наибольшей степени будут соответствовать их желаниям, интересам и возможностям, способствовать наращиванию личностных ресурсов каждого из них.

Ресурсы волонтерской общности в контексте социального управления

При всем разнообразии в нашей стране видов волонтерской деятельности и волонтерских подобщностей есть целый ряд ресурсов общности российских волонтеров в целом, который может быть конвертирован в ресурсы общества и структур власти. Следовательно, именно их характеристики и особенности необходимо учитывать на всех уровнях социального управления с целью повышения его эффективности.

Одним из наиболее важных по своему значению является ресурс времени добровольцев, который они тратят на безвозмездную помощь незнакомым людям (в исследованиях мы можем его измерить по регулярности волонтерской деятельности). Самый последний опрос московских волонтеров показал, что каждый второй из их числа работал в 2014 году в качестве волонтера реже, чем 1 раз в месяц [8]. По нашим данным в Екатеринбурге практически половина (49%) добровольцев занимаются волонтерством время от времени, в среднем 3–5 раз в год.

Наиболее популярной среди всех волонтеров является проектная форма деятельности, которая позволяет им заниматься добровольчеством время от времени. В этом плане зарубежные исследователи говорят о появлении в разных странах нового типа волонтеров, «менее заинтересованных в выполнении своей работы на регулярной основе, предпочитающих более специфические цели и больше свободы в своих действиях» [1, с. 6]. Акценты в активности волонтеров смещаются в сторону краткосрочных проектов с четко определенными задачами и целями. Формат проектной деятельности может развиваться прежде всего в институциональной среде, где третий сектор играет роль посредника-организатора.

Значимы в управленческой перспективе такие ресурсы общности волонтеров, как их образование и уровень дохода. В различных исследованиях российских волонтеров выявлены закономерности, демонстрирующие склонность к волонтерской деятельности среди людей, имеющих более высокий уровень образования, гарантированный и «достаточный» доход (волонтеры сами относят себя к «экономически благополучным» [15]). Такая ресурсная характеристика российских волонтеров соответствует общемировым трендам и демонстрирует, что особая роль в развитии волонтерства, в формировании среды для самореализации россиян в добровольческих проектах ложится на институт образования и корпоративные структуры.

Очевидно, что сегодня перспектива развития российского волонтерства напрямую связана с активностью коммерческого сектора в роли субъекта управления волонтерством. Российский обыватель (как и во всем мире «частный сектор») может оказаться вовлеченным в добровольческую деятельность через «сеть социально ответственного бизнеса, развитую во всем мире и включающую компании, которые выделяют ресурсы на добровольчество, все больше стремятся завязать сотрудничество с третьим сектором и вовлекают в эти процессы своих сотрудников» [14].

Еще одним ресурсом российских волонтеров является их мотивация. Существуют различные исследовательские подходы, позволяющие сегментировать волонтерскую общность и применимые для того, чтобы понять, как представления о нем можно использовать в социальном управлении для конвертации этого ресурса в различные общественные блага или ресурсы общества. Например, О.Н. Яницкий разделяет волонтеров на «государственных» (мотивированных государством идеологически, статусно и материально) и «гражданских» (лично мотивированных на помощь другим вне зависимости от места и времени, а также от социального положения тех, кто нуждается в помощи) [16]. Зарубежные исследователи чаще всего дифференцируют членов волонтерской общности по характеру мотивации на четыре подобщности: «волонтеры, занимающиеся волонтерством из эгоистических мотивов; добровольцы, работающие по мотивам социальной справедливости; волонте-

ры с альтруистической мотивацией и волонтеры, имеющие определенные моральные убеждения» [2].

В наших исследованиях также, как и в ряде других социологических исследований российского волонтерства, было установлено, что существуют определенные отличия в мотивации добровольцев разных возрастных групп. И в этом смысле возраст волонтеров является еще одним значимым ресурсом общности. Для добровольцев любого возраста на первом месте по значимости оказывается «возможность помогать другим людям». Однако молодое поколение чаще других возрастных групп одновременно ориентировано на профессиональное и карьерное развитие. В пять ведущих мотивов участия в добровольчестве молодые волонтеры поставили «альтруизм» (52%), «полезные знакомства» (42%), «опыт работы» (39%), «общение с интересными людьми» (30%) и «опыт общественно-политической деятельности» (30%), в то время как для людей среднего возраста после «альтруизма» (42%) на втором месте по значимости оказался мотив «заниматься любимым делом, хобби» (30%), а у волонтеров пенсионного возраста вторым было обозначено «уважение окружающих» (32%).

По нашему мнению, одной из важнейших проблем в оценках мотивации волонтеров разных стран, в том числе и России, является противоречие между альтруистической и эгоистической мотивацией, смешение тех мотивов, которыми они руководствуются в своей деятельности. Изучая специфику мотивации молодых волонтеров, мы, например, также выявили, что в процессе добровольческой деятельности очень часто как альтруистическая, так и эгоистическая мотивация начинает меняться на смешанный тип, в котором одновременно присутствуют и рядоположены альтруистические и эгоистические мотивы.

Итак, рассмотрение волонтерства как ресурса общества и структур власти, наряду с пониманием значимости ресурсов общности российских волонтеров, может лечь в основу концептуальной идеи социального управления развитием данного социального феномена. В реализации управленческих воздействий на всех уровнях социального управления разными его субъектами именно это новое знание позволит планировать и развивать различные волонтерские практики и проекты. В основу данной идеи мы предлагаем заложить подход к рассмотрению волонтерства «как обмена... ресурсов» [3], имеющихся в распоряжении российских волонтеров, на иные социальные ресурсы, а также принцип конвертации ресурсов общности в ресурсы общества и структур власти.

Согласно данному подходу, члены волонтерской общности «отдают» свои личностные ресурсы (временные, профессиональные, экономические и т.д.) обществу и структурам власти, исходя из своей мотивации к добровольческой работе. В свою очередь, различные социальные субъекты управления – государство, некоммерческие организации, коммерческие структуры, заинтересованные в получении ресурсов добровольческой общности, имеющихся в распоряжении волонтеров, должны предлагать им не только рациональные схемы обмена этих ресурсов, но и то, что может быть ценным для отдельных групп волонтеров, что дает им серьезные преимущества в достижении жизненных целей, карьере, доступе к информации, расширении своей социальной сети, новому качеству взаимодействия внутри общности и с членами иных общностей.

Литература

1. Dekker, P. The Values of Volunteering: Cross-Cultural Perspectives [Text] / P. Dekker, L. Halman. – USA : Springer Science & Business Media. 2003. – 226 p.
2. Simha, A. V for Volunteer(ing) – The Journeys of Undergraduate Volunteers [Text] / A. Simha, L.N. Topuzova, J.F. Albert // J Acad Ethics. – 2011. – P. 107-126.

3. Амбарова, П.А. Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей [Текст] / П.А. Амбарова. – Екатеринбург : УрФУ. – 252 с.
4. Волков, Д. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: сводный аналитический отчет [Текст] / Д. Волков, С. Гончаров. – М. : Левада-центр, 2014. – 58 с.
5. Данные опроса «Телефом» 31.09.2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11712> (дата обращения: 06.01.2015).
6. Данные опроса «ФОМнибус» 08.09.2013. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов [Электронный ресурс]. – URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11081> (дата обращения 20.01.2015).
7. Данные опроса «ФОМнибус» 10.05.2013. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов [Электронный ресурс]. – URL: <http://soc.fom.ru/obshchestvo/11005> (дата обращения 20.01.2015).
8. Данные опроса «Телефом» 26.10.2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11843> (дата обращения 25.05.2015).
9. Зборовский, Г.Е. Общая социология [Текст] / Г.Е. Зборовский. – Екатеринбург : Изд-во ГУ, 2003. – 720 с.
10. Кузьмичева, М. Материалы X общероссийской конференции по добровольчеству [Электронный ресурс]. – URL: <http://sreda.org/ru/2013/11-noyabrya-2013-v-vyisshey-shkole-ekonomiki-proshla-x-obshherossiyskaya-konferentsiya-ro-dobrovolchestvu/31641> (дата обращения 20.05.2015).
11. Мерсиянова, И.В. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение [Текст] / И.В. Мерсиянова, И.Е. Корнеева. – М., 2013. – Вып. VIII. – 204 с.
12. Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». – М. : ФОМ, 2012. – 280 с.
13. Пресс-выпуск № 2691 «Общественные организации: «не был, не состоял, не участвовал...» 10.10.14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115017> (дата обращения 20.05.2015).
14. Пресс-релиз. «Новые формы добровольчества вносят значительный вклад в развитие человеческого потенциала» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.unv.org (дата обращения 20.05.2015).
15. Шевченко, П.В. Социальная роль московского волонтерства [Текст] / П.В. Шевченко // Социологические исследования. – 2013. – № 8. – С. 60-71.
16. Яницкий, О.Н. Волонтеры: гражданские и государственные [Текст] / О.Н. Яницкий // Социологическая наука и социальная практика. – № 1 (5). – С. 71-89.

УДК 316/6
ББК 87.77

А.Н. СИЛИН,
Е.В. ЧУПАШЕВА

A.N. SILIN,
E.V. TCHUPASHEVA

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ МЕНЕДЖЕРА

COMMUNICATIVE COMPETENCE OF MANAGER

В работе представлены результаты исследования компетенций менеджеров предприятий Севера Тюменской области с вахтовой организацией труда.

This work deals with the results of managers competence investigation at the enterprises with watching organized labour in the North of Tyumen region.

Ключевые слова: вахтовый метод, компетенции, менеджер.

Key words: watching method, competence, manager.

Эффективная коммуникация – это один из важнейших факторов успеха в современном бизнесе. Она строится на четком понимании проблем и анализе альтернативных возможностей. Чтобы осознать значимость эффективной коммуникации, руководителю достаточно подсчитать, сколько времени он тратит на общение с сотрудниками, которые пытаются описать существующую проблему на основании ощущений, а не фактов.

Работа любого управленца связана с постоянным взаимодействием с людьми. Внутри компании – это подчиненные, коллеги, руководство; вне ее – партнеры, клиенты, властные структуры и др. Оттого обладает ли менеджер коммуникативными способностями, умеет ли он быстро и адекватно оценивать ситуацию, находя правильные решения, зависит не только его карьера, но и благополучие фирмы. Поэтому при найме на работу и подготовке кадров особое внимание уделяется личностным качествам сотрудника. Необходимо рассматривать каждого человека как личность, обладающую совокупностью экономических, социальных, психологических и духовных потребностей. Основная задача руководителя – установить хорошие отношения с сотрудниками, уделяя максимальное внимание именно его личности, способности которой могут быть в полной мере задействованы для производительности труда только в том случае, если ее запросы удовлетворены культурной отношений в корпорации.

Коммуникативная компетентность – развивающийся и в значительной мере осознаваемый опыт общения, формирующийся в условиях непосредственного человеческого взаимодействия. Трудно переоценить значение коммуникативной компетентности для современного общества, отличающегося усложнением связей, взаимодействий между людьми. Современное российское общество отличается высокой динамичностью. Происходящие в стране кардинальные перемены в политической, экономической, социально-культурной сферах привели к значительному повышению роли нравственной, духовной личности, сочетающей высокий уровень ответственности и свободы в определении своего жизненного предназначения. В этих условиях важнейшим фактором общественного развития является именно коммуникативная компетентность специалистов. Особенно велика ее роль при вахтовом методе работы труда в тяжелых условиях Севера.

Коммуникативная компетентность представляет собой комплекс знаний и навыков и формируется не только в результате приобретения практического опыта взаимодействия с другими людьми, но и в процессе обучения.

Коммуникативная компетентность менеджера, осуществляющего свою деятельность на предприятиях северных регионов России вахтовым методом, на наш взгляд, должна включать все составляющие коммуникативной компетентности личности: знание норм и правил общения, высокий уровень речевого развития, позволяющий человеку в процессе общения передавать и воспроизводить информацию, понимание невербального языка общения, умение вступать в контакт с людьми с учетом их половозрастных, социально-культурных, статусных характеристик, умение убеждать собеседника, способность правильно оценивать собеседника как личность, как конкурента или партнера, выбирать собственную коммуникативную стратегию в зависимости от такой оценки, способность вызывать у собеседника положительное восприятие собственной личности.

В свою очередь, уровень образованности, общей и коммуникативной культуры будущего специалиста во многом зависит от системы подготовки в высшем профессиональном образовательном учреждении. Поэтому одной из актуальных задач современной высшей школы становится введение в образовательный стандарт комплекса дисциплин коммуникативного цикла. Возрастание роли коммуникативной компетентности во всех сферах жизнедеятельности способствует рационализации и повышению эффективности механизмов управления обществом, утверждению диалога в качестве приоритетной формы общения и решения проблем, формированию нравственной, духовной личности.

Во время проведения социологического исследования, при изучении компетенций менеджеров высшего, среднего и низшего звена, осуществляющих свою деятельность вахтовым методом на нефтегазовых предприятиях Севера Тюменской области, выяснилось, что эти менеджеры являются медиаторами между головной и дочерней компанией, принося с собой знания и опыт ведения бизнеса, философию и фирменный стиль головного предприятия. Часто менеджеры среднего и низшего звена не предлагают альтернативных способов решения какой-либо проблемы, не задумываясь над тем, как надо изменить процессы в компании, чтобы проблема не возникла. Поэтому высший менеджмент обязан найти пути решения всех проблем, часто имеющих финансовую, материальную, организационную и психологическую составляющие. Психологическая составляющая заключается в организации эффективного взаимодействия между менеджерами среднего, низшего звена и рабочими, которые осуществляют свою деятельность непосредственно в вахтовом режиме труда.

Эффективность результатов работы во многом обуславливается именно профессионализмом менеджеров. Исследование показало, что многие менеджеры, работающие вахтовым методом на нефтегазовых предприятиях Севера Тюменской области, не обладают необходимым уровнем коммуникативной компетентности. В результате возникает противоречие между высокими требованиями, предъявляемыми к их профессионализму, и недостаточным уровнем развития их коммуникативной компетентности. Разрешение данного противоречия с использованием «интуитивно-волевого» подхода не дает желаемых результатов. Коммуникативную компетентность необходимо формировать и развивать на научной основе, так как содержание коммуникативной компетентности во многом зависит от специфики профессиональной деятельности. В сложных ситуациях вахтового режима работы в условиях северного региона, когда может транслироваться неистинная информация, осуществляются различные формы манипулятивного психологического воздействия, когда необходимо применять индивидуальную психологическую защиту, требуется научная база для развития коммуникативной компетентности. Исследование показало, что сложные виды коммуникативной компетентности, необходимые для осуществления делового общения в затрудненных условиях, изучены явно недостаточно.

Изучение работы менеджеров в вахтовых условиях труда показало, что важным в деятельности специалистов становятся не только собственно специальные знания, но и общая способность коммуникативной организации профессиональной деятельности в различных социально-экономических условиях с представителями разных профессиональных сообществ и культур.

В результате проведенного социологического исследования были определены факторы, определяющие ключевые компетенции, к ним относятся: академическая мобильность и глобализация образования; расширение профессиональной деятельности менеджера и выход на уровень общения с представителями других культур; необходимость знания обычаев и культуры народов Севера, и других средств коммуникативного воздействия; изменение акцента в ситуациях принятия решений в сторону децентрализации и самостоятельности в ответственных решениях; внедрение в профессиональную деятельность информационных технологий; необходимость непрерывного повышения образования и квалификации для сохранения конкурентоспособности специалистов на мировом рынке.

Исследование еще раз показало, что коммуникация эффективна, если строится на основе профессионального интереса и взаимопонимания. Фундамент доброжелательных отношений – это прежде всего умение считаться с интересами коллектива, умение вести себя так, чтобы рядом с тобой было удобно и защищено; терпимое отношение к слабостям коллег и подчиненных. Менеджер всегда обязан быть конкретным, уметь разрешать конфликтные ситуации, избегать агрессивного отношения к подчиненным. Предпочтение должно отдаваться коммуникативным способностям, посредством которых осуществляется эффективное управление коллективом.

Коммуникативные способности в профессиональной деятельности определяют системно-интегрирующий процесс, состоящий из коммуникативно-диагностической, коммуникативно-программирующей, коммуникативно-организационной, коммуникативно-исполнительской составляющих, характеризующий управленческую культуру менеджера, которая систематически развивается и совершенствуется.

В процессе социологического исследования, менеджеры высшего, среднего и низшего звена нефтегазовых предприятий Севера Тюменской области, осуществляющих свою деятельность вахтовым методом, самый высокий балл поставили следующим качествам: доминантность; креативность; высокая эмоциональная устойчивость и постоянная активность в тесных социальных контактах; способность действовать в социальной изоляции, вызванной оторванностью от привычной обстановки – семьи, родителей, друзей; умение приспосабливаться к изменяющейся организационной культуре, объективно оценивать и транслировать эти изменения; умение осуществлять управленческую деятельность и разрешать организационные, в том числе межэтнические конфликты в условиях многонациональных коллективов, складывающихся из представителей коренного населения, пришлого населения советского периода и проточного населения, не связывающего своих планов с постоянным проживанием на территории Севера; развитые коммуникативные навыки и постоянная активность в тесных социальных контактах [2, с. 107].

Необходимо отметить, что сейчас для понимания управленческого профессионализма важно учитывать тенденции изменения содержания деятельности современных руководителей. Во многих компаниях, особенно нефтегазодобывающих, представления о профессионализме менеджеров стали изменяться. Наиболее профессиональными считаются уже не те, кто в совершенстве владеет задачами текущей деятельности, а те, кто кроме этого быстро адаптируется к постоянно появляющимся новым. Быстрая смена задач и основного содержания деятельности становится все более характерной чертой для бизнеса в самых разных отраслях. Сокращение периода между появлением новых технологий, новых производственных задач, с одной сто-

роны, и высокая динамика условий внешней среды и соответствующие им новые требования бизнеса, с другой, сместили акценты в содержании понятия управленческий профессионализм. Главным для менеджера становится не только скорость освоения новых знаний, позволяющих изменять свое поведение и быстро адаптироваться к новым задачам и условиям деятельности, но и высокие коммуникативные качества.

Поскольку социальный контекст в профессиональной деятельности менеджеров становится все более зримым, значимым аспектом в их подготовке являются важными основы профессиональной и межкультурной коммуникации. Важным является формирование не просто специальных знаний и умений, а наличие профессионально-коммуникативной компетенции, способности коммуникативной организации профессиональной деятельности как проявления степени профессионализма специалиста, обеспечивающей эффективный выбор действий для достижения целей через умение профессионального общения. Это позволяет выделить коммуникативную компетенцию в ряде других компетенций как одну из определяющих качество образования менеджеров, которые будут осуществлять свою деятельность в сложных условиях циркумполярного региона.

Учитывая сложившуюся в мировой и отечественной экономике ситуацию, мы признаем необходимость значимого расширения программ научных исследований в арктических и субарктических районах, создания здесь комплекса мониторинговых систем, разработки на междисциплинарной основе системного механизма управления социально-экономическими, социокультурными, экологическими и иными процессами, позволяющего регулировать развитие территории при различных сценариях изменения общей ситуации [1, с. 179].

Формирование коммуникативной компетентности в контексте повышения качества образования является актуальной научной проблемой, решение которой позволит повысить эффективность профессиональной деятельности менеджеров.

Литература

1. Силин, А.Н. Регулирование социальных процессов на нефтегазовых предприятиях Российской Арктики и Субарктики [Текст] / А.Н. Силин. - Тюмень : ТюмГНГУ, 2011. - 260 с.
2. Чупашева, Е.В. Социологический анализ компетенций менеджеров северных предприятий с вахтовой организацией труда [Текст] : монография / Е.В. Чупашева. - Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. - 192 с.

УДК 301:37
ББК 60.561.9

Е.А. ШУКЛИНА

**MASSIVE OPEN ONLINE COURSES
КАК АКТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ САМООБРАЗОВАНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ**

E.A. SHUKLINA

**MASSIVE OPEN ONLINE COURSES AS ACTUAL MODEL
OF SELF-EDUCATION OF INFORMATION ERA**

В статье ставится проблема осмысления роли, места и перспектив Massive Open Online Courses в развитии современного образования. Показана их значимость как актуальной модели самообразования информационной эпохи, актуализирован вопрос о необходимости дальнейшего теоретического и прикладного исследования.

The author discusses the role, place and perspectives of Massive Open Online Courses in modern education development. She depicts the importance of MOOCs as a part of self-education model in the information era, actualizes the question of their theoretical and empirical research.

Ключевые слова: открытое образование, дистанционное образование, самообразование, Massive Open Online Courses (MOOCs).

Key words: open education, distance learning, self-education, Massive Open Online Courses (MOOCs).

Для информационной эпохи характерно требование перехода к принципиально новому уровню доступности образования и оптимизации условий для всех форм самообразовательной деятельности, что даст возможность обществу удовлетворить стратегические социальные потребности в образовании и развитии знания.

Самообразование в социологической литературе до недавнего времени не являлось предметом специального анализа, поэтому его определения встречаются редко. Вместе с тем, объективное развитие самого феномена самообразования стало своего рода «социальным заказом» для его социологической рефлексии.

Изучение встреченных в зарубежной научной литературе (философской, педагогической, психологической, социологической) дефиниций самообразования их анализ и интерпретация в рамках социологического подхода позволили выделить существенные характеристики данного феномена:

- самообразование – это вид свободной, творческой деятельности;
- самообразование – внеинституциональная деятельность;
- самообразование имеет тесную связь с образованием как системой и социальным институтом, являясь компонентом образования, видом специально организованной, систематической, институциональной деятельности;
- самообразование – вид непрерывного образования;
- самообразование – способ самоконструирования личности [5, 6].

Социолога самообразование интересует как реальный феномен жизни людей и социальных групп в системе общественных отношений. Социологический подход касается определения социальной роли и социальных функций самообразования, его места среди основных форм деятельности, субъект-объектных характеристик и др.

В рамках социологического подхода особое значение приобретает проблема социального субъекта самообразования в условиях информационной эпохи. Более того, именно в связи с этой проблемой и возникает вопрос о «социологичности» самого понятия «самообразование», о его сопряжен-

ности с таким субъектом, как группа (страта) людей. Социолога в случае исследования самообразования интересует не конкретный индивид, выступающий в роли «самообразующейся» личности, не ее индивидуальные, неповторимые потребности и интересы, связанные с этой сферой, а типическое, массовое, повторяющееся, присущее целой группе людей, занимающихся самообразованием. Речь идет о тенденциях, характерных для социальных общностей, включенных в этот вид деятельности, и его месте в образе жизни людей в условиях становления информационного общества.

В социологии самообразование рассматривается как определенный тип социального взаимодействия. Специфика данного взаимодействия заключается, во-первых, в том, что механизм его разворачивания осуществляется исключительно в сознании и деятельности субъекта самообразования. Во-вторых, самообразование выступает как «взаимодействие» индивида с потребностью общества в сформированном субъекте социальной деятельности, поскольку любая социальная деятельность включает самообразование в качестве своей составляющей. Характер деятельности и ее субъекта определяются мерой и уровнем развития в ней самообразования. Самообразование придает завершенный характер любой деятельности и является источником ее развития. В-третьих, специфика самообразования как вида социального взаимодействия индивида с потребностью общества в субъекте социальной деятельности очерчивается, ограничивается исключительно сферой знания.

Новые информационные технологии меняют принципы организации и функционирования самообразования. Самообразовательной деятельности в условиях информационной эпохи свойственны специфические формы управления и социального контроля. Это связано с тем, что базовая система образования перестает играть прежнюю роль, сроки обновления фундаментального образования резко сокращаются, а акцент с образовательной деятельности переносится на самообразовательную.

В информационном обществе, которому свойствен иной уровень организации духовного производства, управление самообразованием становится нормой его существования и видом профессиональной деятельности. Это происходит благодаря продолжающимся процессам институционализации самообразования, появлению новых форм его организации и взаимодействия с иными видами образования, прежде всего формальным, выступающим в дистанционной форме, а также неформальным и информальным. Реализация этих видов образования в модели lifelong learning, определяет границы управления и контроля в сфере самообразования [4, 7, 9, 10, 12, 13].

Однако управление и социальный контроль самообразовательной деятельности в условиях информационного общества и господства компьютерных технологий несет в себе и негативные аспекты. Так, самообразование может рассматриваться как вид информационной зависимости, углубляющей процессы отчуждения личности, поскольку в рамках информационного общества, «давления» на человека новой техники и технологии предполагается значительное ослабление самоидентификации и сведение личности к набору ролей в сфере производства, обмена и потребления знаний.

Общественные структуры, имеющие доступ к контролю за системами социальной коммуникации, узурпируют (либо могут узурпировать) власть над информацией и соответственно контролируют (могут контролировать) процессы духовного производства (самообразовательные, в частности). Культуротворческая составляющая информационного общества обретает не индивидуально-личностные, а групповые черты, обладая способностью подавлять и стандартизировать сознание и деятельность человека. В силу этого основным пафосом самообразовательной деятельности становится борьба за самоопределение человека перед лицом глобальных социальных структур.

С учетом высказанных суждений о самообразовании важно представлять его противоречивую природу, особенно при переходе к информационному обществу. С одной стороны, этот вид деятельности свободен и демокра-

тичен, поскольку он является следствием действительного выбора субъекта самообразования, оказывающегося наедине лишь с информацией и не испытывающего никаких иных воздействий извне. С другой стороны, самообразовательная деятельность не свободна в полной мере от информационной зависимости, поскольку существует такое явление как власть и контроль над информацией.

Информационные технологии трансформируют способы реализации самообразования, обеспечивая доступность информации, облегчая ее поиск и в то же время предоставляя соответствующие инструментальные средства работы с ней: логические, математические, статистические и др. Благодаря совмещенному, комплексному использованию этих средств создаются условия для творчества, оптимизируются возможности и расширяются границы самообразовательной деятельности.

Диверсификация самообразования в условиях информационного общества осуществляется во многом через его связь, взаимодействие и взаимопересечение с другими видами образования. Здесь мы рассмотрим такую его форму, актуализированную в информационную эпоху, как открытое образование, реализующееся в концепции *lifelong learning* («A Memorandum of Lifelong Learning»)¹ и обретающее новое звучание с переходом на дистанционные формы.

Открытое образование выступает институционализированной формой самообразовательной деятельности, поскольку претендует на доступность любому желающему, вне зависимости от базового уровня знаний. Оно предполагает открытость доступа к учебной информации, гибкость в выборе цели, содержания, способа, места, формы, времени и ритма обучения, обеспечивает выстраивание (планирование) процесса обучения в соответствии с индивидуальной траекторией обучающегося. Особенностью организационных условий открытого образования является использование технологий и методик дистанционного обучения. В целом вся система открытого образования – это аналог идеальной формы образования для информационного общества.

Развиваясь и трансформируясь, открытое образование в настоящее время перерастает из традиционной сети открытых университетов в мировой рынок массовых открытых онлайн-курсов – Massive Open Online Courses (MOOCs) с массовым интерактивным участием и открытым доступом, предназначенных для масштабного и бесплатного использования². Если до 2010 года о них было мало кому известно, то в настоящее время проблемы MOOCs обсуждаются на государственном уровне в ряде стран (например, таких как Норвегия, Великобритания и др.). По прогнозам исследователей количество студентов MOOCs увеличится с 150 миллионов в 2009 году до 250 миллионов в 2025 году³.

¹ European Council Presidency Conclusions. Lisbon, 2000. – 63 p. Стратегия ее реализации до 2010, а затем до 2020 гг. в странах Европейского Союза конкретизировалась в ряде документов: Progress towards the Lisbon Objectives in Education and Training. Analysis of Implementation at the European and National Levels. – Brussels, 2009. – 263 p.; European Council Conclusions of 12 May 2009 on a Strategic Framework for European Cooperation in Education and Training («ET 2020») // Official Journal of European Union. – 2009. – С. 119. – May 28.

² Если учебные видеозаписи активно выкладывались в интернет образовательными учреждениями разного уровня с конца 90-х годов XX века, то онлайн-курсы предполагают еще и открытость доступа к учебным материалам разного типа, интерактив, сдачу экзаменов в режиме онлайн.

³ См. отчет Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании о международной конференции «MOOCs в интересах развития: потенциал в основании пирамиды», Университет Пенсильвании (Филадельфия, США), 10–11 апреля 2014 г. MOOCs4D: Potential at the Bottom of the Pyramid. Conference Report. April 10–11.2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iite.unesco.org/files/news/639173/MOOCs4D_ConfReport_July2014.pdf.

Европейская комиссия, опубликовавшая в 2014 г. исследование, посвященное анализу потребностей аудитории, структуре спроса и предложения, оценке эффективности MOOCs, констатировала высокий уровень информированности о них (75% опрошенных знают, что это такое, осведомлены о системе обучения, 64% когда-либо записывались на дистанционные курсы в интернете). Был выявлен стремительный рост аудитории MOOCs. Доминирующей мотивацией их использования является независимость от места расположения учебного заведения, бесплатность обучения, возможность изучать новые науки, получать знания из незнакомой ранее сферы¹. Был отмечен также и рост предложения, увеличение количества альтернативных программ обучения по всем направлениям, что дает возможность студенту выбирать наиболее качественные и подходящие его индивидуальным запросам курсы, даже на одной MOOC-платформе [1].

Наиболее известными массовыми открытыми онлайн курсами в настоящее время являются: Academic Earth, Alison, CheckiO, China Open Resources for Education, Codecademy, Coursera, Duolingo, EduKart, Edulanka, edX, Futurelearn, Hexlet, Instructure, Khan Academy, Lingualeo, MIT Open Course Ware, MongoDB University, OpenHPI, Peer to Peer University, Stanford Online, Udacity, Udemy, Wikiversity, Younico и др. Многие из этих проектов уже осуществляют обучение на русском языке. Сугубо российскими проектами являются ИнтернетУрок, Интуит, Лекторий МФТИ, Лекториум, Онлайн-МФТИ, Универсариум и др.

Анализ сайтов MOOCs показал, что, несмотря на разнообразие и специфичность задач этих проектов, констатируемая ими миссия – это удовлетворение потребности в профессиональном и общекультурном самообразовании, а также углубление, коррекция и компенсация формального (школьного и вузовского) образования.

Изучение сайт-статистики проектов MOOCs показал, что обучающиеся используют их для реализации самых разных видов самообразовательной деятельности, но прежде всего это профессиональное самообразование и самообразование как дополнение к формальному образованию.

Рассмотрим в качестве примера сайт-статистику MIT Open Course Ware (MIT OCW) – проект Массачусетского технологического института [2]. Среди потребителей его услуг 43% – занимающихся самообразованием, обучающиеся самостоятельно (self-learners), 42% – студенты (students), 9% – представители сферы образования, преподаватели (educators), 6% – другие (other).

Факт большого количества обучающихся самостоятельно свидетельствует о сформированной потребности и готовности достаточно широкой аудитории к самостоятельной работе, это демонстрирует хотя бы тот факт, за второе десятилетие 21 века MIT OCW планирует достигнуть миллиарда посетителей, в той или иной мере включенных в образовательный процесс [11]. При этом нужно учитывать, что изначально проект MIT OCW планировался как набор ресурсов исключительно для преподавателей (в настоящее время эта группа обучающихся оказалась в меньшинстве). Общая концепция проекта трансформировалась и оформилась под влиянием массовой потребности в самообразовании.

Мотивацией обращения к MIT Open Course Ware для преподавателей является повышение уровня знаний (31%), знакомство с новыми методами обучения (23%), включение OCW-материалов в курсы (20%), поиск справочных материалов для студентов (15%), разработка программ для факультетов, школ (8%). Студенты, в свою очередь, стремятся расширить знания (46%), дополнить текущий курс (34%), спланировать обучение (16%).

¹ Исследование основано на анализе более чем 200 платформ для MOOC и онлайн-опросе 3000 респондентов из разных стран мира. Выборка включает студентов, разработчиков онлайн-курсов, предпринимателей, лидеров инновационных программ поддержки, корпоративных менеджеров и ИТ-специалистов.

Группа студентов, ориентированных на самостоятельное обучение, расширяет знания за рамками профессиональной области (40%), знакомится с базовыми концепциями в своем профессиональном поле (18%), осуществляет подготовку к будущим курсам обучения (18%), стремится быть в курсе событий в своей области (17%), завершает работы, связанные с конкретным проектом или задачей (4%) [2].

Поскольку MIT Open Course Ware не выдает пользователям документы о завершении образования (сертификаты, дипломы), то здесь исключена мотивация получения формального статуса для профессионального продвижения. Самообразовательная активность связана, прежде всего, с удовлетворением потребности в знаниях, наращивании профессиональных компетенций.

В целом, открытое дистанционное образование – мощный фактор реализации и развития самообразовательной деятельности массовой аудитории, включающей самые разнообразные социальные группы и слои с ярко выраженными социокультурными, социально-экономическими, территориальными, этнонациональными различиями.

В настоящее время открытое дистанционное образование является одним из инструментов формирования социально-профессиональной структуры развитого общества. Так, Европейская комиссия инициирует создание новой сети поставщиков MOOCs, ориентированных на распространение знаний и навыков сфере информационно-коммуникационных технологий. Ввиду прогнозируемой к 2020 году потребности в web-навыках для 90% рабочих мест по всей Европе эти открытые онлайн-курсы должны будут сформировать необходимый кадровый потенциал. По словам Вице-президента Европейской Комиссии Neelie Kroes, данный проект – «стартап Европы» позволит выявить проблемы и заполнить имеющиеся пробелы в цифровой повестке дня [3].

С учетом того, что обучение в системе MOOCs осуществляется бесплатно (или почти бесплатно) и зависит исключительно от желания, интересов и личного выбора субъекта, самообразовательная деятельность в такой форме способствует формированию новых профессиональных компетенций, расширению адаптационных возможностей личности и социальных групп в условиях информационного общества, созданию базы для их профессиональной мобильности, а также повышения уровня конкурентоспособности. Социальный эффект массового самообразования может иметь как прямой непосредственный, так и отложенный характер, поскольку приобретенные знания и навыки могут быть актуализированы в ситуации кризиса, любых возникающих изменений в социально-профессиональной сфере.

Таким образом, открытое дистанционное образование, активизируя самообразовательную активность широких групп населения через создание условий для нее, в конечном счете, обуславливает воспроизводство и развитие социально-профессиональной структуры общества, динамику его социально-экономического и социокультурного развития.

Исследований социальной роли MOOCs пока не так много. Вместе с тем, интерес к ним как сфере образования будущего проявляется на государственном уровне. Так, с целью формирования дальнейшей политики развития современного открытого образования Департамент образования Великобритании осуществил всестороннее исследование феномена MOOCs. В специальном докладе Департамента были осмыслены их перспективы и дан подробный анализ выявленных проблем [8]. К ним эксперты отнесли следующие:

- MOOCs в целом остается пассивным методом обучения, при этом лишь небольшая доля глубоко продуманного и качественного контента способна развивать навыки решения проблем;

- MOOCs, как правило, удовлетворяют потребности людей с выраженной и оформленной мотивацией обучения, интеллектуально и профессионально сформированных. Несмотря на детально разработанные средства оптимизации открытых курсов для нужд различных потребителей, автори-

тетные эксперты (даже в Стэнфорде, где накоплен большой опыт в решении данных проблем) признают, что MOOCs не ориентированы на все группы потребителей, в частности остается нерешенной проблема привлечения к образованию детей;

- MOOCs не является чем-то принципиально новым в обучении, рост интереса к ним обусловлен тем, что системе массовых дистанционных курсов удалось привлечь к себе внимание и, соответственно, инвестиции. Кроме того, в системе MOOCs стало возможным предельно уменьшить расходы на одного студента и сделать курсы бесплатными (или минимально платными). PR, изменив образ современного студента, способствовал привлечению еще большего внимания к данному проекту;

- существует иллюзия полной бесплатности MOOCs. Для студентов лишь несколько проектов имеют концепцию бесплатного доступа к обучению. Чаще всего слушателями оплачивается литература, DVD диски, сертификат и пр. Бизнес-модель MOOCs будущего - предмет дискуссий и активного обсуждения. В силу того, что для их создателей каждый элемент системы имеет свою цену (платформа, контент, услуги сотрудников), проблема финансирования стоит остро. В настоящее время проекты MOOCs существуют на пожертвования, за счет спонсорской помощи, совмещают свою деятельность с бизнесом, выступают формой благотворительности и т.д.

В исследовании британского Департамента образования выявлена тенденция дальнейшей институционализации открытого образования через его использование формальным образованием. В частности, поставлена проблема перспектив внедрения технологии MOOCs в систему школьного образования. Если раньше этот вопрос даже не ставился, то проведенный опрос учителей и экспертов позволил выделить 13 приоритетных направлений использования моделей MOOCs, среди которых поддержка одаренных детей, курсы дополнительного образования учителей, подготовка учащихся к вступительным экзаменам, повышение привлекательности предметов с низкой посещаемостью и т.д.

Анализ проблем и перспектив развития самообразования в информационном обществе показал что, выступая в своей институционализированной форме открытого дистанционного образования, оно сталкивается с рядом проблем: организационными проблемами доступа к информационным ресурсам, связанными с особенностью бизнес-моделей тех или иных платформ MOOCs и использованием авторских прав на транслируемый в свободном доступе контент, проблемами соответствия потребностей аудитории спектру предложений, языковыми барьерами (поскольку лишь некоторые проекты предоставляют широкий спектр языковых возможностей для обучения), проблемами ориентации на массовость, с одной стороны, и необходимость узкой специализации в профессиональной сфере - с другой, и т.д.

Основными направлениями социологического анализа открытого дистанционного образования в настоящий момент является анализ соотношения глобального и локального в его развитии. Без сомнения открытое образование - есть яркая демонстрация глобализации образования, вместе с тем, сохранение локальных социокультурных (территориальных, общностных) контекстов является одним из базовых принципов непрерывного образования.

Постоянно актуальной задачей будет социологические изучение особенностей целевой аудитории открытого дистанционного образования, динамики ее потребностно-мотивационных и ценностно-нормативных характеристик.

Анализ взаимодействия открытого и формального, открытого и неформального видов образования, динамики и перспектив его развития обладает важным научным и управленческим потенциалом, определяющим архитектуру будущего образования в информационном обществе.

Исследования коммуникативных взаимодействий в процессе обучения, эффективности интерактива, форм и методов обучения, изучение социальной

эффективности открытого образования в целом, разработка способов и процедур ее оценки – эти и многие другие проблемы постоянно остаются в поле исследовательского интереса социологов.

В основе концептуализации наиболее актуальных современных проблем самообразования лежит комплекс теорий информационного общества и представлений о социальной роли и перспективах развития информационных технологий, в разработку которых внесли существенный вклад крупнейшие социологи мира. В сфере образования – это, прежде всего, концепция и политика непрерывного образования. На этой теоретической базе в настоящее время актуализирована потребность в теоретических разработках, а также поиске инновационных подходов к организации самообразовательной деятельности в условиях новых вызовов современности: определение путей развития открытого образования, обеспечивающего массовость и эксклюзивность/индивидуализированность самообразования, выявление направлений дальнейшего развития дистанционного образования, и его оптимального сочетания с формальным образованием. Уровень теоретизирования в данной области пока невысок и требует особого внимания, поскольку разработка этой проблематики, предельно приближенная к повседневным практикам человека во всех сферах деятельности, во многом определит архитектуру будущего образования.

Литература

1. В чем эффективность MOOCs в Европе? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newtonew.com/blog/posts/47>.
2. Сайт-статистика проекта MIT OpenCourseWare [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ocw.mit.edu/about/site-statistics>.
3. European Commission launches network to foster web talent through Massive Open Online Courses (MOOCs). Brussels, 27 March 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-14-335_en.htm.
4. Findsen, B. Lifelong Learning in Later Life. A Handbook on Older Adult Learning [Text] / B. Findsen, M. Formosa. – Rotterdam : Sense Publishers, 2011.
5. Francis, R. The Decentring of the Traditional University: The Future of (Self) Education in Virtually Figured Worlds [Text] / R. Francis. – London and New York : Routledge, 2010/2012.
6. Hosmer, W. Self-education: or the Philosophy of Mental Improvement [Text] / W. Hosmer. – Havana, N.Y., W.H. Ongley; Geneva, N.Y., Derby: Wood & Co., 1847. (Воспроизведено в 2011 г. в оригинальной авторской орфографии издания 1847 года).
7. Jeffs, T. and Smith, M.K. Informal Education. Conversation, democracy and learning [Text] / T. Jeffs and M.K. Smith. – Ticknall : Education Now, 2005.
8. MOOCs: Opportunities for their use in compulsory-age education. Research report. June 2014. Cairneagle Associates [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/moocs-opportunities-for-their-use-in-compulsory-age-education>.
9. Nikoll, K. Flexibility and Lifelong Learning. Policy, discourse and politics [Text] / K. Nikoll. – N.Y. : Routledge, 2006.
10. Lifelong Learning in Europe: Equity and Efficiency In the Balance [Text] / S. Riddell [eds.]. – Chicago : Policy Press, 2012.
11. The Next Decade of Open Sharing: Reaching One Billion Minds [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ocw.mit.edu/about/next-decade/initiatives>.
12. Veletsianos, G. Emerging Technologies in Distance Education [Text] / G. Veletsianos. – Athabasca University : AU Press, 2010.
13. Trends and issues in distance education: International perspectives [Text] / Y.L. Visser [eds.]. – Greenwich, CT: Information Age Publishing, 2005.

УДК 316
ББК 60.5

С.С. ДРИГА

**ВЫЯВЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПНОГО ОБРАЗА
«РУССКИЙ», «МИГРАНТ»
(ОПЫТ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

S.S. DRIGA

**DEFINITION OF THE STEREOTYPIC IMAGES
«RUSSIAN», «MIGRANT»
(LEXICO-SEMANTIC EXPERIMENT'S EXPERIENCE)**

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, (грант № 15-14-86005, а(р), Региональный конкурс «Урал: история, экономика, культура» 2015 – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра)

В статье представлены результаты исследования, проведенного среди жителей г. Сургута, по выявлению стереотипных (авто-/гетеро-) образов «русский», «мигрант». Эмпирически выделены семь ключевых групп атрибутов, анализ семантики которых позволил сконструировать социальные авто- и гетеростереотипные образы. Установлено, что доминантной характеристикой стереотипных образов является моральный облик.

The results of the experiment held in Surgut to define stereotypic (auto-/getero) images «Russian», «Migrant» are presented in the article. Seven key groups of attributes are singled out, by means of semantic analysis social auto-/geterostereotypic images are constructed. It is determined that moral aspect (moral qualities) is a dominant characteristic.

Ключевые слова: национальный стереотип, стереотипный образ, псевдотавтология, автостереотип, гетеростереотип, лексико-семантический эксперимент.

Key words: national stereotype, stereotypic image, pseudotautology, autostereotype, geterostereotype, lexico-semantic experiment.

Актуальность исследования проблем национальных отношений, целостных представлений о сущности нации, национального стереотипа как междисциплинарной проблемы, категории «национальная идентичность» в условиях развития глобализационных и миграционных процессов, и, как следствие, взаимопроникновения и взаимовлияния национальных культур обусловлена, прежде всего, его колоссальной социальной значимостью. В свете серьезных общественных трансформаций, стремлении сохранить свою национальную самобытность и сущность на фоне возрастающей межнациональной напряженности, национальные стереотипы играют существенную роль.

Особому вниманию современных исследователей к категории национального стереотипа предшествовало изучение категорий «национальный характер», «национальное своеобразие», описанные в работах представителей конструктивистской теории. Типичным представителем конструктивистской теории принято считать Бенедикта Андерсона. Его работа «Imagined Communities. Reflections on the origin and spread of nationalism» (Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализ-

ма) стала одной из часто цитируемых работ в области изучения нации и национализма [1]. «Нация» понимается им как «способ» связывать в целостном восприятии пространство, время и человеческую солидарность, где пространство – осознание границ нации, проблема времени – связь с языком, который выступает посредником между настоящим и прошлым, порождая действительность, солидарность – единая воля. Язык, наравне с религией и культурой, оценивается им как значимый фактор формирования национальных государств.

Теоретическим обоснованием понятия «национальный стереотип» впервые занялся Уолтер Липпман [5]. В основе его теории – заимствованный из книгопечатания термин, который определяется им с социально-психологических позиций. Он сравнил процесс возникновения стереотипов с изготовлением типографских печатных форм, которые позволяют осуществлять массовое тиражирование. К основным функциям национальных стереотипов Липпман относит экономию умственных усилий и защиту ценностей и традиций.

В дальнейшем последователи теории Липпмана предпринимали многочисленные попытки эмпирически обосновать его теорию. Так Э. Богардусом была разработана шкала социальной дистанции для измерения симпатий и антипатий представителей различных этнических групп; Д. Катцом и К. Брейли описана методика приписывания качеств (*adjective checklist*).

По мере накопления научных сведений о стереотипах убежденность ученых в их исключительной ложности стала сменяться более дифференцированным подходом к этому вопросу. Важную роль в этом сыграла гипотеза О. Клинберга о «зерне истины» в стереотипе, согласно которой, общий объем истинных знаний в стереотипе превышает объем ложных [8].

Говоря об исследовании национальных стереотипов нельзя оставить без внимания теорию социальной идентичности Г. Тэджфела. Он выделил категории стереотипов не только на индивидуальном, но и на групповом уровне, что способствовало развитию теории социальных стереотипов.

В отечественной науке первым на стереотип как на явление сознания обратил внимание В.А. Ядов, определив стереотип как продукт социальной среды и социального восприятия, имеющий высокую устойчивость [7].

Очевидным становится тот факт, что понятие «национальный стереотип» выходит за рамки социальной науки, становясь объектом изучения лингвистики, истории, психологии, социологии. Лингвистическое направление на современном этапе развития науки становится наиболее значимым, в его основе – идея взаимообусловленности языка и культуры. Язык выступает средством распространения стереотипов, в том числе и национальных. «Стереотип не существует без вербального выражения, и вербальное выражение не существует без стереотипа» [9].

В данной статье, которая ставит своей целью *эмпирически выделить* ключевые группы атрибутов стереотипных образов русского и мигранта, мы основываемся на определении В.В. Красных, которая рассматривает стереотип как представление фрагмента окружающей действительности, фиксированную ментальную картинку, являющуюся результатом отражения в сознании личности «типичного» фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира [4, с. 177–178]. В результате исследовательница разграничивает все стереотипы на стереотипы-поведения и стереотипы-представления, которые имеют, в свою очередь две разновидности: стереотипы-ситуации и стереотипы-образы.

Стереотипные образы русского и мигранта можно классифицировать по типологии Красных как разновидность стереотипа-представления. Таким образом, эти стереотипные образы могут быть представлены набором вербальных реакций людей на некий предложенный стимул, выступающий причиной этих реакций. Другими словами, под социальным стереотипным образом в данном исследовании, вслед за В.П. Засыпкиным [2], мы будем

понимать вербальную единицу, реализуемую в речевом сообщении и представляющую упрощенный, эмоционально окрашенный устойчивый образ и той и другой социальной группы.

Выявление стереотипных образов «русский» – «мигрант» в данном исследовании включает анализ двух компонентов этнического самосознания – автостереотипы (образ своего народа, себя) и гетеростереотипы (образ другого народа, «чужого»). Для выявления стереотипных образов мы использовали элементы лексико-семантического эксперимента [3]. Респонденты имели возможность проявить свои представления посредством самостоятельного формулирования реакций на предложенный стимул, называемых нами характеристиками или атрибутами стереотипного образа. Следуя алгоритму по выявлению стереотипного образа, предложенному В.П. Засыпкиным [2], для выявления стереотипного образа мы использовали тест на свободную интерпретацию псевдотавтологий «Русский есть русский» и «Мигрант есть мигрант». Респондентам предлагался стимул и задавался вопрос: *Если бы Вы услышали, что кто-то сказал это, то что, по-вашему, он имел в виду?* Каждому респонденту предлагалось дать свободную интерпретацию обеих псевдотавтологий.

В анкетировании приняли участие 127 респондентов. Общая характеристика выборки представлена в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика выборки участников анкетирования

Участники	Возраст					Пол	
	до 20 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50 лет и старше	Мужской	Женский
Русские	10	14	19	9	10	25	39
Мигранты	7	14	29	11	4	32	31

Категория «мигранты» по своему составу включает представителей различных национальностей: азербайджанцы – 5 респондентов, что составляет 8% от общего числа опрошенных мигрантов; таджики – 8 (13%), татары – 13 человек (21%); украинцы – 31 человек (49% от общей выборки), по одному (два) представителя армян, лезгин, туркмен, узбеков и чеченцев. Под мигрантами в данной статье мы понимаем представителей иной, отличной от русской культуры. Выявление стереотипного образа «русский» и его атрибутов позволяет нам следовать такой трактовке данного понятия. Следует констатировать, что возрастные характеристики выборки распределены равномерно, также как и деление респондентов по полу. Общее количество ответов-реакций респондентов на предъявленную псевдотавтологию составило 268, из них 140 реакций получено от русских и 128 – от представителей других национальностей. Все реакции признаны релевантными.

Количественный и частотный анализ результатов анкетирования русских в ходе формирования автостереотипа представлен в таблице 2; гетеростереотипа (оценки русских представителями других национальностей) – в таблице 3; автостереотипа мигрантов – в таблице 4, их гетеростереотипа – в таблице 5.

Таблица 2

**Количественный и частотный анализ анкетирования русских
(автостереотип)**

<i>Количество повторений</i>	<i>Реакции</i>
«5»	патриот
«3»	широкая душа, любит выпить, обычаи, язык
«2»	типичный русский, трудолюбивый, любит Пушкина, надеется на авось, отзывчивый, традиции, родился в РФ
«1»	быдло, недовольный, быстрая езда, во всем придерживается ценностей русской культуры, воин, все мы люди, все, что угодно, всегда всем поможет, гениальный, ГТО, добропорядочный, добрый, должен знать историю государства, знает историю государства, и ничего с него не взять, любит поесть, матерится, матрешка, не изменить, нормальный, носитель русской культуры, открытый, по крови, православный, простой как пять копеек, Россиянин, с этим ничего не поделаешь, свободный, силен духом, славянин, соответствие норме, хорошо звучит

Из 63 полученных реакций, отражающих автостереотипный образ русского, 32 реакции не повторяются. 9 реакций имеют отрицательную семантику, что составляет от общего массива 14%. Среди отрицательных реакций «любит выпить» встречается 3 раза, «надеется на авось» – дважды. Оставшиеся реакции с отрицательной семантикой не имеют повторений. Среди 54 реакций с положительной семантикой преобладают «патриот» (5), «широкая душа» (3), «обычаи» (3).

Таблица 3

**Количественный и частотный анализ анкетирования мигрантов
по оценке русских (гетеростереотип)**

<i>Количество повторений</i>	<i>Реакции</i>
«6»	на Родине
«4»	лентяй
«3»	пьяный, человек с широкой душой
«2»	светлый, любит и защищает Родину, спокоен, человек
«1»	а не кто-то другой, благодарен, веселый, всегда на стороне закона, гостеприимный, довольствуется тем, что есть, должен знать свои права, и этим надо гордиться, любит быструю езду, может позволить себе все, Россиянин, русский, русскими не рождаются, русскими становятся, свободолюбивый, свой, суть русского человека, у него есть права, уверенность в себе, хозяин, хорошо разговаривает, человека не исправишь, честный, чтит свои традиции, что сказать..., щедрый, язык

Из 51 реакции, 27 – не повторяются. Выявлены 3 реакции с отрицательной семантикой (6 %). В сравнении с аналогичной категорией реакции в автостереотипном образе русского, по оценке мигрантов их меньше почти в два раза. Положительных реакций насчитано 48. Преобладает «человек с широкой душой» (3) (совпадение с автостереотипом) и реакция «На Родине» (6 повторений). Частота последней вполне обоснована: для мигрантов, прибывших в наш регион самой болезненной и острой остается проблема дискриминации (противопоставления «свой»/«чужой») в связи отсутствием гражданства, и, как следствие ряда прав, преимуществ.

**Количественный и частотный анализ анкетирования мигрантов
(автостереотип)**

<i>Количество повторений</i>	<i>Реакции</i>
«6»	работает, работяга, человек
«3»	без прав, иностранец, темный
«2»	предатель, приезжий, приехал заработать, живет по чужим правилам и законам, усталый
«1»	а кому сейчас легко, бедный, в гостях, в поисках лучшей жизни, взбудоражен, все люди равны, гражданин, добивается большего, должен узнать свои права, еврей, зарабатывает деньги, искатель, любой может им стать, не должен, не имеет постоянного места жительства, не может найти работу, не может сидеть на месте, не на Родине, не нарушает закон, необразованный, ничего, ограничения, осторожен, плохо говорит, разный, сбежал, свободолюбивый, своенравный, сильный духом, украинец, учит русский язык, ущербный, хороший человек, человек, прибывший в другую страну, чужой, чужой в стае, широкий душой, этим ничего не скажешь...

Какими видят себя мигранты? Из общего массива полученных реакций (64), 9 (14%) – с отрицательной семантикой, в значении «лишенный чего-то», «обделенный», «ущемленный» среди подобных реакций можно выделить структуры содержащие глаголы с частицей «не»: *не должен, не имеет постоянного места жительства, не на Родине, не может найти работу*. К этой же группе реакций следует отнести «без прав» (3 повторения). Особого внимания заслуживает реакция «человек» (6 повторов), имплицитно – «и я тоже человек», «и я имею право...» и т.д. 6 повторений имеет реакция со значением «работа», что, безусловно, обосновано. Основная цель прибытия мигрантов в наш регион – заработок. Таким образом, автостереотип мигранта выглядит так: работающий, добросовестный человек, в силу своего социального статуса, лишенный социальных благ и гарантий, но заслуживающий их. Вполне предсказуемо. Совершенно иную оценку собирательного образа мигранта мы находим, основываясь на полученных реакциях русских – жителей города (таблица 5).

**Количественный и частотный анализ анкетирования русских
по оценке мигрантов (гетеростереотип)**

<i>Количество повторений</i>	<i>Реакции</i>
«4»	не знает русского, приехал на заработки
«3»	не имеет гражданства
«2»	другая культура, переселенец, адаптируется (приспосабливается)
«1»	безответственность, низкая культура поведения, безразличен к взаимоотношениям между гражданами чужой страны, беспокоится о сохранении гражданских прав, бестолковый, ведет себя как типичный мигрант, временно оказавшийся на территории чужой страны, гастербайтер, глупый, гость в чужой стране, должен почитать свою Родину, должен уважать культуру своего народа, ему сложно в чужой стране, загадочный, из другого государства, извлекает из всего выгоду, иная вера, как еврей ищет где получка, любит свою страну, любит халяву, люди которые хотят и пытаются изменить свою жизнь, может прав а может нет, не достаточно уважает культуру чужой страны, не знает законов России, не адап-

	тировался к жизни, независимо от гражданства, нельзя обобщать – разные условия у всех, неудачник, неумышлен, неухоженный, ничего не изменится, не смотря ни на что, ничто, обожает Достоевского, понаехали, потерянный, приезжий, приезжает в Россию и зовет себя русским, робкий, своеобразный менталитет, скучает по Родине, странный, уедет домой, фраза завистника, хач, человек, что с него взять, чужак, чужой язык, чучмек
--	---

Следует обратить внимание на преобладание реакций с отрицательной семантикой (29). Из общего количества реакций (66) они составляют почти половину – 43%. В их числе уничижительные, оскорбительные оценки. В основу многих реакций заложено противопоставление «свой» – «чужой», часто проявляется и на лексическом уровне (иной, другой, чужой, свой – не свой и т.д.). Подобного рода проявления явно свидетельствуют об исключении из «мы-дискурса», неприятие. Уничижительные оценки проявляются в прямых номинациях – «ничто», «чучмек», «хач», «понаехали», «любит халяву», при этом характеризуются и эмоциональной окрашенностью, а также текстуально, пр. «что с него взять».

Представленные в таблицах 2–5 реакции по сути являются отражением стереотипных образов «русский» / «мигрант». Однако, такой подход в недостаточной мере отражает суть проблемы. Более того, в представленных реакциях респондентов на псевдотавтологии имеются такие, которые можно признать семантически близкими. Очевидно, что на лексическом уровне мы не наблюдаем того единообразия реакций, точнее, большего количества повторений, которое можно было бы считать основанием для формирования и проявления стереотипа. В этой связи на следующем этапе нашего эксперимента мы сочли необходимым произвести анализ полученных реакций на семантическом уровне, что позволит, выделив обобщающую характеристику – свойство обобщенного атрибута, которое с привлечением законов здравого смысла строится на частных реакциях респондентов.

В результате систематизации полученного материала мы выделили 7 групп атрибутов:

1-я группа – атрибуты со значением «социальное положение и общественный (социальный) статус»;

2-я группа – атрибуты со значением «гражданин РФ»;

3-я группа – атрибуты со значением «эстетическое, чувственное восприятие»;

4-я группа – атрибуты со значением «умственный и интеллектуальный потенциал»;

5-я группа – атрибуты со значением «моральный облик».

6-я группа – атрибуты со значением «отношение к труду»

7-я группа – атрибуты с нейтральным значением.

Все реакции дифференцировались на реакции с положительной и отрицательной семантикой (таблица 6). Приведенные значения атрибутов в каждой из групп характеризуют авто- и гетеростереотипные образы «русский», «мигрант». Эти обобщенные значения являются отражением приоритетов в социальных ожиданиях людей.

Таблица распределения реакций по выделенным группам атрибутов

Название группы по значению атрибутов	Количество реакций (положительные/отрицательные)				Количество реакций в каждой группе (положительные/отрицательные)	Всего реакций
	Русские (автостереотип)	Русские (гетеростереотип)	Мигранты (автостереотип)	Мигранты (гетеростереотип)		
социальное положение и общественный (социальный) статус	1/0	8/0	6/20	7/14	22/34	56
гражданин РФ	15/1	12/0	4/2	7/9	38/12	50
эстетическое, чувственное восприятие	10/2	7/1	7/0	3/5	27/8	35
умственный и интеллектуальный потенциал	1/0	2/0	1/2	0/5	4/7	11
моральный облик	13/10	13/9	8/3	0/9	32/33	65
отношение к труду	1/0	0/5	8/0	2/0	11/5	16
атрибуты с нейтральным значением	10	12	7	7	35	35

Рассмотрим подробно каждую группу обобщенных реакций респондентов.

1-я группа – атрибуты со значением «социальное положение и общественный (социальный) статус». Среди общего массива реакций при формировании русскими автостереотипного образа зафиксирована всего одна – «воин», что легко можно объяснить. Для любого русского социальное положение, социальный статус – устойчивые, сформировавшиеся категории, не вызывающие беспокойства и тревоги. В то время как автостереотипный образ мигрантов выглядит иначе: из общего количества зафиксированных реакций (26) – 20 имеют отрицательное значение: *не должен, не имеет постоянного места жительства, без прав, бедный, ущербный, чужой в стае, сбежавший и т.д.* 75% опрошенных мигрантов соотносят себя с категорией людей, лишенных социальных прав и гарантий, без определенного социального статуса, в нашем случае, в большинстве – гражданства РФ. Из 21 реакции на псевдотавтологию «мигрант есть мигрант» 14 русских респондентов вкладывают в формулировку отрицательное значение, зачастую выраженное в грубой форме: *хач, ничто, понаехали, что с него взять и пр.* Подобные формулировки свидетельствуют о явном неприятии мигрантов русскими, раздражении, нетерпимости в их адрес, зачастую агрессии. Значительное количество реакций (8-12%) отмечены при формировании и гетеростереотипного образа «русский», все они имеют положительное значение, в противовес автостереотипному образу «мигрант»: *есть права, у себя дома, свой, хозяин и т.д.*

В целом, доля этой группы реакций в целостном представлении «русский»/«мигрант» составила 20%, из которых более половины – реакции респондентов из числа иностранных граждан.

2-я группа – атрибуты со значением «гражданин РФ». Доля представленной группы реакций составляет 19% от общего массива данных. Из 16 реакций русских (25%), к числу которых мы отнесли: *патриот (5), знает исто-*

рию государства, должен любить Родину, ГТО, Пушкин, лишь одна с отрицательным значением – был патриотом (подразумевается утраченная характеристика). Следует констатировать, что из числа официальных (реальных) символов Российской идентичности (флаг, гимн и др.) русскими не был упомянут ни один (за исключением возродившегося «ГТО», что вполне закономерно. Как было отмечено в докладе международного дискуссионного клуба «Валдай» «Национальная идентичность и будущее России», «россияне не любят символы, но бесконечно преданы святыням, причем не только религиозным, но и гражданским. Праздник Российского флага – не ценность. А Александр Сергеевич Пушкин – гораздо больше, чем символ. Потому что флаг меняли трижды, а Пушкин был, есть и будет» [6, с. 63]. Гетеростереотип «русский» – всецело положительный образ: из 12 зафиксированных реакций – 12 имеют положительную семантику: *гордится своей национальнойностью, патриот, защищает Родину, и этим надо гордиться...* Положительный автостереотипный образ создается и мигрантами, которые, в большинстве своем (4 реакции из 6) являются законопослушными гражданами: *не хочет нарушать закон, соблюдает законы принимающего государства, должен узнать свои права.* В то время как в оценках категории «мигрант» русскими респондентами мы находим 9 реакций (более 55%) с отрицательной семантикой: *не уважает культуру чужой страны, не знает законы РФ, безразличен к взаимоотношениям граждан РФ.*

3-я группа – атрибуты со значением «эстетическое, чувственное восприятие». Доля представленной группы реакций составляет 13% от общего массива данных. 19 % реакций русских респондентов (от общего массива) позволяют создать положительный автостереотипный образ русского открытого человека с широкой душой, почитающего традиции, культуру своего народа. Аналогичная семантика наблюдается и в реакциях мигрантов, которые характеризуют русского следующим образом: *свободолюбивый, почитающий традиции, спокойный, уверенный в себе.* В то время как в оценках русских наблюдается нетерпимое отношение к представителям иностранных граждан: *другая культура, своеобразный менталитет.* Сами же мигранты видят себя *сильными духом, равноправными, свободолюбивыми, стремящимися к лучшему.*

4-я группа – атрибуты со значением «умственный и интеллектуальный потенциал». Общее количество зафиксированных реакций данной группы составило наименьшую долю в общем массиве – 4%, половина из них (2%) – отрицательные реакции русских на псевдотавтологию «Мигрант есть мигрант»: *неумен, бестолковый, неграмотный, глупый, чучмек.* Остальные два процента распределились следующим образом: 1% в реакциях мигрантов в отношении незнания ими правил и норм русского языка; 1% – в формировании автостереотипа «русский» – *гениальный.*

5-я группа – атрибуты со значением «моральный облик» – самая многочисленная группа реакций – 24%. Кроме того, следует констатировать преобладание реакций с отрицательной семантикой, они составляют большую долю от общего массива (51%). Рассмотрим каждую категорию респондентов отдельно. «Исторически российский характер – это характер мужественных и терпеливых людей. Открытых к другим культурам и религиям. Смелых и сердечных. Удалых и талантливых. Волевых и умеющих побеждать. И забывших о большей части этого списка за последние двадцать лет. Зато позволивших развиваться в себе худшим качествам национального характера» [6, с. 10]. Справедливость этих слов подтверждают данные, полученные в ходе нашего эксперимента. 10 реакций (43%) от общего числа реакций описываемой группы (23) в автостереотипном образе русских имеют отрицательную семантику: *пьет водку (3), быдло, недовольный, не изменить, и ничего с него не взять, матерится, простой, как пять копеек и т.д.* Гетеростереотипный образ «русский» полностью совпадает с отрицательным автостереотипным социальным образом. Реакции мигрантов на псевдотавтологию со-

впадают с реакциями самих русских не только семантически (*ничего с этим не поделать, равнодушный, любит выпить, ничто, бухает и пр.*), но даже по количественному составу (таблица 6). Среди положительных характеристик и в том и в другом случае мы находим: *хороший человек, широкая душа, веселый, гостеприимный, щедрый*. Подобный факт в ходе нашего эксперимента – единичный. В автостереотипном образе мигранта из 11 реакций данной группы, 3 – отрицательных, из которых 2 – «*предатель*». Гетеростереотипный образ мигранта представлен исключительно отрицательными реакциями: *любит халяву, низкая культура поведения, неудачник, потерянный, извлекает из всего выгоду, безответственность, неухоженный*. Моральный облик мигранта в глазах русского населения – отсутствует (потерян).

6-я группа – атрибуты со значением «отношение к труду» составляют 7% (16 реакций), 4% из которых приходится на автостереотипный образ «мигрант»: *работяга, зарабатывает деньги, работает, ищет, не может сидеть на месте*. 3% – на тот же гетеростереотипный стереотипный образ. В противовес абсолютно положительному автостереотипному образу мигранта, русский предстает в их глазах *бездельником, лентяем, распузаем*. Не наблюдается ни одной положительной реакции данной группы. В автостереотипном образе «русский» зафиксирована лишь одна реакция (1,5% от общего массива) – *трудолюбив*. Представленные данные позволяют исключить такую характеристику русского национального характера как трудолюбие, из стереотипного образа «русский», в том числе и из автостереотипного.

7-я группа – атрибуты с нейтральным значением. К данной категории мы отнесли полученные реакции, не содержащие в себе оценочного компонента. зафиксировано 35 реакций (13%). Особое внимание следует обратить на большинство из них в оценке русских мигрантами: *живет в России, человек, белокурый, светлый, национальность и т.д.* 16% от общего числа реакций мигрантов на псевдотавтологию «Русский есть русский» не содержат, на наш взгляд, оценочного компонента. Обосновать это можно особой политкорректностью, которую, в отличие от русских мигранты в своих оценках-реакциях демонстрируют. Нейтральные реакции наблюдались и в ответах-характеристиках мигрантов самих себя: *этим ничего не скажешь, смуглый, разный*.

Подобный анализ семантики характеристик-атрибутов, приписываемых категориями «русский»/«мигрант» при формировании авто- и гетеростереотипов позволил сконструировать их социальные стереотипные образы и прийти к ряду суждений:

1. **Ядро образов составляют** следующие группы атрибутов: моральный облик, социальное положение и социальный статус, гражданин РФ. Их доля в общем образе составляет 63%. За ними следуют группы атрибутов: эстетическое, чувственное восприятие и атрибуты с нейтральным значением. Периферия включает группы: умственный и интеллектуальный потенциал и отношение к труду. Принимая во внимание представленные данные, есть основание признать характеристики-атрибуты первых трех групп доминантными в стереотипных образах «русский», «мигрант».

2. В автостереотипном образе этнической общности «русский» чаще встречаются **реакции с отрицательной семантикой**, нежели в автостереотипном «мигрант», что подтверждают реакции самой многочисленной (основной) группы атрибутов – «моральный облик». Говорить о потере национальной идентичности русских на основании полученных реакций – нет оснований – слишком мала выборка, помимо этого, следует учитывать и мигрантоемкий характер нашего региона, но определенное беспокойство полученные данные вызывают. Кроме того, отсутствие зафиксированных реакций на псевдотавтологию «русский есть русский» в группах «отношение к труду» и «умственный и интеллектуальный потенциал» подтверждают утрату таких значимых черт национального характера как трудолюбие, усердие, талант, ум, творчество. Вместо них возникают лень, пессимизм, безответственность.

Вывод о **преобладании реакций с отрицательной семантикой** в автостереотипном образе «мигрант» наблюдаем в группах «социальный статус» и «гражданин РФ». Самой острой проблемой для самих мигрантов остается проблема дискриминации, которая очевидна и при формировании их гетеростереотипного образа. Отличие их заключается лишь в том, что, по мнению самих мигрантов им *нельзя и не позволено иметь...*, по мнению же русских: *не должно иметь*.

3. Изначально мы исключали **вероятность совпадения авто- и гетеростереотипных образов этнических общностей**. Однако, как было отмечено выше, реакции мигрантов на псевдотавтологию совпадают с реакциями самих русских не только семантически, но и по количественному составу (см. описательные характеристики реакций группы «моральный облик»). Подобный вывод можно сделать относительной второй и третьей из преобладающих групп реакций (наблюдается совпадение авто- и гетеростереотипного образа «мигрант»).

4. Следует отметить, что **реакции мигрантов** отличаются особой **сдержанностью, эмоциональной скупостью, сухостью**. А в оценке ими русских зафиксировано самое большое число реакций группы «атрибуты с нейтральным значением» (12). Они предпочитают умолчать (в данном случае сохранить нейтралитет), нежели создать повод для межэтнического конфликта. Безусловно, сказывается и их статус «гостя». Русские же в своих оценках не стесняются демонстрировать свою неприязнь, озлобленность в адрес мигрантов, в том числе и при помощи ненормативной лексики.

5. Национальные стереотипные образы, сформированные в ходе нашего эксперимента **лишены духовности**. Они наполнены, в большинстве своем, характеристиками, имеющими отношение к социальному статусу, **материальным благам общества**.

Литература

1. Андерсен, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма [Текст] / Б. Андерсен ; пер. с англ. В. Николаев. - М. : КАНОН-пресс-Ц, 2001. - 288 с.
2. Засыпкин, В.П. Социальный стереотипный образ современного учителя [Текст] / В.П. Засыпкин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2007. - № 42.
3. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика [Текст] : учебник / И.М. Кобозева. - Эдиториал УРСС, 2000. - 352 с.
4. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология [Текст] : курс лекций / В.В. Красных. - М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. - 284 с.
5. Липпман, У. Общественное мнение [Текст] / под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко ; пер. с англ. Т.В. Барчунова. - М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. - 384 с.
6. Национальная идентичность и будущее России. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf (дата обращения: 01.06.2015 г.).
7. Филюшкина, С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) [Текст] / С. Филюшкина // Логос. - 2005. - № 4 (49).
8. Klinberg, O. Tensions affecting international understanding. A survey of research [Text] / O. Klinberg. - Social Science Research Council, 1950. - 227 p.
9. Schaff, A. Stereotypen und das menschliche Handeln [Text] / A. Schaff. - Wien, 1980. - 137 p. - P. 74.

УДК 81.27
ББК 81.0012

Т.А. СИРОТКИНА,
Е.И. БРЕУСОВА

T.A. SIROTKINA,
E.I. BREUSOVA

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
SOME PROBLEMS LINGUISTIC EXPERTISE

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, (грант № 15-14-86005, а(р)), Региональный конкурс «Урал: история, экономика, культура» 2015 – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра)

В статье рассматриваются некоторые вопросы проведения лингвистической экспертизы текстов. Анализируются такие проблемы, как выполнение определенных типов исследований, разграничение компетенций, и делается вывод о том, что только коллективное обсуждение может в ряде случаев привести к правильному ответу на те вопросы, которые ставятся перед экспертами.

This article discusses some of the issues of linguistic examination of texts. Analyzed issues such as the performance of certain types of research, delimitation of competences, and the conclusion that only a collective discussion may in some cases lead to the correct answer to the questions that are put to the experts.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, речевое произведение, текст, комплексная экспертиза текстов, экстремизм, лингвисты-эксперты.

Key words: linguistic expertise, voice work, text, complex examination of the texts, extremism, linguists experts.

В последние десятилетия в нашей стране во всех сферах жизни общества крепнет понимание того, что за слова надо отвечать не в меньшей мере, чем за дела. Речевые произведения все чаще становятся фактом судебного разбирательства, так как в них содержатся признаки преступлений и правонарушений, совершенных посредством слова. В связи с этим практика административного и уголовного судопроизводства требует привлечения специальных лингвистических познаний, т.е. выполнения лингвистической экспертизы текста.

Называют следующие причины появления такого направления, как лингвистическая экспертиза текста:

1. Борьба за чистоту русского языка, правильность и точность употребления русских слов и выражений в СМИ и официальных документах.
2. Множащиеся судебные иски по защите чести, достоинства и деловой репутации.
3. Усиление охраны прав интеллектуальной собственности, борьба с плагиатом и контрафактной книгопечатной продукцией.
4. Уголовное преследование за оскорбление и клевету, возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства, за публичные призывы к экстремистской деятельности в свете нового законодательства по противодействию экстремизму и терроризму.
5. Борьба с «черным пиаром» и «черной риторикой» в период выборов в органы законодательной и исполнительной власти разных уровней.
6. Введение административного наказания за публичную пропаганду наркотических и психотропных средств и т.д. [4, с. 4].

В рамках лингвистической экспертизы решаются следующие основные типовые задачи, перечень которых может быть расширен в ответ на запросы судебной практики:

- исследование спорного текста, высказывания или языкового знака (например, документа, газетной статьи, телепередачи, фирменного наименования, товарного знака и др.) с целью установления его смыслового содержания;

- исследование спорного текста, высказывания или языкового знака с точки зрения жанровой, композиционной или лексико-грамматической формы выражения;

- исследование коммерческих имен (фирменных наименований, торговых марок, доменных имен) на предмет установления их оригинальности, индивидуальности, новизны, неповторимости, степени смешения;

- разъяснение на основе профессиональных лингвистических познаний правил применения норм современного русского языка с учетом функционально-стилистической принадлежности спорного текста [2].

С 2009 года в Сургутском государственном педагогическом университете проводятся комплексные экспертизы, связанные с исследованием различных текстов (как вербальных, так и креолизованных), в том числе документов. Значительное место в этой работе занимает лингвистическая экспертиза. В настоящей статье на примере деятельности экспертной группы кафедры филологического образования и журналистики попытаемся проанализировать основные проблемы, возникающие в ходе выполнения такого рода исследований.

Проблема определения типа исследования

Представители правоохранительных органов и прокуратуры зачастую затрудняются с определением типа экспертизы, который должен быть указан в постановлении. Задача экспертов при первичном рассмотрении материалов дела – разобраться в том, какое исследование (психологическое, лингвистическое, социолингвистическое, психолингвистическое) должно быть проведено.

Лингвистическая экспертиза спорного текста по юридическому поводу – специальный жанр междисциплинарного филологического исследования. Она непосредственно относится к одной из древнейших областей филологии – к герменевтике (с греч. – ‘толкование, объяснение’), которая, как известно, занимается критикой текста.

Лингвистическая экспертиза спорного текста, проводимая по юридическому поводу с позиций герменевтики, обобщенно называется судебная лингвистическая экспертиза, хотя строго терминологически в юриспруденции, с точки зрения законодательно-процессуальной, различаются судебная и внесудебная экспертизы, в том числе лингвистическая.

Судебная лингвистическая экспертиза проводится на основании определения суда, внесудебная лингвистическая экспертиза – на основании письменного обращения адвоката, физического, юридического лица, общественного объединения или иного субъекта – инициатора исследования, требующего использования профессиональных знаний, к специалистам-филологам.

Под междисциплинарным подходом судебной лингвистической экспертизы к спорному тексту, в том числе к спорному тексту СМИ, может быть применен комплексный анализ предложенного для экспертизы текста с точки зрения собственно лингвистической культуры речи, стилистики, теории текста, поэтики, лингвопрагматики, теории речевого акта, социолингвистики.

Это означает, что в ходе лингвистической экспертизы:

- анализируется состав языковых средств спорного текста – главным образом слов, словосочетаний, фразеологизмов, а также грамматических форм, их вариантов, морфологических и синтаксических категорий;

- определяется соответствие использования языковых средств в рассматриваемых текстах действующим литературным нормам;

- выясняется мера точности выбора и мотивированности употребле-

ния слова, фразеологизма, грамматической формы, синтаксической конструкции в рамках текста;

- рассматривается и анализируется роль макро- и микроконтекста;
- анализируются разнообразные тропы и фигуры, стилистические приемы, подчеркивающие нужные автору смыслы;
- максимально учитываются статусные и ролевые характеристики создателя анализируемого текста.

Таким образом, собственно лингвистическое исследование призвано анализировать вербальную составляющую спорного материала. Для детального исследования контекста могут привлекаться специалисты других профилей, о чем хочется сказать отдельно.

Привлечение специалистов для комплексной экспертизы текстов

Далеко не все материалы, направляемые на исследование, представляют собой цельный текст. Это может быть набор разрозненных листовок, файлов, видеороликов, отдельных изображений и пр. Значительную смысловую нагрузку в данном случае несет не вербальная составляющая, а различные изображения и даже музыкальное сопровождение. В подобных вариантах возникает необходимость проведения комплексного исследования с привлечением специалистов разных отраслей знания: этнографов, историков, искусствоведов, психологов и т.д. Так, вербальный текст может быть нейтральным или содержащим обобщенные сведения («Я – русский!»), невербальная же его составляющая способна оказать определенное воздействие на сознание и подсознание тех, кому она адресована. И в данном случае на помощь приходят психологи, анализирующие мотивации и возможные реакции, культурологи, рассматривающие символический смысл рисунков и фотографий, музыковеды, отслеживающие ритмико-мелодическую структуру сопровождающего текст музыкального материала. Только комплексное исследование подобных материалов позволяет сделать правильные, точные выводы.

В СурГПУ большую помощь в данном направлении призван оказывать научно-методический семинар «Проблемы лингвистической экспертизы текста», который начал свою работу в сентябре 2014 года под руководством первого проректора вуза, д.социол.н. В.П. Засыпкина. Специалисты разных отраслей знания (социологи, психологи, лингвисты) имеют возможность обсудить спорные тексты, представленные на исследование, прийти к общим выводам по тем вопросам, на которые необходимо ответить в ходе экспертизы.

Выполнение определенных типов лингвистических исследований

Основными направлениями лингвистической экспертизы являются следующие:

1. Экспертиза текстов по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.
2. Экспертиза текстов по делам об осуществлении экстремистской деятельности.
3. Рассмотрение спорных текстов в делах о защите интеллектуальной собственности и некоторые другие.

Для каждого из направлений специалистами разработаны типовые вопросы, которые могут быть поставлены перед экспертами. Так, примерами вопросов для лингвистов по делам о защите чести и достоинства могут служить следующие: *Содержит ли текст информацию о конкретном лице? Имеется ли в тексте негативная информация о лице? Каково содержание этой информации? Каково значение слова «...»? Соответствует ли высказывание «...» принятым в обществе речевым правилам поведения? Является ли данный текст рекламным?* и под.

При выполнении каждого вида исследований могут возникать определенные проблемы. Особенно много проблем вызывает *определение экстремистской направленности текстов*.

Трудности выполнения подобных экспертиз связаны прежде всего с тем, что даже в юридической литературе нет единства мнений по поводу определения понятия «экстремизм». В современном русском языке экстремизм определяется как приверженность крайним взглядам, мерам (обычно в политике). Однако не совсем ясно, какие взгляды следует признавать «крайними», а какие – нет, и кто будет это определять. Необходимо помнить, что поле компетенции лингвиста-эксперта и поле компетенции юриста существенно различаются. Специалист в области лингвистики отвечает на вопросы, связанные с лингвистическими признаками спорного речевого произведения, например: о наличии в тексте призывов, о наличии в тексте завуалированной информации, о наличии в тексте лингвистических признаков угрозы и под. В компетенцию же юриста входит правовая квалификация деяния, например: определение способности текста вызвать религиозную рознь, национальную и пр. рознь, вражду и т.п.

В научной литературе различается множество видов и форм экстремизма – религиозный экстремизм, этнический экстремизм, политический экстремизм и т.д. Из всех видов экстремизма проблемным с точки зрения лингвистической экспертизы считается религиозный. Так, в статье пермского лингвиста В.А. Мишланова говорится о том, что «мотивация судебных решений» по данному вопросу «иногда вообще вызывает недоумение». Так, пишет он, широкий резонанс (в том числе и за рубежом) вызвало дело о признании экстремистской древней книги кришнаитов «Бхагавад-гита», точнее ее издания на русском языке 80-х гг. прошлого века. Экспертиза текста была проведена учеными Томского и Кемеровского университетов, давшими положительные ответы на вопросы о наличии в книге кришнаитов признаков экстремизма. Прецеденты обвинительных решений имеются и в отношении изданий саентологов – последователей основанного Л.Р. Хаббардом радикального религиозного учения [6, с. 142].

Ученый не выступает с предложением отказаться от лингвистической экспертизы религиозных текстов, но пытается доказать, что экспертные оценки только тогда будут иметь значение «доказательной базы», когда к исследованию потенциально конфликтного текста церковно-религиозного дискурса будут привлечены специалисты из других областей гуманитарного знания – литературоведения, истории, философии, религиоведения, этнографии, искусствоведения.

Детальное описание словесного экстремизма представлено в работах Елены Игоревны Галяшиной. Согласно ее определению, тексты экстремистской направленности содержат:

- 1) высказывания, выражающие негативное отношение в адрес какой-либо национальной, конфессиональной или иной социальной группы;
- 2) высказывания враждебного, агрессивного либо уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической, конфессиональной или иной социальной группы;
- 3) высказывания, содержащие утверждения о возложении ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую группу;
- 4) высказывания побудительного характера, содержащие побуждение к насильственным действиям против лиц определенной национальности, расы, религии и/или иной социальной принадлежности;
- 5) высказывания об изначальной враждебности какой-либо нации, расы или иной социальной группы по отношению к другой;
- 6) высказывания об антагонизме, принципиальной несовместимости интересов одной национальной, религиозной или иной социальной группы по отношению к другой;

7) высказывания, где бедствия, неблагополучие в прошлом, настоящем и будущем одной социальной, этнической, конфессиональной или иной социальной группы объясняются существованием и целенаправленной деятельностью (действиями) другой нации, народности, этнической или иной группы;

8) высказывания, содержащие положительную оценку восхваления геноцида, депортации, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, конфессии, этнической или иной социальной группы;

9) высказывания, содержащие негативные уничижительные оценки личности как представителя определенной национальности, этноса, расы или иной социальной группы [3, с. 32].

Данная классификация, безусловно, оказывает неоценимую помощь лингвистам-экспертам. Однако особое внимание необходимо обращать на конкретные средства вербализации приведенных типов высказываний, а также на тот контекст, в котором они представлены.

Разграничение компетенций

С развитием Интернета в последние годы существенно выросла важность ресурсов нового типа – социальных сетей как средства распространения мнений, влияющих на действия пользователей сети. Под видом «обмена мнениями» в Интернете экстремисты получают возможность вести пропаганду, вербовать новых сторонников и увеличивать количество «сочувствующих». Поэтому задачей определенных структур стал в последнее время мониторинг социальных сетей на предмет выявления текстов экстремистского содержания.

Представители различных ведомств Сургута обращаются за помощью к специалистам. Однако при этом возникает типичная для таких случаев ситуация: «представители органов следствия, дознания, а иногда и судьи» не могут «устоять перед соблазном переложить на юридически неискушенных филологов функцию доказывания» [1, с. 95]. «Задание эксперту нередко стало сводиться к выяснению наличия юридических признаков состава преступления, предусмотренного соответствующей нормой Уголовного кодекса, наталкивая эксперта на решение сугубо правовых вопросов, которые являются прерогативой лиц, осуществляющих производство по делу» [1, с. 95]. В этой связи справедливо высказывание А.А. Леонтьева о том, что «...любая экспертиза, имеющая дело с текстом (например, автороведческая), способна дать информацию лишь с определенной долей вероятности; задача эксперта не в том, чтобы дать категоричный ответ (автором текста является Н.), а в том, чтобы максимально обеспечить высокую вероятность ответа путем объективизации используемых методик и обосновать в заключении этот ответ и степень его вероятности» [5].

Следовательно, как должны поступить эксперты в данном случае? Представляется, дать предварительный ответ с просьбой исключить из постановления о производстве экспертизы вопросы, не относящиеся к их компетенции.

Таким образом, даже точечное рассмотрение некоторых вопросов лингвистической экспертизы в очередной раз убеждает нас в существовании множества проблем, стоящих перед экспертами и решаемых данной прикладной областью знания. Только коллективное обсуждение в ряде случаев может привести к правильному ответу на те вопросы, которые ставятся перед исследователями.

Литература

1. Галяшина, Е.И. Ошибки назначения и производства судебной лингвистической экспертизы [Текст] / Е.И. Галяшина // Судебная экспертиза: типичные ошибки ; под ред. Е.Р. Россинской. – М. : Проспект, 2013. – С. 94-147.

2. Галяшина, Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза [Электронный ресурс] / Е.И. Галяшина. - Режим доступа: http://isemgua.ru/info/ling_ex.
3. Галяшина, Е.И. Лингвистика vs экстремизма (в помощь судьям, следователям, экспертам) [Текст] / Е.И. Галяшина ; под ред. проф. М.В. Горбаневского. - М. : Юридический мир, 2006. - 96 с.
4. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов [Текст] / под ред. проф. М.В. Горбаневского. - 2-е изд., испр. и доп. - М. : Юридический Мир, 2006. - 112 с.
5. Леонтьев, А.А. О психолингвистической экспертизе [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев // Методология современной психолингвистики : сб. статей. - М. ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. - С. 58-70. - Режим доступа: <http://psycholinguistik.narod.ru/index/0-40>.
6. Мишланов, В.А. Религиозный экстремизм и проблемы судебно-лингвистической экспертизы конфликтного текста [Текст] / В.А. Мишланов, Е.С. Тарарухина // Русская речевая культура и текст : материалы VIII Междунар. науч. конф. - Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2014. - С. 140-146.

УДК 801
ББК 81.2Рус

М.А. ХАРЛАМОВА

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП НОВОГО
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЕКТА**

M.A. KHARLAMOVA

**RECONSTRUCTION OF A LANGUAGE PICTURE
OF THE WORLD AS BASIC PRINCIPLE OF THE NEW
LEXICOGRAPHIC PROJECT**

В статье обосновывается основной принцип – опора на реконструкцию диалектной картины мира – нового лексикографического проекта омских диалектологов и представляется константа как основная единица описания.

The basic principle – a support on reconstruction of a dialect picture of the world – the new lexicographic project of Omsk dialectologists locates in article and the constant as the main unit of the description is represented.

Ключевые слова: языковая и диалектная картина мира, когнитивная картина мира, константа.

Key words: language and dialect picture of the world, cognitive picture of the world, constant.

Словари народной речи представляют интерес для специалистов разных направлений, поскольку репрезентируют результаты познания мира во всём многообразии. Каждый составитель словаря сталкивается с двумя основными проблемами, от верного решения которых зависит ценность составляемого словаря: что включать в словарь и как, каким образом описывать то, что включается в него. Конкретизация этих проблем для разных типов словарей не меняет сути дела, а лишь выделяет особенное, специфическое в каждом словаре.

Задачей настоящей статьи является обоснование основного принципа «Словаря народной речи Среднего Прииртышья», репрезентирующего картину мира сельских жителей полиэтнического региона. Установка на реконструкцию диалектной картины мира является одним из важнейших *общетеоретических принципов* нового электронного словаря народной речи. Исходим из того, что диалектная картина мира как часть общезыковой отражает народное мировидение. Полагаем, что она позволяет воссоздать русскую концептосферу во всем объёме и единстве: наряду с семантико-когнитивным исследованием литературного языка народные говоры являются важным источником таких реконструкций. Диалектная картина мира предстаёт, с одной стороны, как универсальная и общая, а с другой – национально и индивидуально специфическая система взглядов и представлений. Если языковая картина мира обозначает «мир в зеркале языка», то диалектная – мир в зеркале народной речи, народных образов и представлений.

С 80-х годов XX понятие *языковая картина мира* получило широкое хождение в различных гуманитарных науках. Само понятие «языковая картина мира» было введено в научную терминологическую систему Л. Вайсгербером. В 1929 г. в монографии «Родной язык и формирование духа» он указывал на роль языка в формировании у человека единой картины мира [3]. Понятие это важно для современной науки, оно является одним из базовых для когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, диалектологии и других наук, изучающих специфику языкового сознания человека говорящего. Изучение языковой картины мира ведётся в разных на-

правлениях. При исследовании феномена языковой картины мира выявляются возможности языковых средств, и прежде всего лексических, фразеологических [18, 19, 20] и словообразовательных [4, 8, 9, 13], а также грамматических (морфологических, синтаксических) [2, 22, 18]. При этом как правило языковые факты извлекаются из литературных источников разных жанров, народная речь реже оказывается в центре внимания лингвистов [23].

Под *картиной мира* в общем виде понимается упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшихся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании [14, с. 51]. Например, Б. Рассел определяет её «как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующего существенные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» [16, с. 143]. Картина мира при таком подходе представляется как субъективный образ объективной реальности и входит в класс идеального, которое манифестируется в знаковых формах, не входя в них полностью.

Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и его последователей о *внутренней форме языка* (А.А. Потебня), с одной стороны, а с другой, – к *теории лингвистической относительности* Сепира – Уорфа [17]. Каждый язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Отраженный в нём мир репрезентируется посредством семантики языковых единиц, которая складывается в некую единую систему взглядов, своего рода коллективное мировосприятие. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности национально специфичен, поэтому носители разных языков и диалектов могут видеть мир по-разному, сквозь призму своих языков.

Исследователи отмечают, что языковая картина мира является «наивной» и по каким-то релевантным признакам отличается от «научной» картины мира: «Образ мира, запечатлённый в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира» [1, с. 5]. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: они объективируют мир во всем его многообразии, во всех нюансах и оттенках. Таковы, например, представления о семейных ценностях, они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить образцом для последующих поколений и надежным проводником в этот мир. В соответствии с таким представлением в наивной картине мира выделяют наивную геометрию, наивную физику, логику, наивную этику, психологию и т.д. [24, с. 9, 11].

Различают картину мира *непосредственную* (полученную в результате прямого познания окружающей действительности при помощи органов чувств и абстрактного мышления) и *опосредованную* (как результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, объективирующими существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира: языковую и художественную) [14, с. 51-53]. Важнейшая особенность картины мира состоит в ее внутренней безусловной достоверности для субъекта этой картины.

Говоря о непосредственной картине мира народа в тот или иной период его становления, отмечают её зависимость от господствующего метода познания, трансформацию с изменением исторических условий, развитием науки [14, с. 51]. Непосредственная картина мира детерминируется мировоззрением и менталитетом, но если мировоззрение определяет метод познания, то картина мира является результатом этого познания. Такая картина мира «включает ... концептуальное знание о действительности ...и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию» явлений действительности [14, с. 52]. Такую картину мира назы-

вают *когнитивной*, поскольку она представляет собой результат познания (когниции) действительности, «как результат деятельности когнитивного сознания и основывается на ...концептосфере» (совокупности упорядоченных знаний) [14, с. 52].

З.Д. Попова и И.А. Стернин разграничивают языковую картину мира, опирающуюся на семантическое пространство языка, и когнитивную картину мира, в которой представлена концептосфера народа. Под *когнитивной картиной мира* исследователи понимают «ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа в целом и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения действительности в процессе мышления» [14, с. 52]. Учёные отмечают влияние когнитивной картины мира на восприятие личностью окружающего мира, поскольку она предлагает классификацию элементов действительности; объясняет причины явлений и событий, прогнозирует развитие явлений и событий, предсказывает последствия событий; а также упорядочивает чувственный и рациональный опыт личности для его хранения в сознании, памяти. Когнитивная картина мира, с одной стороны, – национально-специфическая и общая для народа в целом, а с другой – устойчиво повторяющаяся в картине мира индивида – представителя того или иного народа [14, с. 52–53]. Представляется, что когнитивная и языковая картины мира связаны между собой, как план содержания и план выражения.

Под языковой картиной мира М.В. Пименова понимает «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» [15, с. 5].

С точки зрения В.В. Красных, ««картина мира» и «языковая картина мира» должны быть разведены», так как «...различия в языковых картинах мира далеко не всегда свидетельствуют о кардинальных различиях на определённых участках картины мира» [12, с. 17, 19]. Учёный подчёркивает влияние языковой картины мира на способ членения мира, и «следовательно, на картину мира» в целом [12, с. 21].

Вклад в разграничение понятий «картина мира» и «языковая картина мира» внесли в своё время Э. Сепир и Б. Уорф, которые утверждали, что «представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [17, с. 123]. Под «реальным миром», Э. Сепир имеет в виду «промежуточный мир» [прим. авт. – *концепты*], включающий язык со всеми его связями с мышлением, психикой, культурой, социальными и профессиональными феноменами. «Картину мира» Э. Сепир считает предметом междисциплинарных исследований, например, лингвистики, антропологии, истории культуры, социологии, психологии, философии.

Языковая картина мира (и диалектная в частности) отражает память народа, его мировидение и аксиологические установки в разные исторические эпохи. Поскольку способ концептуализации мира национально специфичен, то прежде всего мироотражение современных диалектоносителей и будет манифестировать эту этноспецифику в диалектной картине мира.

Одним из распространенных приемов реконструкции языковой картины мира является анализ базовых культурно значимых концептов [5, 6, 7, 10, 11, 14 и др.]. Результаты таких реконструкций могут быть представлены не только в семантико-когнитивном монографическом исследовании, но в лексикографическом проекте.

Специфика любого словаря определяется прежде всего материалом, привлечённым для лексикографирования. Лексикографическое исследова-

ние языковой ситуации в одном регионе предполагает обращение к разным формам народной речи, однако наш словарь ограничивается репрезентацией речи сельских жителей Среднего Прииртышья, которую мы детерминируем как *народную речь*. Новизна лексикографического проекта связана, как представляется, с тем, что словарь отражает константы народной «рече-мысли» (А.А. Потеня) полиэтнического региона. Нас интересует вербализация ментальных *констант*, под которыми понимаются устойчивые элементы смысла, мировосприятия, отражённые в современном языковом сознании диалектоносителей. Использование термина *константа* обусловлено тем, что народное сознание не всегда хранит все содержательные формы концепта (в концепции В.В. Колесова – это *образ, понятие и символ* [11, с. 18-20]; у З.Д. Поповой – И.А. Стернина – образное и информационное содержание концепта, интерпретационное поле концепта [14, с. 104-115]; у С.Г. Воркачева – образная (когнитивные метафоры), значимостная (этимологические и ассоциативные характеристики концепта) и понятийная составляющие [7, с. 7]; в концепции В.И. Карасика – образно-перцептивный компонент, понятийный (информационно-фактуальный) компонент и ценностную составляющую (оценка и поведенческие нормы) [10, с. 118] и др.). Специфика традиционной языковой культуры состоит в том, что народное сознание в большей степени отражает индивидуально-образное и символическое восприятие действительности (*образ и символ*), категории же логические, т.е. *понятие*, находят специфическое воплощение в народной речи, в народной ментальности; см. подроб. об образном понятии [23, с. 115-117, 158-168]. Наша задача состоит в том, чтобы в словаре зафиксировать это своеобразие народного мироотражения. Полагаем, что опора на *константу* как устойчивый элемент мировосприятия носителей диалекта позволит выявить специфику народного языкового сознания полиэтнического региона. Именно язык (а в нашем исследовании – народные говоры) – главное и основное средство, способное выразить особенности народной ментальности, её своеобразие в разных социумах и в разные исторические периоды.

Таким образом, лексикографическое описание, опирающееся на константы, отражает диалектную картину мира, которая выступает как часть общезыковой и имеет ряд специфических черт в отражении окружающей действительности, что и находится в фокусе нашего внимания.

Литература

1. Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [Текст] // Семиотика и информатика. Вып. 28. – М. : ПИК ВИНТИ 1986. – С. 5-33.
2. Булыга, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русского языка) [Текст] / Т.В. Булыга, А.Д. Шмелёв. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
3. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа [Текст] / Л. Вайсгербер ; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
4. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) [Текст] / Т.И. Вендина // РАН Ин-т славяноведения. Отд. славян. языкознания. – М. : Индрик, 1998. – 236 с.
5. Воркачев, С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» [Текст] / С.Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М., 2003. – С. 5-12.
6. Воркачев, С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт [Текст] / С.Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2007. – 284 с.
7. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт [Текст] / С.Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2004. – 192 с.
8. Земская, Е.А. Язык русского зарубежья: два полюса [Текст] / Е.А. Земская // Язык. Культура. Гуманитарное знание. К столетию Г.О. Винокура ; ред. С.И. Гиндин, Н.Н. Розанова. – М., 1999. – С. 236-257.

9. Ерофеева, И.В. Именное словообразование в лингвокультурологической парадигме летописного текста [Текст] / И.В. Ерофеева. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2010. – 256 с.
10. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2004. – 480 с.
11. Колесов, В.В. Язык и ментальность [Текст] / В.В. Колесов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.
12. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
13. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст] / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира ; отв. ред. Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – С. 141–172.
14. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ-Восток-Запад, 2007. – 314 с.
15. Пименова М.В. Предисловие [Текст] // Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М.В. Пименовой. Вып. 4. – Кемерово : Графика, 2004. – 208 с.
16. Рассел, Б. Человеческое познание. Его сферы и границы [Текст] / Б. Рассел ; пер. с англ. – Киев : Ника-Центр, 1997. – 560 с.
17. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир ; пер. с англ. ; под ред. и с предисл. (с. 5–22) д-ра филол. наук проф. А.Е. Кибрика. – М. : Прогресс-Универсал, 1993. – 656 с.
18. Тарланов, З.К. Грамматические способы объективации содержания высказывания как проявления этнического мировидения [Текст] / З.К. Тарланов // Русский язык и межкультурная коммуникация в полиэтническом регионе : доклады Всерос. науч. конф. 3–4 октября 2002 г. – Махачкала, 2002. – С. 113–119.
19. Телия, В.Н. Метафоризация и её роль в создании русской языковой картины мира [Текст] / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира ; отв.ред. Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – С. 173–204.
20. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект [Текст] / В.Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.
21. Уфимцева, А.А. Роль лексики в познании действительности и в формировании языковой картины мира [Текст] / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира ; отв. ред. Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – С. 108–140.
22. Фурс, Л. А. Когнитивное моделирование синтаксиса [Текст] / Л.А. Фурс // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4 (013). – С. 81–85.
23. Харламова, М.А. Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация [Текст] : монография / науч. ред. М.А. Харламова, Н.В. Орлова. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. – 290 с.
24. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.

УДК 338:502.1(571.1)
ББК 65.28(253.3)-03

Е.И. ГОЛОЛОБОВ

E.I. GOLOLOBOV

**ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX–XX ВВ.**

**THE NATURE PROTECTION IN THE NORTH
OF WESTERN SIBERIA IN XIX–XX CENTURY**

В данной статье рассматривается экологическая история Севера Западной Сибири в аспекте охраны окружающей среды (законодательное регулирование хозяйственного использования природных ресурсов). Концептуальными блоками теоретической базы исследования выступают теория модернизации, историко-географический синтез, региональный и акторный подходы.

In the article discussed environmental history of the North Western Siberia by nature protection (system of law's regulation of economical using nature resources). The research bases on follow theoretical complex: theory of modernization, historical and geographical synthesis, regional and actor's approach.

Ключевые слова: экологическая история, история освоения Севера Западной Сибири, история охраны окружающей среды, история природопользования.

Key words: environmental history, history of developing the North of Western Siberia, history of nature protection, history of nature management.

Север сейчас вызывает огромный интерес. Он становится ареной политической, экономической и идеологической борьбы. В первую очередь интерес к региону подогревается стремлением завладеть его огромными ресурсами. Это приводит к обострению экологической ситуации на Севере. Перед Мировым Севером, в том числе и Российским, на сегодняшний день стоят серьезные экологические проблемы, среди которых можно выделить: загрязнение среды, в том числе водной, сокращение биологического разнообразия и его трансформация [11, с. 710–712].

Особый интерес в этой связи вызывает Север Западной Сибири. Регион в беспрецедентно короткое время прошел путь от очагового освоения с точки зрения территории, где надо было лишь контролировать объемы добычи определенных ресурсов, до сплошного индустриального освоения с необходимостью комплексного обеспечения охраны окружающей среды.

Именно поэтому анализ этого пути невозможен без исторического осмысления, ибо естествознание не может самостоятельно понять истоки и причины экологических проблем, так как они заключены в политической, экономической, социальной и культурной деятельности общества. Экологические проблемы Севера Западной Сибири имеют глубокие исторические корни, связанные с «ресурсным» подходом государства к северным территориям в целом.

Важность исторического подхода к осмыслению экологических проблем определяется следующим. Во-первых, основным источником возникновения экологических проблем является уровень человеческой культуры, понимание которого могут дать именно гуманитарные науки. Во-вторых,

представители естественных наук должны учитывать, что описываемая ими в исследованиях природа нередко представляется для историка не реальной. Для таких работ характерно почти полное отсутствие взаимосвязи природы и человека, особенно в контексте антропогенного воздействия. В-третьих, экологи нуждаются в исторической науке, так как не могут ответить на важный вопрос: почему мы находимся в состоянии глобального кризиса с окружающей средой [7, с. 34–35]. Историки могут помочь в понимании причин возникновения экологического кризиса.

В этой связи важнейшее значение для преодоления экологических проблем на Севере Западной Сибири имеет историческое осмысление социальных причин экологического напряжения, имевшего место в прошлом.

Быстрое истощение природных ресурсов на севере и востоке Сибири заставляло власти обращать на это внимание. Первые нормативные документы, регулирующие эту сферу, появились уже в XVII в. [9, с. 51].

В XIX в. приходит понимание того, что хищническое истребление промысловых ресурсов не в интересах государства: «...жадные сибирские промышленники, предаваясь неумеренной своей охоте к звероловству, много сделали вреда государству. Преследуя с остервенением зверей, коих драгоценные меха составляют обильный источник нашего богатства, они истребили целые роды там, где бы всегда оставались они в великом множестве, естлиб ловля производима была с умеренностью и при должных осторожностях» [13, с. 48].

В 1892 г. был принят первый общероссийский закон об охоте. Однако он не распространялся на Сибирь [4]. На рубеже XIX–XX вв. до первой мировой войны царское правительство продолжало предпринимать попытки регулирования охотничье-промысловой деятельности. Был создан «Природоохранительный Комитет» при Русском географическом обществе. В рамках этого комитета разрабатывались проекты по организации сети заповедников по всей стране. Россия делегировала своих представителей на первую международную конференцию по охране природы в Берн [15, с. 35–36].

Революция и гражданская война несколько затормозили этот процесс, но не остановили полностью. В 1920 г. был создан «Государственный Комитет по охране памятников природы», в состав которого вошли ученые и специалисты по всем отраслям естествознания. В 1921 г. СНК был принят и утвержден декрет по Охране памятников природы, садов и парков, разработанный Комитетом [15, с. 37]. В дальнейшем был принят еще целый ряд важных декретов и постановлений природоохранного характера. Разрабатывалась региональная нормативная база по охране окружающей среды.

В конце XIX – первой трети XX вв. было создано региональное природоохранное законодательство, государство взяло под свой контроль использование природных ресурсов и их охрану. Появляются специальные декреты, нормативные документы, регулирующие эту сферу деятельности. В 1920-е гг. многие вопросы законодательного регулирования природопользования являлись дискуссионными и обсуждались на различных уровнях.

Однако жизнь вносила свои коррективы. В условиях хозяйственной разрухи, явившейся прямым следствием революции и гражданской войны, усилия советской власти были направлены, прежде всего, на поиск путей экономического выживания страны. Сталинская модель индустриализации была сориентирована на стратегию покорения природы. Мичуринское «нечего ждать милостей от природы...» стало своеобразным кредо идеологов того времени [3, с. 674]. В реальности это привело к процветанию экстенсивных методов использования природных ресурсов. С экологической точки зрения претворение сталинской модели индустриализации в жизнь «оказалось не менее опасным, чем тысячу раз заклеянный период первоначального накопления капитала в западных странах» [3].

В 1930 – середине 1950-х гг. были введены стандарты на вылавливаемую рыбу, правила рыболовства. Правила запрещали прием молодежи ценных

промысловых пород, вводились запретные для рыболовства зоны в местах нереста ценных пород рыб. Законодательство, посвященное северным территориям, было обобщено в специализированных сборниках, в которых нашли свое отражение и вопросы регулирования природопользования. Законодательство 1930–1950-х гг. относительно северных территорий вообще и регулирования вопросов природопользования в частности оценивалось положительно, как отвечающее потребностям местного населения.

До второй половины XX века охрана природы представляла собой движение за сохранение некоторых видов животных и растений, отдельных участков (памятников) природы. Во второй половине XX века в связи с ростом промышленности, сельского хозяйства и народонаселения стало необходимым сохранение природной среды в целом (лесов, рыбы, животных, почв и т.д.). Происходит институциональное оформление природоохранной деятельности.

В 1955 г. постановлением Президиума АН СССР была создана Комиссия по охране природы Академии наук СССР. Затем подобные комиссии были созданы в академиях наук союзных республик и некоторых филиалах АН СССР. В 1958 году прошла первая Сибирская конференция по вопросам охраны природы [8].

Применительно к Западной Сибири к концу 1950-х гг. наиболее остро стоял вопрос об охране природы в таежном и лесостепном ландшафтах, наиболее подвергшихся изменяющему воздействию человека. В этих ландшафтах с особой силой проявляется отрицательное влияние промышленных стоков на водоемы и рыбные запасы. В зоне тайги необходимо было уделить особое внимание борьбе с пожарами, нерациональными рубками, загрязнением рек при лесосплаве и браконьерством [6, с. 12].

В 1960-е гг. – сер. 1980-х гг. ухудшение качества окружающей среды приводило к тому, что десятками принимались различные решения «партии и правительства» об усилении природоохранных мероприятий, но они, практически никак не влияли на природопользование в регионе. Природоохранное законодательство существовало на бумаге, а в реальности велось «хищническое» освоение природных ресурсов.

Бурное развитие Западносибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) уже к середине 1970-х гг. привело к обострению экологических проблем на Севере. Восемнадцатый выпуск сборника «Проблемы Севера», вышедший в 1973 году был посвящен проблемам рационального природопользования на Севере и охране природы [10].

В научной и научно-популярной литературе по проблемам освоения Севера появляются разделы, непосредственно посвященные вопросам охраны окружающей среды. Признается факт существенных изменений условий естественного воспроизводства биологических ресурсов, вследствие интенсивного развития промышленности и других отраслей хозяйства на Севере – сокращение уловов рыбы, особенно ценных пород, заготовок промысловой пушнины и птицы [1, с. 40–42].

В 1970-е гг. ученые стали дифференцированно подходить к анализу проблем охраны окружающей среды в различных регионах. Отмечалось, что имеются существенные различия между проблемой охраны окружающей среды в условиях зон умеренного климата или Юга, где было сосредоточено подавляющее большинство основных фондов и продукции промышленности, и в зоне Севера, где доля основных фондов и численность населения были еще не велики. Были выделены особенности проблемы охраны окружающей среды на Севере.

В первую очередь природа северных территорий во много раз более уязвима, чем в южнее расположенных районах. Экологические системы на Севере проще, чем в районах умеренного климата и Юга, и поэтому обладают меньшей надежностью и устойчивостью.

Важной особенностью зоны Севера в области экологии являлось также развитие в ее пределах ряда производств, особенно вредных для окружающей среды. Для Советского Севера было характерно развитие добывающих отраслей промышленности, среди которых большой удельный вес занимала добыча нефти и газа. Признавалось, что нефть оказывала особо вредное воздействие на природу.

Учитывая эти обстоятельства, ученые говорили о том, что пока еще невелики масштабы индустриализации, есть все возможности для предупреждения нарушения экологических систем на Севере. Для этого необходимо было направлять достижения научно-технического прогресса на недопущение нарушений, а где возможно, улучшать окружающую среду.

Основной путь решения проблемы охраны окружающей среды (ООС) виделся ученым в разработке и осуществлении методов и приемов рационального использования природных ресурсов, предвидении и предотвращении неблагоприятных последствий антропогенного воздействия, исправлении «ошибок» прошлой хозяйственной деятельности, выявлении уникальных природных объектов и создании сети особо охраняемых природных территорий [12, с. 34].

Очень остро стояла проблема рекультивации земель, нарушенных гусеничным транспортом, горнодобывающими предприятиями, геологоразведочными и строительными организациями. Для территорий Крайнего Севера в советский период не было разработано удовлетворительных методов проведения горно-технической, а особенно биологической рекультивации. Стандартные приемы, дающие хороший эффект в средней полосе на данной территории не работали, наоборот приводили к негативным последствиям (образование термокарстовых форм рельефа, оврагов, провалов) [12, с. 34].

Руководством ХМАО с 1981 г. отвод новых земель был поставлен в зависимость от погашения задолженности по их возврату. Повышены требования к ликвидации на трассах завалов древесины и грунта, по выполнению мероприятий по предотвращению депрессии угодий. С 1982 г. в округе стала внедряться практика восстановления угодий силами промышленных предприятий, взамен занимаемых ими под промышленное строительство [12, с. 39].

Формирование современной региональной правовой природоохранной базы берет свое начало в 1992 году, с момента подписания Федеративного Договора «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации». Пункт 4 статьи 3 закрепил властные полномочия автономных округов в основных вопросах пользования ресурсной базы региона: «Вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными, лесными и другими природными ресурсами регулируются основами законодательства, кодексами, законами Российской Федерации и правовыми актами автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации» [14].

Обеспечение исполнения природоохранного законодательства находится в ведении органов прокуратуры. По данным прокурорских проверок становится очевидным тот факт, что многие природопользователи уstraняются от выполнения ранее взятых на себя обязательств по обеспечению соблюдения утвержденных стандартов в сфере охраны недр, атмосферного воздуха, земель, лесов и вод [14, с. 103]. Наибольшее негативное воздействие на окружающую среду продолжают оказывать технологические аварии в местах разработки нефтяных месторождений и нефтепроводов.

Кроме нарушений природоохранного законодательства в области разработки нефтегазоносных месторождений, органами прокуратуры фиксируются нарушения санитарно-эпидемиологического законодательства (обеспечение населения некачественной питьевой водой). Органы прокуратуры осуществляют надзор за исполнением природоохранного законодательства в сфере рыболовства, охраны водных ресурсов, лесных ресурсов, животного мира. На особом контроле в природоохранной прокуратуре находится надзор за соблюдением

законодательства об отходах. В 2011 году по результатам проверок приняты меры к ликвидации свалки твердых бытовых отходов, имеющих площадь более 63 тыс. кв.м [5, с. 197]. Обеспечение исполнения природоохранного законодательства органами прокуратуры осуществляется также в надзоре за соблюдением федерального законодательства соответствующими контролирующими органами, в надзоре за выполнением ими возложенных полномочий.

Усилия властей, природоохранных и общественных организаций не пропали даром. Серьезных экологических катастроф удалось избежать, тем не менее, и в настоящее время, по мнению большинства специалистов, уровень техногенного воздействия на природу Севера Западной Сибири остается высоким, потенциально опасным для многих экосистем [2, с. 117].

Рост потребностей в сырье на протяжении столетий являлся основной предпосылкой движения на Север. Сначала это была пушнина, на смену ей пришло золото и, наконец, в XX в. нефть и газ. Во многом эта тенденция сохраняется до сих пор. Такой утилитарный подход к северным территориям не мог не привести к быстрому истощению природных ресурсов. Это в свою очередь заставляло власти и общество прилагать определенные усилия для решения проблем, связанных с регулированием взаимоотношений человека и природы на Севере.

Рассмотрение сложившейся ситуации и меры, минимизирующие отрицательные экологические последствия освоения Севера Западной Сибири, требуют глубокого анализа, в том числе и изучения исторического опыта, позволяющего реконструировать картину сложившейся ситуации, понять логику и экономические, политические и иные причины, которые привели к современному состоянию экологии в регионе.

Литература

1. Белорусов, Д.В. Проблемы развития и размещения производительных сил Западной Сибири [Текст] / Д.В. Белорусов, И.И. Панфилов, В.А. Сенников. - М. : Мысль, 1976. - 269 с.
2. Валеева, Э.И. Роль водно-болотных угодий в устойчивом развитии севера Западной Сибири [Текст] / Э.И. Валеева, Д.В. Московченко. - Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. - 229 с.
3. Гладкий, Ю.Н. Социально-экономическая география России [Текст] / Ю.Н. Гладкий, В.А. Доброскок, С.П. Семенов. - М. : Гардарики, 2001. - 752 с.
4. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 34. Д. 353. Л. 9 - 11об.
5. Доклад об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе - Югре в 2011 году [Текст]. - Ханты-Мансийск, 2012. - 137 с.
6. Иоганзен, Б.Г. Некоторые аспекты охраны природы Западной Сибири [Текст] / Б.Г. Иоганзен, И.П. Лаптев // Охрана природы Сибири : материалы Первой Сибирской конф. 1958 г. - Иркутск, 1959. - С. 12-14.
7. Калимуллин, А.М. Историческое исследование региональных экологических проблем [Текст] / А.М. Калимуллин. - М. : Прометей, 2006. - 368 с.
8. Охрана природы Сибири : материалы Первой Сибирской конф. 1958 г. [Текст]. - Иркутск, 1959. - 191 с.
9. Павлов, П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. [Текст] / П.Н. Павлов. - Красноярск : Изд-во Красноярского пед. ун-та, 1974. - 238 с.
10. Проблемы Севера. Развитие производительных сил и проблемы окружающей среды [Текст]. Вып. 18. - М., 1973. - 247 с.
11. Северная энциклопедия [Текст]. - М. : Европейские издания, 2004. - 1200 с.
12. Социально-экономические проблемы Севера : научный доклад [Текст]. - Свердловск : УНЦ АН СССР, 1985. - 45 с.
13. Статистическое обозрение Сибири [Текст]. - СПб. : тип. Шнора, 1810. - 361 с.
14. Федеративный Договор от 31.03.1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - Режим доступа <http://base.consultant.ru>.
15. Шилленгер, Ф.Ф. Охрана природы в РСФСР [Текст] / Ф.Ф. Шилленгер // Уральский охотник. - 1925. - № 5-6. - С. 34-38.

УДК 663.2/.3
ББК 36.87

А.М. МАРИУПОЛЬСКИЙ

A.M. MARIUPOLSKY

**РАЗВИТИЕ
ВОДОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

**THE DEVELOPMENT
OF THE VODKA PRODUCTION IN RUSSIA
IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES
ON THE EXAMPLE OF WESTERN SIBERIA**

Данная работа посвящена истории водочного производства Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. В работе затрагиваются вопросы, связанные с особенностями становления и развития западно-сибирского водочного производства. В статье использованы данные как дореволюционных источников, так и материалы некоторых современных научных работ. Автор также затронул некоторые аспекты развития не только производства крепкого алкоголя, но и особенностей его реализации.

This work is devoted to the history of vodka production in Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries. In the work addresses the issues related to the peculiarities of formation and development of the West Siberian vodka production. The article used data, as pre-revolutionary sources, and materials of some modern scientific works. The author also touched upon some aspects of the development of not only the production of spirits, but also the characteristics of its implementation.

Ключевые слова: Западная Сибирь, регион, производство, винокурение, водка, настойка, акциз, завод, рынок, конкуренция.

Key words: Western Siberia region, production, distillation, vodka, tincture, excise, factory, market, competition.

Слово водка появилось в русском языке в XVI веке. Первоначально оно служило для обозначения лекарств, основу которых составляли различные травы и препараты, настоянные на спирту и употреблявшиеся только после разбавления их водой. То есть речь шла о спиртовых настойках. Таким образом, как пишет В.В. Похлебкин: «...водка означает не что иное, как вода, но только в уменьшительной форме – диминутиве. Форма эта, также слова в этой форме (за исключением личных имен) почти совершенно исчезли из русского языка. Они сохранились тем не менее в наиболее древних, вечных, никогда не умирающих словах вроде «мама» и «папа». «Папка, мамка» звучат сегодня, пожалуй, немного грубовато, но зато уж неподдельно по-народному» [9, с. 21–22]. Официальный статус за термином водка закрепляется в XVIII в. Он употреблялся параллельно с термином хлебное вино, но служил для обозначения крепких алкогольных напитков, в составе которых имелись ароматизирующие растительные добавки (травные, ягодные, фруктовые и т.п.). Иначе говоря, словом водка обозначались настойки, например, анисовая, перцовая, рябиновая и др. Неслучайно даже в XIX в. в рекламных объявлениях это слово зачастую употреблялось во множественном числе – водки и настойки. То есть в отличие от хлебного вина, каждая водка имела свой оригинальный вкус, цвет и запах. Но основа у всех водок была одна – хлебное вино различной степени очистки. В этом своем качестве слово водка дожило до начала XX века, когда с введением казенной винной монополии стало постепенно приобретать его сегодняшний смысл.

Овладение технологией перегонки хлебного сырья в спирт позволило поставить изготовление водки на производственную, а впоследствии и на про-

мышленную основу. Данное обстоятельство исключило хлебное вино (водку) из разряда прочих, традиционных для Руси, алкогольных напитков, употребление которых было связано либо с отправлением религиозных обрядов, например, причащение, для которого использовалось виноградное вино. Хлебное вино являлось в XVII–XIX вв. наиболее массовым из крепких напитков. Содержание спирта в нем первоначально варьировалось от 38° до 45°. Подобное положение дел долгое время препятствовало достижению четкой стандартизации при производстве данного напитка. Проблема разрешилась в середине XIX века, когда великий русский химик Д.И. Менделеев в докторской диссертации «О соединении спирта с водою», защищенной в Петербургском университете 31 января 1865 года, доказал, что именно сорокаградусная крепость водки является оптимальной [5, с. 25]. Результатом этого явилось то, что привычная современному жителю нашей страны крепость для водки в 40° была законодательно установлена решением Государственного совета и утверждена царем Александром II 18 июня 1868 года [4, с. 4].

Готовое к употреблению хлебное вино поступало в торговую сеть, как правило, со складов винокуренных заводов. Зачастую качество этого продукта оставляло желать лучшего, поскольку в нем оставалось значительное количество примесей, например, сивушных масел (отсюда закрепившееся в народе выражение – «сивуха»). Для придания продукту более качественных показателей (прежде всего, запаха и вкуса) вино подвергали очистке. Использовались так называемые горячий (ректификация) и холодный (фильтрация) способы очистки. Нередко это делалось на самих винокуренных заводах, но с течением времени процесс дальнейшей доработки продукта стал производиться на специальных предприятиях – водочных заводах. В течение XIX в. водочное производство фактически превращается в самостоятельную отрасль. Помимо простой очистки и разбавления спирта здесь осуществлялось и изготовление водок и настоек (использование различных добавок) по сложившейся с течением времени рецептуре. Во второй половине XIX столетия, благодаря введению акциза, частные водочные заводы стали активно открываться в различных областях Российской империи, в том числе и в Сибири.

Как и в других регионах, большинство сибирских водочных заводов, помимо собственно изготовления водок, занималось очисткой вина и спирта. Очищенное вино, хотя и стоило дороже, однако имело устойчивый сбыт среди средних и, в значительно меньшей степени, низших слоев городского населения. Что касается крестьянства, то здесь чаще всего приоритет отдавался продукции самогонварения. Западносибирские водочные заводы не имели в пореформенный период ректификационных аппаратов, а очищали спирт и вино так называемым холодным способом с применением древесного угля. Предприятия эти были невелики, их производство имело подчас полукустарный характер, число рабочих колебалось от 2 до 8 человек. Из-за примитивности технологии потери спирта при очистке были очень велики и достигали иногда 2,5% [8, с. 780]. Главной продукцией водочных заводов было очищенное вино, в большинстве своем низкого качества. Для производства водок различных сортов использовались морсы из местных ягод, а также эссенции. Вкусовые качества этих напитков, как правило, были далеки от совершенства.

Во второй половине 70-х гг. XIX в. заметное влияние на водочное производство оказали введенные Указом от 26 декабря 1878 г. новые правила об обложении водочных изделий. Был введен дополнительный акцизный налог, получивший название «бандерольный сбор». Суть его состояла в том, что все водочные изделия обкладывались дополнительным сбором в размере 1 р. за каждое ведро (12 л), взимаемым посредством наклейки на бутылки бандеролей соответствующих цен, подчинением при этом водочных заводов строгому контролю и учету. Главной целью нововведения, как пояснял «Вестник финансов, торговли и промышленности», было не только подкрепление фискальных интересов государства, но и попытка искоренить про-

дажу низкопробного вина под видом водок. Следует отметить, что торговля разными, так называемыми специальными водками – белосладкой, американо-русской и т.п. – которые, собственно говоря, на самом деле представляли собой ослабленное прибавкой воды простое хлебное вино, лишь слегка подкрашенное какими-либо специями, получила в тот период широкое распространение, нередко вытесняя из продажи более качественное вино установленной крепости [1, с. 71].

По нашему мнению, с точки зрения фискальных интересов казны, новая статья доходов (как налог на предметы потребления более зажиточных слоев населения) представлялась вполне справедливой и необременительной для платежных сил народа, так как крестьяне и городские низы предпочитали приобретать для употребления не водку, а простое хлебное вино, которое было дешевле.

В определенной степени принятая мера возымела действие, поскольку применение вышеупомянутого нового положения привело к сокращению общего количества водочных заводов, число которых, по сведениям того же источника, сократилось в первый же год наполовину [1, с. 72]. В 1884 г. в Западной Сибири действовало 25 водочных заводов, причем на 8-ми из них производилась только очистка вина. В 1886 г. водочных заводов оставалось уже 17, на 16 из которых производились водки и очищенное вино, и только один завод занимался исключительно приготовлением водок [10, с. 298-299; с. 288].

Как показывают источники, причина сокращения производства, по отзывам владельцев заводов, объяснялась недостаточным спросом на водочные изделия и дороговизной их приготовления и доставки. По мнению акцизного ведомства, на ограниченность местного сбыта водочных изделий влияло и невысокое их качество. Последнее обстоятельство напрямую доказывалось значительным распространением в регионе водочных изделий, поступавших сюда с заводов Петербурга, Москвы, Казани и других городов европейской части России. Важным моментом было и то, что в значительном количестве завозились не только водки и настойки, но и разлитое в стеклянную посуду очищенное хлебное вино [10, с. 298-299].

Со второй половины 80-х гг. XIX столетия на сокращение числа водочных заводов повлияло падение спроса на очищенное хлебное вино. Это произошло, по-видимому, вследствие того, что цены на него для низших слоев населения были довольно высоки, поэтому люди обратились к употреблению более дешевого вина, выпускаемого из очистных отделений винокуренных заводов и оптовых складов [7, с. 289].

По утвердившейся в конце XIX в. в акцизном ведомстве дореволюционной России классификации все водочные заводы подразделялись на три основных группы: 1) специальные водочные заводы, занимавшиеся только выделкой водок и настоек; 2) водочные заводы, которые помимо выпуска водочных изделий очищали спирт горячим способом (основная продукция – водки и очищенное хлебное вино); 3) водочные заводы, выделявшие водки и очищавшие спирт холодным способом (т.е. производство водок сочеталось с выпуском простого хлебного вина). В последнее десятилетие XIX столетия общее число водочных заводов в Западной Сибири колебалось в небольшом количественном диапазоне – от 11 до 13. Из них к первой группе относилось 6 заводов, и 6-7 заводов (в зависимости от конкретного года) составляли предприятия второй и третьей групп. Западно-сибирские водочные заводы производили в год в среднем 37 тыс. ведер водок и настоек различной крепости (около 45 тыс. декалитров водки в современном исчислении) [12, с. 112]. Следует отметить, что данный период времени характеризовался процессом концентрации водочного производства, т.е. мелкие заводы постепенно вытеснялись более крупными. Несмотря на то, что общее количество заводов к 1899 г. (по сравнению с 1889 г.), сократилось примерно на 15%, общие объемы выпускаемой продукции возросли почти на 42%. А средние показатели на 1 условный завод увеличились аж на 62 % [6, с. 61-62].

Проведение Транссибирской железнодорожной магистрали через территорию Западной Сибири в середине 90-х гг. XIX в. имело важное значение для местного водочного производства. Еще в 80-е гг. сибирские водочные заводы начали испытывать весьма серьезную конкуренцию со стороны водочных предприятий Урала и других регионов европейской части России. В этих условиях местное водочное производство неизбежно продолжало бы сокращаться. Его техническая оснащенность заметно уступала аналогичным предприятиям центральной России, а модернизация требовала весьма солидных средств, в то время как обороты западносибирского водочного производства были невелики.

Однако, как уже отмечалось выше, местные водочные предприятия не только не погибли, но и, вопреки всему, стали в последнее десятилетие XIX в. несколько наращивать производство. Причиной этому стало сосредоточение водочных заводов в руках крупнейших винопромышленников-виноторговцев региона. Это соединение винокуренных и водочных заводов в одних руках давало их владельцам неоценимые выгоды. Производство водок и настоек обеспечивалось собственным сырьем (т.е. своим спиртом), качество которого к концу позапрошлого столетия заметно повысилось, благодаря использованию на местных винокуренных заводах новейшего импортного оборудования. В результате улучшились вкусовые качества выделяемых водок и настоек, расширился их ассортимент, что способствовало росту конкурентоспособности местной водочной продукции. Даже сибирская печать, постоянно и помногу критиковавшая местных производителей за низкое качество водок к концу XIX столетия стала допускать оговорки, красноречиво свидетельствовавшие, что ситуация меняется к лучшему. Так, в «Сибирском торгово-промышленном календаре за 1896 год», в частности, отмечалось: «Водочные изделия местного производства, вследствие своего плохого качества, *исключая некоторых, как например гг. Вытнова, Пастухова, Ерофеева и Платонова* - имеют очень мало сбыта и вытесняются из употребления привозными водками» [курсив мой. - А.М.] [11, с. 165]. В данной связи хотелось бы отметить, что произошедшее в Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. объединение винокуренных и водочных предприятий в руках одних и тех же владельцев - процесс, на наш взгляд, вполне закономерный. Конечной его целью, как представляется, явилось соединение винокуренного и водочного производств в единую отрасль промышленности - спиртоводочную, как это фактически и произошло впоследствии.

С введением винной монополии в стране было организовано строительство крупных казенных оптовых складов вина и спирта, которые располагались в крупных населенных пунктах. В Западной Сибири в 1902 году (первый год введения казенной винной монополии на данной территории) было построено и открыто 14 казенных очистных складов, в 1903 году их стало 15, а в последующие годы в Сибири функционировало 26 казенных оптовых складов [3, с. 60]. Данные склады выполняли целый ряд функций. Получение с частных винокуренных заводов и хранение спирта с последующей его холодной очисткой (пропуск через березовые или липовые угольные фильтры, а затем через песок с битым и промытым стеклом). Производство из этого спирта хлебного вина (водки) установленной крепости, разлив полученного в итоге продукта в стеклянную тару различной емкости и упаковка. Распределение и рассылка (вина) водки по местам раздробительной продажи. Поэтому не случайно, что на базе бывших казенных оптовых складов впоследствии, уже в советское время, были организованы новые производственные предприятия - ликеро-водочные заводы (например, томский, барнаульский, мариинский и т.п.).

С введением государственной винной монополии была установлена единая для всей страны норма крепости вина (водки), поступавшего в розничную продажу - 40°. В условиях акцизной системы государству не удалось установить полный контроль за единообразием крепости находящегося в

продаже хлебного вина. Введение монополии позволило добиться более четкой стандартизации, благодаря чему, в начале XX в. слово водка окончательно вытеснило из оборота наименование хлебное вино.

Подводя общий итог всему вышесказанному, хотелось бы отметить, что западно-сибирское водочное производство во второй половине XIX – начале XX вв. в процессе своего становления и развития поставило перед государством и обществом целый комплекс вопросов, поиск ответов на которые актуален и сегодня.

Литература

1. Извлечение правил о приготовлении и продаже водочных изделий [Текст] // Вестник финансов, торговли и промышленности. – 1886. – Т. 1. – № 2.
2. Казенная продажа вина [Текст] / Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей. – СПб., 1900. – 310 с.
3. Колокольников, К.А. Развитие винной монополии в Томской губернии с Семипалатинской областью [Текст] / К.А. Колокольников. – Томск : Типолитография Сибирского товарищества печатного дела, 1914. – 104 с.
4. Краткий очерк взимания питейного налога с крепких алкогольных напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами [Текст]. – СПб., 1913. – 290 с.
5. Мариупольский, А.М. Введение винной монополии в России: цели и результаты [Текст] / А.М. Мариупольский // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2013. – Вып. 3 (30). – С. 24–26.
6. Мариупольский, А.М. Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863–1902 гг.) [Текст] / А.М. Мариупольский. – Барнаул : Из-во АГУ, 2000. – 158 с.
7. Отчет Департамента неокладных сборов за 1886 г. [Текст]. Ч. 1. – СПб., 1887. Приложение.
8. П. В. Аппарат для очищения спирта // Вестник финансов, торговли и промышленности [Текст]. – 1889. – Т. 2. – № 24. – С. 780–781.
9. Похлебкин, В.В. История водки [Текст] / В.В. Похлебкин. – М. : Интер Версо, 1991. – 286 с.
10. Положение акцизного дела в Западной Сибири (Извлечение из отчета управляющего акцизными сборами Западной Сибири за вторую половину 1884 г.) [Текст] // Вестник финансов, торговли и промышленности. – 1885. – Т. 2. – № 18. – С. 298–300 ; Отчет Департамента неокладных сборов за 1886 г. [Текст]. Ч. 1. – СПб., 1887. Приложение.
11. Сибирский торгово-промышленный календарь за 1896 г. [Текст]. – Томск : Паровая типолитография П.И. Макушина, 1896. – 692 с.
12. Статистика производств, облагаемых акцизом и гербовых знаков за 1899 год [Текст]. – СПб., 1901. – 538 с.

УДК 37
ББК 74.03.(2)5

Ю.Л. МАРКОВСКАЯ

JU.L. MARKOWSKAJA

С.А. РАЧИНСКИЙ И Л.Н. ТОЛСТОЙ:
К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

S.A. RACHINSKY AND L.N. TOLSTOY
TO HISTORY OF RELATIONSHIP

В статье рассматривается проблема контактов между двумя российскими педагогами, занимавшимися вопросами народного просвещения, образования и воспитания крестьян во второй половине XIX столетия: С.А. Рачинским Л.Н. Толстым.

In the article the problem of contacts between the two Russian teachers involved in the issues of public education, and the education of the peasants in the second half of the nineteenth century: S.A. Rachinsky L.N. Tolstoy.

Ключевые слова: татевская школа, школа в Ясной Поляне, народное просвещение, церковно-приходские школы, история педагогики, Л.Н. Толстой, С.А. Рачинский, В. Розанов.

Key words: Tatev school, the school at Yasnaya Polyana, national education, parochial school, educational history, L.N. Tolstoy, S.A. Rachinskii, V. Rozanov.

Обращение к изучению истории взаимоотношений представителей консервативного лагеря со своими «соратниками по цеху» [1, 2, 4, 12, 14] или оппонентами не является новым опытом для исторической науки в России. Подобная постановка проблемы позволяет ученому наиболее эффективно выявлять точки соприкосновения или расхождения во взглядах мыслителей, которые оказались в фокусе исследовательских интересов, определять их взгляды на наиболее значимые вопросы развития российской государственности. Кроме того, обращение к биографическому методу (personal history) открывает широкие возможности для детального рассмотрения мельчайших нюансов мировоззрения изучаемых общественных деятелей.

Исходя из всего вышенаписанного, представляется чрезвычайно интересной проблема рассмотрения в этом ключе история взаимоотношений двух ярких представителей интеллектуальной и духовной жизни эпохи второй половины XIX в. – нач. XX вв.), выдающегося писателя Л.Н. Толстого и педагога и общественного деятеля С.А. Рачинского с привлечением сохранившегося эпистолярного наследия.

С.А. Рачинский – одна из наиболее интересных и противоречивых фигур российской педагогики XIX в. Занимая вполне определенно консервативные позиции, он сотрудничал с либеральными журналами и перевел на русский язык труд Чарльза Дарвина «Происхождение видов...». Дружба с обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым как минимум со времени, когда оба они были профессорами Московского университета, Сергей Александрович также общается со Львом Толстым, впоследствии отлученным решением Синода от церкви. Предпочитая всему прочему в школьной программе православный воспитательный компонент, он готовит и выпускает прекрасные сборники математических упражнений и задач [5]. Эти противоречия перестают казаться таковыми, если мы признаем за Рачинским не бездумный и безоглядный, а вполне рациональный консерватизм, первым известным провозвестником которого в Российской империи стал граф Сергей Семенович Уваров, предполагавший не отказ от всего европейского, а развитие национальных традиций дополнением к которым могут выступать европейские заимствования.

Фигура Л.Н. Толстого также не имеет однозначной интерпретации в российской истории и общественной мысли. С одной стороны, масштаб его писательского таланта признавался уже современниками, в том числе и его идейными противниками. С другой стороны, открытый конфликт с Русской православной церковью привел к краху многих его важных начинаний, усилению критики созданной Толстым педагогической школы, основывавшейся на опыте яснополянской народной школы.

Объем переписки Л.Н. Толстого с С.А. Рачинским невелик и значительно уступает наследию русского педагога с другими его визави – К.П. Победоносцевым или В. Розановым. Точная дата знакомства Л.Н. Толстого с С.А. Рачинским неизвестна, а наиболее раннее письмо датируется 1862 годом, однако мы знаем, что личные контакты между ними начинаются ранее. Знакомство Толстого и Рачинского, по всей вероятности, произошло в Москве: или в доме Д.И. Сушковой, сестры Ф.И. Тютчева, или в доме самого Рачинского на Малой Дмитровке, который играл роль литературного салона для молодых научно-педагогических кадров Московского университета [6].

Стоит отметить одно обстоятельство, лежащее само по себе вне проблемы их переписки, но которое, тем не менее, имело большое значение в контексте их отношений в целом. Это интерес и личное знакомство с немецким педагогом И. Стоем и практикой его образовательных учреждений. Например, С.А. Рачинский посетил с целью изучения и возможного перенятия опыта школу профессора Йенского университета Карла Стоя во время пребывания в Германии для подготовки к получению магистерской степени, о чем опубликовал заметку в «Русском вестнике» М. Каткова [8]. Оба будущих педагога впоследствии высоко оценили опыт прогрессивных немецких школ [15, с. 433–435], но посчитали его неприемлемым для русской школы, склоняясь к тому, что России необходима школа, основанная на национальных традициях, национальной культуре и национальной словесности [6].

В 1862 году два педагога обменивались письмами относительно школы Стоя, необходимости отправить ему материалы об опыте яснополянской школы Л. Толстого. Однако этот обмен короткими письмами остался на долгое время единственным актом коммуникации между ними. С.А. Рачинский советовал Толстому отправить Стою журнал «Ясная Поляна», одновременно выражал досаду и слабую надежду на понимание последним идей русской национальной школы Толстого: «Само собою разумеется, что Стой найдет Ваши мнения дикими, Ваши методы фантастическими. Но он человек умный и внимательно приглядывающийся к детям. Я убежден, что Ваши наблюдения не пройдут для него даром и что в глубине души он согласится с Вами во многом, даже если не захочет самому себе признаться в этом» [17, с. 485]. Православный путь С.А. Рачинского привел к утверждению церковно-славянского языка, письменности и литературы в качестве основы образовательной и духовно-воспитательной программы Татевской школы: он ссылаясь на единство и преемственность традиции современного ему русского языка к церковно-славянскому, большее знакомство крестьян с последним, благодаря богослужениям и сохранению книг на нем у обычных сельских обывателей. Впоследствии, в письме к иному христианскому, но не порывавшему с официальным православием, философу В.В. Розанову, С.А. Рачинский прямо напишет, что «Ваше предположение об изгнании из школы чтения гражданского неосуществимо, ибо чтение церковно-славянское есть прямой путь к научению сознательному чтению по-русски» [13]. Также любопытно, что Л. Толстой проявляет в этом единичном обмене сообщениями интерес к организации школы сестры С.А. Рачинского.

Следующие письма начинаются в 1870-х гг., когда С.А. Рачинский уже покинул стены Московского университета. Заметим, что и Л.Н. Толстой и С.А. Рачинский сетовали на значительные перерывы в их переписке, однако эта проблема прослеживается в течение всего периода их активного общения.

Переписка возобновится тогда, когда сменится круг интересов и характер деятельности самого С.А. Рачинского. В 1868 г., вместе с рядом других преподавателей Московского университета С.А. Рачинский уйдет в добровольную отставку, что было связано с нечистолично прошедшими выборами ректора. В результате Рачинский покинул Москву и вернулся в свое имение в Татеве, где спустя еще 7 лет – в 1875 году начал преподавать в сельской школе¹. Судя по письму к В. Розанову этим семи годам между отставкой и началом татевской педагогической деятельности С.А. Рачинский не придавал никакого значения – по крайней мере, в своей «кратчайшей автобиографии», уместившейся на нескольких строках, он ничего не сообщает об этом времени [13, с. 425].

Вскоре после возобновления педагогической деятельности, но теперь уже в качестве сельского учителя и организатора целой сети церковно-приходских школ в Татевском уезде Смоленской губернии, восстанавливается и связь С.А. Рачинского со Львом Толстым. Как уже говорилось, он инициирует развитие в Татевском уезде сети церковно-приходских школ; но в то же время продолжает выступать в качестве яркого публициста, продолжая публиковаться в «Русском вестнике», сотрудничество с которым началось еще в годы поездки за границу, а затем и во многих других журналах.

Следует заметить, что С.А. Рачинский начинает учительскую деятельность, не имея формального подтверждения квалификации: в примечаниях к ранее не опубликованным письмам С.А. Рачинского к Л.Н. Толстому указывается, что для осуществления частной педагогической деятельности требовалось дать пробный урок в одном из официальных учебных заведений, о чем выдавался специальный аттестат. Однако аттестат С.А. Рачинского датируется лишь 24 мая 1878 года – к тому времени он уже несколько лет вел активную педагогическую деятельность в Татевской школе [3, с. 252].

Обмен мнениями между С.А. Рачинским и Л.Н. Толстым шел не только по поводу вопросов педагогики, он затрагивал самый широкий спектр вопросов культуры. Например, в 1875 г. С.А. Рачинский напишет Л. Толстому относительно «Анны Карениной» (обмен мнениями относительно романа, его композиции и структуры, а также литературных планов Толстого на будущее составит отдельный «краткий сюжет» их переписки) и с этого времени продолжается их регулярное общение.

В марте 1877 года Рачинский написал Толстому (и это, вероятно, второе сообщение периода их регулярной переписки) довольно иронично, что писателю «суждено получать от меня через годика два-три ни с того ни с сего длинные послания». В этот раз основным сюжетом их обмена письмами становится опыт яснополянской и татевской школ. С.А. Рачинский пишет, что «Методы обучения у меня не выработались никакой. По утрам я учу старший класс всему, по вечерам занимаюсь всеми классами, то попеременно, то вместе. Модные предметы у нас арифметика и музыка, а также каллиграфия... Я застал четырнадцать мальчиков, живущих в училище – это у нас явление общее – деревни мелки и разбросаны. Построив новое училище, присоединил к ним еще четырех... С родителей берется только мука на хлеб, остальное, как и вся школа – на мой счет» [6].

Толстой ответит на это, что по прочтению послания С.А. Рачинского «ему ужасно захотелось побывать у вас и в вашей школе. Я очень тяжел на подъем и очень занят бываю, но мне этого очень хочется, и я вас очень люблю. – Пожалуйста, напишите мне еще и про себя» [15, с. 318].

В каждом известном исследователям письме Л.Н. Толстой выражал интерес к педагогической деятельности С.А. Рачинского, что, совершенно очевидно, связано со сходством их предметного поля – крестьянские сель-

¹ На этот счет существуют определенные разночтения. Так, биограф С.А. Рачинского Н.М. Горбов сообщает, что педагогическую деятельность в Татевской школе С.А. Рачинский начинает уже в 1872 году, а сам Рачинский в письме к Розанову (с. 425 указ. сочин.), упомянет, что начал преподавать с 1875 года.

ские школы и народное просвещение. Это происходит в 1861 году (как упоминалось нами выше, он выражал интерес к школе сестры С.А. Рачинского, в деятельности которой по-видимому, будущий Татевский педагог принял участие), в 1875 году [15, с. 318], 1878 году [15, с. 318], 1881 году. Более того, Толстой даже принимал некоторое участие в устройстве судьбы учеников Татевской школы, что подтверждается письмом от 29 мая 1878 года.

Другой предмет их переписки составляла взаимная оценка их литературных и публицистических трудов. При этом важно отметить, что критика сочинений Толстого Рачинским не носила взаимный характер: хотя татевский педагог более известен по публикации в «Русском вестнике» в 1860-х гг. путевых и художественно-критических заметок [5, 10, 11], он также оставил свой след в истории русской литературы и публицистики несколькими собственными сочинениями художественного характера и переводами, а также богословскими работами и социально-философскими эссе в форме «пишем в редакцию» [7, 9]. Не только С.А. Рачинский высказывает критические замечания о сочинениях Толстого, но и последний в послании от 15 ноября 1881 года сформулировал вполне определенное недовольство статьями С.А. Рачинского в «Руси», поскольку, по его мнению, в них биолог и педагог выражал ясную симпатию православной церкви [16, с. 84], а сам характер изложения отмечал как весьма бессистемный, мысли С.А. Рачинского казались ему незаконченными, недоведенными до финала. Сам же Толстой занимал антиклерикальные, хотя и вполне прохристианские позиции (отрицая значение и необходимость церковных институтов, он оставался верующим человеком). Правда, необходимо отметить, что и сам Рачинский не высоко оценивал эти статьи, также считая их изложение весьма сумбурным или даже бессвязным [16, с. 85]. Этот случай, хотя и является единственным известным, демонстрирует, что предметом их переписки был не только односторонний интерес бывшего профессора к крупнейшему русскому литератору, но вполне взаимная симпатия двух литераторов, педагогов и мыслителей.

Нигде в материалах их переписки мы не встречаем сколько-нибудь конфликтных позиций относительно природы народного просвещения и характера педагогической деятельности в сельской школе. Таковым, конечно, нельзя считать рассуждение о возможности или невозможности привлечения на работу в сельские школы студентов высших учебных заведений обеих российских столиц, которое приводится в письме от 7 августа 1862 года (в это время С.А. Рачинский еще не преподает в Татеве). Означает ли отсутствие таких дискуссий, что педагоги имели идентичные представления об общем характере и частных, методических вопросах организации народного образования? – вряд ли. Скорее, это молчаливый плюрализм и признание возможности и эффективности различных методик. В пользу этого говорит и оценка Толстым школы Стоя, которая весьма существенно отличалась от Татевской школы (при глубоком личном знакомстве С.А. Рачинского с педагогической деятельностью последнего). Л.Н. Толстой считал, что перенос стоевского опыта на российскую почву невозможен, но отдает должное его достижениям в Германии.

Толстой и Рачинский имели различные точки зрения на социально-экономическую исключительность их дворянского положения – богатство, владение крупными земельными имениями и т.д. Рачинский прямо возражал Толстому по поводу намерения последнего раздать имение крестьянам. Об этом он написал графу в июне 1886 года: «...Вы раздаете нищим духовные сокровища, рядом с коими смешно говорить о Вашем земном имуществе. Благодарение Богу, что Вы избавлены от всякой заботы телесной, и за Вас, и за Ваших детей. Лишь благодаря этому можете Вы творить свободно и легко, можете Вы расточать ту милостыню, которою Вы питаете миллионы...» [18].

Отношения этих двух мыслителей прервутся с 1898 г. вскоре после начала открытого осуждения Л. Толстым Православной церкви и выступлений в пользу т.н. «личной» и внецерковной религии экуменического толка. Ра-

чинский напишет ему: «...Ваших отреченных писаний не читал. Судить о них по случайно дошедшим до меня отрывкам, по настроению плохо понимающих Вас адептов – было бы unfair. Но отчего происходит это непонимание, отчего это вялое, холодное, отрицательное настроение людей, именующих себя Вашими учениками? Не от того ли, что о всяких тайнах жизни и смерти, бытия Божественного и человеческого «мысль изреченная есть ложь»? Не потому ли обреченные видеть все это лишь «как в зеркале в гадании», мы ищем этого зеркала в наших узких философах, когда есть иное зеркало, более широкое и чистое? Это зеркало – земная Церковь в художественной совокупности ее истории, верований и чаяний, догматов и обрядов <...> Истинно любить Бога ты можешь только в живом Христе и в бесчисленной иерархии живых душ... и недостаточно нам внимать учению Христа. Нам нужно плакать у Его ног, облекать эти ноги драгоценным миром. Ибо мы ограничены и слабы, и нуждаемся друг в друге. Ибо благодеяния материальные и умственные, которые мы в силах оказать меньшей братии ничтожны и <...?> сравнительно с тем, что мы от нее получаем. А получаем мы от нее дар общения в любви с братьями, живыми и мертвыми, и не только в любви взаимной, но и в любви к Богу» [18].

О разрыве Рачинского с Л. Толстым В. Розанов напишет, что «одним из длительных, мучительных, почти *личных* несчастий С.А. Рачинского был известный поворот в направлении деятельности, в ходе религиозных мыслей Л.Н. Толстого. Нет возможности передать всей глубокой нежности, какую он чувствовал к характеру творчества автора «Войны и мира» и «Детства и отрочества» <...> Он надеялся, что этот великий полет завершится еще большею высотой, – озарением всей панорамы Руси из церковных глубин, непременно церковных и ортодоксальных, без всяких мятежных порывов. Когда же на место этого появились именно мятежные порывы, титаническая разрушительная работа, беспощадная, часто грубая, Рачинский как бы пал, пронзенный унынием [13, с. 426]. С другой стороны, С.А. Рачинский в письмах к Розанову сперва укажет, что статья последнего о Толстом «менее удовлетворительна» [13, с. 446] (что в устах обычно деликатного сверх всякой меры педагога выглядит практически ругательством) и будет говорить, что ругать Толстого – рано, время позволит оценить не только его писательский талант, но и философский, а затем в 1898 году напишет, что новая «статья ваша о Толстом – не из лучших ваших статей. Вы были связаны прежнему вашим жестокими отзывами о великом писателе, и поэтому впали в крайность противоположную».

С другой стороны, в примечаниях, сделанных для публикации своей переписки с Рачинским, Розанов отметит, что они также разошлись во взглядах на религиозной почве. Возникнет известного рода парадокс: и В. Розанов и Л. Толстой, всякий по своему, будут убеждены в непоколебимой и даже излишней ортодоксии С.А. Рачинского, в том, что он более придерживается буквы восточно-христианского вероучения, нежели его духа. Однако при этом, отношение С.А. Рачинского – убежденного ортодокса – «пустынника» по мнению обоих своих визави! – к Западной Церкви будет гораздо более демократичным: комментируя смущение В. Розанова перед его собственным сочувствием к Франциску Ассизскому, С.А. Рачинский замечает, что «многим явлениям в жизни западных церквей не можем и не должны мы отказывать в сочувствии, именно потому, что в православной истине мы имеем мерило, не допускающее нам до слепого увлечения. С этим мерилом в руках можем отдавать справедливость... бесчисленным делам милосердия и церковного учительства, творящимся на Западе. Мы не были бы православными, если бы не умели распознавать ту долю добра и истины, которая примешана к западной лжи» [13, с. 448].

К большому сожалению исследователей наследия С.А. Рачинского и Л.Н. Толстого в области общественной мысли и педагогических трудов переписка имеет небольшой объем. Она начинается нерегулярно с 1862 года, становится регулярной с 1875 года, однако между этими 5–7 письмами «ре-

гулярного периода» (смотря с какой времени начинать отсчет их постоянного сообщения), проходит иногда по несколько лет. Последнее письмо С.А. Рачинского Толстому датируется, видимо, 1890 годом.

Изучая отношения двух этих ярких интеллектуалов, в том числе и через анализ переписки, позволило установить схожесть их взглядов на необходимость развития русской национальной школы, интерес к европейскому (прежде всего, германскому) опыту воспитания и образования.

Кроме педагогических идей и обсуждения некоторых методических вопросов, важными темами переписки были взаимный интерес к художественному и публицистическому творчеству, в ходе дискуссий о котором на позициях дружественных критиков оказываются оба респондента.

В 1898 году, когда С.А. Рачинский отправил Л.Н. Толстому «в память старой дружбы» одно из центральных своих сочинений – так называемые «Письма духовному юношеству о трезвости». В этом письме Рачинский написал, что взгляды на трезвенническое движение – это «пункт (увы! пожалуй, единственный), на ком мы с Вами не разошлись!». Любопытно, что схожая судьба в последние 2 года жизни татевского педагога постигнет и его отношения с В. Розановым. В целом же переписка двух мыслителей демонстрирует плюрализм педагогических взглядов С.А. Рачинского, а также его общественно-политический консерватизм, специфическое отношение к переменам: осторожное, но допускающее их возможность или даже необходимость, и совершеннейший традиционализм в вопросах религиозного толка.

Литература

1. Милевский, О.А. Л. Тихомиров и К. Леонтьев к истории взаимоотношений [Текст] / О.А. Милевский // Вестник ТГПУ. – Вып. 1. – 1997. – С. 70–74.
2. Милевский, О.А. Я верю в Россию ... Тихомиров и Столыпин: надежды и разочарования [Текст] / О.А. Милевский, А.В. Репников // Родина. – 2012. – № 4. – С. 24–28.
3. Н. Б. Из недавних писем Л. Толстого Иславиным, Рачинскому и др. [Текст] // Красный архив. – С. 252.
4. Попов, Э.А. Л.А. Тихомиров и Б.Н. Чичерин: спор оппонентов [Текст] / Э.А. Попов. – Либеральный консерватизм: история и современность. – М., 2001. – С. 188–194.
5. Рачинский, С.А. 1001 задача для умственного счета [Текст] / С.А. Рачинский. – СПб., 1899. – 90 с.
6. Рачинский, С.А. и Толстой Л.Н. – учитель и лжеучитель [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/print75086.htm>, режим доступа: свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 01.04.2015).
7. Рачинский, С.А. Из Германии [Текст] / С.А. Рачинский // Русский вестник. – 1857. – Т. 9. – С. 163–175.
8. Рачинский, С.А. Институт Стоя в Йене [Текст] / С.А. Рачинский // Русский вестник. – 1857. – Т. 11. – С. 3–15.
9. Рачинский, С.А. Стихотворения Аполлона Майкова [Текст] / С.А. Рачинский // Русский вестник. – 1858. – Т. 2. – С. 897.
10. Рачинский, С.А. Художественная деятельность в Веймаре [Текст] / С.А. Рачинский // Русский вестник. – 1857. – Т. 11. – С. 3–18.
11. Рачинский, С.А. Цветы и насекомые [Текст] / С.А. Рачинский // Русский вестник. – 1863. – Т. 44. – С. 347–396.
12. Репников, А.В. Константин Леонтьев и Лев Тихомиров [Текст] / А.В. Репников // Эхо : сб. статей по новой и новейшей истории Отечества. – М., 2001. – С. 7–16.
13. Розанов, В.В. Литературные изгнанники [Текст] : кн. вторая / П.А. Флоренский, С.А. Рачинский, Ю.Н. Говоруха-Отрок, В.А. Мордвинова // Собр. соч. / под общ. ред. А.Н. Николукина. – М. : Республика ; СПб. : Росток, 2010. – письмо от 21.10.1895.
14. Терехова, С.А. С.А. Павловский и Л.А. Тихомиров: к истории взаимоотношений [Текст] / С.А. Терехова // Вестник СурГУ. – 2012. – № 4. – С. 89–97.

15. Толстой, Л.Н. Полное собр. соч. [Текст] / Л.Н. Толстой. – Т. 62. Письма 1873–1879. – М., 1889. – С. 318.
16. Толстой, Л.Н. Полное собр. соч. [Текст] / Л.Н. Толстой. – Т. 63. Письма 1873–1879. – М., 2006. – С. 84.
17. Толстой, Л.Н. Полное собр. соч. [Текст] / Л.Н. Толстой. – Т. 60. Письма 1856–1862. – М., 2006. – С. 485.
18. Ушакова, И.В. Сергей Рачинский и Лев Толстой: два друга, два учителя, два антагониста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Сергей Рачинский и Лев Толстой: два друга, два учителя, два антагониста, режим доступа: свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 11.04.2015).

В.Я. МАУЛЬ

V.YA. MAUL

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НАЧАЛА XXI ВЕКА
О ПУГАЧЕВСКОМ БУНТЕ
(НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ)RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
AT THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY
ON THE SUBJECT OF THE PUGACHEV REBELLION
(SOME ASPECTS OF THE ISSUE)

Статья посвящена изучению новейшей российской историографии Пугачевского бунта. На основе опубликованных в 2000-х годах научных изысканий современных историков рассмотрены проблемы и перспективы изучения грозных событий русского бунта XVIII столетия. Выделены достоинства и недостатки современных исследований актуальной научной проблемы.

The article deals with the analysis of modern Russian historiography regarding the Pugachev rebellion. On the basis of modern historians' scientific inquiries published in the 2000ies the issues and the prospects for studying terrible events of the 18th century Russian rebellion are explored. Modern investigations' virtues and shortcomings of this actual scientific problem are determined.

Ключевые слова: Пугачевский бунт, российская историография, методология, Пугачев, историки.

Key words: Pugachev's rebellion, Russian historiography, methodology, Pugachev, historians.

Выбор для историографической реакции столь небольшого хронологического отрезка объясняется печальным фактом преклонного возраста или ухода из жизни за эти годы «последних могикан» советской концепции «крестьянских войн в России». Вместе с ними исчезли соответствующие научные школы, произошел перелом в общественном восприятии Пугачевщины, число свежих работ о которой сегодня стремится к нулю и дает основание говорить о феномене отсутствующей историографии. Проблема заключается даже не в малочисленности публикаций, а в отсутствии новизны конструктивных идей, концептуальных подходов и познавательных решений. К тому же, для большинства авторов Пугачевский бунт стал периферийной сферой приложения творческих потенций, их научная активность ограничилась, как правило, одной-двумя узко тематическими статьями преимущественно в региональных периодических изданиях. В связи с этим сохраняет значение озвученный в литературе насущный призыв «пополнить количество компетентных, основанных на источниках работ, посвященных народным движениям, которые в современной российской историографии, к сожалению, стали редким явлением» [18, с. 114].

Еще в самом начале 2000-х гг. И.В. Побережников, намечая перспективы изучения «темы конфликтов», писал о необходимости антропологического контекста, о востребованности психологического, структурно-социологического и микроисторического подходов к исследованию народного протеста [22, с. 16–17]. С некоторыми оговорками, дополнениями и уточнениями в целом с названными эпистемологическими ориентирами вполне можно солидаризоваться. Нет сомнений, что применение этих и иных теоретических концептов в практике конкретных исторических изысканий позволило бы увидеть «новое лицо» русского бунта. В этом смысле симптоматично, что за прошедшее с тех пор более десятилетия не было предпринято серьезных

попыток реализовать какие-либо из благих призывов ученого на материалах Пугачевского бунта. Вместо этого периодически на страницах различных изданий продолжают «проблематизироваться» «избитые» историографические темы и сюжеты о движущих силах восстания, роли в нем различных категорий населения, их социально-экономическом положении как причине вовлеченности в борьбу и т.п.

Так, сложившиеся еще с дореволюционных времен представления о Пугачевском бунте, как «ужасном, поистине «черном годе»... для благородного сословия» [34, с. 176], едва ли сильно пошатнутся при чтении, допустим, такого пассажа из сравнительно недавно опубликованной работы Л.В. Волкова: «На третьем этапе восстания... отношение повстанцев и самих крестьян к дворянам стало в общем более суровым, нежели в начале восстания, – пишет он. – На дворян устраивалась настоящая охота. Среди крестьян распространяются слухи о необходимости в обязательном порядке уничтожить своих владельцев» [5, с. 108].

Не стоит думать, что приведенная цитата произвольно вырвана из общего смыслового единства, нарушив целостное содержание текста. Напротив, вся статья буквально пестрит «набившими оскомину» и зачастую недостаточно аргументированными рассуждениями о том, как «пугачевцы сохраняли все существовавшие в России сословия за исключением дворянского, стремясь возвысить казачество», а особую ненависть у них «вызывали владельцы крепостных крестьян». Мягко говоря, Волков отнюдь не оригинален в утверждении, что «повстанцы щадили тех дворян, которые признавались «добрыми» людьми», а подушная подать «отменялась лишь временно». Чем-то неувлительно знакомым со времен советской историографии повеяло и от заключительных строк: «Стремясь сокрушить крепостничество, – сообщается там, – участники восстания Пугачева субъективно выступали за «хороший» феодализм без крепостного права и чрезмерной эксплуатации» [5, с. 113].

Знакомясь с такими заявлениями, невольно задумываешься о степени историографической образованности их авторов. Уязвимость схемы «причина-следствие», «эксплуатация-протест» была осознана еще в рамках советской исторической науки. Например, А.Л. Шапиро считал неверным «автоматически выводить степень народного возмущения из размеров феодальных повинностей. Часто бывало так, что подвергавшиеся особенно жестокой эксплуатации крестьяне оставались не втянутыми в движение, а их менее эксплуатируемые собратья вели активную борьбу». Все дело в том, полагал историк, что для «психологии старорусских (и не только старорусских) крестьян характерна особенно болезненная реакция на «незаконные» поборы, даже если они невелики» [35, с. 315].

Иными словами, в острых экзистенциальных ситуациях доминантами поведенческой активности обычно становились не размеры социальных и экономических тягот как таковые, а их ментальное «измерение», то, как они воспринимались взбудораженным сознанием простолюдинов, живших в те далекие от нас времена. Именно поэтому существенную роль в возникновении восстаний играли не столько их объективные причины, сколько субъективно переживаемые непосредственные поводы-провокации, какими бы незначительными они ни выглядели в глобальном масштабе исторического развития страны. Показательно, что поводы оказывались не просто последней каплей, переполнявшей чашу народного терпения, но одновременно и мотивацией, обоснованием самого протеста. Они вооружали протестующих необходимой санкцией и, таким образом, легитимировали протест в глазах его участников.

Имея в виду подобный психоэмоциональный фактор, еще Х. Ортега-и-Гассет заметил, что для обыкновенного «среднего» человека прошлого «жизнь была синонимом тяжелой судьбы как в экономическом, так и в физическом смысле», он ощущал «свое существование как давящий груз запретов, который надо нести на своих плечах, для него не было другого выбора, как приспособиться к своей ноше, устроив ее поудобнее на спине» [21, с. 82].

Стремясь внести ясность в рассматриваемую проблему, О.Г. Усенко специально обратил внимание на различие дефиниций ключевых в данном контексте понятий: «Эксплуатация – чисто экономическая категория: это регулярное изъятие прибавочного продукта (частично или целиком) у непосредственных производителей. Угнетение же – понятие социально-психологическое, а именно принуждение человека к чему-либо вопреки его воле и/или ограничение свободы его жизнедеятельности, вызывающее у него какие-либо негативные эмоции. «Усиление гнета» могло происходить и при неизменности характера и уровня эксплуатации. Все дело в том, как и чем эксплуатация оправдывалась, насколько она выглядела нормальной или терпимой для тех, кто был ее объектом» [31, с. 62].

В этой связи подчеркну – уже советским историкам было понятно то, что не могут уразуметь многие современные адепты классических историографических схем: тяготы сами по себе не каждый раз становились прямыми катализаторами массового неповиновения, да и бунтовали далеко не всегда именно самые обездоленные.

Ярким историографическим событием последних лет потенциально могло бы стать применение современных методологий с целью анализа участия коренных народов Урало-Поволжья в Пугачевском бунте. По крайней мере, в предшествующий период прочный фундамент для национально-ориентированного изучения Пугачевщины был заложен. Однако в большинстве случаев исследование столь сложного и актуального феномена сегодня также превратилось в вялотекущий процесс, порождающий лишь единичные публикации по небольшим частным сюжетам.

Так, в сборник статей, выпущенный в Казани к 80-летию «яркого представителя советской татарской исторической науки» С.Х. Алишева, были включены работы и по пугачевской тематике. В одной из них кратко характеризуется «неоценимый вклад» юбиляра в изучение истории Пугачевского бунта. Без всяких далеко идущих «антиимперских» или «антиколониальных» амбиций его труды признаются решающим шагом «для соединения татарской истории с национальной идеей» и для исторического обоснования «борьбы татарского народа за национальное и социальное освобождение, за право сохранения своей религиозной и этнической идентичности» [8, с. 43, 44, 46].

Другая статья посвящена «второй казанской катастрофе», т.е. захвату этого крупного города участниками «Емелькиного» бунта». Но «потрясающих научных устои» задач автор также перед собой не ставит, напротив, они более чем утилитарны и прагматичны. Все усилия С.П. Саначина сосредоточены на локальном интересе – устранении противоречий в существующих схемах передвижения пугачевских отрядов во время боев в Казани. В связи с чем более-менее успешно им «делается попытка восстановить некоторые хронологическо-топографические подробности июльских событий 1774 года» [24, с. 374].

Аналогичное количество публикаций (две) появилось в 2000-е гг. о действиях пугачевцев «на территории мордовского края». Обе написаны начинающим историком С.Г. Балаевым. Более ранняя из них имеет историографический характер и посвящена анализу зарубежных исследований о широком крестьянском участии «в гражданской войне 1773–1775 гг.» в данном регионе. Другая статья представляет собой краткий собственно исторический обзор событий на тему «кровавой жакерии» в Мордовии, ее причин, хода и последствий [1, 2].

Очевидно, что ни одна из названных работ не может претендовать на весомый вклад в обновление научного знания о крупнейшем народном бунте позднего российского средневековья. По сути дела, в них мало или нет вообще новых сведений об участии татар и мордвы в пугачевском движении, отсутствуют методологические открытия, гносеологические новации и, как правило, нетривиальные контексты.

Намного более активно в начале столетия заявила о себе «пугачевская» историография в Башкортостане, где на высоком правительственном уровне поощряется проведение подобного рода исторических изысканий и мероприятий. Но, судя по всему, только до тех пор, пока они носят апологетический характер по отношению к башкирским участникам Пугачевщины. Сторонникам иных оценок дается безапелляционная отповедь в очень резких тонах: «факты настолько не соответствуют намерениям историка, что излагаемая им версия событий выглядит курьезной»; «это утверждение ... было совершенно беспочвенным»; «ошибочно приписывают»; «автор не всегда активен» и т.п. [28, с. 8, 17, 19, 21, 23].

Бывало, что в качестве полемического аргумента в ход пускалась «тяжелая артиллерия» в виде «административного ресурса». По словам И.В. Кучумова, сначала мы «были привлечены к уголовной ответственности, арестованы и помещены в следственный изолятор», а в сентябре 2010 г. «отданы под суд». Причем, «одним из пунктов обвинения» являлась «дискредитация Салавата Юлаева». Таким образом, – констатирует историк, – мы стали фигурантами уникального для России уголовного дела, возбужденного в том числе и по факту неофициальной трактовки персонажа далекого прошлого» [16, с. 5].

В созданной таким образом безальтернативной атмосфере авторитетный в республике историк Н.М. Кулбахтин может на полном серьезе утверждать, будто анализ сражений Салавата Юлаева «позволяет поставить башкирского батыра в ряд выдающихся полководцев не только Крестьянской войны 1773–1775 годов». Дескать, разработанный им «план, подготовка и проведение боя могут войти в классику военного искусства». «Более того, Салават не только создал некий симбиоз двух тактик, но дальше развил господствующую в русской армии тактику длительной осады укрепленных пунктов». Причем, «А.В. Суворов лишь в декабре 1790 г. применил эту тактику при взятии крепости Измаил». При этом Кулбахтин порой использует бездоказательные аргументы, отсутствующие в источниках, когда утверждает, что не только опытный «военный командир Штерич был поражен воинским искусством «славного наездника» Салавата», но и главный победитель пугачевцев «Михельсон был поражен ... умением Салавата вести бой тактически грамотно» и т.д. [14, с. 84, 85, 87, 82].

Столь безудержные и неоправданные дифирамбы вынудили даже соратников башкирского «гуру» пойти на попятный и признать, что называть «Салавата военным гением, конечно, серьезно историк не станет, разве что в порыве эмоциональной восторженности, – масштабы несоизмеримы» [4, с. 31].

Тем не менее, одному «из многих башкирских вождей даже в рамках Пугачевщины» по-прежнему придается исключительное значение. В свете сложившегося в Башкортостане культа батыра, Салавата Юлаева провозгласили героическим символом всего башкирского народа и его вековой дружбы с другими этносами республики и страны: «Идеализация Салавата – это дружеский, пусть наивный, сигнал со стороны башкир, протянутая рука. Он означал, что башкиры предпочитают вспоминать, насколько терпим был Салават по отношению к небашкирам, сколько отчаявшихся русских, доведенных родным государством до состояния рабочей скотины, он вел за собой, под прикрытием своей свирепой башкирской дружины» [4, с. 45, 130].

Но как показали недавние события в республике, сомневаться в величии национального героя даже в наши дни оказывается небезопасным. Не удивительно, что по количеству опубликованных о нем работ Салават затмил самого Е.И. Пугачева, причем лавинообразный прирост литературы пришелся именно на начало XXI в. Так, библиографический указатель, составленный к 255-летию со дня рождения Салавата Юлаева, насчитывает 147 наименований разного рода произведений о «пугачевском бригадире, певце и импровизаторе», созданных в промежутке между 2000 и 2009 гг., и только 72 – за весь предшествующий век. Причем 54 из этих последних изданы в близкие

к нам 1990-е гг. После же 2009 г. и по настоящий момент дополнительно появилось немало новых публикаций [25, с. 5-24].

На явно нездоровом фоне общественно-политических разборок и историографического монополизма из одной работы в другую транслируется мысль об «отнюдь не классовых» целях выступления башкир под знаменами Пугачева, акцентируется идея полной зависимости хода и исхода восстания, а также его предводителя от позиции башкирских сторонников «Пугач-падши». Утверждается, что при наличии желания они, «в общем-то, запросто могли не только не поддержать бунтарей, но и утопить их в крови. На что начальство и рассчитывало. Но они сделали другой выбор» [3, с. 35]. Едва ли не в каждом эпизоде пугачевского движения башкирские воины изображаются спасителями бунтовщиков. Например, так, как это описывает С.У. Таймасов применительно к поражению повстанцев под Кундравинской слободой: «Положение Пугачева стало критическим. Разбитый в прах, он находился в полном окружении. На помощь снова пришли башкиры» [27, с. 121].

Некоторыми башкирскими историками сформулирована надуманная версия, будто бы не массовые выступления крестьянства, а «Кинзя Арсланов и его соратники своей агитационной деятельностью по мобилизации башкир и других народов южных волостей Башкортостана обусловили перерастание локального восстания яицких казаков в Крестьянскую войну» [13, с. 56].

Иначе говоря, в противовес сомневающимся «невеждам» и «клеветникам», в республиканской историографии утвердилась «единственно правильная» концепция доминантной роли башкир в Пугачевском бунте, во многом опирающаяся на математические подсчеты: «Конечно, «полковник» у Пугачева, и полковник настоящей регулярной армии – две большие разницы..., – отмечает автор одного из современных полемических сочинений. – Но давались эти звания не с потолка... Они отражали реальную иерархию внутри пугачевского воинства. Поэтому лидерство по количеству высоких чинов из башкир ясно показывает, кто был реальной силой в его «армии», кого самозванец был вынужден улаживать» [4, с. 96-97].

При всем бурлении идеологических страстей и сведении счетов с неудобными оппонентами, в научном плане новейшие исследования Пугачевского бунта башкирскими историками иллюстрируют их попытку на прежнем методологическом фундаменте осуществить аксиологический кульбит – уйти с поля «классовой борьбы при феодализме» в сторону акцентирования антиколониальной, национально-освободительной сущности участия башкир в массовом народном движении под знаменем «императора Петра III». Поэтому в тот же момент, как «самозванный русский царь обратился к башкирам с обещанием исполнить их заветные чаяния, они без долгих колебаний пошли за ним, чтобы использовать новый исторический шанс» [28, с. 193].

Было бы противоестественно, если бы в новейшей литературе на пугачевскую тему вообще обошлось без интересных наработок, наблюдений и суждений. Они имеются, но, к сожалению, встречаются достаточно редко. Так, стоит приветствовать сам факт появления серьезной постановочной статьи Ю.Н. Смирнова и поддержать сформулированный им призыв к «обогащению историографической традиции ценными источниками, объективными интерпретациями и углубленными подходами, созданию нового поколения исследовательской, учебной и популярной литературы по одной из интереснейших страниц истории» [26, с. 165].

Готов с удовольствием подписаться под каждым процитированным выше словом, но кое-что уточнить. Дело в том, что для адекватной репрезентации любого изучаемого события, в том числе из истории Пугачевского бунта, необходимо рассматривать источники не просто как «кладовую фактов», а как имманентно обусловленную социокультурную целостность, учитывать особенности мировоззрения, характер и интересы их авторов и описываемых персонажей. Когда объективная реальность прошлого будет рассматриваться как совокупность множества субъективных смыслов его акторов, тогда на

первый план выйдет интерпретация текста и его культурное целеполагание. В ходе данной познавательной процедуры должен использоваться широкий спектр общенаучных и специальных методов, определяться запечатленные документом ценности и идеалы культуры, к которой он принадлежит. Это позволит более полноценно понять содержание самого источника и реконструировать на его основе эпизод истории.

В комплиментарном контексте востребованных сегодня методологических стратегий приведу один небольшой пример: изучая взаимодействие «казачества и приписных крестьян» в ходе пугачевского восстания на Урале, А.Л. Устинов отметил любопытное обстоятельство, что «приписные крестьяне, вероятнее всего, поддерживали ту силу, которая на данный момент в данном регионе одерживала победу». Вопреки прежнему примату классовой солидарности трудящихся в борьбе с феодалами, историк правомерно усматривает в таких поведенческих реакциях «действие элементарного инстинкта самосохранения». Но еще и вполне прагматичную житейскую сметку, всегда отличавшую российских простолюдинов в тяжелых жизненных ситуациях. А потому, если им так «было проще», то они могли склониться «под скипетр Его Императорского Величества [Пугачева/Петра III. – В.М.], а когда придут карательные команды, присягнуть на верность государыне-императрице [Екатерине II. – В.М.]. И «животы целы», и хозяйства в порядке, и хоть какая-то надежда на освобождение от ненавистной заводской повинности (заводы все-таки разрушались)» [32, с. 21-22; 27, с. 75-80].

К отрицанию «классовой» мотивации Пугачевщины, но на ином фактическом материале пришел С.В. Джунджужов. Рассматривая в разных аспектах историю Ставропольского калмыцкого войска, он утверждает, что «твердого классового раздела участия калмыков в гражданской междоусобице не было. И на стороне Пугачева, и на стороне царского правительства воевали рядовые калмыки во главе со своими командирами, представителями калмыцкой феодальной верхушки. Выбор рядовых калмыков, как правило, зависел от мнения войсковых старшин и посулов, на которые не скупился Е.И. Пугачев в своих устных и письменных обращениях». В то же время (и это чрезвычайно показательно), в распоряжении историка нет «доказательств, что выступление большей части калмыков на стороне пугачевцев носило антиколониальную направленность». В действительности, – полагает Джунджужов, – оно имело «стихийный характер, вызванный временным ослаблением царской власти в волжско-уральском регионе и возможностью безнаказанного ограбления зажиточных соседей». Ну, а поводы для недовольства своим положением «имелись как у бедняцкой, так и у зажиточной группы калмыков» [6, с. 128, 129; 7, с. 49, 50].

Обращает на себя внимание недавно опубликованная интересная статья А.С. Майоровой об участии немецких колонистов в Пугачевском бунте. Вернувшись после долгого перерыва к «бунташной» проблематике, она, вслед за своими предшественниками (Я.К. Грот. В.В. Мавродин, И.Р. Плева и др.), в очередной раз поднимает вопрос о причинах того, что немецкие поселенцы Поволжья «присоединялись к отрядам пугачевцев». В ходе тщательного исследования ей удалось обнаружить дополнительные сведения «о бедственном положении семей колонистов, об их голодном существовании и крайней нужде», «о том, что голодало население многих колоний», в то время как чиновники «стремились ограничиться минимумом в оказании помощи». Все эти данные послужили Майоровой основанием для вывода, что причинами участия иностранных колонистов в бунташных событиях были «обида, которые они терпели от служащих Саратовской конторы» опекунов иностранных поселенцев, чья деятельность «вызывала недовольство у «многих колонистов», что и привело их в ряды сторонников «Петра Федоровича»» [17, с. 239, 242, 243, 244, 245-246].

При чтении статьи может сложиться впечатление, будто при всей источниковой фундированности и эвристической ценности размышлений

историка самих по себе, они несколько не способствуют обновлению привычного понимания грозных событий Пугачевщины. В рамках социально-экономической каузальности лишь уточняют штрихами и конкретизируют деталями то, что о ней уже давно было известно. Но, в то же время, в предложенных истолкованиях явно акцентируется социо-психологическая составляющая. Мотиваторами повстанческой активности колонистов изображаются не просто их тяготы как таковые, но и «великий страх голода», «недостаток внимания» со стороны чиновников и массовые «обиды» поволжских колонистов на власть имущих. Все это позволяет констатировать шаг вперед по пути к подлинно современному осмыслению Пугачевского бунта в целом. Будем надеяться, что в дальнейших работах ученого потенциально перспективные исследовательские методики получат еще более полноценное воплощение.

Симптомы свежего взгляда на пугачевскую проблематику можно также заметить в публикациях Е.Н. Трефилова. Положительно можно оценить постановку им проблемы отношения пугачевцев к чужеземцам вообще, и, в частности, – к императрице Екатерине II, как немке и женщине на престоле. Подчеркну повышенную актуальность этого сюжета в социокультурных реалиях XVIII в., о чем красноречиво свидетельствует его неоднократное отражение в так называемых «непригожих речах». Принято считать, будто в них «именно в адрес женщин-правительниц обрушивалась поистине разнуданная брань без каких-либо ограничений, выражавшая общее отрицательное отношение к присутствию представительниц слабого пола на троне. Они не воспринимались истинными помазанниками божьими, а потому к ним относились как к обычным, хотя и высокопоставленным, но вполне земным людям со всеми их человеческими слабостями, несовершенствами, страстями и пороками» [19, с. 97].

На конкретных примерах из истории Пугачевщины Трефилов изучает важнейший вопрос межкультурных коммуникаций сквозь призму социокультурных и психологических конструктов – «свои» и «чужие». В сравнении с простолюдными, жившими в начале XVIII в., он показывает якобы возросшую толерантность участников Пугачевского бунта к иной национальной и гендерной принадлежности лиц, находившихся в их собственных рядах или по другую сторону баррикад.

В то же время, историк, как представляется, несколько преувеличивает степень прямой корреляции между вестернизацией России и трансформациями ментальных трафаретов социальных низов. Хотя «картина мира» «как самого Е. Пугачева, так и участников восстания тяготела к традиционным ценностям», – пишет Трефилов, – ими «начинает осознаваться (пускай лишь в утилитарных целях) необходимость существования культуры образованного меньшинства. С уверенностью можно говорить, что это явилось прямым следствием реформ, проводимых в XVIII в.». Поэтому мировоззрение пугачевцев, «несмотря на общий традиционный фон, содержит в себе элементы мышления, которые появились благодаря европеизации России и трансляции барочных идей и барочных поведенческих практик, а, следовательно, свидетельствуют о том, что европеизация в той или иной степени коснулась всей страны» [30, с. 529].

Пытаясь опровергнуть утвердившийся в литературе взгляд, Трефилов приводит «немало данных», по его мнению, доказывающих, «что далеко не все простолюдины были негативно настроены к женскому правлению и могли видеть в царицах народных заступниц». А потому даже «для участников Пугачевского бунта, казалось бы, напрямую направленного против Екатерины II, императрица не являлась главным врагом. Расспросные речи Пугачева и его сподвижников, манифесты восставших показывают известную сдержанность в выражении негативных чувств к Екатерине» [29, с. 160].

К сожалению, вклад Трефилова в «пугачевскую» историографию пока ограничивается двумя рассмотренными публикациями, преимущественно основанными на интерпретации исключительно сложной разновидности ис-

точников – расспросных речей пленных бунтовщиков. Хорошо известно, что они «создавались в ходе следствия, в обстановке неравной психологической борьбы между следователем и подсудимым. Первый, используя весь арсенал устрашения, вплоть до истязания и пыток, стремился, часто в ущерб истине, добиться показаний, усугубляющих вину и участь подсудимого. А последний, стараясь избежать новых истязаний и спасая свою жизнь, пытался умалить собственную роль в событиях восстания» [20, с. 98].

Все это дает основание для вопроса о степени верифицируемости полученных Трефиловым результатов. По крайней мере, значительный объем материалов по делам о говорении «непригожих речей» современниками пугачевцев в адрес цариц или лиц иноземного происхождения («немцев») порождает серьезные сомнения в достаточной репрезентативности выводов историка.

В течение последнего времени также появилось несколько публикаций начинающих историков, посвященных изучению отдельных аспектов Пугачевского бунта. В некоторых из них заметны попытки выйти за рамки привычных ракурсов рассмотрения русского бунта XVIII столетия. Они, в частности, связаны с выявлением «типа самозванца» по материалам следственного дела Пугачева, влияния на дворянскую психологию в целом и взгляды Екатерины II в частности грозных событий Пугачевщины и т.п. Однако для большинства молодых ученых характерно недостаточно полное знакомство с историографией вопроса и, одновременно, зависимость от высказанных в литературе взглядов. К тому же пока они ограничились работами небольшого объема, а потому не очень понятны дальнейшие перспективы исследования ими актуальной научной проблематики [9, 10, 11, 12, 15, 23, 36].

Осуществленный в нашей статье аналитический разбор доказывает, что в новых исторических условиях для обогащения и приращения имеющихся знаний о пугачевском лихолетье невозможно ограничиваться элементарным воспроизведением традиционного для российской (прежде всего, советской) историографии исследовательского опыта. Простое сохранение тематической и содержательной преемственности по отношению к работам предшественников – это не самый плодотворный путь к «разгадке» смысла русского бунта. Он не актуален в той системе познавательных возможностей, в которой ангажируется не событийная, а эмотивная компонента «протестующей толпы», не сами «действия», а их бурное «переживание» современниками происшедшего. Однако под прямым или косвенным влиянием якобы по-прежнему приоритетных гносеологических установок находится большая часть названных и некоторых других специальных работ, которые появились за последние годы.

Рассмотренные выше «проблемные места» новейшего «пугачевоведения» вызывают озабоченность не только из-за специфики внутринаучных императивов, но и вследствие перманентной ангажированности социальных конфликтов в жизни общества и государства. Вполне ясно, что продолжая заблуждаться относительно социокультурной природы и механизмов детерминации массового народного протеста, мы рискуем оказаться не готовыми к очередной встрече с русским бунтом «лицом к лицу».

Поэтому нет никаких сомнений, что столь важную научную проблему, как восстание под предводительством Пугачева, нужно решать, идя, шаг за шагом, к получению все более адекватного результата о нем, а для этого необходимо применение современного методологического «инструментария» и, следовательно, поиск новых познавательных моделей.

Литература

1. Балаев, С.Г. Крестьянство в гражданской войне 1773–1775 гг. на территории мордовского края: обзор зарубежной историографии [Текст] / С.Г. Балаев // Крестьянство и власть Среднего Поволжья : материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. – Саранск : Изд-во НИИГН, 2004. – С. 95–103.
2. Балаев, С.Г. «Кровавая жакерия» в мордовском крае (1773–1775): [гражданская война 1773–1775 гг. под предводительством Е. Пугачева] [Текст] / С.Г. Балаев // Центр и периферия. – 2007. – С. 41–45.
3. Бердин, А.Т. Интерпретации пугачевщины: в поисках консенсуса. Беседа главного редактора журнала «Панорама Евразии» А.Т. Бердина с д.и.н. В.Я. Маулем [Текст] // Вестник Института гуманитарных исследований Республики Башкортостан. – 2013. – № 14. – С. 26–39.
4. Бердин, А.Т. Салават: бой после смерти [Текст] / А.Т. Бердин. – Уфа : РИО РУНМЦ МО РБ, 2009. – 152 с.
5. Волков, Л.В. Социальные представления участников восстания Е.И. Пугачева [Текст] / Л.В. Волков // Вопросы истории. – 2006. – № 12. – С. 107–115.
6. Джунджузов, С.В. Неосознанный выбор. Влияние пугачевского лихолетья на Ставропольское калмыцкое войско [Текст] / С.В. Джунджузов // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2011. – № 1. – С. 127–138.
7. Джунджузов, С.В. «Пугачевское замешательство» и Ставропольское калмыцкое войско [Текст] / С.В. Джунджузов // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2013. – № 2 (103). – С. 49–52.
8. Ислаев, Ф.Г. С.Х. Алишев о восстании Емельяна Пугачева [Текст] / Ф.Г. Ислаев // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья : сб. статей к 80-летию юбилею С.Х. Алишева. Вып. 1. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 43–46.
9. Кочережко, С.С. Влияние Пугачевского восстания на взгляды императрицы Екатерины II: постановка проблемы [Текст] / С.С. Кочережко // Добро и зло в современном обществе: духовно-нравственные аспекты общественного развития : сб. материалов IV Междун. науч. конф. молодых ученых. – Самара : Офорт, 2011. – С. 139–141.
10. Кочережко, С.С. Малоизученные дворянские воспоминания о «Пугачевщине»: «Журнал из домашних записок» [Текст] / С.С. Кочережко // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2014. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 5–9.
11. Кочережко, С.С. Представления о причинах пугачевского восстания 1773–1775 гг. в контексте социальной психологии российского дворянства последней трети XVIII – начал XIX в. [Текст] / С.С. Кочережко // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2013. – № 6 (104). – С. 159–165.
12. Кочережко, С.С. Проблема подавления пугачевского восстания 1773–1775 гг. в социальной психологии российского дворянства последней четверти XVIII в. [Текст] / С.С. Кочережко // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2014. – № 1 (111). – С. 94–100.
13. Кулбахтин, Н.М. Кинзя-абыз и его дети [Текст] / Н.М. Кулбахтин // Ватандаш. – 2005. – № 1. – С. 46–72.
14. Кулбахтин, Н.М. Сардар Салават. К 250-летию со дня рождения Салавата Юлаева [Текст] / Н.М. Кулбахтин // Ватандаш. – 2004. – № 2. – С. 73–91.
15. Курышев, А.В. Волжское казачье войско и повстанческое движение под предводительством Е. Пугачева [Текст] / А.В. Курышев // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. – 2004. – Вып. 9. – С. 54–72.
16. Кучумов, И.В. Исследование Дж. Александра о Пугачевском восстании [Текст] / И.В. Кучумов // Александр Дж. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. – Уфа : ИП Галиуллин Д.А., 2011. – С. 5–9.
17. Майорова, А.С. Причины участия иностранных колонистов в восстании под предводительством Пугачева [Текст] / А.С. Майорова // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию). – М. : МСНК-пресс, 2013. – С. 237–246.
18. Майорова, А.С. Рецензия на книгу: Джон Т. Александер. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. [Текст] /

- А.С. Майорова // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2. – 2013. – Т. 13. – С. 112-114.
19. Обухова, Ю.А. «Непригожие речи» послепетровской эпохи в гендерном интерьере культуры [Текст] / Ю.А. Обухова // Клио. – 2013. – № 1. – С. 96-100.
 20. Овчинников, Р.В. Сподвижники Пугачева свидетельствуют... [Текст] / Р.В. Овчинников // Вопросы истории. – 1973. – № 8. – С. 97-101.
 21. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Текст] // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. – М. : Радуга, 1991. – С. 40-228.
 22. Побережников, И.В. Новый источник по истории Пугачевщины на Урале и в Западной Сибири («Допрос» А.Н. Свешникова 1774 г.) [Текст] / И.В. Побережников // Источники по истории Западной Сибири : материалы регион. научн. конф. Ч. II. – Сургут : Изд-во СурГПУ, 2003. – С. 16-23.
 23. Позднякова, Н.В. Тип самозванца XVIII столетия по материалам следственного дела Ем. Пугачева [Текст] / Н.В. Позднякова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3. – С. 122-124.
 24. Саначин, С.П. «Вторая казанская катастрофа» (1774 г.) [Текст] / С.П. Саначин // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья : сб. статей к 80-летию юбилею С.Х. Алишева. Вып. 1. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 374-378.
 25. Славный сын башкирского народа: библиографический указатель к 255-летию со дня рождения Салавата Юлаева [Текст] / сост. Г.Р. Албутова, Р.М. Салимоваю – Белебей, 2009. – С. 5-24.
 26. Смирнов, Ю.Н. Современные подходы к истории восстания 1773-1775 гг. [Текст] / Ю.Н. Смирнов // Вестник Самарского университета. – 2007. – № 5/3 (55). – С. 158-166.
 27. Таймасов, С.У. Восстание 1773-1774 гг. в Башкортостане [Текст] / С.У. Таймасов. – Уфа : Китап, 2000. – 376 с.
 28. Таймасов, С.У. Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773-1775 годов [Текст] : дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук / С.У. Таймасов. – Уфа, 2000. – 203 с.
 29. Трефилов, Е.Н. Еще раз о «бабах» на русском престоле, или Несколько слов о том как пугачевцы относились к Екатерине II [Текст] / Е.Н. Трефилов // Гиштории российские или Опыты и разыскания. К юбилею Александра Борисовича Каменского. – М. : Древлехранилище, 2014. – С. 144-160.
 30. Трефилов, Е.Н. Элементы традиционного и нового в мышлении простолюдина XVIII в. (по материалам Пугачевского бунта) [Текст] / Е.Н. Трефилов // Человек в культуре русского барокко. – М. : ИФ РАН, 2007. – С. 519-530.
 31. Усенко, О.Г. Социальный протест в России до начала XX века: терминология и классификация [Текст] / О.Г. Усенко // Из архива тверских историков : сб. воспоминаний и научных трудов. К 70-летию со дня рождения профессора М.М. Червяковой. Вып. 6. – Тверь : Научная книга, 2006. – С. 60-80.
 32. Устинов А.Л. Взаимодействие казачества и приписных крестьян в восстании 1773-1774 гг. на Урале [Текст] / А.Л. Устинов // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. трудов. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2007. – Вып. 7. – С. 17-29.
 33. Устинов, А.Л. К изучению социального состава и роли казачества в Крестьянской войне 1773-1775 гг. [Текст] / А.Л. Устинов // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2004. – С. 75-80.
 34. Фирсов, Н.Н. Пугачевщина: опыт социолого-психологической характеристики [Текст] / Н.Н. Фирсов. – СПб. ; М. : Тов-во М.О. Вольф, 1907. – 185 с.
 35. Шапиро, А.Л. Волнения старорусских крестьян в 1671 г. [Текст] / А.Л. Шапиро // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. – Л. : Наука, 1967. – С. 300-367.
 36. Эльмурзаев, И.Я. Пугачевщина как политическое антигосударственное явление и действие репрессивного механизма по его подавлению [Текст] / И.Я. Эльмурзаев // Общество и право. – 2009. – № 5 (27). – С. 101-103.

УДК 94(450)094
ББК 63.3

О.А. МИЛЕВСКИЙ

O.A. MILEVSKY

**В ПОИСКАХ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ»:
Л.А. ТИХОМИРОВ И Б. МУССОЛИНИ
(ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА
КОНЦЕПЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА)**

**SEARCHING «THE THIRD WAY»:
L.A. TIKHOMIROV AND B. MUSSOLINI
(EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS
OF CONCEPTS OF STATE CONSTRUCTION)**

В статье рассматриваются две модификации доктрины «третьего пути» на примере сравнительного анализа программы реформ «социального строя» России, разработанной Л.А. Тихомировым, и концепции строительства «корпоративного государства», выдвинутой Б. Муссолини.

Two modifications of «The third way» Doctrine after the example of comparative analysis of «social system» reforms' program of Russia developed by L.A. Tikhomirov and the concept of construction of «corporative state» suggested by B. Mussolini are considered in the article.

Ключевые слова: государство, социальный строй, корпоративизм, «третий путь», рабочая политика, социализм, капитализм, «консервативная революция».

Key words: state, social system, corporativism, «the third way», working class policy, socialism, capitalism, «conservative revolution».

В современной гуманитарной науке, несмотря на безапелляционное утверждение Ф. Фукуямы о «конце истории» [33] и доминировании в процессе социального развития либеральной парадигмы, интерес к альтернативным политическим моделям остается достаточно высоким. В этом ряду не оставлены без внимания и концепции так называемого «третьего пути».

В контексте изучения идеологии «третьего пути» исследователи все чаще обращаются к осмыслению мирового консервативного наследия, включая его российскую составляющую [6, 10, 11]. В ряду изучения работ русских мыслителей немалый интерес вызывает «консервативная программа» Л. Тихомирова, представляющая собой проект реформирования всего государственного строя Российской империи.

Идеи, развиваемые Л. Тихомировым, интересны как раз тем, что предоставляют нам возможность получить представление о теоретической модели российского варианта «третьего пути». Более того, знакомство с его концепцией поможет нам сравнить предложения Л. Тихомирова с нарождающимися спустя четверть века в Европе политическими проектами «третьего пути», пролегающего, по мысли неоконсерваторов, «между Сциллой либерализма и Харибдой социализма» [10] и оформленными концептуально в виде идеологической доктрины «консервативной революции»¹. Доктрины, воплотившейся в политической практике ряда европейских государств, в виде различных модификаций авторитаризма.

¹ В рамках широкой оппозиции, объединившейся вокруг второго поколения неоконсервативных традиционалистов в Германии возникло идейное направление, которое австрийский поэт Х. Гоффмансталь в 1927 г. определил, как «консервативная революция». В научном обиходе это понятие утвердилось в 1950 г. после издания одноименной книги А. Молера. [1, с. 74-107].

Попытки сравнения различных направлений в идеологии «третьего пути» уже предпринимались исследователями [2]. Однако автору представляется интересным и актуальным сравнить идеи и предложения Л. Тихомирова с теорией и политической практикой режима Б. Муссолини, которые нашли воплощение в построении в Италии фашистского «корпоративного государства». В свою очередь, проведенный анализ мог бы способствовать вписыванию интеллектуального наследия русских мыслителей-консерваторов в общеевропейский контекст. Ведь не секрет, что очень часто представления о генезисе доктрин русского консерватизма рассматривались в отрыве от формирования общемировых политико-правовых трендов.

Действительно, при ближайшем рассмотрении мысли, высказанные Л. Тихомировым в начале XX в. в духе реорганизации социальной структуры государства и основанные на принципах корпоративизма и солидаризма, уже имели предшественников.

В числе первых можно назвать немецкого экономиста А. Мюллера, который придерживался естественно-органического понимания сущности государства, а отношения между государством и индивидами, по его мнению, опосредуют сословия, корпорации, коммуны и т.д., то есть все небольшие разнообразно образованные жизненные круги, в которые должен входить отдельный индивид, чтобы соединиться с «целым» иначе говоря – государством [34, с. 418–419]. В дальнейшем это положение было развито Г. Гегелем в плане отношений «человек – общество – государство». Таким образом, к началу XX в. корпоративная идея уже имела некоторую традицию, восходя к правым социалистическим течениям I и II Интернационала и к социальной доктрине католицизма.

Стоит отметить, что в пореформенную эпоху в России проблемы социальной организации, фундаментом которой считалось четко оформленное сословное начало, волновали многих мыслителей [14, 5]. Именно на работы этих авторов в дальнейшем будет опираться и Л. Тихомиров. К тому же с К.Н. Леонтьевым он был знаком лично, очень высоко ценил его политико-философские идеи и поддерживал с ним дружеские отношения [8, 15].

Но в конце XIX – начале XX вв. при сохраняющихся в России архаичных политических порядках, явно не соответствующих современным социально-экономическим реалиям, несущим в себе в конечном итоге угрозу распада традиционной государственности, идеи и предложения Л. Тихомирова по коренному преобразованию всей социальной структуры зазвучали поистине новаторски. На рубеже веков страна менялась и менялась значительно. Основы мощного экономического роста, объективно толкавшего государство на путь ускоренной модернизации, были в основном заложены в царствование Александра III.

Однако это была только одна сторона медали. Обратная сторона заключалась в совершенной неразработанности и неадаптированности существующей социальной политики запросам новых общественных страт. Трудно не согласиться с мнением исследователя М.Б. Смолина, утверждавшего что «перед Российской империей начала XX в. стояла жесткая политическая дилемма либо социальная модернизация, либо революция» [17, с. 11]. Эту проблему отчетливо осознавал Л. Тихомиров. Действительно, структура имперской государственности в наступившую эпоху резко усложнилась, что поставило под сомнение само существование социально-сословного строя в том формате, в котором он де-юре находился.

Традиционные сословия существовали лишь номинально, а реально они оказались разделенными на множество более дробных корпоративных объединений, никак официально не признанных и уж тем более не обустроенных. В сложившейся ситуации начала нового царствования невозможно было и просто «подморозить» страну, как предлагал К.П. Победоносцев, необходимо было что-то менять, в том числе и в социально-сословной политике. Другой альтернативой оставался переход к строительству общеграждан-

ского общества, что открывало бы принципиально новую страницу в истории российской государственности. Не желая развития событий по либеральному сценарию, Л. Тихомиров в своих работах конца XIX – начала XX вв. начал поиск новых подходов к перестройке всего государственного организма Российской империи.

Свидетельством тому может служить его статья «Из современных задач». В ней Л. Тихомиров рассматривал остро обсуждаемый в славянофильской среде вопрос об «общении между народом и властью». Соглашаясь с тем, что «земско-соборное начало нимало не противоречит принципу самодержавия... и дает ему способы общения с народом», автор тем не менее предупреждал о том, что эта теоретически верная конструкция на практике может явиться источником ошибок. Далее, разбирая идею «соборного начала», он пришел к мысли о том, что для того чтобы создать общение Верховной власти со строем действительно «лучших людей от каждой отрасли нужна внутренняя организация страны. Нужно, чтобы этот цвет производительных сил страны был возможно более жив, чтобы люди к нему принадлежащие, имели между собою возможно больше общения, в виде союзов, обществ, съездов» [21, с. 439].

Таким образом, он предлагал переориентировать всю сословную политику государства в духе организации новых социальных групп, которые уже формально образовались, и властям требуется их только легитимизировать, санкционировав их право на создание каких-либо общественных объединений. В его понимании это могло пойти только на пользу укрепления истинного монархического строя. В статье рефреном звучал призыв к российскому политическому истеблишменту осознать важность, а главное необходимость новой социальной политики. «Развитие сословий и корпоративной жизни – настоятельная задача времени... Но эта работа потребует десятилетий, она не будет прочна, пока не воссоздадутся привычки сословной и корпоративной жизни... Устройте сначала, чтобы с кем быть в общении, а общение явится» [21, с. 445] – подчеркивал он.

Изыскания Л. Тихомирова в данном направлении нашли наиболее полное воплощение в статье «Государственность и сословность». В ней в противовес предложениям либеральных правоведов им выдвигалась теория сословно-корпоративного строя. Л. Тихомиров отказывался следовать традиционному, но явно устаревшему сословному делению русского общества из-за того, что «нации ныне расслоены гораздо сильнее, нежели прежде» [19, с. 434]. Он предлагал под социальным строем понимать всю совокупность групп и слоев русского общества, различающихся по социальному, профессиональному, религиозному и другим признакам. Такие «естественные классы и естественные группы нации», организованные в различные корпорации, профессиональные и творческие союзы, земства, различные производственные объединения и должны были по его представлениям стать организующим началом правильно устроенного сословного государства.

Он предусматривал в каждой отрасли обязательных для рабочих, капиталистов, администрации, инженеров создание организации «обеспечивающей возможность их постепенного соглашения». В этом ему виделся путь, способный помочь избежать классовой борьбы, ведущей к революции, дезорганизации и анархии» [20, с. 108–112].

Впрочем, о создании Л. Тихомировым какой-либо целостной теории на рубеже веков говорить не приходится. Его взгляды на этот вопрос еще не раз будут им же корректироваться. Пока же правительство никак не отреагировало на его рекомендации. Во многом симптоматично для России того времени, что Департамент полиции первым заинтересовался предложениями Л. Тихомирова. С.В. Зубатов попытался использовать их, дабы отвлечь рабочих от революционной борьбы.

Именно в начале нового века в 1902 г. в Москве Л. Тихомиров при поддержке С. Зубатова получил возможность на практике реализовать свои идеи

по устройению рабочего сословия [9, с. 121-133]. Тогда и вышла одна из его программных работ по данной тематике «Рабочий вопрос и русские идеалы». В ней он развенчивал общественную власть, при которой мог быть воплощен в жизнь лозунг «свобода, равенство и братство». В противовес им выдвигался «коренной, истинно русский идеал», являющийся «ни классовым, ни сословным, а христианским», основанным на гармонии классов под сенью надклассовой самодержавной монархии. Исходя из этого, он и предлагал перестроить жизнь рабочих, базируясь на тезисе, что «идея бессословности ослабляет государство», а следовательно, «рабочий класс, как и вся масса нации, должен начать жить своей групповой сословной жизнью» [26, с. 11-13].

Наиболее рельефно свои предложения по разрешению рабочего вопроса он раскрыл в «Записке о задачах русских рабочих союзов и началах их организации» [30, с. 171-205], которую составил для Д.Ф. Трепова¹.

В «Записке» он пытался предложить новые ориентиры для развития рабочей политики, а на ее примере и всей социальной политики государства. Главное, на что он обращал внимание – социальная политика, которая не должна быть узкоклассовой и отдавать групповым эгоизмом. По его мнению, общенациональной целью для рабочих «могла бы быть наряду с экономическими интересами помощь по поддержанию экономического порядка, в чем заинтересованы и общая администрация, и сами хозяева – фабриканты».

Но и этим задачи рабочих союзов, по мысли автора «Записки», никоим образом не исчерпывались. Отталкиваясь от им же выдвинутого положения о необходимости создания сословной интеллигенции, Л. Тихомиров развивал тезис о необходимости «умножения способов образования и развития рабочей мысли». Причем, по его представлению, идеям просвещения рабочих должно было служить, в первую очередь, укрепление их нравственности, а для этого необходимо и более тесное общение рабочих с РПЦ. В одной из своих статей он не только положительно оценивал опыт по созданию школ при фабриках, приветствуя участие церкви в этом начинании, но и сожалел только о ее [РПЦ. – О.М.] вспомогательной роли в решении рабочего вопроса [31].

Еще один способ воздействовать на нравственность рабочих виделся Л. Тихомирову в правильной организации их досуга. Решение этой задачи представлялось ему в виде устройства «разного рода чтений, курсов, библиотек и т.д...». Кроме того, он находил необходимым «вводить чистоту быта в их среду, преследовать порицанием грубые пороки, окружать уважением их семейную жизнь, создавать приличные и интересные формы общения (как праздники, вечера)» для охранения нравственности рабочих [30, с. 177-178]. Конечной же целью подобной политики и должно было стать формирование народной интеллигенции.

Также важной составляющей при выработке рабочего сословия, по его мнению, являлась и грамотная экономическая политика властей. В одной из своих статей этого периода он писал: «Настоящее время требует развития кооперативных учреждений. Они тем более ощутимы, чем сильнее развивается промышленность». Признавая в целом положительность капитализма, он тем не менее указывал, что материальный прогресс должен дать место прогрессу социальному и поэтому, по мнению Л. Тихомирова, «самым элементарным последствием капитализма является необходимость рабочих обществ взаимопомощи» [27]. По его представлению, рабочие союзы в России должны стать не только и не столько узкопрофессиональными, экономически ориентированными учреждениями, сколько иметь иную цель, а именно постепенную трансформацию в рабочие общины, некоторое подобие будущих рабочих корпораций.

В целом, оценивая предложения Л.Тихомирова в отношении устройства рабочего сословия, следует отметить, что на примере его организации он пытался создать модель для устройства в будущем и других социальных групп.

¹ Трепов Д.Ф. С 1896 г. являлся московским обер-полицмейстером.

Кроме того, его предложения в этом направлении являлись во многом новационными и в социальной теории, и в политической практике. Можно смело утверждать, что идеи, высказываемые им, выходили далеко за рамки зубатовского «полицейского социализма».

Представляется, что наиболее близки варианты предлагаемой Л. Тихомировым социально-государственной концепции тому, что позднее начал создавать в Италии Б. Муссолини и его окружение для достижения в обществе «политики консенсуса»¹. Главная же цель этой политики – обеспечение устойчивости господствующей формы власти в стране. И огромную роль в достижении консенсуса итальянские теоретики фашизма так же, как и ранее, Л. Тихомиров придавали специально разработанной политике государства в отношении трудящихся слоев населения.

Попытаемся рассмотреть и проанализировать подобного рода сходство. При этом, конечно, следует отдавать себе отчет, что ни о каком полном тождестве речи вестись не может. Нас интересуют некоторые общие тенденции в формировании самой идеологии «третьего пути», у истоков которого стояли неоконсерваторы ряда европейских государств, в том числе и их теоретический предшественник – Л. Тихомиров.

Отметим, что деятельность по организации рабочего класса при Б. Муссолини велась по нескольким важнейшим направлениям. На сцене итальянского «политического театра», кроме фашистской партии, действовали профсоюзы, зачастую выступающие в роли посредника, амортизировавшего социальные противоречия и сглаживающие конфликты. Кроме этого, существовала еще одна причем самая массовая организация, объединяющая трудящиеся слои – «Дополаворо» (ОНД)².

Данная организация в духе идей Л. Тихомирова, высказанных в «Записке Д.Ф. Трепову», призвана была ориентировать различные слои итальянского общества проводить время после работы в социально значимых целях. Как считает большинство исследователей, секции «ОНД» стали «главным инструментом, посредством которого фашисты пытались «демократизировать» доступ масс к культурным и спортивным развлечениям, активному отдыху, а также надеялись в определенной степени уравновесить их потребительские запросы» [3, с. 156].

Еще одной важной составляющей «режима Муссолини», родственной тихомировским идеям, являлось его религиозное воздействие на рабочих. Условия консенсуса позволяли режиму использовать религию в качестве одного из важнейших элементов контроля за индивидуальной и общественной жизнью. «Итальянец всегда католик, – заявлял Д. Джентиле, – будь он даже Кампанелла или Бруно... Я наследник Бруно. Но если бы Бруно был министром народного просвещения, он, несомненно, ввел бы религиозное образование именно в католической форме» [33, с. 183].

В историографии итальянского фашизма в научный оборот был введен даже термин «клерофашизм» – своеобразная смесь мировоззренческих представлений религиозного и псевдопатриотического толка. В рамках политики консенсуса исследователи считают ее «самой распространенной и влиятельной идеологией в воспитании итальянцев в 30-е гг.» [3, с. 47].

В контексте наших рассуждений следует обратить внимание на то, что многие из идей, положенных Б. Муссолини в основу теории «корпоративного государства» и на практике реализованных в Италии принадлежали философу-идеалисту Д. Джентиле. Именно с его именем связано появле-

¹ Под «политикой консенсуса» в Италии такие ученые, как А.Аквароне, Р. Де Феличе понимают «определенный, трудно измеримый уровень согласия в обществе по отношению ко всей системе социально-политических ценностей и связей, а именно: к государству, правительству, правовым нормам и институтам, социальной регламентации, культурной сфере, религиозным традициям» [3, с. 41].

² «Дополаворо» – дословно после работы.

ние концепции «этического государства». Он сформулировал ее еще до прихода Б. Муссолини к власти, и она основывалась на понимании государства как формы духовной жизни, объединяющей в себе закон и свободу, но главное, отрицающей либеральные подходы к трактовке государства. Он писал: «Фашизм направлен против либерализма не как система авторитета направлена против системы свободы, а как система истинной и конкретной свободы направлена против системы абстрактной и ложной свободы» [13, с. 259].

Отмечая культуру индивидуального либерализма, Д. Джентиле создал образ «идеального государства», которое есть внутри каждого индивида и управляется «глубоко и подлинно религиозным духом». «Гражданин должен проникнуться религиозным чувством к государству, – писал философ, – ощущать его как собственность, как свою сущность, чья судьба – это его собственная судьба» [3, с. 87].

Отзвуки идей Д. Джентиле можно найти и в «Доктрине фашизма» Б. Муссолини: «Фашистское государство, высшая и самая мощная форма личности, есть сила, но сила духовная. Она синтезирует все формы моральной и интеллектуальной жизни человека. Поэтому государство невозможно ограничить задачами порядка и охраны, как этого хотел либерализм. Это не простой механизм, разграничивающий сферы предполагаемых индивидуальных свобод. Государство есть внутренняя форма и норма, дисциплинирующая всю личность и охватывающая, как его волю, так и разум» [12].

Концепция «этического государства» Д. Джентиле созвучна идеям «монархической государственности», обоснованным ранее Л. Тихомировым. Не будем забывать, что в своей концепции государственного строительства Л. Тихомиров исходил из методологического посыла, что идея государства вытекает из самой глубины человеческого сознания, а следовательно, «в государстве люди находят высшее орудие для охраны своей безопасности, прав и свобод» [22, с. 15].

Стоит прислушаться к мнению ученых, отмечавших, что «для российской философии права [в рамках которой развивался и Л. Тихомиров. – О.М.] очень характерно парадигмальное тяготение к проблематике «внутреннего», к признанию приоритета и значения внутренних качеств-способностей человека (в том числе религиозно-нравственных и национально-нравственных идеалов) для понимания государства, права, власти, свободы и других феноменов, исследовавшихся на философско-правовом уровне» [4, с. 13]. Отсюда и определение Л. Тихомировым формы Верховной власти в России именно как «этической монархии».

Еще один важный момент, сближающий теоретические рекомендации Л.Т. Тихомирова [24, 25] и политическую практику Б. Муссолини, – это акцентированное внимание в социально-экономической сфере в сторону так называемой «гармонии интересов». На практике это выливалось в расширение со стороны государства форм социального контроля и укрепления связи между частным характером производства и вмешательством государства как высшего арбитра в конфликт интересов. Другими словами, сложившийся политический режим в Италии оставлял за собой право прямого вмешательства в сферу трудовых отношений. Формула, выведенная Б. Муссолини, была следующей: «Наше государство примиряет интересы всех классов. Оно хочет величия Нации» [32, с. 102].

Показательным в плане идентичности предложений Л. Тихомирова и будущей реальной социально-экономической практики фашистского режима Италии является достаточно эффективно проводимая кампания социального страхования. Причем суммарная доля отчислений на социальное страхование работодателей значительно превышала взносы рабочих и увеличивалась гораздо быстрее. Как полагают специалисты, цель активного государственного вмешательства в сферу социального обеспечения заключалась не только и не столько «в демагогическом провозглашении системы социальной защиты», сколько в попытке ограничить негативные последствия капитали-

стического развития и использовать с выгодой для себя естественное недомовольство рабочего класса, порождавшееся этим развитием.

Кроме того, «активная политика социального вспомоществования, использовавшаяся Б. Муссолини, способствовала формированию нового типа взаимоотношений между индивидом и государством, которое в Италии традиционно воспринималось враждебно, как недруг и исполнитель чужой воли. Теперь же государство обретало ореол гаранта и защитника социальных интересов масс» [3, с. 241]. Б. Муссолини заявлял, по этому поводу: «Нужно приобщить рабочих к национальной государственности – вот основная идея фашистской рабочей политики. Рабочим незачем противопоставлять себя государству» [32, с. 157].

Нечто подобное, разумеется, с поправкой на исторические обстоятельства и специфику страны ранее предлагал, обращаясь к российскому правительству в передовице «Московских ведомостей» № 83 за 1902 г., посвященной проблеме страхования рабочих, а позже и в ряде других статей Л. Тихомиров [29, 28]. Это же можно сказать и о системе регулирования трудовых споров. Данная проблема также поднималась Л. Тихомировым. В одной из своих статей, анализируя отчет фабричной инспекции, он приходил к следующему выводу: «Видно, как необходимо в отношении промышленности государственное законодательство и промышленный надзор, которые нужны для того, чтобы чисто экономические тенденции не переходили в промышленности за границы, где они могут давать уже вредные социальные последствия» [23].

В Италии этот чрезвычайно щепетильный для власти вопрос был воплощен в закон «О правовой организации коллективных трудовых отношений» от 3 апреля 1926 г. Именно этот закон стал главным нормативным актом фашистского государства, на основе которого и регулировались отношения между наемными работниками и работодателями, что и придавало режиму Б. Муссолини еще больший налет «социальности».

В упоминаемой нами ранее «Записке» Л. Тихомиров рекомендовал при урегулировании спорных вопросов между трудом и капиталом обращаться к третейским судам. Он подчеркивал, что «необходимо ввести в практику союзов строгую добросовестность и справедливость в отношении хозяев, чтобы рабочий везде привык уважать и чтить всякое право не только свое, но и чужое. Безнравственные способы борьбы за свои интересы не должны быть допускаемы с первого же начала осуществления союзов» [30, с. 178].

В целом следует признать, что наиболее созвучны предложения Л. Тихомирова экономическим мероприятиям правительства Б. Муссолини в отношении трудящихся масс. На макроуровне – это ориентация на усиление роли и присутствия государства в экономике и соответственно применение на разных экономических уровнях государственного регулирования и контроля. Из данной установки вытекало, например, общая для политико-экономических построений Л. Тихомирова и Б. Муссолини ставка на автаркию [7, с. 18–31].

Таким образом, представляется, что разрабатываемая Л. Тихомировым в самом начале XX в. теоретическая модель, призванная скорректировать в духе большей социальной справедливости всю политику самодержавного государства, являлась по существу новым направлением в мировой социальной мысли, далее развившейся в доктрину неоконсерватизма.

В дальнейшем усиливающийся в первой трети XX в. кризис западной демократии нашел выражение в творческом развитии данного течения политической мысли в ряде стран, например, в рамках доктрины «интегрального национализма» Ш. Моррасса во Франции [13, с. 115–161.] и в какой-то мере в интеллектуальном наследии евразийцев. В конце же 20-х гг. XX в. идеи сторонников неоконсерватизма получили наиболее законченное доктринальное оформление в концепциях «консервативной революции» в Германии.

В своих теоретических построениях идеологи неоконсерватизма попытались соединить старый консерватизм и социализм и придать традиционной консервативной идеологии не охранительно-реакционный, а динамич-

ный, направленный в будущее характер. Отталкивая от себя в качестве альтернативы движения как либеральный, так и социалистический пути развития, сторонники данного политического направления пытались создать пока теоретическую конструкцию «третьего пути» пути, «сочетающем в себе старый феодально-корпоративный монархизм с новейшими течениями социализма» [10].

Возвращаясь к анализу разработанных Л. Тихомировым теоретических моделей в отношении сословно-государственного строительства, следует признать, что большую роль в окончательном формировании этой его теоретической конструкции сыграли события I Русской революции. Именно в этот период он закончил свое программное сочинение «Монархическую государственность». Основную задачу своей книги он видел в том, чтобы попытаться создать теорию, которая бы могла повернуть Верховную власть на правильный путь развития самодержавной монархии. Одним из важнейших условий возвращения к истинной самодержавной системе правления по его мысли должна была выступать жесткая стратификация общества.

На страницах этой книги он в очередной раз высказывался против концепции общегражданского государства. При этом, будучи реалистом и понимая, что невозможно повернуть течение времени вспять и вернуться к старому сословному делению, Л. Тихомиров полагал необходимым поставить «государство в связь уже не с прежними, отжившими и почти не существующими сословиями, а с новыми кипящими жизнью профессиональными группами» [20, с. 127].

По его мнению, только Верховная власть в лице наследственного монарха способна чутко улавливать все оттенки мнений различных социальных групп. Поэтому подчеркивал Л. Тихомиров: «Необходимо заботиться о поддержке здорового социального строя... Средства для этого дает организация этих слоев и групп. Здесь вопрос не в простой свободе союзов и корпораций, каковая хотя и необходима, но имеет отношение скорее к личным правам. Социальная организация во всех ясно обозначившихся классах, должна быть государственно обязательною» [22, с. 526-527].

Стремясь сохранить исторический каркас российского государственно-политического устройства, несколько модифицируя в виде новой социально-сословной политики его базис и сохраняя самодержавную надстройку, Л. Тихомиров исходил из того, что российский социально-политический механизм имеет весьма сложное строение. Поэтому, рекомендуя преобразования в социальной сфере, он оставался весьма жестким прагматиком.

«Разнообразие слоев, принадлежащих к промышленным единицам, рабочих, администрации, техников, хозяев, - писал он, - требует того, чтобы каждый из этих слоев был организован в особую корпорацию, но чтобы точно, также имелась и общая для всех их организация, объединяющая их в том, что они являются сотрудниками одного целостного дела. Права хозяев и рабочих должны быть одинаково ограждены не только наказаниями за произвол и узурпацию, но и созданием внутренней организации, обеспечивающей возможность их постоянного соглашения» [22, с. 530].

Это предложение Л. Тихомирова также во многом предвосхищало одну из главных теоретических новаций режима Б. Муссолини, а именно: идею создания «Совета корпораций» своего рода, объединяющего начала для создания корпоративного государства.

Подобная концепция государства в трактовке и Л. Тихомирова, и позднее Б. Муссолини подводила обоих к оформлению законченной теории корпоративного государства. Но если Л. Тихомиров так и не сделал этого, оставив свои идеи разбросанными по статьям и отдельным фрагментам в книгах, то Б. Муссолини смог их не только концептуально оформить, но и попытался воплотить в практике государственного строительства. В современной историографии в фашистской корпоративной политике усматривают сочетание следующих элементов: а) попытку установления классового сотрудничества;

б) форму организации экономики; в) элемент связи с государством; г) воспитательную функцию корпоративной идеологии.

Сами же корпорации задумывались как органы, в которых на равных правах будут представлены лица наемного труда, работодатели и фашистские иерархи в качестве арбитров. Фашистские идеологи не без основания усматривали в корпоративизме тот самый «третий путь» социального развития, противостоящий либерализму и социализму, о котором в 20-е гг. XX в. говорили интеллектуалы из лагеря неоконсерваторов.

Институционально строительство корпоративной системы было оформлено в Италии уже упоминавшимся нами законом от 3 апреля 1926 г., и хотя сам термин «корпорация» в нем отсутствовал, но смысл его сводился к запрету проявлений классового противостояния и мирному разрешению конфликтов. С этой целью было создано Министерство корпораций и Национальный совет корпораций как его консультативный орган (закон от 1 июля 1927 г.) [3, с. 90].

Именно тогда были учреждены государственные органы, ставящие перед собой цель – мирное урегулирование конфликтов между трудом и капиталом, и создававшие иллюзию возможности развития Италии по корпоративному пути на основе классового примирения, при котором арбитром выступало государство через свои специально созданные органы.

Попытка двигаться в этом направлении привела к принятию 20 марта 1930 г. закона о реформе Национального совета корпораций, который возложил лично дуче, и объявлению о создании Корпоративного государства [16, с. 276].

Впрочем, это было очень забюрократизированное учреждение, многое в его работе пробуксовывало, что признавали и сами его руководители. Наконец, после ожесточенных дискуссий в Италии в 1934 г. были созданы и собственно корпорации¹, объединявшие все трудоспособное население страны по принципу производимой продукции. Корпорациям были переданы все основные функции Национального совета корпораций, а также предоставлено право пересмотра тарифов и установления цен на готовую продукцию. Всего было создано 22 корпорации. В дальнейшем изменилась и роль корпораций в парламентской системе в связи с появлением в 1939 г. «Палаты фаши и корпораций».

Несомненно, многое из предложенных режимом Б. Муссолини идей и начинаний не было реализовано до конца, многое было доведено до абсурда. И все же, стоит признать, что как бы критически сегодня не оценивалась политико-экономическая практика этого режима, аксиомично одно – реализация данной политической доктрины в Италии представляла собой в тех исторических условиях принципиально иной, нежели в странах либеральной демократии или социализма, опыт организации социально-экономических отношений и всей политической системы.

Показательно в этом плане мнение исследователя Л. Белоусова, несмотря на все его критическое отношение к режиму Б. Муссолини, отмечавшего, что «в конце 20-х – начале 30-х гг. фашистская Италия стала первой из индустриальных стран Запада, открыто провозгласившей принцип социальной ответственности государства за поддержание минимально необходимых биосоциальных условий жизни своих граждан. Удивительный факт: тоталитарное государство, с момента появления открыто выражавшее ненависть к либерализму, на практике осуществляло меры в духе кейнсианства (разумеется, наряду с подавлением) и даже в ряде случаев продвинулось в этом направлении гораздо дальше демократических государств (индексация заработной платы, коллективные договоры, социальное страхование)» [3, с. 348].

¹ 6 декабря 1930 г. заработала Театральная корпорация. Первой же реально функционирующей корпорацией стала Корпорация разведения скота и рыболовства, которая начала работу 7 января 1935 г.

Режимам же либеральной демократии потребовалось для осознания необходимости реального классового сотрудничества пройти сквозь кровь и насилие Второй мировой войны, чтобы прийти к осознанию необходимости создания более толерантной в отношениях между трудом и капиталом модели «социального государства», по сути ставшей воплощением одной из модификаций «третьего пути» в изменившихся исторических реалиях.

Поэтому не стоит недооценивать того факта, что еще в начале XX в., естественно с поправкой на исторические условия, Л. Тихомиров наметил для России возможности для реализации принципиально иной политической доктрины, являющейся альтернативой и мечтаниям русских либералов, и претензиям социалистов. Доктрины, несомненно, авторитарной и в чем-то [только не в крайностях. – О.М.] действительно близкой к будущей концепции «корпоративного государства» Б. Муссолини.

Но при этом доктрины, достаточно социально ориентированной, где идеалом являлась не борьба классов, а классовая солидарность, достигаемая принципиально иной организацией общества, посредством устройства профессиональных корпораций под опекой самодержавной монархии, которой надлежало исполнять роль арбитра.

На этот момент хотелось бы обратить особое внимание, ибо он таит в себе принципиальное отличие политического проекта Л. Тихомирова от его последователей. Б. Муссолини де-факто узурпировал власть, сделав фигуру короля Виктора Эммануила III по сути марионеточной, т.е. фактически речь идет о прикрытой лишь тонким легитимным флером диктатуре. Один из первых исследователей итальянского фашизма Н.В. Устрялов отмечал, что «при наличии королевской власти, да еще юридически усиленной фашистским законодательством, иерархический дуализм становится в самой верхушке своей принципиально безысходным. Он жизненно преодолевается пассивной позицией короля» [32, с. 185]. Л. Тихомиров, в свою очередь, главную ставку при реализации своей программы реформирования российской государственности, делал на сохранение традиционной для России монархической формы власти.

Именно с фигурой царя он связывал надежды на реализацию предлагаемых им преобразований. Его идеи вписывались в рамки уже существующей политической системы, сохранявшей в отличие от ряда европейских демократий, совершивших резкий скачок в автократию, уже сложившееся правовое поле и преемственность верховной власти.

Рассматриваемые выше предложения Л. Тихомирова, направленные на изменение всей социально-государственной политики, не следует рассматривать только как дань создаваемой им глобальной утопии. Ситуация видится автору в несколько ином ключе. Думается, что обладая несомненным даром политического предвидения Л. Тихомиров, показал себя выдающимся аналитиком-футурологом. Наблюдая медленную агонию старой российской государственности, он чувствовал неотвратимость перемен и хотел адаптировать их к традиционной политической системе России. Он интуитивно уловил, что вектор изменений лежит в плоскости коренной реконструкции всей социально-государственной системы, и попытался на основе сочетания традиции и новации синтезировать программу возможных ее преобразований.

Теоретические модели, разрабатываемые Л. Тихомировым, оказались наиболее близки той политической практике, которая возобладали впоследствии в фашистской Италии. Однако в отличие от итальянских, идеи Л. Тихомирова более вписывались в парадигму дальнейшего развития западной цивилизации. Они несли в себе зерна некоего симбиоза, который в реальной политике европейских государств оказался как бы распыленным во времени.

С одной стороны, предложения Л. Тихомирова в сфере социальных преобразований во многом предвосхищают итальянское «корпоративное общество». Но с другой стороны, нельзя не признать, что его рекомендации по вопросам изменения социально-экономического курса в духе классового мира

и солидаризма идут дальше и очень схожи с идеями «христианского социализма» и вытекающими из них моделями «социального государства», нашедшими практическое воплощение в мероприятиях, проводимых правительствами ряда европейских государствах после Второй мировой войны.

Поэтому представляется, что предложения Л. Тихомирова являли собой один из альтернативных вариантов дальнейшей эволюции российской государственно-политической системы. Однако Февраль 1917г., а затем и Октябрьский переворот придали истории российской государственности, более чем на 70 лет, качественно иную точку отсчета, а подобного хода событий даже столь чуткий к изменению политического барометра Л. Тихомиров предвидеть не мог.

Литература

1. Алленов, С.Г. К вопросу о содержании понятия «консервативная революция» и ее связи с традицией немецкого консерватизма (историографический обзор) [Текст] / С.Г. Алленов // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. Ч. 3. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. – С. 74-107.
2. Байсвингер, М. «Консервативная революция» в Германии и движение «евразийцев»: точки соприкосновения [Текст] / М. Байсвингер // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. Ч. 3. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. – С. 49-74.
3. Белоусов, Л.С. Режим Муссолини и массы [Текст] / Л.С. Белоусов. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 368 с.
4. Верещагин, В.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова [Текст] / В.Ю. Верещагин, В.В. Макеев, М.Ю. Понежин. – Ростов-на-Дону : РЮИ МВД РФ, 2003. – 123 с.
5. Леонтьев, К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философия и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891) [Текст] / К.Н. Леонтьев. – М. : Республика, 1996. – 799 с.
6. Люкс, Л. «Третий путь», или Назад в «Третий рейх»? [Текст] / Л. Люкс // – Вопросы философии. – 2000. – № 5. – С. 64-75.
7. Милевский, О.А. Программа «национальных реформ» Л.А. Тихомирова: социально-экономический аспект [Текст] / О.А. Милевский // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2009. – № 3 (6). – С. 18-31.
8. Милевский, О.А. Л. Тихомиров и К. Леонтьев: к истории взаимоотношений [Текст] / О.А. Милевский // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. История, филология. – 1997. – Вып. 1. – С. 70-74.
9. Милевский О.А. В дебрях полицейского социализма: Л.А. Тихомиров и «зубатовщина» [Текст] / О.А. Милевский, С.А. Терехова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2011. – № 2 (13). – С. 121-133.
10. Мочкин, А.Н. Парадоксы неоконсерватизма (Россия и Германия в конце XIX – начале XX века) [Электронный ресурс] / А.Н. Мочкин. – М., 1999. – Режим доступа: <http://www.philosophy.nac.ru/disc/iphras/library/mochkin.html>.
11. Мусихин, Г.И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма) [Текст] / Г.И. Мусихин. – СПб. : Алетейя, 2002. – 256 с.
12. Муссолини, Б. Доктрина фашизма [Электронный ресурс] / Б. Муссолини. – Режим доступа: <http://lib.ru/POLITOLOG/MUSSOLINI/mussol.Txt>.
13. Нольте, Э. Фашизм в его эпохе [Текст] / Э. Нольте. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. – 568 с.
14. Пазухин, А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос [Текст] / А.Д. Пазухин. – М., 1886. – 63 с.
15. Репников, А.В. Константин Леонтьев и Лев Тихомиров [Текст] / А.В. Репников // Эхо : сб. статей. По новой и новейшей истории Отечества. – 2000. Вып. 3. – М. : Изд-во МПУ «Народный учитель», 2000. – С. 7-17.
16. Ридли, Дж. Муссолини [Текст] / Дж. Ридли. – М. : Фирма Изд-тво АСТ, 1999. – 448 с.

17. Смолин, М.Б. Имперский проект социального монархизма Л.А. Тихомирова [Текст] / М.Б. Смолин // Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. - М., 2003. - С. 5-34.
18. Тихомиров, Л.А. Благоустройство быта рабочих [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. - 1909. - № 77.
19. Тихомиров, Л.А. Государственность и сословность [Текст] / Л.А. Тихомиров // Русское обозрение. - 1897. - № 5. - С. 426-436.
20. Тихомиров, Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения [Текст] / Л.А. Тихомиров. - М. : Университ. тип, 1901. - 135 с.
21. Тихомиров, Л.А. Из современных задач [Текст] / Л.А. Тихомиров // Русское обозрение. - 1895. - № 3. - С. 436-445.
22. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность [Текст] / Л.А. Тихомиров. - СПб. : Комплект, 1992. - 674 с.
23. Тихомиров, Л.А. Отчет фабричной инспекции [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. - 1903. - № 270.
24. Тихомиров, Л.А. Правительство и рабочий вопрос [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. - 1902. - № 83.
25. Тихомиров, Л.А. Практические способы решения рабочего вопроса [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. - 1909. - № 77.
26. Тихомиров, Л.А. Рабочий вопрос и русские идеалы [Текст] / Л.А. Тихомиров. - М. : Университ. тип, 1902. - 67 с.
27. Тихомиров, Л.А. Рабочие общества взаимопомощи [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. - 1902. - № 137-138.
28. Тихомиров, Л.А. Страхование рабочих [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. - 1909. - № 242.
29. Тихомиров, Л.А. Увечья рабочих на фабриках [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. - 1904. - № 7.
30. Тихомиров, Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос [Текст] / Л.А. Тихомиров. - М. : Москва, 2003. - 624 с.
31. Тихомиров, Л.А. Школа и рабочий вопрос [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. - 1902. - № 320.
32. Устрялов, Н.В. Италия - колыбель фашизма [Текст] / Н.В. Устрялов. - М. : Алгоритм, 2012. - 240 с.
33. Фукуяма, Ф. Конец истории? [Текст] / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. - 1990. - № 3.
34. Чернавский, М.Ю. Этатизм, принцип автаркии в экономике и идея государственного социализма в консервативных концепциях XIX - начала XX века [Текст] / М.Ю. Чернавский // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. - Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. - С. 415-437.

В.В. МИРОНОВ

V.V. MIRONOV

ГРОЦИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ
И ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА
В ТВОРЧЕСТВЕ Х. БУЛЛАTHE GROTIAN VALUES
AND THE BASES OF INTERNATIONAL SOCIETY
IN THE SCIENTIFIC WORKS OF H. BULL

Статья посвящена анализу одной из тем в творчестве известного ученого – одного из основателей английской школы международных отношений Х. Булла. Будучи австралийцем по происхождению, он принимал активное участие в создании концепции международного общества. Высказанные им идеи принесли ему международную известность и открыли дорогу в английскую дипломатическую службу. Интерпретация идей Г. Гроция Хедли Буллом в контексте формирования английской школы изучаются в данной статье.

This article is devoted to ones from the themes of scientific works by H. Bull – famous English scientist and ones from the founders of the English school of International Relations. He was Australians by his origin and he took an active part in the creation of international society conception. His ideas made him famous in the international community and opened him the doors on diplomatic service in Great Britain. His interpretations of the ideas by H. Grotius in the context of the forming English school of International relations are studies in the article.

Ключевые слова: английская школа, Х. Булл, Г. Гроций, М. Уайт, английская школа, международное общество.

Key words: H. Bull, H. Grotius, M. Wight, English school, international society.

Имя Хедли Булла (1932–1985) в отечественном научном сообществе, по-прежнему, известно лишь относительно небольшому кругу специалистов-международников. Между тем, основные работы этого ученого, вышедшие в 1960–1980 годы, принесли ему славу не только видного исследователя, но и одного из создателей английской школы теории международных отношений. Только один этот факт уже заслуживает внимания, поскольку девять из десяти работ по международным отношениям в современном мире выходят в США.

Пожалуй, первой серьезной темой, которая обозначилась в 1960 годы в творчестве Хейдли Булла, за рамками разоруженческой тематики и позволяет отнести его к числу представителей английской школы, оказалась тема гроцианских ценностей в международных отношениях. Интерес к ней у ученого сохранялся на протяжении всей его творческой биографии. Отталкиваясь Булл в ее постановке видимо от идей Мартина Уайта о трех традициях анализа международных отношений [11, р. 26].

Первой традицией, согласно Уайту была гоббессианская или макивелистская, как иногда ее еще характеризуют в англоязычной теории международных отношений. Исследователями она интерпретируется как логика, предшествующая политическому реализму. Здесь, правда важно иметь в виду, что в 1960 годы в рамках этой традиции работал и сам Уайт, описывая международные отношения в терминах державной или силовой международной политики. Холодная война не располагала к иным вариантам трактовки международной жизни. «Power politic» – так называлась одна из центральных книг ученого 1947 года, представлявшая собой своего рода глоссарий по изучению международных отношений для нескольких поколе-

ний английских студентов. Отсюда и в «Дипломатических исследованиях» в 1966 году в статье «Почему не существует международной теории?» он писал, что «международные отношения – это царство повторов и репетиций» [10, р. 26]. Здесь ощущаются ключевые недостатки политического реализма – его вневременной характер и этатизм в описании международных отношений. Другое дело, что ни Уайт, ни Булл не были удовлетворены этим подходом целиком, хотя и не отрицали его влияния. Отсюда, обращение к другим интеллектуальным источникам в анализе международной жизни.

Вторая традиция – кантианская, или как стали ее называть позднее внутри английской школы – солидаристская. В основе традиции – попытки ограничения войны, а идейным вдохновителем оказалась концепция «вечного мира» И. Канта. Идеал – транснациональное мировое общество, в котором акторами международных отношений выступают индивиды, а их солидарность в отношении войны не позволяет государствам проводить агрессивную внешнюю политику. Такая несколько вульгарная интерпретация идей Канта также воспринимается сегодня как поверхностный подход к международным отношениям самими британскими исследователями.

В современной политике эта линия артикулируется в концепциях «мирового правительства» и теории «демократического мира». В американской науке данный подход чаще называется либеральным, а в отечественных учебниках по теории все чаще именуется либерально-идеалистическим. В 1960 годы, ни Уайт, ни Булл по разным причинам не разделяли этого подхода целиком и оставались на плюралистических позициях. Хотя к концу жизни Булл отстаивал некоторые солидаристские идеи и они легко обнаруживаются в его статьях 1980 годов, но в целом, они не получили развития в центральной для анализа концепции работе ученого – «Анархическое общество».

Третья традиция – гроцианская, по имени известного нидерландского юриста и основателя науки международного права – Гуго Гроция. Как Уайт, так и Булл считали ее средним, *via media*, как говорил Уайт, подходом к международным отношениям. Этот подход не отрицал ведущую роль государства в международных делах, но объяснял существование общего международного порядка как альтернативу хаосу реалистов и идеалу вечного мира либералов.

Наличие разных традиций демонстрирует автономную интеллектуальную среду, в которой происходило становление английской школы теории международных отношений. Истоки данной научной традиции были иными, нежели в американской теории международных отношений. Как Мартин Уайт, так и Хедли Булл не разделяли господствующих в американской теории реалистских идей целиком.

При этом Булл не просто развил идеи Уайта, но интерес к Гроцию имел в его творчестве самостоятельное содержание и значение. Отсюда и название – «гроцианские ценности». Одна из работ Уайта была озаглавлена «Западные ценности в международных отношениях». Термин «гроцианские ценности» был заимствован Хедли Буллом из названия статьи известного юриста Хирша Лаутерпахта, опубликованной в «Британском ежегоднике международного права» в 1946 году. Главная идея статьи Лаутерпахта заключалась в том, что Устав Лиги Наций и Устав ООН есть не что иное, как воплощение идей голландского юриста XVII века [1, р. 119]. Гроцианскому подходу в праве Булл противостоял подход юристов-нормативистов XIX века, расцвет идей которых он видел в работах Ласы Оппенгейма начала XX века. По учебникам Оппенгейма обучались в английских университетах того времени.

Булл интерпретировал идеи Гроция и Лаутерпахта в современном ему контексте. Как известно центральный вопрос книги Гуго Гроция – может ли война быть справедливой? Он ставится как основной во вступлении к книге и звучит в заглавии главы второй [12, с. 41, 83]. Гроций отвечает на него утвердительно и из этого возникает представление о праве войны, коль скоро дан-

ное явление невозможно удалить из общественной жизни. В наиболее обобщенном виде справедливыми причинами для войны по Г. Гроцию выступают:

- самозащита жизни и имущества [12, с. 87];
- возвращение имущества;
- наказание виновных [12, с. 187].

Примечательно, что нидерландский мыслитель писал свою работу в условиях Тридцатилетней войны, которая воспринималась современниками как гигантский социальный катаклизм. Это была первая общеевропейская война. Она затронула почти все страны Европы и, в значительной степени, продемонстрировала разрушение цивилизационного единства Европы.

Булл считал, что истоки представлений об анархии как о естественном состоянии в международных отношениях как раз восходят именно к таким периодам. Здесь был низвергнут авторитет как государственного, так и церковного права. Правовые нормы просто переставали действовать в таких условиях. В итоге, логика событий вела к утверждению силы в международных отношениях в двух возможных сценариях. Первый – утверждение национальной власти и становление национального государства; второй – восстановление власти императорской. Гроций, согласно Булле выдвинул, третью альтернативу – международное общество, где ведущие есть место праву, морали и государству, даже в условиях отсутствия верховной власти [1, р. 120].

Принципиальная разница при этом между подходами Гроция и Булла состоит в том, что актором международных отношений у первого выступает индивидуальный человек, а у второго – государство. Международное общество Булла – это общество государств, а не людей. В основе собственно гроцианской концепции международного права – «человеческое» измерение. Не случайно, поэтому, говорят, что международного права в том виде, в каком о нем мечтал нидерландский юрист, не существует и сегодня. Рассуждая спекулятивно, можно сказать, что с ретроспективных позиций истории международного права Булл оказался более точен в оценках. Международное право – было и остается правом в первую очередь государств и правом для государств. Важно не определить кто из них прав, но другое – то, что сближает Булла, Лаутерпахта и Гроция – хаос в международных отношениях не выступает синоним абсолютной анархии в них.

В этом Булл обнаруживает неприятие господствующей традиции американских реалистов от Моргентау и Уолферса до Уолтца и Киссинджера. Если для реалистов анархия – это среда, в которой протекает международная жизнь, а хаос – источник развития международной системы, то для Хедли Булла такое положение не есть отрицание социального измерения международной сферы. Сам факт существования устойчивых представлений о справедливой и несправедливой войне в истории доказывает факт существования устойчивого международного общества и порядка.

Булл анализирует последствия деления войны на справедливую и несправедливую у Гуго Гроция в четырех последствиях проявления гроцианских ценностей в истории международных отношений.

Первое из них состоит в том, что справедливая война дает представление о справедливых средствах ее ведения. Но, экстраполируя подход Гроция на 1960 годы, Булл в это время ставит важную проблему: возможна ли справедливая ядерная война? В этом подспудно угадывается критика американской внешнеполитической доктрины массированного возмездия, согласно которой, если СССР совершит нападение, то лучшим стратегическим ответом будет массированный удар по неприятелю. Ответ на данный вопрос, разумеется, может быть только умозрительным, и английский ученый здесь просто обозначил проблему, показав опасные места подобной позиции как социальный мыслитель. Но в целом, подход стал восприниматься участниками Комитета по теории внешней политики как критика господствующих в то время представлений, что видно из преамбулы к заседанию от 15.04.1962 [1, р. 119].

Второе проявление гроцианских ценностей, вытекающих из деления войны и свидетельствующее о существовании международного общества, это право на нейтралитет. С точки зрения Гуго Гроция не существует абсолютно-го права на нейтралитет. Нейтральное государство должно убедиться в том, кто именно из воюющих занимает справедливую позицию. Нельзя быть безучастным к выигрышу несправедливого участника. Уставы Лиги Наций и ООН, с точки зрения Булла, пытались удалить традицию права на нейтралитет, а доктрина коллективной безопасности умаляла значение этого права, настаивая на юридической обязанности принимать участие в выполнении правовых обязательств [1, р. 121]. Однако, Движение неприсоединения и практика стран, придерживающихся постоянного нейтралитета по-прежнему, отстаивают эту гроцианскую ценность в международных отношениях.

Третье проявление гроцианства – это обязательства внутри альянсов. По Буллу, следуя гроцианским ценностям необходимо помогать лишь союзнику, ведущему справедливую войну. Цели создания Лиги Наций и ООН, исходили из намерения противодействовать появлению любых традиционных военных союзов, так как система конкурирующих военных альянсов была одной из причин возникновения первой мировой войны и идет вразрез с доктриной коллективной безопасности. Однако, сложившаяся после второй мировой войны практика в международных отношениях легитимизирует существование военных союзов. Статья 51 Устава ООН разрешает индивидуальную и коллективную формы самообороны. Поэтому представление о справедливой и несправедливой войне внутри общества государств, так или иначе, сохраняются.

Четвертое следствие влияния доктрины Гуго Гроция – это обязательства граждан по участию в войне. По мысли Гроция в интерпретации Булла граждане не обязаны выступать в качестве комбатантов, если страна ведет несправедливую войну. Тогда, вопрос об участии людей в конфликте является частным делом индивидуумов, а обязательство перед страной возникает лишь в условиях ведения справедливой войны [1, р. 122]. Поэтому, правила ограничения театра военных действий, деление на комбатантов и некомбатантов в период вооруженных конфликтов – это отражение правил ведения войны, свидетельствующих о существовании международного общества.

В целом, хотя Уставы Лиги Наций и ООН, Пакт Бриана-Келлога и ряд других нормативно-правовых документов пытались удалить представление о справедливой войне как поощряющее агрессию в XX веке, гроцианские ценности в международных отношениях обнаруживают свою живучесть, вытекающую из существования международного общества и международного порядка. Социальное измерение международной жизни позволяет говорить в терминах справедливых представлений о методах ведения войны. Участники международного общества не хотят лишаться права на нейтралитет. Им необходимо ограничивать количество комбатантов в конфликте, а их представления о своей безопасности строятся в расчете на помощь союзников, участвующих в военных альянсах [1, р. 124]. Таким образом, гроцианство стало идейной основой для Булла в утверждении существования международного порядка.

Кроме того, в продолжение критики господствующих представлений о международных отношениях Хедли Булл опубликовал еще ряд статей в 1960-1970 годы. Поэтому справедливым будет утверждение, что «гроцианские ценности» в международных отношениях стали для ученого одной из тем, послуживших отправной точкой его собственной концепции и развивались им на протяжении жизни.

Примечательна в этом отношении статья «Двадцатилетний кризис. Тридцать лет спустя» 1969 года [3, р. 625-638]. Она показывает отношение Булла к известному английскому историку Эдварду Хьюлету Карру (1892-1982), разделявшему идеи реализма. В некоторых работах, посвященных английской теории международных отношений в целом, Карр даже причисляет

ся к английской школе теории международных отношений. Он действительно был одним из первых исследователей международных отношений в Великобритании. Окончив Кембриджский университет, он работал до 1936 года на Форин Офис, входил в состав британской делегации на Парижской конференции вместе с Арнольдом Тойнби. После отставки в 1936 году стал профессором университета Эйберсвит. Его теоретические работы по истории широко изучались в советской исторической науке. Главным образом, его идеи интересовали отечественных ученых в контексте теоретико-методологических дискуссий о «старых» и «новых» путях изучения истории [14, с. 14–16], [15, с. 12–17] Часть его фундаментального труда, посвященная истории Советской России была издана на русском языке и приурочена к 100-летию учебного [13]. Однако все перечисленные обстоятельства и заслуги не делают его автоматически членом английской школы теории международных отношений. Более того, справедлива в этом отношении позиция, отстаиваемая Хидеми Суганами и Эндрю Линклейтером в одной из последних монографий, где Карр относится к диссидентам по отношению к английской школе [8, р. 13–15]. Схожую мысль высказывал еще ранее Тимати Дюнн о роли Карра для школы [6, р. 13]. Анализ позиции Хедли Булла в упомянутой статье дает дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения.

Во-первых, Булл здесь приходит к выводу, что классический реалистский подход был продуктом своего времени и его ранняя сила, представленная в работах Эдварда Карра, нуждается к 1970 годам в замене на изучение международного общества и исследовании условий существования международного порядка [3, р. 125].

Во-вторых, Булл высказывается против морального релятивизма Карра. С точки зрения первого ученого необходимо удалить понятия «хорошее» и «плохое» из рассуждений о международном обществе, которые присутствовали у второго [3, р. 125]. Эта статья была написана во время, когда Булл работал над проблемами идеологии в международных отношениях и находился под явным воздействием идей Карла Мангейма.

В-третьих, его интерес к переосмыслению идей Карра связан с разработкой темы формирования интересов государств (национальных интересов, как сказали бы классики реализма) в поддержании международного порядка. Бихевиористский подход с его акцентом на выживание в международных отношениях ни Булл, ни другие представители английской школы не принимали. Для них в фокусе исследований находятся нормы и институты международного общества. Для ученого вплоть до конца 1970 годов вопрос о поддержании порядка в международной сфере был центральным. А Эдвард Карр с его апологетикой кризиса международных институтов в вопросах регулирования международных отношений явно не вписывался в концептуализацию идей о международном обществе. Тем не менее, подход Булла, как и английскую школу в целом, иногда считают английским вариантом реализма. Поэтому, вопрос об отношении Хедли Булла к реализму нельзя основывать при характеристике его концепции на неприятии отдельных идей высказанных Карром, применительно к межвоенному периоду.

В связи с этим важной работой в становлении концепции международного общества Хедли Булла был доклад «Общество и анархия», обсуждавшийся в Комитете по теории внешней политики 22.07.1961. Это произведение служит лучшим введением к модели международного общества в том виде, в каком ее для себя сформулировал ученый. Не случайно, что данная работа впервые была опубликована в «Дипломатических исследованиях» 1966 – книге, по существу представлявшей программные положения школы [2, р. 35–50]. Здесь, вслед за Мэннингом, впервые Булл озвучивает мысль, что международное общество существует даже в условиях отсутствия единого правительства в международных отношениях. Именно анархия открывает дорогу к поиску общего вектора существования государств [4, р. 77–78]. Ученый прямо заявляет, что «суверенные государства признают над собой пра-

вила поведения, и эти правила существуют во всех обществах, включает все государства и этот факт приводит к становлению международного общества» [4, р. 78]. Таким образом, анархия не отрицается, но из ее существования выводятся различные последствия в сравнении с доктриной классического политического реализма.

Кроме того, в этом труде подход Булла демонстрирует попытку дать анализ международного общества не как абстрактной теоретической категории, порожденной иной политической философией, но как исторического явления. После этой работы Герберт Баттерфильд написал вскоре в одном из писем от 5.07.1966, что, хотя Булл изначально не был членом Комитета, но занял лидирующую позицию в нем. «Его замечания оказывались точны и вскоре становились едва ли не выражением общего мнения участников» [4, р. 77]. Он легко вписался в работу семинара, а близость его взглядов с идеями Мартина Уайта и Чарльза Мэннинга, обеспечила Буллу переход от умеренной критики реализма к утверждению онтологии международного общества.

Такой комплекс взглядов оставался устойчивым у Булла и в 1970 годы. Так, в статье «Позитивная роль государств в международных отношениях» в международной системе, состоящей из национальных держав, он видит рудиментарную и альтернативную форму международному обществу. Этот фактор объясняет, по его мнению, почему роль государства в международных отношениях со временем снижается. Государственная форма организации международного порядка в виде международной системы обеспечивают лишь «минимальный мировой порядок» [5, р. 139]. Цели такого минимального порядка как раз были описаны Буллом еще в 1961 году. К их числу он тогда относил – необходимость выполнения международных обязательств по договорам, гарантии права на жизнь гражданам, охрана собственности [4, р. 78]. Если в последнем случае очевидно прямое совпадение с тем, о чем писал Гроций, то первые две цели порядка подспудно умеренно критикуют реализм. Выполнение обязательств по международным договорам может противоречить национальным интересам, гарантии права на жизнь вступают в противоречие с американской политической системой, где действует смертная казнь. Тем не менее, Булл считал, что институты международного взаимодействия будут укрепляться, если государства обеспечат надежную основу для развития сотрудничества через переговоры. Иначе говоря, международная система делает возможным сосуществование, а международное общество – развитие. По традиции, он здесь опять противопоставил системе общество, что нашло проявление и в «Анархическом обществе».

И все же, несмотря на неполный перечень отличий подхода Булла от господствующей в тот период международной политической теории, некоторые параллели между английской школой и реализмом обнаружить не сложно. И дело здесь не только в том, что реализм выступает как внутренне многомерное явление. Эндрю Харрел, один из составителей и редакторов третьего издания «Анархического общества» вспоминает, что на лекциях 1979 года Булл лично говорил, что не является реалистом [7, р. 22]. При этом ученый имел в виду, что не разделял ключевые установки таких классиков реализма как Э. Карр, Дж. Кеннан, Р. Нибур. Для него они были частью теоретических исканий своего времени, в котором конфликты и анархия оставались главными факторами рассуждений о международных отношениях. С неореализмом ситуация была несколько иной. Даже такой известный сегодня представитель английской школы как Ричард Литтл приводит параллели в одной из последних монографий между Кеннетом Уолтцем и Хейдли Буллом. Булл критиковал не сам реализм, а гоббессианскую традицию рассуждений о международных отношениях. Она казалась ему однобокой и лишь частично отражающей международную реальность.

Связь с ней проявилась в разделении следующих ценностей. Во-первых, Булл разделял идею анархии в международных отношениях. Разница заклю-

чалась в интерпретации ее последствий. И Булл, и гоббессианство, признавали баланс сил в качестве одного из центральных институтов международного порядка. Булл считал баланс сил едва ли не основным институтом, формирующим общество и сохраняющим международный порядок в долгосрочной перспективе [9, p. 128–172]. Реалисты не считали баланс сил необходимым институтом международного взаимодействия, а неореалисты видят в нем ценность относительного характера. И Булл, и реалисты в центр своих размышлений о международных отношениях помещали государство, которое выступало главным актором в анализе и прогнозировании международной жизни. В целом такие совпадения не случайны.

Параллели с реализмом и попытка обозначить английскую школу национальным вариантом реализма свидетельствуют о том, что наука в Великобритании не развивалась обособленно. Английская теоретическая традиция не была изолирована от мейнстрима теоретического интереса к международным отношениям. Вместе с тем, принимая некоторые идеи реалистов в Соединенных Штатах и будучи лично знакомым с некоторыми из них, Булл не разделял этой позиции целиком. Его собственные искания строились на ином тематическом интересе, иной интеллектуальной традиции и в конечном счете формировали иной предмет изучения международной политики. Интерес к гроцианству демонстрирует это в полной мере.

Проблематика гроцианских ценностей позволила Буллу отделить идеи концепции международного общества от реализма и английскую школу от влияния Э. Карра. Более того, в этой теме можно увидеть различие в интерпретации Гроция между Уайтом и Буллом. Мартин Уайт видел в Г. Гроции основателя одного из направлений в международной политической мысли, а Хедли Булл – подчеркивал различие между западными и гроцианскими ценностями. Уайт идентифицировал гроцианскую модель с Западом в целом, а Булл – с европейскими ценностями права.

Литература

1. Bull, H. The Grotain Conception of International Society [Text] / H. Bull // *Diplomatic Investigations. Essays in the theory of International Politics*. Ed. by Butterfield H. and Wight M. - L., 1966. - P. 51-73.
2. Bull, H. Society and Anarchy in International Relations [Text] / H. Bull // *Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics*. Ed. by H. Butterfield and M. Wight. - L., 1966. - P. 35-50.
3. Bull, H. Twenty Years Crisis. Thirty Years on [Text] / H. Bull // *International Journal*. - Vol. XXIV. - 1969. - P. 625-638.
4. Bull, H. Society and Anarchy in International Relations [Text] / H. Bull // *Hedley Bull on International Society*. Ed. by Kai Alderson and Andrew Hurrell. - London ; N.Y., 2000. - P. 77-94.
5. Bull, H. The States Positive Role in World Affairs [Text] / H. Bull // *Hedley Bull on International Society*. Ed. by Kai Alderson and Andrew Hurrell. - London ; N.Y., 2000. - P.139-156.
6. Dunne, T. *Inventing International Society: A History of English School* [Text] / T. Dunne. - London : Macmillan, 1998. - 305 p.
7. *Hedley Bull on International Society*. Ed. by Kai Alderson and Andrew Hurrell [Text] / H. Bull. - London ; N.Y., 2000. - 279 p.
8. Linklater, A. *The English School of International Relations. A Contemporary Re-assessments* [Text] / A. Linklater, H. Suganami. - Cambridge : Cambridge University Press, 2006. - 302 p.
9. Little Richard. *The Balance of Power in International Relations. Metaphors, Myth and Models* [Text]. - Cambridge : Cambridge University Press, 2007. - 317 p.
10. Wight, M. Why is there no International Theory [Text] / M. Wight // *Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics*. Ed. by H. Butterfield and M. Wight. - L., 1966. - P. 17-34.

11. Wight Martin. International Theory: The Three Traditions. Ed. by Wight G. and Porter B. - Leicester : Leicester University Press, 1991. - 236. p.
12. Гроций Гуго. О праве войны и мира [Текст] / Гуго Гроций. - М. : Ладомир, 1994. - 869 с.
13. Карр, Э.Х. История Советской России. Большеви́стская революция 1917-1923 [Текст] / Э.Х. Карр. - М. : Прогресс, 1990. - Т. 1-2. - 768 с.
14. Нейман, А.М. «Старые» и «новые» пути в истории. Некоторые проблемы методологии в английской буржуазной историографии 30-60 гг. XX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.М. Нейман. - Томск, 1978. - 21 с.
15. Шарифжанов, И.И. Английская историография в XX веке [Текст] / И.И. Шарифжанов. - Казань : Изд-во Казанского университета, 2004. - 238 с.

УДК 338.45:639.2(571.1)
ББК 65.35-21(253.3)

М.С. МОСТОВЕНКО

M.S. MOSTOVENKO

**ПРОБЛЕМЫ
ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В 1950–1960-е ГОДЫ XX ВЕКА**

**PROBLEMS OF TRADITIONAL NATURE
MANAGEMENT SYSTEM
IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA
IN 1950–1960-s YEARS OF XX CENTURY**

В статье рассматриваются основные направления государственной политики в области развития традиционной системы природопользования в регионе в 1950–1960-е годы. Автором анализируется структура организации охотничьих и рыболовных хозяйств на Севере Западной Сибири, анализируются основные проблемы развития, дается исторический анализ причин возникновения кризиса в системе, а также влияния процесса создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на деятельность рыболовецких и охотничьих хозяйств округа.

In the article discussed the main aspects of state police in the system of traditional management system in region in 1950-1960's. The author analyzed system of hunting farms and fishing in the North of Western Siberia, the main problems of developing and historical origins witch connection with crisis in such sphere. Author also analyzed level of influents the Western Siberian oil-gas complex on activity fishing and hunting farms.

Ключевые слова: экологическая история, Север Западной Сибири, традиционное природопользование.

Key words: environmental history, North of Western Siberia, traditional nature management.

Взаимоотношения человека и окружающей его природы могут иметь разные формы: рыболовство, охота, сбор дикоросов, посадка саженцев, лесовосстановительные работы, заготовка древесины и т.д. Однако в каждом отдельном случае мы наблюдаем как опосредованное воздействие, так и прямое. Кроме того проблема взаимодействия человека и природы обостряется в условиях индустриального освоения территории. Основной точкой противоречия в данном случае становится вопрос о возможности преобразования хозяйств основанных на традиционном природопользовании в хозяйства способные существовать в рамках индустриальной системы использования ресурсов. В данном контексте особый интерес представляет изменения, происходившие в системе природопользования на Севере Западной Сибири в 1950-1960-е годы XX века. Это связано с тем, что во многом необходимость реформирования охотничьих и рыболовных хозяйств обусловила создание комплекса природоохранных и законодательных мер направленных на сохранение биологических ресурсов региона.

В 1950-е годы государство обращается к проблемам охотничьих хозяйств северных регионов. Это связано с двумя основными факторами. Во-первых, к началу 1950-х гг. советской пушное хозяйство находилось в состоянии серьезного кризиса, как на общесоюзном, так и на региональном уровне. Практически отсутствовала эффективная законодательная база, существовали серьезные проблемы с организацией охотничьей деятельности, остро стоял вопрос о финансировании отрасли [1].

Во-вторых, государству вновь были нужны крупные денежные ресурсы, а получить их в короткий срок можно было опять же за счет продажи ме-

ховых изделий и шкурок пушных зверей. Все это заставило руководство страны обратить внимание на такую отрасль сельского хозяйства, как охота.

Государственная политика в области развития охотопромысла в регионе была направлена на развитие двух основных направлений: расширение сети клеточного пушного звероводства и содействие развитию заготовок «дикой» пушнины, которая в итоговых показателях ценилась выше, чем продукция, полученная со звероферм. При этом необходимо отметить, что здесь государство стремилось поддерживать, как индустриальную форму заготовок пушнины (звероводческие хозяйства), так и традиционную (охотничьи хозяйства). Таким образом достигалась комплексность охотопользования характерная для северных регионов.

Для улучшения эффективности показателей в начале 1960-х гг. на территории РСФСР, на базе обществ охотников, были созданы государственные промысловые хозяйства (госпромхозы) и организации занимающиеся заготовкой пушнины на кооперационных началах (коопзверпромхозы).

Вместе с тем созданные хозяйства столкнулись с отсутствием государственного регулирования цен на сдаваемую продукцию. Существовавшая ценовая политика приводила к тому, что на региональном уровне перспективные охотхозяйства начинали работать себе в убыток.

Характерен пример Цингалинского госпромхоза Ханты-Мансийского автономного округа, который с начала 1962 года и в течение 1963 года являлся убыточным, при том, что полностью выполнял заготовительные планы [2].

Во многом данная ситуация усугублялась отсутствием четкой управленческой структуры в отрасли, так как после 1956 года, когда было упразднено Министерство заготовок, чьи функции были переданы Центросоюзу (Центральный союз потребительских обществ). Центросоюз совместно с Роспотребсоюзом (Российский союз потребительских обществ) сократил количество государственных промысловых хозяйств практически в два раза с 71 до 32 [3]. Последующая передача дел в Главное управление охотничьего хозяйства в рамках Министерства сельского хозяйства усугубила управленческую путаницу.

Однако это была не единственная проблема. Начавшаяся в 1960-е годы экономическая реформа направленная на создание совнархозов и повышение эффективности экономики привела к обратным результатам. Так согласно заключению по отчету Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР за 1963 год: «Постановлением Совета Министров РСФСР от 6 декабря 1962 года № 1587 предусматривалась организация в составе Центрального аппарата Главохоты РСФСР хозяйственного управления госпромхозов. ...Руководство Главохоты РСФСР нарушило это постановление и превратило указанное управление из части своего центрального аппарата в управление при Главке» [4]. Подобное решение не приблизило руководство управления Главохоты непосредственно к промыслу, что, в конечном счете, негативно сказывалось на охотничьей деятельности.

К середине 1960-х гг. Совет Министров РСФСР попытался кардинальным образом решить проблемы, мешающие эффективному функционированию охотничьих хозяйств. Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства и повышению его доходности» от 14 июля 1965 года подразумевало проведение ряда реформ в сфере охотничьего хозяйства.

В рамках принятого постановления 1965 года отмечалась необходимость, рационального использования всех охотничьих угодий. Третий раздел постановления обязывал «Советы Министров Бурятской, Коми, Тувинской, Якутской АССР, Красноярский, Приморский, Хабаровский крайисполкомы, Архангельский, Амурский, Иркутский, Камчатский, Магаданский, Томский, Тюменский, Читинский облисполкомы и Министерство сельского хозяйства РСФСР разработать и осуществить мероприятия по развитию охотничьего промысла в колхозах и совхозах таежных и тундровых районах» [5].

Анализируя данный раздел, нельзя не заметить, что особое внимание уделялось развитию именно северных хозяйств как основных поставщиков «дикой» пушнины. Также, согласно постановлению, происходило расширение прав «охотоведов районной службы охотничьего надзора и директоров госпромхозов Главохоты РСФСР [...] в части применения мер взыскания (кроме штрафов)» [6]. Такое решение позволило более эффективно бороться с браконьерством, показатели которого росли с каждым годом.

Так, по результатам проверки промохототделений одного из ведущих пушных районов Ханты-Мансийского автономного округа Кондинского, было установлено, что работа охотхозяйств находится на достаточно высоком уровне. Согласно актам проверки, эффективность Кондинского промохототделения на 1967-1968 годы выглядела следующим образом: «На 1967 год план 60 тыс. 800 руб. фактически выполнен на 93 тыс., что составляет 152,9%. На 1968 год 72 тыс. руб. фактически выполнено на 1 октября 1968 года 42,2 тыс. руб., что составляет 58,6 тыс. руб., девятимесячный план 27 тыс. руб. выполнен на 156%» [7]. Сходные результаты продемонстрировал и Кондинский совхоз, процент выполнения плана на 1967 год составил 106,5, на 1968 план выполнен на 125,4% [8].

Такая ситуация была характерна не только для Кондинского района, в Октябрьском и Березовском районах общий план сдачи «дикой» пушнины составляла порядка 110% [9]. Как следует из представленных данных, принятые постановления оказали положительное воздействие на развитие промысловых хозяйств.

Во второй половине 1960-х государство стало уделять особое внимание к проблемам развития северных хозяйств. Поскольку именно эти районы страны обладали крупнейшими запасами не только промысловых видов пушнины, но и значительными объемами сопутствующей продукции (ягоды, грибы, дикоросы). По данным на 1969 год на территории северных районов страны закупалось порядка 73% от всей пушнины в РСФСР [10, с. 2]. Примечателен и тот факт, что только в северных районах создавались госпромхозы и коопромхозы с комплексным подходом к использованию промысловых ресурсов.

Так, существовавшие на территории Ханты-Мансийского автономного округа 2 госпромхоза и 4 коопзвепромхоза занимались не только охотничьей деятельностью, но также сбором дикоросов и частично рыболовством. Необходимо заметить, что такой подход к организации деятельности промхозов позволял в полной мере обеспечивать их устойчивое развитие в условиях тайги и тундры. Комплексный характер хозяйственной деятельности позволял получать дополнительную прибыль, и в случае каких-либо проблем в одной сфере потери могли быть либо полностью, либо частично компенсированы за счет другой. Кроме того такой подход мог обеспечивать круглогодичную занятость сотрудников данных хозяйств.

В начале 1950-х гг. рыбная промышленность занимала важное место в экономической конъюнктуре региона. Во многом процесс индустриализации, до создания нефтегазового комплекса, опирался на инфраструктуру, созданную рыбной и лесной промышленностью [1, с. 41]. Большое количество водоемов и их богатое биологическое разнообразие создавало предпосылки для развития промышленного рыболовства на Севере Западной Сибири.

Переходя к общей характеристике рыболовного хозяйства Севера Западной Сибири, необходимо отметить тот факт, что оно находилось в крайне неблагоприятных условиях, вызванных причинами технического характера, а также недостаточной продуманностью общегосударственного планирования.

Второй специфической чертой является особенность гидрологического режима нижнего течения Оби и ее притоков, а именно заморные явления. Под «замором» в этом случае понимается массовая гибель рыбы от удушья, вызванного низкой концентрацией кислорода в воде. Для речного

бассейна рассматриваемого региона появление заморозов характерно в зимний период, в результате чего в начале весны в большинстве водоемов наблюдается гибель рыбы. О масштабности заморных явлений можно судить по материалам годового отчета о деятельности инспекции рыбоохраны по Ханты-Мансийскому автономному округу: «Проводя наблюдения за скатом ельца из реки М. Карым научный сотрудник Обь-Тазовского отделения СибНИИРХа (Сибирский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства) Захаров В.М. встречал погибшую рыбу (язя, ельца, плотву) во многих местах по р. Б. Салым, ее притокам М. Карыме и Б. Карыме в старицах р. Б. Салым, заосотровках, омурах и прочее... Запах разлагающейся рыбы разносился на многие километры из тех мест, где ее погибло особенно много» [11]. Это явление повышало в данном случае значимость так называемых «живунов» – водоемов с высокой концентрацией кислорода в воде.

Переходя к характеристике системы управления рыбным хозяйством региона, необходимо отметить следующие факторы. Во-первых, в рассматриваемый период произошло несколько реформ менявших систему как территориального, так и экономического управления в регионах, что в свою очередь негативным образом сказывалось на функционировании различных отраслей народного хозяйства.

Так, вначале 1960-х годов единое управление Обь-Иртышским бассейном было разделено на 6 совнархозов: Алтайский, Новосибирский, Кемеровский, Омский, Восточно-Казахстанский, Тюменский (Среднеуральский). При этом управление рыбной промышленности было создано лишь в Тюменском совнархозе. Такое искусственное разделение единого хозяйственного комплекса привело к серьезным трудностям в сфере воспроизводства и охраны рыбных ресурсов бассейна.

Создание нескольких небольших советов народного хозяйства во многом способствовало развитию узковедомственного подхода к развитию отрасли. В результате это привело к тому, что в короткие сроки предприятиями Западной Сибири был нанесен значительный ущерб рыбным запасам.

Видя негативные последствия перехода к территориальному принципу управления, в 1962 году Советом Министров СССР совместно с ЦК КПСС было принято постановление «О мерах по увеличению добычи рыбы и производству рыбной продукции» [12, с. 150]. В одном из его разделов говорилось о создании единых бассейновых управлений рыбной промышленностью.

На территории Севера Тюменской области создавались две крупные организации, отвечавшие за заготовку рыбной продукции: Хантымансийскрибпром и Ямалрыбпром, которые подчинялись Сибирскому территориально-производственному управлению рыбной промышленности (Сибупррыбпром).

Во-вторых, добычей рыбы в регионе занимались сразу несколько организаций, которые соревновались между собой по объемам выловленной рыбы. Основными организациями, ведущими рыбозаготовку, являлись предприятия государственной промышленности (рыбозаводы), колхозы и совхозы ПОХа (промыслово-охотничьи хозяйства) и ГОХа (государственные охотничьи хозяйства), рыбартели [13]. Такое количество заготовительных организаций не только создавало определенные трудности в управлении ими, но и наносило ущерб рыбным запасам.

Попытка избавиться от негативных факторов в рыболовном промысле была предпринята еще в 1957 году, когда было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» [12, с. 145]. Основная цель данного документа заключалась в том, что необходимо использовать все доступные возможности для развития региона. Необходимо заметить, что это постановление было направлено на решение технических проблем отрасли, но не решало проблемы управления рыбной промышленностью округа.

Необходимость повышения эффективности рыбного хозяйства заставила руководство рыбной промышленности обратиться к специалистам, в ре-

зультате чего было создано Обь-Тазовское отделение ВНИОРХа (Всероссийский научно-исследовательский озерного и речного хозяйства – прим. автора). Основной задачей этой организации стало изучение особенностей биологии промысловых рыб, оказание консультативной помощи при планировании объемов вылова.

Кроме того, в данное постановление был включен раздел о необходимости увеличения объемов финансирования отрасли. Активная финансовая поддержка со стороны государства привела к тому, что удельный вес валовой продукции промышленности в Ханты-Мансийском округе составлял 44%, а в Ямало-ненецком – 72%, общий вес округов по добычи рыбы в Тюменской области составлял 93% [12, с. 149].

Таким образом, можно говорить о том, что в 1950–1960-е годы на Севере Западной Сибири система традиционного природопользования развивалась экстенсивным путем. Основной акцент делался на расширение площадей, как охотничьих угодий, так и увеличение количества используемых водоемов. Однако одновременно с этим процессом, как на общегосударственном, так и на региональном уровне начинает формироваться система природоохранных мер. Вместе с тем стоит сказать о том, что принятые государством меры во многом носили декларативный характер и существенного влияния на ситуацию в регионах не имели.

Литература

1. Мостовенко, М.С. Проблемы развития охотничьих хозяйств на Севере Западной Сибири в 20–60-е годы XX в. [Текст] / М.С. Мостовенко // Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований : материалы междунар. науч. конф. (Елабуга, 13–15 ноября 2014 г.). - Елабуга : Изд. центр Елабужского института КФУ, 2014. - С. 179–197.
2. КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. ОП. 1. Д38А. Л. 4.
3. ГАРФ Ф. А259. ОП. 45. Д. 3151. Л. 36.
4. ГАРФ Ф. А259. ОП. 45. Д. 1684. Л. 26.
5. ГАРФ Ф. А259. ОП. 45. Д. 3151. Л. 5–5об.
6. ГАРФ Ф. А259. ОП. 45. Д. 3151. Л. 6.
7. КУ Государственный Архив Югры Ф. 277. ОП. 1. Д. 65. Л. 37.
8. КУ Государственный Архив Югры Ф. 277. ОП. 1. Д. 65. Л. 40.
9. КУ Государственный Архив Югры Ф. 277. ОП. 1. Д. 73. Л. 2.
10. Круторогов, Н.С. Больше внимания охотничьему промыслу [Текст] / Н.С. Круторогов // Охота и охотничье хозяйство. - 1971. - № 2. - С. 1–2.
11. КУ Государственный архив Югры. Ф. 319. ОП. 1. Д. 24. Л. 15.
12. Прибыльский, Ю.П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке [Текст] / Ю.П. Прибыльский. - М. : Наука, 2008. - С. 144.
13. КУ Государственный архив Югры Ф. 319. ОП. 1. Д. 28. Л. 26.

УДК 338:502.1(571.1)
ББК 65.28-21(253.3)-03

Ю.С. ПРИХОДЬКО,
Е.И. ГОЛОЛОВ

Y.S. PRIKHODKO,
E.I. GOLOLOV

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
(НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.)

METHODOLOGICAL ASPECTS
OF HISTORICAL RESEARCH STATE
ENVIRONMENTAL POLICY
(ON EXAMPLE THE NORTH OF WESTERN SIBERIA
IN THE SECOND HALF XX – THE BEGINNING
XXI CENTURIES)

В статье рассматриваются теоретико-методологические аспекты исторического исследования экологической политики государства на примере Севера Западной Сибири. Выявляются эвристические возможности энвайроментализма, теории модернизации, теории фронта в контексте концептуализации границы между природой и окружающей средой на Севере Западной Сибири, экологической истории, регионального и акторного подходов.

In the article discussed theoretical and methodological aspects historical research state environmental policy on example the North of Western Siberia. The author analyzed heuristic's prospects of environmentalism, theory of modernization in context of conceptualization boundary between nature and environment in the North of Western Siberia, environmental history, regional and actor's approach.

Ключевые слова: экологическая история, экологическая политика, энвайроментализм, модернизация, региональный и акторный подходы, фронт.

Key words: environmental history, environmental policy, environmentalism, modernization, regional and actor's approach, frontier.

Тенденция увеличения количества глобальных и региональных экологических кризисов определяет постановку новых задач перед исторической наукой, прежде всего связанных с поиском и анализом исторических причин экологических проблем, особенностей и закономерностей взаимоотношений общества и природы. Это привело во второй половине XX века к появлению нового направления в исторической науке – экологической истории.

Становление экологической истории происходило в контексте развития идей энвайроментализма, возникших в конце 1960-х гг. в Северной Америке. Процесс возникновения и развития энвайронментализма означал изменение взглядов общества и государства на взаимоотношения между человеком и природой, что на практике реализовывалось в активном включении экологических идей в сферу государственной политики, признании их общественного значения [18, с. 475–480].

Экологическая история как научное направление оформилось в 1960–1970-х гг. в Соединенных Штатах Америки. В 1975 году в США усилиями группы ученых было создано Американское общество экологической истории с целью углубления и координации исследований в этой области. Именно американские исследователи первыми обратились к изучению вопросов взаимозависимости социально-экономического развития государства и состояния окружающей среды. Проникновение экологической истории на европейский континент произошло позднее, в 1990-е годы.

Крупные американские и европейские исследователи: Д. Востер [28], У. Кронон [19, 20], А. Кросби [6, с. 161-180], Д. Вайнер [26, 27], Дж. МакНилл [9], Я. Оостхук [22], Н. Фрейтаг [21], А. МакЭвой [23], Дж. Шейл [25] в своих работах актуализировали внимание на проблемах взаимодействия человека и природы, на важности исторического и философского подхода к изучению экологических проблем, на необходимости осознания невосполнимости природных ресурсов и изменении потребительского сознания человека по отношению к природе.

Экологическая история изучает человека и виды его деятельности в динамике и во взаимосвязи с природой. В историческом процессе природа всегда являлась одним из важнейших факторов развития экономики, государства в целом и общественного сознания. Подходы экологической истории на практике позволяют углубить существующие представления о природе и месте человека в ней, провести анализ генезиса современных экологических проблем, дать оценку роли государства и общества в предотвращении и урегулировании кризисных экологических ситуаций.

В этом ключе прослеживается необходимость сближения истории с другими науками и использования междисциплинарных научных методов.

При этом экологическая история, по справедливому замечанию Й. Радкау, не должна быть простым придатком экологических протестов, сплошной историей катастроф. Она должна исследовать элементы коэволюции человека и природы [12, с. 3]. Склонность экологической истории к пессимизму естественна. Человек сделал для этого, к сожалению, очень много. Однако в ней есть и оптимистический потенциал. Способность людей адаптироваться к природе и находить компромиссы с ней, создавать практики бережного отношения к окружающей среде также имеют место.

Имеющийся на сегодняшний день мировой опыт, в том числе и опыт изучения экологической истории России [11, 17, 24], свидетельствует о том, что наиболее успешно проблемы взаимодействия человека и природы разрабатываются на региональном уровне. Несмотря на то, что многие экологические проблемы в мире более или менее одинаковы, пути их решения будут различными в зависимости от региона, специфики его исторического развития и накопленного регионального опыта природопользования.

Россия является одной из самых крупных по площади стран мира с богатой природно-ресурсной базой и многообразием региональных природно-климатических условий, учет которых необходим в изучении вопросов взаимодействия человека и природы, охраны окружающей среды и рационального природопользования. Региональный подход объективно задан предметом исследования, при этом, как отмечает, А. Миллер, «чем более эссенциалистским будет региональный подход, тем больше вероятность воспроизведения слабостей национального нарратива» [10, с. 16].

В этом ключе понятие «регион» выступает важным теоретическим концептом, требующим многостороннего подхода к его определению. Регион представляет собой территорию, отличающуюся от других территорий по ряду признаков и обладающей некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих его элементов [3, с. 16]. Процесс выделения региона из общей территории происходит в соответствии с определенными целями и задачами.

Использование этого понятия требует от историка детального его пояснения. Рассмотрим это обстоятельство на примере Севера Западной Сибири. Эта территория рассматривается как исторически сложившийся регион, с определенными природно-географическими условиями (зона тундры и тайги), заданными ими системой природопользования и специфическим национальным составом населения.

Способность природно-географического фактора влиять на социум давно признается историками. Социальная и политическая организация общества зависит от физического окружения и его изменения, особенно в экстремальных ситуациях [2, с. 71].

Необходимость учета важнейшей роли природно-географического фактора при разработке всех основных аспектов общественно-исторического развития насущная задача исторических исследований. Это особенно важно для истории нашей страны с ее огромными пространствами и необыкновенным разнообразием природных условий. обстоятельное изучение и последовательный учет проявления этого фактора не просто обогатит и улучшит наши знания о прошлом, но и внесет существенные коррективы в концептуальные представления о нем [4, с. 174].

Север Западной Сибири относится к территории с экстремальными эколого-климатическими условиями. Суровая продолжительная зима, отличающаяся устойчивыми морозами (средняя температура января -22 -28) и короткое лето (2 месяца) красноречиво об этом свидетельствуют. Судя по индексу Бодмана, вычисляемому на основании температуры воздуха и скорости ветра, являющемуся характеристикой комплексного влияния климата на организм человека в условиях внетропических широт, климат предъявляет повышенные требования к организму жителей тундровой и таежной зон Западной Сибири. Индекс суровости погоды в регионе приближается к величинам, характерным для наиболее экстремальных и холодных территорий Российской Федерации [13].

Регион богат поверхностными водами. Повышенное количество осадков, слабое испарение, особенно с затененной поверхности почв и водоемов, а также облесенность и равнинность, затрудняющие сток, вызывают заболачивание территории. Поэтому кроме многочисленных рек и озер, в таежной зоне большое количество болот. Густота речной сети составляет 350-400 км на 1000 км². (в лесостепной и степной зонах аналогичный показатель составляет 25-30 км на 1000 км²) [15, с. 37]. Ширина междуречий не достигает и 12 км, а максимальное удаление от реки не превышает 5-6 км. Многие из таежных притоков Оби больше таких известных величиной водосброса и стока рек, как Западная Двина, Буг, Днестр и др.

Исключительно развитая пойменная система Оби и крупных притоков аккумулирует до 25% ее годового стока. Это создает временные, но обширные, связанные с рекой акватории, являющиеся летней нагульно-выростной площадью для большинства видов рыб. Значительное место в ландшафтах таежной зоны занимают озера. Они насчитываются здесь десятками тысяч, а возможно, и сотнями тысяч.

Крайне высокая степень обводненности и заболоченности определяет обилие водных и полуводных животных - рыбы, водоплавающие птицы, ондатра, бобр и др. Темнохвойные урманые леса в сочетании с пойменными и болотными угодьями, и обширными сосняками создают оптимальные условия для обитания глухаря, рябчика, белки, лося, выдры, медведя и соответственно для развития охоты и рыболовства.

Таким образом, суровый климат, многоводность и мощные весенние паводки, обширные, заболоченные, труднопроходимые пространства в тайге, сезонная доступность промысловых ресурсов являются теми природно-географическими факторами, которые издавна определяли хозяйственную деятельность населения Севера Западной Сибири.

На протяжении всего XX-XXI вв. Север Западной Сибири входил в различные территориально-административные образования, но при этом всегда имел обобщенное название: «Тобольский Север», «Обь-Иртышский Север», «Тюменский Север». Это свидетельствует о том, что Север Западной Сибири рассматривался историческими акторами как нечто целостное и взаимосвязанное, с присущими только этой территории характеристиками.

На протяжении длительного времени этот регион осваивался очаговым способом, при котором антропогенная нагрузка на окружающую среду носила локальный характер.

Ситуация резко изменилась во второй половине XX в. Открытие углеводородных месторождений в 1960-е гг. и последующее создание Западноси-

бирского нефтегазового комплекса не только предопределило дальнейшее индустриальное развитие региона, но и в корне изменило систему природопользования. Вовлечение новых видов природных ресурсов в хозяйственный оборот и увеличение масштабов осваиваемых территорий значительно усугубило экологическую обстановку.

В этой ситуации необходимым условием являлась разработка особых региональных подходов, учитывающих социально-экономические и природно-географические особенности территории, в проведении региональными властями экологической политики.

Процессы индустриализации Севера Западной Сибири в рассматриваемый период и создание ЗСНГК (Западносибирского нефтегазового комплекса) делают целесообразным использование в качестве методологического инструментария теорию модернизации. Мобилизационная модель экономики в более общем виде представляется как форсированное расширение прямых экономических функций государства, связанное с необходимостью концентрации в его руках основных видов ресурсов и факторов производства [7, с. 64].

Модернизация понимается как процесс осмысления новых стандартов «хозяйственного освоения» региона, в рамках которого уделяется особое внимание формированию экологических, природоохранных аспектов индустриального освоения. Она подразумевает рациональный контроль не только над социальным, но и над природным окружением человека, осуществление научной революции, расширение прикладных научных исследований, распространение рационального взгляда на жизнь. Это, в свою очередь, дает возможность понять логику принятия тех или иных решений относительно вопросов осуществления государственной экологической политики, определить стандарты, идеальные модели, которыми руководствовались те или иные акторы данного процесса.

В исследовании государственной экологической политики и, в целом, процессов освоения природных ресурсов региона целесообразно также применять теорию фронта. В основе классической теории фронта лежат подходы историков к изучению Сибири в контексте внутренней колонизации России [1, 16]. Ресурсная составляющая Сибири предопределила процесс активного продвижения на север и восток границ Российского государства.

Присоединение Сибири и ее Севера рассматривалось государством в первую очередь с экономической точки зрения. Пушнина являлась ценным ресурсом и составляла значительную долю российского экспорта на протяжении нескольких столетий. Освоение новых территорий, приход русского населения в Сибирь сопровождался принуждением местного населения увеличивать объемы добычи пушнины для выплаты ясака. Тем самым, происходило не только изменение традиционной системы природопользования, но и усиление ресурсной зависимости.

Применительно к Северу Западной Сибири второй половины XX в. теория фронта приобретает не только количественные, но и качественные черты.

Во второй половине XX в. начинается освоение месторождений нефти и газа на Севере Западной Сибири, что приводит к крупномасштабному наступлению человека на природу региона. Географический фактор естественным образом приобретает индустриальные черты.

В этом ключе фронт представляет собой не географические границы расширения территории освоения природных ресурсов, а границу качества освоения: переход от традиционного локального освоения к индустриальному сплошному освоению природных богатств. С целью наращивания экономического потенциала страны за счет использования природных ресурсов, государство вновь обращает внимание на Сибирский регион. Активное индустриальное освоение территории не только меняет привычную систему природопользования, но и все больше усугубляет экологическую ситуацию в регионе.

Появляется новая граница между природой и окружающей средой. В отличие от природы, не нуждающейся в людях, окружающая среда существует только там и тогда, где и когда существуют люди. Эта граница между природой и окружающей средой концептуальна и исторически обусловлена [8, с. 94]. Наступление человека на природу на Севере Западной Сибири – это процесс расширения пространства окружающей среды и сокращения пространства природы.

Это очень хорошо репрезентируется в текстах современников периода освоения нефтегазовых месторождений на Севере Западной Сибири. «Масштабы и темпы освоения огромной почти пустынной территории, площадь которой равна всей Западной Европе, в суровых северных условиях и при почти полном бездорожье не имеет прецедента в мировой практике и практики освоения новых районов СССР. Освоение здесь идет намного быстрее, чем в свое время шло освоение Урало-Волжской провинции, расположенной в обжитых и густонаселенных районах с развитыми путями сообщения. Задача решается усилиями всей страны с привлечением многих десятков научных и проектных организаций. Со всех концов страны поставляются машины, оборудование, строительные материалы» [14, с. 151]. Сама окружающая среда как продукт деятельности человека, его труда, становится исторической категорией.

Исследование государственной экологической политики также должно базироваться на принципе историзма, реализуемом через концепты различия, контекста и процесса. Различие дает возможность выделить этапы развития экологической политики. Изучение экологической политики на Севере Западной Сибири необходимо рассматривать в контексте общих тенденций развития СССР-РФ во второй половине XX – начале XXI веков.

В качестве одного из основных методов исследования должен выступать историко-правовой метод, который базируется на подходах историков и юристов к изучению вопросов правовых механизмов государства в процессе формирования и реализации экологической политики, процессов формирования экологического законодательства с учетом исторического развития государства.

Эволюция экологического законодательства на протяжении второй половины XX века, становление его как отдельной правовой сферы делает необходимым в качестве одного из основных использование историко-правового метода исследования. Историко-правовой метод используется для проведения сравнительного анализа отечественной правовой системы охраны окружающей среды в контексте соотношения «центр – регионы» и для сравнения с зарубежными системами охраны природы, что дает возможность определить специфику советского и российского экологического законодательства, показать его развитие в контексте отечественных и международных тенденций экологического права.

Выбранный теоретико-методологический инструментарий (энвайронментализм, регионализм, теории модернизации, фронта, историко-правовой метод) дает возможность расширить предмет исследований по истории Севера Западной Сибири и получить новое историческое знание об истоках и эволюции противоречий между человеком и природой в регионе.

Литература

1. Агеев, А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров [Текст] / А.Д. Агеев. – М. : Аспект-Пресс, 2005. – 381 с.
2. Гололобов, Е.И. Взаимодействие человека и природы на Обь-Иртышском Севере в 1920-е гг. (теоретико-методологический аспект) [Текст] / Е.И. Гололобов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – Сургут : СурГПУ, 2009. – № 3 (6). – С. 68-75.
3. Гранберг, А.Г. Основы региональной политики / А.Г. Гранберг. – М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2001. – 495 с.
4. Ковальченко, И.Д., Труды по истории взаимосвязи природы и общества [Текст] / И.Д. Ковальченко, А.В. Муравьев // Отечественная история. – 1992. – № 4. – С. 169-175.

5. Кронон, У. Место для историй: природа, история, повествование [Текст] / У. Кронон // Человек и природа: экологическая история. – СПб. : Алетейя, 2008. – 348 с.
6. Кросби, А. Экологический империализм: трансатлантическая миграция западных европейцев как биологический феномен истории [Текст] / А. Кросби // Человек и природа: экологическая история. – СПб. : Алетейя, 2008. – С. 161–180.
7. Зубков, К.И. Феномен мобилизационной экономики: историко-социологический анализ [Текст] : сб. науч. статей «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века» / К.И. Зубков ; под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. – Челябинск, 2009. – С. 64–71.
8. Лайус, Ю.А. Конец природы и перспективы экологической истории. Рец. на книгу Nature's End. History and the Environment/eds. Sverker Sorlin & Paul Warde. London: Palgrave Macmillan. 2009 [Текст] / Ю.А. Лайус // Историко-биологические исследования. 2010. – Т. 2. – № 4. – С. 93–96.
9. МакНилл, Д. О природе и культуре экологической истории [Текст] / Д. МакНилл // Человек и природа: экологическая история. – СПб. : Алетейя, 2008. – 348 с.
10. Миллер, А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования [Текст] / А. Миллер. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.
11. Море – наше поле: Количественные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцева морей, XVII – начало XX в [Текст] / Ю.А. Лайус, Д.Л. Лайус. – СПб., 2010. – 219 с.
12. Радкау, Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды [Текст] / Й. Радкау. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 472 с.
13. Ракита, С. Биоклиматическое районирование Севера СССР [Текст] / С. Ракита // Население и окружающая среда. – М. : Статистика, 1975. – С. 21–29.
14. Славин, С.В. Освоение Севера [Текст] / С.В. Славин. – М. : Наука, 1975. – 197 с.
15. Советский Союз. Российская Федерация. Западная Сибирь [Текст]. – М. : Мысль, 1971. – 429 с.
16. Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России [Текст] / А. Эткинд. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.
17. Brain, S. Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953 [Text] / S. Brain. – University of Pittsbergh Press, 2011.
18. Encyclopedia of world environmental history // Shepard Krech III, J.R. McNeill, Carolyn Merchant. – New York, 2004. – P. 475–480.
19. Cronon, W. An Environmentalist on a Different Path: A Fresh View of the Supposed «Wilderness» and even the Indians Place in It [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.williamcronon.net/writing/Scott,%20Janny,%20Cronon%20Article.pdf> (дата обращения: 19.01.2012).
20. Cronon, W. The Uses of Environmental History [Электронный ресурс]. – URL: http://www.williamcronon.net/writing/Cronon_Uses_of_Environmental_History_ENR_Fall_1993.pdf (дата обращения: 19.01.2012).
21. Freytag, N. Deutsche Umweltgeschichte – Umweltgeschichte in Deutschland. Erträge und Perspektiven [Text] / N. Freytag // Historische Zeitschrift Band. – 2006. – № 283.
22. Oosthoek, J. What is Environmental History? [Электронный ресурс] / J. Oosthoek. – Режим доступа: http://www.eh-resources.org/environmental_history.html.
23. McEvoy, A.F. The fisherman's problem. Ecology and law in the California fisheries, 1850–1980 [Text] / A.F. McEvoy. – Cambridge University Press, 1986.
24. Moon, D. The Plough that Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914 [Text] / D. Moon. – Oxford University Press, 2013.
25. Sheail, J. An Environmental History of Twentieth-Century [Text] / J. Sheail. – 2002.
26. Weiner, D.R. A death – defying attempt to articulate a coherent definition of environmental history [Text] / D.R. Weiner // Ab Imperio. – 2008. – № 4.
27. Weiner, D.R. A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev [Text] / D.R. Weiner. – University of California Press, 2002.
28. Worster, D. The Two Cultures Revisited: Environmental History and the Environmental Sciences [Text] / D. Worster. Environment and History. Published by: White Horse Press. – Vol. 2. – No. 1, Lammi Symposium Issue (February 1996).

УДК 94(47+57)«18/19»:329.17'21(47+57)(091)
ББК 63.3(2)521.2-72-8

Ф.М. ТОКТОНЫАЗОВА

F.M. TOKTONYAZOVA

НАЧАЛО
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
О.А. НОВИКОВОЙ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1870-х ГГ.)

THE BEGINNING OF PUBLICISTIC WORK
OF O.A. NOVIKOVA
(THE SECOND HALF OF 1870-s)

Статья посвящена начальному этапу публицистической деятельности русского общественного деятеля О.А. Новиковой, в течение которого ею предпринимались попытки исправить предвзятое отношение англичан к России (вторая половина 1870-х гг.).

The article is devoted to the initial stage of publicistic work of Russian public figure O.A. Novikova during which she made an attempt to correct prejudiced attitude of English people to Russia (the second half of the 1870-s).

Ключевые слова: О.А. Новикова, У. Гладстон, У. Стэд, К.П. Победоносцев, Б. Дизраэли, Ф. Непир, А.А. Киреев, Н.А. Киреев.

Key words: O.A. Novikova, W. Gladstone, W. Stead, K.P. Pobyedonostsyev, B. Disraeli, F. Napier, A.A. Kireev, N.A. Kireev.

Личность Ольги Алексеевны Новиковой, русской писательницы и публициста, чрезвычайно многогранна. Одним из направлений ее активной деятельности было участие в бурной общественно-политической и публицистической жизни Великобритании, чем она привлекала пристальное внимание прессы этой страны – как либеральной, так и джингоистской. Одни считали ее сильной, независимой и патриотичной женщиной и даже посвящали ей поэмы [4, л. 1]. Другие видели в Новиковой «русского агента» и относились к ней предвзято. Сама О.А. Новикова негодовала по этому поводу и писала о том, что посещать Англию больше одного раза, будучи не заподозренным в шпионаже, невозможно [25, р. 187].

Во второй половине XIX столетия отношения между Россией и Англией трижды были на грани военного столкновения. Первый раз это было в 1863 году из-за подавления польского восстания. Второй – в 1878 году, на завершающем этапе русско-турецкой войны. Третий повод для войны между обеими империями возник в 1885 году, при правительстве Уильяма Гладстона (на фоне Афганского кризиса). Во время каждого из этих обострений Новикова пыталась ослабить возникшую напряженность своими выступлениями в британской прессе. И Уильям Гладстон, и известный британский журналист, и издатель Уильям Стэд неоднократно подчеркивали роль Новиковой в улучшении отношений между Петербургом и Лондоном. По их мнению, сделанное О.А. Новиковой было недооценено. В письме к Новиковой от 4 декабря 1878 года лидер либералов назвал ее «примирителем» [5, л. 5].

Новикова на самом деле являлась своего рода посредником между Россией и Англией. Она опубликовала на эту тему несколько статей в сборнике «Russia and England from 1876 to 1880» и в своей работе «Russian memories». В России она оправдывала политику Гладстона, а в Англии пыталась убедить либералов в честных намерениях своей страны. Лидер английских либералов отмечал, что не знал, являлась ли Новикова агентом русского правительства, но в одном он был точно уверен: в ее доброжелательном отношении к Великобритании [7, с. 290].

Многие консервативные британские газеты представляли Новикову обуреваемой страстью к Англии и англичанам [28]. Пророссийские акции в британской печати предпринимал и близкий к Новиковой публицист и издатель Стэд. В 1871 году он стал выпускать журнал *The Northern echo* («Северное эхо»), отличавшийся симпатиями к славянам. Стэд писал, что «Северное эхо» стало чем-то наподобие главного штаба, освободительным бюро антитурецкой кампании» [7, с. 244]. К тому же он являлся английским корреспондентом «Московских ведомостей». Стэд и Новикова обменивались полезной для обеих информацией. Причем сведения, которые передавали Стэду его корреспонденты, поступали через него к Новиковой, и многие из корреспондентов были осведомлены об этом и не препятствовали передаче информации в Москву [7, с. 245]. Данный факт также свидетельствует о степени доверия к Новиковой в Англии. В своей автобиографии Стефан Грэхэм, английский писатель и новеллист, отмечал, что очень важным достижением Новиковой стало превращение ее усилиями радикального Стэда в ярого защитника России [23, р. 73]. По мнению исследовательницы И.В. Якубовской, Стэд воспринял почти буквально дар убеждения Новиковой во всем, что касалось России, и отстаивал ее взгляды [21, с. 57].

Начало «английского» периода общественной деятельности Новиковой относится ко времени подавления польского восстания 1863 года. Брат О.А. Новиковой, Александр Киреев, был приставлен адъютантом к великому князю Константину Николаевичу, назначенному наместником Царства Польского. Наместничество Константина Николаевича пришлось на период польского восстания. Новикова с этого времени стала интересоваться международными отношениями. Большое влияние на формирование ее политических взглядов оказывал английский посол в Петербурге лорд Френсис Непир. Он писал О.А. Новиковой: «Англичане вообще противники России. Англичане должны привыкнуть слышать хорошие отзывы о России постепенно. Англичане очень упорны в своей злобе. Это свойство нашей нации, и его надо признать и с ним сообразоваться. Лучший комплимент, который я могу сделать русским, это сказать им правду» [12, л. 1, 1 об.].

Новикова прекрасно понимала, что англичане на самом деле были настроены в отношении России весьма недружелюбно. Свою задачу она видела в том, чтобы развеять эти предубеждения англичан. Лорд Непир продолжал писать Новиковой и после того как был направлен в Индию губернатором. Он до конца своей жизни оставался другом О.А. Новиковой. По мнению исследователя Д.О. Байлена, именно доверительные отношения Новиковой с Непиром убедили ее в возможности наладить диалог с Великобританией [22, р. 258].

Непир писал Новиковой очень часто и детально осведомлял ее о подробностях развития отношений между Лондоном и Петербургом. При этом он не только сухо излагал факты, но и выражал собственное отношение по тому или иному поводу. Непир надеялся, что войны между Англией и Россией можно будет избежать. Между тем Англия, Франция и Австрия, а вслед за ними и другие европейские государства потребовали от России принятия мер «для предотвращения кровопролития в Польше» [20, с. 122, 129–134]. Париж был настроен весьма решительно. Лондон же не испытывал особого желания провоцировать осложнения из-за Польши. Британский государственный деятель Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесил, 3-й маркиз Солсбери писал в начале 1864 г. о том, что британский дипломат Одо Россель не хотел войны с Россией, но если бы имел возможность запугать Россию угрозами и заставить ее принять английские требования, то «для этого легко можно было потратить несколько энергичных предложений» [2, с. 84].

Время для шантажа Петербурга было выбрано весьма удачно. Внешнеполитическое положение России было сложным. 29 июня 1863 г. союзники по «Крымской системе» вновь выступили с нотами, содержащими предложения о перемирии с поляками и созыве конференции 8 держав по польско-

му вопросу [2, с. 85]. Последний ответ канцлера А.М. Горчакова, заявившего, что этот вопрос может обсуждаться только участниками раздела Польши, был достаточно лаконичен. Канцлер подчеркнул, что Россия владела Польшей с 1831 года не на основании положений 1815 года, а по праву завоевания [1, с. 244]. Вместе с тем он обещал, что Россия сделает все для восстановления порядка в Польше [9, с. 70]. На этом фоне О.А. Новикова выступала в защиту политики, которая, по мнению ее мужа и многих других, должна была привести к войне [7, с. 32].

Подобные патриотические настроения были тогда свойственны значительной части русской интеллигенции. Так, Д.А. Милютин вспоминал: «Вооруженный мятеж поляков и дипломатическое вмешательство Европы, столь прискорбные сами по себе, имели однако и свою полезную сторону для России. Они произвели благоприятный перелом в настроении умов в среде образованных слоев; открыли глаза той части нашей интеллигенции, которая в течение двух предшествующих лет легкомысленно поддавалась в сети польской интриги» [1, с. 250].

Подъем патриотизма выражался также и в том, что многие уже были готовы к войне. Лорд Непир замечал по этому поводу: «Все национальные и религиозные страсти русского народа затронуты польским вопросом. Рекруты спешат стать в ряды войска с небывалым рвением, твердо уверенные в неизбежности войны за веру» [1, с. 250]. Однако Англия и другие европейские страны пошли на уступки, что позволило избежать войны и предопределило неудачу восстания [9, с. 70].

Спровоцированное польским восстанием усиление напряженности в Европе во многом и обусловило интерес Новиковой к международной политике, в частности, к русско-английским отношениям. Но переломным моментом, изменившим жизнь О.А. Новиковой и побудившим ее заняться пропагандой позитивного образа России в Великобритании, стало известие о гибели ее родного брата – Николая Алексеевича Киреева – в Сербии в 1876 году. Корреспондент Новиковой и ее друг – священник и писатель Иоанн Беллюстин – в своем письме от 10 августа 1876 года выразил соболезнования и написал ей: «Горько Вам и всем Вашим; но нет такого горя на земле, которое не врачевалось бы временем; а тут за горем сознание – что именно потерянный Вами наглядно доказал, какие еще силы хранятся в земле русской, – силы готовые принести все в жертву за свою веру, за свои убеждения» [3, л. 1]. Свое соболезнование Новиковой выразил и К.П. Победоносцев, процитировав в письмах к О.А. Новиковой статьи, посвященные незабвенной памяти ее брата [16, л. 3, 3 об.].

В то же самое время Александр Уильям Кинглейк, старый британский друг Новиковой и историк Крымской войны, писал ей о том, какой подъем и оживление в русском народе вызвала смерть Киреева. По его словам, смерть Николая «превратила тлеющий огонь русского энтузиазма в опасный огонь» [25, р. 37]. В определенном смысле это соответствовало действительности. Гибель Николая Киреева и жестокости, творимые в отношении болгар, стали одними из главных факторов для подъема антитурецких настроений в России [7, с. 145].

Другой брат Новиковой, Александр Киреев, сообщал ей в августе 1876 года в письмах о том, что желающих поступить в ряды славянских армий становилось все больше и больше. Движением этим были увлечены не только русские, но и немцы с финнами. Государь, по словам Киреева, был очень озабочен, но нисколько не враждебен этому движению. Наследник жертвовал из своего кармана деньги на помощь гвардейским офицерам и солдатам, подававшим в отставку и направлявшимся в Турцию [10, л. 1 об.] (Александр II после долгих колебаний 27 июля 1876 года объявил о разрешении русским офицерам выходить в отставку с правом возвращения впоследствии на службу с сохранением старшинства в чине [1, с. 313]).

Горе Новиковой повлияло на настроения не только в России, но и во враждебной в то время Великобритании. Лидер либералов Гладстон написал статью об ужасах в Болгарии под влиянием случившегося с братом Новиковой [7, с. 155]. По мнению исследовательницы С.Н. Патутиной, если бы не резонанс английской прессы, вызванный болгарской резней, деятельность Новиковой в Британии не имела бы такого успеха [15, с. 77]. А. Новикова была подавлена вестью о смерти брата: она ведь даже не знала, что Николай Киреев, взяв новое имя Хаджи Гирей, решил стать добровольцем в сербской армии. В своем письме от 21 сентября Савва Груич, начальник артиллерии во время сербско-турецкой войны, сообщил Новиковой подробности о деятельности ее брата во время кампании 1876 года: «Киреев шел впереди войска, имея из оружия только револьвер в кобуре на ремне при бедре. На нем была белая русская рубашка и высокие сапоги. Он был высок ростом и крепок и в белой, как лебедь, рубашке представлял удобную мишень. Чтобы одобрить солдат, он неустрасливо расхаживал перед турецким укреплением под градом неприятельских пуль. Он очень любил наших солдат, зато и те любили его» [6, л. 4 об., 5]. Александр Киреев писал сестре, что возвращавшиеся из Сербии очень хорошо отзывались о Николае, что вокруг него группировались местные – особенно болгарские – элементы, вверенные ему войска очень были ему преданы и веровали в него слепо, а после его смерти болгары очень дезорганизовались [10, л. 7]. Новикова во всем винила Англию: «Если бы Англия не поощряла Турцию, не было бы войны, и брат бы мой не умер» [7, с. 146]. В своем письме к брату Александру от 1 ноября 1876 года Ольга Алексеевна написала о том, что будет мстить за смерть брата Николая, «отстаивая своих» (то есть выступая в защиту славян на Балканах) [13, л. 7, 8].

Смерть брата на самом деле очень сильно повлияла на Новикову. Ее интерес к событиям на Балканах перестал быть сугубо умозрительным. Из письма Александра Киреева к сестре можно узнать, что О.А. Новикова после гибели Николая вынашивала планы стать сестрой милосердия. Александр пытался ее отговорить: «Тебе не для чего и думать идти в сестры милосердия, всякий должен служить согласно вверенных ему талантов, если ты хотя одну лишнюю идею, одно лишнее сведение сообщила твоим английским друзьям, то уже этого совершенно достаточно, ты уже исполнила свой долг!» [10, 14 об., 15]) Мысли Новиковой деятельно включиться в помощь воюющим на Балканах вызвали у людей ее круга в том числе и негативное отношение. Например, Победоносцев в одном из своих писем крайне резко отозвался о задумках О.А. Новиковой («вот что значит изуродованная натура», «правда, она глупа, но это может служить объяснением, но никак не ободрением» [18, л. 25 об.]). В своем письме к Е.Ф. Тютчевой от 10 ноября 1876 года он выразил недовольство по поводу того, что Новикова рассказывала всем своим знакомым о потере брата [18, л. 26].

Однако О.А. Новикова в итоге все-таки последовала совету брата и, по всей видимости, именно тогда решила «дать Англии понять настоящих русских и русское мировоззрение и позволить России узнать Англию и английское мировоззрение» [24, р. 42]. Все ее дальнейшие действия были направлены на борьбу с политикой Дизраэли и продиктованы желанием отомстить за смерть брата. По мнению Стэда, Новикова была лучшей представительницей России в Англии на протяжении следующих полутора десятилетий [7, с. III]. Некоторые британские газеты называли О.А. Новикову «одним из лучших дипломатов Европы» [27] и «политическим журналистом» [26]. О.А. Новикова пыталась противостоять русофобской политике лорда Биконсфильда и показывать Англии свою страну в совершенно противоположном свете.

Деятельность Новиковой в Англии началась с ее активной пропаганды в английской либеральной печати идеи о необходимости поддержать Россию в войне против Турции. Но вскоре О.А. Новикова обнаружила, что в Англии сложилось негативное восприятие России, которое подогревалось джинго-

истским правительством. Такие газеты, как *The Standard*, *The Morning post*, *The Pall Mall Gazette*, *The Daily Telegraph* проводили линию консерваторов и пытались дискредитировать Россию, выставить ее в неблагоприятном свете. Идя наперекор такой установке, Ольга Алексеевна писала в своих заметках о «двух Россиях». По ее словам, иностранцы чаще всего формировали свое впечатление о России исключительно по Петербургу, куда обычно и приезжали с целью увидеть эту неведомую для них страну.

Между тем помимо России официальной, или России Петербурга, существовала еще Россия национальная, или Россия Москвы. К первой и сама О.А. Новикова не питала особо теплых чувств. Ее неприязненное отношение к столице вероятнее всего было вызвано также и личными причинами. Так, О.А. Новикова писала о том, что Петербург, вместо того чтобы оказывать содействие добровольцам, сражавшимся в Сербии, осмеивал их. Брат Новиковой Николай погиб как герой на поле боя в Сербии, и безучастное отношение Петербурга к сербским добровольцам не могло не смущать О.А. Новикову. Кроме того, Новикова была возмущена тем, что в Петербурге пресекали деятельность славянских комитетов [25, р. 11]. Но наиболее сильное негодование у нее вызывали бездействие и равнодушие Петербурга в отношении событий на Балканах – зверств, учиненных в Болгарии, сербской войны. Новикова хотела донести до англичан, что им не следовало судить по Петербургу обо всей России – точно так же, как и России не следовало судить об Англии исключительно по политике Биконсфильда, ибо и применительно к Англии следовало говорить о том, что страны с таким названием на самом деле две: Англия с душой и сердцем и Англия корыстная или, иначе говоря, Англия Гладстона и Англия Биконсфильда [25, р. 15].

Особенно недалеким и беспочвенным казался О.А. Новиковой страх англичан из-за возможного, как они считали, захвата Россией владений Англии. Британцы беспрестанно обвиняли Россию в агрессии и жажде приращения территорий. Так, в газете *Pall Mall Gazette* вышла статья, автор которой вменял России в вину зверства, якобы учиненные ею в отношении коренного населения во время кампании генерала К.П. Кауфмана в Хиве [29]. Но как верно подметил Томас Генри Фаррер, заместитель министра по делам торговли: «Возможно, это обвинение отчасти справедливо, но что в этом случае можно сказать о нас самих» [25, р. 321]. К тому же необходимо отметить, что приказ Кауфмана по истреблению иомудов не был выполнен, так как он стал известен в России и Кауфмана за него подвергли серьезной критике [1, с. 297].

Данный эпизод свидетельствует о том, что англичане зачастую принимали на веру неподтвержденные слухи, дискредитировавшие Россию. Очень важным моментом, подмеченным О.А. Новиковой, являлось то, что территория, осваиваемая или освоенная Россией, почти всегда имела общую границу с самой Россией и не отличалась мягким климатом [25, р. 322–323]. Англичане более всего опасались продвижения России к владениям Англии на Востоке (хотя даже английский востоковед и один из самых ярых русофобов Англии сэр Генрих Ролинсон считал это невозможным [25, р. 325]). В частности, они обвиняли Россию в вероломстве в случае с Хивой. Но ведь объявленной целью похода 1839 года было прекращение набегов хивинцев на подвластную России территорию, обеспечение спокойствия и торговли в степных областях и освобождение захваченных русских подданных. К тому же за ханом было оставлено право управления страной, так как в планы российского правительства не входило присоединение всего Хивинского ханства. То есть обвинения со стороны Англии в адрес России зачастую были беспочвенными. Многие англичане, в том числе и Уильям Гладстон, отождествляли причины завоевания Россией Средней Азии и покорения Англией Индии [25, р. 347].

Новикова придерживалась диаметрально противоположного мнения. Она считала, что если Россия устанавливала закон и порядок среди племен,

граничивших с ее территорией, то Англия была вынуждена утверждать свои завоевания не только вопреки протестам завоеванных народов, но и датчан, французов и португальцев, которых Англия лишила владений. Более того, Россия взимала налоги со своих внутренних территорий для обеспечения и поддержания порядка в Коканде и Ташкенте, а народы Индии содержали английскую администрацию (и это с учетом того, что Индия являлась экономически более развитой по сравнению со Средней Азией) [25, р. 348]. Новикова не оспаривала владения англичан в Индии, она всего лишь хотела добиться от них, чтобы они прекратили ставить России в укор завоевания в Средней Азии. О.А. Новикова считала, что англичанам следовало бы сравнивать овладение Россией Средней Азией не с установлением их контроля над Индией, а с утверждением Англии в ее западноафриканских землях [25, р. 349]. По всей видимости, Новикова подразумевала необходимость сопоставления трудностей управления этими землями (так, например, в Средней Азии Россия была вынуждена подавлять работорговлю – как и Англия на берегах африканского побережья [25, р. 350]).

Новикова считала несправедливым, что англичане оценивали Россию по ее крепостному прошлому. По мнению О.А. Новиковой, источник русофобии крылся в «простом, тривиальном, незамысловатом невежестве» англичан.

Эту точку зрения О.А. Новикова подтверждает следующий инцидент. Во время разговора с одним своим знакомым О.А. Новикова обнаружила, что великий английский поэт Альфред Теннисон ненавидел Россию. Знакомый Новиковой объяснил это тем, что они, англичане, не могли смириться с режимом, основанным на кнуте. О.А. Новикову очень удивило, что ни ее собеседник, ни великий поэт, совершенно ничего не зная о Великих реформах 1860–1870-х гг. и отмене «системы кнута», брались судить Россию исключительно по ее прошлому.

Вместе с тем многие английские историки, современники Великих реформ в России, считали отмену крепостного права закономерным завершением процесса, начатого при Екатерине II. Само же крепостное право рассматривалось ими как явление, естественным образом формировавшееся в ходе освобождения от иноземных захватчиков [14, с. 147–148]. По мнению Новиковой, акцентирование внимания англичан на крепостном прошлом России можно сравнить с оценкой англичан исключительно по их опиумным войнам в Китае [25, р. 189].

Кроме того, англичане часто ставили в упрек России ее политику в отношении отдельных национальных окраин, в особенности Польши. Новикова пыталась опровергнуть и эти предубеждения, приводя в пример управление Финляндией, которая имела свои собственные законы, Лютеранскую церковь, монету, государственный язык, бюджет и даже национальный долг [25, р. 192]. Более того, многие финны откликнулись на призыв добровольцев освободить Болгарию от турецкого ига.

Поляки же вызывали сочувствие у англичан, порицавших действия российского правительства в Польше. Симпатия к польским борцам стала в Британии частью воспитания молодежи [30, р. 94]. У О.А. Новиковой подобная позиция англичан вызывала резкое осуждение. Из письма Победоносцева к Е.Ф. Тютчевой от 10 января 1877 года следует, что Новикова собирала сведения и факты об истории отношения России и Польши [19, л. 2]. Весьма вероятно, что Ольга Алексеевна занималась сбором информации для своей книги «Russia and England from 1876 to 1880». В ней она сравнила положение поляков в России с положением ирландцев в Англии. Ее удивляло то, что англичане, завоевавшие Ирландию, сами ужасались тому, что Россия овладела одной из частей разделенной Польши [25, р. 197].

Кроме того, положение поляков, вошедших в состав России, было не таким плачевным, как это себе представляли англичане. По свидетельствам Ричарда Кобдена, известного английского политического деятеля, положение поляков под властью Российской империи значительно улучшилось:

государственные крестьяне освободились от многих средневековых повинностей, развивалась интеллектуальная сфера, открывались новые школы, прогресс отмечался во всех областях хозяйственной жизни [25, р. 200]. Англичане обвиняли Россию в том, что она лишила Польшу возможности иметь конституцию, но, по мнению Новиковой, в некоторой степени благодаря английской дипломатии у поляков не было своего собственного национального правительства, потому что «после свержения Наполеона наш император больше всего ратовал за восстановление Польского королевства, и именно из-за представителей Пруссии и Австрии, поддержанных уполномоченными Англии, он был вынужден отказаться от этой идеи» [25, р. 203].

Мнение Новиковой по данному вопросу разделял и Победоносцев. Он так же, как и О.А. Новикова, считал, что англичане незаслуженно вменяли в вину России обострение польского проблемы. В своем письме к Новиковой от 3 декабря 1876 года Константин Петрович написал: «Как им полюбились эти пошлые тирады против России по поводу Польши и Венгрии! Скоро ли западная Европа вырастет из этих узких понятий! Если бы они знали, что борьба с польским и венгерским элементом в сущности есть борьба за свободу против самого ужасного насилия» [17, л. 15 об., 16].

Таким образом, в условиях резкого осуждения политики Российской империи в Англии Новикова встала на защиту официальной позиции своей страны. О.А. Новикова не столько оправдывала курс петербургского кабинета, сколько пыталась доказать англичанам историческую правоту России. С этой целью она неоднократно апеллировала к прошлому как России, так и Англии, сравнивала подходы обеих стран к разрешению тех или иных проблем. Новикова осознавала, что Англия зачастую в своих интересах толковала представления о равенстве и должном порядке. В результате политические расчеты правительства оттеснили в сторону принципы свободы и демократии, которыми англичане не переставали гордиться. Справедливость, декларируемая ими, разбивалась о реальную практику двойного стандарта. Английское правительство пыталось манипулировать общественным мнением и создавать негативный образ России в глазах англичан для оправдания своих дальнейших действий. Безусловно, одними лишь публикациями в британской прессе О.А. Новикова не могла изменить устоявшиеся взгляды английской общественности по польскому или финскому вопросам, и уже тем более искоренить их страх перед экспансионизмом России. Однако все же необходимо отметить, что во многом благодаря публицистическим выступлениям Новиковой в британской печати в 1870-е гг. стали появляться и более сдержанные суждения о российской политике [8, с. 62].

Литература

1. Айрапетов, О.Р. Внешняя политика Российской империи 1801-1914 [Текст] / О.Р. Айрапетов. - М., 2006. - 672 с.
2. Айрапетов, О.Р. Царство Польское в политике империи в 1863-1864 гг. [Текст] / О.Р. Айрапетов // Русский сборник: исследования по истории России. - Т. XV. - М., 2013. - 536 с.
3. Беллюстин, И. Письма к О.А. Новиковой [Текст] / И. Беллюстин // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 3611а. Д. 52.
4. Выписка из газеты, поэма «England and Russia» [Текст] // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 3611а. Д. 106.
5. Гладстон, У. Письма к О.А. Новиковой [Текст] / У. Гладстон // РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 198.
6. Груич Савва. Письма к О.А. Новиковой [Текст] / Савва Груич // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 3611а. Д. 55.
7. Депутат от России (Воспоминания и переписка О.А. Новиковой) [Текст]. СПб., 1909. Т. 1. 312 с.
8. Зашихин, А.Н. «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии: Вторая половина XIX - начало XX в. [Текст] : очерки. - Архангельск, 1994. - 204 с.

9. История внешней политики России. Вторая половина XIX в. - М., 1997. - 384 с.
10. Киреев, А.А. Письма к О.А. Новиковой [Текст] / А.А. Киреев // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 3611а. Д. 3.
11. Леонтьева, Т.Г. Священник Иоанн Белюстин: биография в документах [Текст] / Т.Г. Леонтьева. - М. ; Тверь, 2012. - 412 с.
12. Непир, Ч.Д. Письма к О.А. Новиковой [Текст] / Ч.Д. Непир // РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 551.
13. Новикова, О.А. Письма к А.А. Кирееву [Текст] / О.А. Новикова // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 21. Д. 1/4.
14. Павловская, А.В. Пореформенная Россия глазами современников-англичан [Текст] / А.В. Павловская // Россия и Европа в XIX-XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. - М., 1996. - С. 143-154.
15. Патутина, С. Агент русского правительства [Текст] / С.Патутина // Всемирное слово. - СПб., 2001. - № 14. - С. 75-81.
16. Победоносцев, К.П. Письма к О.А. Новиковой [Текст] / К.П. Победоносцев // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 3611а. Д. 76.
17. Победоносцев, К.П. Письма к О.А. Новиковой [Текст] / К.П. Победоносцев // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 8479. Д. 3.
18. Рачинский, С.А. Письма к Е.Ф. Тютчевой [Текст] / С.А. Рачинский // НИОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Д. 11.
19. Рачинский, С.А. Письма к Е.Ф. Тютчевой [Текст] / С.А. Рачинский // НИОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Д. 12.
20. Ревуненков, В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия [Текст] / В.Г. Ревуненков. - Л., 1957. - 359 с.
21. Якубовская, И.В. Россия и общественное мнение Англии в мемуарах и публицистике О.А. Новиковой [Текст] / И.В. Якубовская // Россия глазами мемуаристов: анализ неизвестных и малоизвестных мемуаров. - СПб., 2004. - С. 55-59.
22. Baylen, J.O. Madame Olga Novikov, Propagandist // American Slavic and East European Review. - 1951. - Vol. 10. - № 4. - P. 255-271.
23. Graham, S. Part of the Wonderful Scene, an Autobiography. - L., 1964. - 319 p.
24. Novikova, O. Russian memories. - N. Y., 1916. - 310 p.
25. Novikova, O. Russia and England from 1876 to 1880. A protest and appeal. - London, 1880. - 398 p.
26. People of Interest // London Journal. - January 21, 1893.
27. Personal Gossip // Birmingham Daily Post. - January 11, 1889; How the World Wags: Celebrities Under the Microscope // Hampshire Telegraph. - January 11, 1889.
28. Russia and England // Quarterly Review. - Vol. 149. - № 298 (April, 1880), 524. <http://britishperiodicals.chadwyck.com>.
29. Russian Atrocity // Pall Mall Gazette. - October 5, 1876.
30. Shapiro, D. A Select Bibliography of Works in English on Russian History: 1801-1917. - Oxford, 1962. - 106 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ INFORMATION ABOUT AUTHORS

Амбарова Полина Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Ambarova Polina Anatolyevna – Ph.D., Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: borges75@mail.ru

Антонов Олег Владимирович – доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой пропедевтики детских болезней и поликлинической педиатрии Омского государственного медицинского университета

Antonov Oleg Vladimirovich – Doctor of Medical, Associate Professor, Head of Department of Propaedeutics of Children's Diseases and Outpatient Pediatrics, Omsk State Medical University

E-mail: kafpdb@mail.ru

Багирова Анна Петровна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Bagirova Anna Petrovna – Doctor of Economics, Ph.D., Sociology, Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

Бреусова Елена Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета

Breusova Elena Ivanovna – Ph.D, Linguistics, Associate Professor, Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University

E-mail: elenabreusova@yandex.ru

Быкова Дарья Георгиевна – аспирант кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Bykova Daria Georgievna – Post Graduate, Department of Sociology and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: b9shka0291@mail.ru

Ваторопин Александр Сергеевич – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и социологии управления Уральского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Vatoropin Alexander Sergeevich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Chair of the Department of Theory and Sociology of management, Ural Institute Branch of Russian Presidential Academy, National Economy and Public Administration

E-mail: alexandr.vatoropin@uapa.ru

Ворошилова Анжелика Игоревна – ассистент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Voroshilova Anjelica Igorevna – Assistant, Department of Sociology and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: a.i.voroshilova@urfu.ru

Говорухина Алена Анатольевна – доктор биологических наук, доцент, заведующий кафедрой медико-биологических дисциплин и безопасности жизнедеятельности Сургутского государственного педагогического университета

Govorukhina Alena Anatolevna – Doctor of Biology, Associate Professor, Head of Department of Biomedical Sciences and life Safety, Surgut State Pedagogical University

E-mail: govalena@mail.ru

Гололобов Евгений Ильич – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, проректор по научной работе Сургутского государственного педагогического университета

Gololobov Evgeny Ilyich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Surgut State Teachers Training University, Vice rector on Scientific Work, Surgut State Pedagogical University

E-mail: pr_science@surgpu.ru

Дрига Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук, начальник научного отдела Сургутского государственного педагогического университета

Driga Svetlana Sergeevna – Ph.D., Linguistics, Head of Scientific Department of Surgut State Pedagogical University

E-mail: svetlana_driga@mail.ru

Захожая Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе, заведующий лабораторией инновационных образовательных технологий Сургутского государственного педагогического университета

Zakhozhaya Tatyana Mikhailovna – Ph.D., History, Associate Professor, Vice-Rector responsible for Academic and Educational Affairs, Head of the Innovative Educational Technology Laboratory, Surgut State Teachers Training University

E-mail: pr_studies@surgpu.ru

Зборовский Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Екатеринбург

Zborovskiy Garold Yefimovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Sociology and Social Technologies of Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Honored Scientist of the Russian Federation, Yekaterinburg

E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Лазарев Валерий Семенович – доктор психологических наук, академик РАО, профессор, директор института инновационной деятельности в образовании РАО

Lazarev Valeriy Semyonovich – Doctor of Psychology, Academician of the Russian Academy of Education, Professor, Head of Institute for Innovation Activity in Education, the Russian Academy of Education

E-mail: inido-vallaz@mail.ru

Любчук Валентина Васильевна – заведующая лабораторией социологических исследований кафедры социологии и социальной работы Восточноевропейского национального университета им. Леси Украинки

Lyubchuk Valentina Vasilyevna – Head of the laboratory of Sociological Researches, Department of Sociology and Social Work, East European National University of Lesya Ukrainka

E-mail: Veraveran@ukr.net

Мальков Олег Алексеевич – доктор медицинских наук, доцент кафедры медико-биологических дисциплин и безопасности жизнедеятельности Сургутского государственного педагогического университета

Malkov Oleg Alekseevich – Doctor of Medical, Associate Professor, Department of Biomedical Sciences and life Safety, Surgut State Pedagogical University

E-mail: docom@mail.ru

Мариупольский Андрей Михайлович - кандидат исторических наук, доцент кафедры социогуманитарных наук Алтайской академии экономики и права (институт)

Mariupolskiy Andrey Mikhailovich - Ph.D., History, Associate Professor, Associate Professor, Department of Social and Human Sciences, Altai Academy of Economics and Law (Institute)

E-mail: mam28865@mail.ru

Марковская Юлия Леонидовна - аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета

Markovskaya Yuliya Leonidovna - Post Graduate, Department of Social Studies and Arts, Surgut State Pedagogical University

E-mail: Markovskaja89@yandex.ru

Мауль Виктор Яковлевич - доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Нижневартовского филиала Тюменского государственного нефтегазового университета

Maul Viktor Yakovlevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities and Economics Studies, Nizhnevartovsk Branch of the Tyumen State Oil and Gas University

E-mail: VYMaul@mail.ru

Милевский Олег Анатольевич - доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета

Milevskiy Oleg Anatolyevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Social Studies and Arts, Surgut State Pedagogical University

E-mail: msa1966@mail.ru

Миронов Виктор Владимирович - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета

Mironov Victor Vladimirovich - PhD, History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Omsk State University

E-mail: vvm_512@rambler.ru

Мостовенко Максим Станиславович - аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин, младший научный сотрудник лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета

Mostovenko Maksim Stanislavovich - Post Graduate, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Junior Research Fellow, Laboratory of Historical Research, Surgut State Pedagogical University

E-mail: reiseleiter@mail.ru

Носова Людмила Николаевна - кандидат психологических наук, доцент, проректор по информатизации Сургутского государственного педагогического университета

Nosova Lyudmila Nikolayevna - Ph.D., Psychology, Associate Professor, Prorector for information system development, Surgut State Teacher Training University

E-mail: prinform@surgpu.ru

Певная Мария Владимировна - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Pevnaya Mariya Vladimirovna - Ph.D., Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Ural Federal University named the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: Nauka.fgo@gmail.com

Приходько Юлия Сергеевна - аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин, младший научный сотрудник лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета

Prikhodko Yuliya Sergeevna - Post Graduate, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Junior Research Fellow, Laboratory of Historical Research, Surgut State Pedagogical University

E-mail: prichodko1@mail.ru

Сапожникова Кристина Александровна - аспирант кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Sapozhnikova Christina Aleksandrovna - Post Graduate, Department of Sociology and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: KA.Sapozhnikova@gmail.com

Силин Анатолий Николаевич - доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета

Silin Anatoliy Nikolayevich - Doctor of Sociology, Professor, Department of Marketing and Municipal Government, Tyumen State Oil and Gas University

E-mail: sm-2004@rambler.ru

Сироткина Татьяна Александровна - доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета

Sirotkina Tatiyana Alexandrovna - Doctor of Philology, Professor, Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University

E-mail: sirotkina71@mail.ru

Харламова Марина Александровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, славянского и классического языкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Kharlamova Marina Aleksandrovna - Ph.D, Linguistics, Associate Professor, Department of Russian, Slavic and Classical Linguistics, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky

E-mail: khr-spb@mail.ru

Токтоңызова Фируза Мухаметсадыковна - аспирант кафедры истории России XIX века - начала XX века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Toktonyazova Furuza Muhamtesadykovna - post-graduate, Department of Russian History of the 19th and early 20th Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

E-mail: allah.firuza@mail.ru

Фролова Наталья Викторовна - старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета

Frolova Natalia Viktorovna - Ph.D., History, Senior Lecturer, Department of the Social and Humanitarian Disciplines, Surgut State Pedagogical University

E-mail: varnak81@mail.ru

Чупашева Екатерина Владимировна - кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета

Tchupasheva Ekaterina Vladimirovna - Ph.D., Sociology, Associate Professor, Department of Marketing and Municipal Government, Tyumen State Oil and Gas University

E-mail: aviarra@rambler.ru

Шуклина Елена Анатольевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления, Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, главный научный сотрудник лаборатории региональных исследований Сургутского государственного педагогического университета

Shuklina Yelena Anatolyevna – Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Chief Research Officer of the Laboratory of Regional Research, Surgut State Pedagogical University

E-mail: shuklina_elena@mail.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ

Журнал включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, в редакции от 22 октября 2010 года.

Институтом рецензирования научного издания «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» осуществляется экспертная оценка рукописей по следующим специальностям научных работников:

07.00.02 Отечественная история;
10.02.01 Русский язык;
13.00.08 Теория и методика профессионального образования;
19.00.07 Педагогическая психология;
22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы.

Объем статьи: от 10000 до 20000 печатных знаков.

Сроки публикации определяются по мере комплектования журнала.

Все статьи проходят **рецензирование**. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» сообщаются авторам по электронной почте.

Наличие положительной внешней рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала на основе независимого рецензирования.

После того как статья пройдет рецензирование и будет принята к публикации, автору высылается договор.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку. Исправленная рукопись (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через неделю.

Все авторы должны представить **персональные данные**:

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Учёная степень.
3. Звание.
4. Должность и место работы.
5. Адрес с почтовым индексом.
6. Контактные телефоны.
7. Электронный адрес.

Тексты статей и сведения об авторах представляются в электронном и печатном (2 экз.) виде. Файлы со статьёй и персональными сведениями могут быть представлены как на дискете (диске), так и вложением в электронное письмо, отправленное по указанному адресу.

С правилами публикации и PDF версией журнала можно ознакомиться на сайте www.surgpu.ru.

Правила оформления рукописи статьи

Электронная копия	Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе <i>Microsoft Word</i> и сохраняется с расширением <i>doc</i> . В качестве имени файла указывается фамилия автора русскими буквами
Гарнитура (шрифт)	Times New Roman. Размер кегля - 14 пт
Форматирование основного текста	Абзацный отступ - 1 см. Междустрочный интервал - полуторный. Все поля - 2 см
Оформление статьи	В начале статьи указываются индексы УДК и ББК . Далее идут инициалы и фамилия автора, город, название статьи. Далее следует аннотация. Объем - до 8 строк. Слово «аннотация» не пишется. После аннотации указывается до 8 ключевых слов
Примечания. Списки литературы	Примечания, комментарии и пояснения к тексту статьи даются в виде концевых сносок. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из библиографического списка и страницы, например: [2, с. 160]. Список обозначается словом «Литература», размещается в конце статьи и оформляется с соблюдением ГОСТ 7.1-2003, например: Боголюбов, А.Н. О вещественных резонансах в волноводе с неоднородным заполнением [Текст] / А.Н. Боголюбов, А.Л. Делицын, М.Д. Малых // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 3, Физика. Астрономия. - 2001. - № 5. - С. 23-25. Вишняков, И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределённости [Текст] : дис. ... канд. экон. наук / И.В. Вишняков. - М., 2002. - 234 с. Добродомов, И.Г. История одной идеи В.Н. Сидорова [Текст] / И.Г. Добродомов // IX Житниковские чтения: Развитие языка: стихийные и управляемые процессы : материалы всерос. науч. конф., г. Челябинск, 26-27 февр. 2009 г. / И.Г. Добродомов. - Челябинск : Энциклопедия, 2009. - С. 3-13. Игнатьева, Т.М. Педагогическое управление [Текст] / Т.М. Игнатьева. - М. : Флинта, 2006. - 198 с. Коменский, Я.А. Великая дидактика [Текст] // Соч. : в 2 т. / Я.А. Коменский. - М., 1982. - Т. 1. - С. 422-446. Никитин, П. Мониторинг в образовании [Текст] / П. Никитин, М. Мирошниченко // Учительская газ. - 2001. - 12 окт. - С. 3. Особенности variability ритма сердца у больных артериальной гипертензией со структурными признаками гипертензивной энцефалопатии [Текст] / Н.Л. Афанасьева [и др.] // Сибирский медицинский журнал. - 2009. - № 4. - Вып. 2. - С. 31-35. Sporber, D. Relevance [Text] / D. Sperber, D. Wilson. - New Jersey : Blackwell Publishing, 1995. - 327 p.
Таблицы, рисунки, диаграммы	Все таблицы, рисунки, диаграммы и прочие графические объекты размещаются строго в рамках указанных полей
<i>Не допускается вставка разрывов страниц, разделов и т. д.</i>	

Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторах (ФИО, ученая степень, звание, должность и место работы) **представляются на английском языке после русской версии.**

Редколлегия научного журнала **оставляет за собой право отклонять** представленные материалы, если они не соответствуют установленным требованиям. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, не публикуются и не возвращаются авторам.

ПУБЛИКАЦИЯ СТАТЕЙ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО.

Ответственный редактор журнала: кандидат филологических наук **Письменная Ольга Александровна.**

Главный редактор:

КОНОПЛИНА Н.В., д.пед.н., профессор

Ответственный редактор:

ПИСЬМЕННАЯ О.А., к.филол.н.

Редакционная коллегия:

ВАРАКСИН Л.А., д.филол.н., профессор

ГОГОБЕРИДЗЕ А.Г., д.пед.н., профессор

ГОЛОЛОБОВ Е.И., д.ист.н., профессор

ДВОРЯШИН Ю.А., д.филол.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ

ЗАСЫПКИН В.П., д.социол.н., профессор

ЗБОРОВСКИЙ Г.Е., д.филол.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ

КОРЫЧАНКОВА Симона, Ph.Dr, Ph.D, заведующая кафедрой русского языка и литературы педагогического факультета университета им. Масарика,

(г. Брно, Чехия)

ЛАЗАРЕВ В.С., д.психол.н., академик РАО

ЛАШКОВА Л.Л., д.пед.н., профессор

МИЛЕВСКИЙ О.А., д.ист.н., профессор

ПАРФЁНОВА Н.Н., д.филол.н., профессор

СЕМЁНОВ Л.А., д.пед.н., профессор

СИНЯВСКИЙ Н.И., д.пед.н., профессор

СИПКО Йозеф, Ph.Dr, Ph.D, профессор кафедры русского языка

и транслатологии Прешовского университета (г. Прешов, Словакия)

СКУРАТОВ И.В., д.филол.н., профессор

ШИБАЕВА Л.В., д.психол.н., профессор

ШУКЛИНА Е.А., д.социол.н., профессор
